

МАРКС и ЭНГЕЛЬС
О ВОСПИТАНИИ
И ОБРАЗОВАНИИ

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

МАРКС и ЭНГЕЛЬС

О ВОСПИТАНИИ

И ОБРАЗОВАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
МОСКВА 1957

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии педагогических наук РСФСР*

*Составил
проф. П. Н. ГРУЗДЕВ*

Karl Marx

J. Engels

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Составитель настоящей хрестоматии П. Н. Груздев преследовал задачу с наибольшей полнотой представить в ней высказывания Маркса и Энгельса о воспитании и образовании.

Широко понимая эту задачу, составитель включил в хрестоматию некоторые статьи и выдержки из отдельных работ Маркса и Энгельса, не имеющие на первый взгляд отношения к данной теме. Таковы, например, статья Энгельса «Об авторитете», ряд мест из работ «Немецкая идеология», «Диалектика природы», «Развитие социализма от утопии к науке» и некоторых других произведений. В них нет прямых высказываний о воспитании и образовании, но они имеют большое принципиальное значение для педагогической науки, для разработки основных проблем воспитания и образования.

Так, помещенные в хрестоматию выдержки из «Немецкой идеологии» освещают вопросы о факторах развития людей при капитализме и коммунизме, о роли наследственности и среды в развитии человека.

Статья Энгельса «Об авторитете», помещенная в хрестоматию полностью, имеет важное значение для принципиального обоснования роли дисциплины и авторитета в деле воспитания.

Отрывки из «Диалектики природы» о формальной и диалектической логике, об индукции и дедукции, о развитии научных знаний в различных областях важны для более правильного понимания актуальных вопросов методологии и методики преподавания отдельных предметов в школе. То же следует сказать о выдержках из «Развития социализма от утопии к науке» и «Анти-Дюринга». Из произведения Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» приводится второй раздел (или глава), где Энгельс дает характеристику диалектического метода и указывает на его противоположность метафизическому методу, останавливаясь в этой связи на историческом развитии диалектического материализма.

Нарушив несколько хронологический порядок расположения материала, в котором составлена вся хрестоматия, составитель поместил отрывки из введения к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке», написанного в 1892 г., и выдержки

из этой работы ранее отрывков из «Диалектики природы» и «Анти-Дюринга», чтобы сохранить бóльшую логическую последовательность: вначале речь идет о диалектическом методе в целом, затем о некоторых частных вопросах этого метода (индукция, дедукция) и, наконец, о применении этого метода к общественным явлениям (мораль, право). По существу здесь нет нарушения хронологического порядка, так как все указанные произведения создавались в один период, внутренне между собой связаны, а «Развитие социализма от утопии к науке» является углублением отдельных глав «Анти-Дюринга».

Отступление от хронологического порядка допущено также в расположении материалов из «Капитала», где выдержки из предисловия к французскому изданию (1872) и из послесловия ко второму немецкому изданию (1873) помещены перед отрывками из первого тома «Капитала», а выдержка из третьего тома «Капитала», подготовленного Энгельсом в 1894 г., помещена непосредственно после материалов из первого тома.

Нередко высказывания Маркса и Энгельса по вопросам воспитания и образования состоят всего из нескольких фраз. Чтобы не превратить хрестоматию в сборник цитат и дать возможность читателю лучше понять, в какой связи были высказаны те или иные положения, составитель помещает в таких случаях более пространственные выдержки.

В хрестоматии все выдержки даны по последним изданиям произведений Маркса и Энгельса.

Помещенные в Приложениях к хрестоматии воспоминания о Марксе и Энгельсе содержат чрезвычайно интересные и ценные сведения о взглядах основоположников научного коммунизма на воспитание и образование и рисуют Маркса и Энгельса как великих ученых, революционеров и воспитателей пролетариата. Письма к Энгельсу русской общественной деятельницы народнического направления Горбуновой-Каблуковой, в которых она обращается к Энгельсу за советами и помощью в деле создания в России народных ремесленных школ, важны для лучшего понимания помещенных в хрестоматии ответов Энгельса на эти письма.

Для удобства пользования книга снабжена предметным указателем и аннотированным указателем имен, составленными В. П. Груздевым. Им же составлены примечания.

П. Н. Груздев

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Великие учителя пролетариата, основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, изучая и раскрывая законы общественного развития и прежде всего законы развития капиталистического общества, не прошли мимо той «сферы практических социальных отношений», какой, по выражению Маркса, являлись воспитание и образование.

В своей совокупности педагогические высказывания Маркса и Энгельса составляют определенную систему взглядов, идей, органически вытекающих из разработанного ими учения об обществе. Их произведения дают блестящие образцы применения революционной диалектики к вопросам воспитания и содержат большой конкретный материал, относящийся к этим вопросам.

Маркс и Энгельс со свойственной им научной глубиной изучали состояние народного образования в разных странах в разные исторические периоды, и их выводы имеют исключительное значение для развития научной педагогики.

В соответствии с методом революционной диалектики Маркс и Энгельс рассматривали вопросы воспитания и образования в их развитии. По произведениям Маркса и Энгельса можно проследить, как изменялось воспитание в разные исторические периоды в связи с изменением экономической и политической структуры общества, как отражались в педагогике интересы того или иного класса.

В произведениях Маркса и Энгельса мы находим ответы на целый ряд основных вопросов педагогики, таких, например, как вопросы о взаимосвязи обстоятельств и воспитания, политики и педагогики, о роли воспитания и школы в классовой борьбе, о факторах умственного и физического развития детей, о научном и политехническом образовании в социалистическом обществе, об условиях всестороннего развития человека и др.

Особенно подробно Маркс и Энгельс останавливаются на характеристике воспитания в буржуазном обществе, вскрывая классовую ограниченность, уродливость и неполноту того воспитания, какое дает буржуазия своим детям, с одной стороны, и детям трудящихся — с другой.

В трудах Маркса и Энгельса раскрыты основные противоречия буржуазного воспитания как отражение и следствие общих противоречий капитализма, показано, как в недрах капитализма возникают зародыши нового воспитания, которые развиваются уже в социалистическом обществе, после революционного завоевания пролетариатом политической власти. Вместе с анализом и критикой буржуазного воспитания Маркс и Энгельс как руководители революционной борьбы пролетариата формулируют требования и принципы пролетарского воспитания, которые в той или иной степени стали программными требованиями социалистов и коммунистов и были затем положены в основу программы КПСС в области народного образования.

* *
*

Революционно-материалистические взгляды Маркса и Энгельса вообще и на воспитание в частности сложились не сразу. Как известно, до того, как они стали пролетарскими революционерами, основателями и руководителями Коммунистической партии, Маркс и Энгельс были в политике революционными демократами, а в области философии испытывали влияние Гегеля и Фейербаха.

К периоду перехода Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму, т. е. до 1844 г., относится ряд произведений, в которых они нередко высказываются по вопросам воспитания и образования молодого поколения.

Первой работой Маркса, имеющей отношение к педагогике, можно считать его ученическое сочинение «Размышления юноши при выборе профессии», написанное при окончании гимназии в 1835 г., когда Марксу было 17 лет. Это сочинение написано еще в абстрактно-идеалистическом духе, однако оно интересно для характеристики юношеских взглядов Маркса и, кроме того, как документ, дающий представление о гимназических сочинениях того времени. В этом сочинении Маркс высказывает мысль о том, что при выборе профессии «главным руководителем» должно быть счастье человечества, счастье миллионов людей, работа для блага которых, человек не согнетса под тяжестью избранной профессии. Тогда его счастье будет принадлежать миллионам, а не будет ограниченным, эгоистическим. Здесь же Маркс ставит, среди прочих, ряд вопросов, не потерявших своего значения и в настоящее время: о профессии и положении в обществе, о призвании и способностях к профессии, об основных целях человеческой деятельности при выборе того или иного жизненного пути.

Значительный интерес представляют произведения Маркса и Энгельса, написанные в 1839—1844 гг. В этот период больше высказываний по вопросам народного образования мы находим в работах Энгельса.

В «Письмах из Вупперталя» 19-летний Энгельс описывает состояние школьного образования в провинциальных городах Прус-

сии. Прусские школы, особенно начальные, находятся под реакционным воздействием религиозного мистицизма и пиетизма, в реальном училище «господствует та ужасная система зубрежки, которая в полгода может превратить ученика в тупицу», в ремесленном училище «ученики полжизни тратят на всякого рода черчение». С едкой иронией описывает Энгельс духовные интересы провинциальной молодежи, детей купцов. Дети идут по стопам своих отцов, интересы их крайне ограничены и низменны. Разговоры этой бюргерской молодежи вращаются главным образом вокруг лошадей, собак и красивых женщин. О литературе, иронизирует Энгельс, молодые люди говорят раз в кои-то веки, да и то о произведениях третьесортных писателей.

В последующих статьях этого периода Энгельс еще более резко отзывается о буржуазной школе, характеризуя ее как школу-темницу и казарму, где гложут молодые побегги, где царствуют зубрежка и схоластика, а вне школы — «богиня нашего века — полиция».

Наблюдая новые явления в общественной жизни Германии, стоявшей тогда накануне буржуазной революции, Энгельс все надежды на победу нового связывает с молодым поколением, от которого зависит будущее. Но в этот период Энгельс не был еще свободен от иллюзий социалистов-утопистов относительно мирного преобразования общества путем перевоспитания человека. В «Эльберфельдских речах» на вопрос, как претворить теорию коммунизма в жизнь, Энгельс отвечает, что первый путь для этого — всеобщее обучение. Необходимость его введения Энгельс мотивирует тем, что эта мера явилась бы только актом справедливости по отношению к неимущим, ибо каждый имеет право на полное развитие своих способностей, и тем, что только от образованного рабочего класса можно ожидать того спокойствия и того благоразумия, которые необходимы для мирного преобразования общества. Поэтому основным принципом эльберфельдских коммунистов было признание, что *«все люди в равной мере имеют право на образование и должны пользоваться плодами науки»* *.

Во время первого пребывания в Англии в 1842—1844 гг. Энгельс, непосредственно наблюдая классовую борьбу английских пролетариев, все более освобождается от своих утопических настроений. Описывая культурный уровень правящих классов и рабочих, Энгельс делает вывод, что в Англии прогрессивным классом, имеющим будущность, является пролетариат, а не высшие классы общества, которые кичатся своей «образованностью». «Образованные классы в Англии, — писал Энгельс, — глухи ко всякому прогрессу, и лишь под натиском рабочего класса они несколько приходят в движение» **. Энгельс показывает, как духовно пали правящие классы в Англии, как они, несмотря на получен-

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 99.

** То же, стр. 61.

ное образование, заостенели в предрассудках, консерватизме и невежестве.

Духовному опустошению правящих классов в эксплуататорском обществе немало содействует воспитание, которое от поколения к поколению передает политические и религиозные предрассудки. Образование, получаемое в привилегированных школах детьми господствующих классов, несложно: они без толку корпят там над греками и римлянами. «Ученику» в такой школе, если он обладает несколькими тысячами фунтов стерлингов дохода, ничего больше не нужно, разве только подыскать жену, иронизирует Энгельс. Позднее Энгельс еще более четко вскрывает классовую сущность воспитания детей имущих классов, указывая на его односторонность и ограниченность вследствие приспособления воспитания к «специальности ничегонеделания».

В то время, когда Энгельс писал о духовной расслабленности господствующих классов в Англии, он был еще на позициях революционного демократизма, однако в борьбе английского пролетариата с буржуазией становился на сторону первого. Уже в это время, показывая противоречия между буржуазией и пролетариатом, Энгельс вскрывает классовый характер «забот» буржуазии о просвещении рабочих и таким образом закладывает первые элементы своего будущего революционно-пролетарского мировоззрения, развитые затем в его замечательной работе «Положение рабочего класса в Англии», которая является одним «из лучших произведений мировой социалистической литературы» (Л е н и н).

Из работ Маркса этих лет остановимся на двух его статьях, написанных в 1842 г.: «Дебаты о свободе печати» и «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung».

Полемизируя в статье «Дебаты о свободе печати» с реакционной «Allgemeine Preußische Staats-Zeitung» («Всеобщей прусской государственной газетой»), Маркс называет ее «газетным ребенком» и в связи с этим говорит об особенностях детского мышления. Теоретическое мышление ребенка протекает в категориях количества, а суждение его имеет практически-чувственный характер. Особенностью восприятия ребенка является то, что он видит только частное, не подозревая о существовании связей между частным и общим.

В статье «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» Маркс разъясняет принципиальное отличие воспитательных задач государства от школьного воспитания. В этой статье Маркс критикует точку зрения реакционного автора передовицы «Kölnische Zeitung», который в Прусском государстве усмотрел воспитательное учреждение, отличающееся от обычной школы только своими размерами.

Маркс различие школьного воспитания и воспитательного воздействия государства в целом видел в самом содержании решаемых школой и государством воспитательных задач, в методах их осуществления.

Маркс считал, что государство должно воспитывать человека не постоянной опекой над ним, как это делается в школе, а самим своим разумным и общественным существованием. Государство, являющееся «союзом свободных людей», превращает частные интересы своих членов в интересы всего общества. Тем самым «отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит свое отражение в сознании каждой отдельной личности» *.

Вполне понятно, что Прусское помещичье-чиновничье государство не являлось «союзом свободных людей» и ни в какой мере не выполняло и не могло выполнять той воспитательной роли, о которой говорил Маркс.

Позднее, через 30 с лишним лет, критикуя проект Готской программы, Маркс снова возвращается к этому вопросу, резко возражая против того пункта программы, где речь шла о воспитании народа государством, под которым разумелось государство Прусско-Германской империи.

Таковы в основном педагогические высказывания Маркса и Энгельса в 1839—1844 гг. Уже тогда будущие вожди и учителя пролетариата подвергают критике состояние школьного образования в отдельных странах (Пруссия, Англия), пишут о скудости средств, отпускаемых на народное образование, о реакционном влиянии церкви на школу, об устаревших методах обучения молодежи, о том, что господствующие классы лишили трудящихся возможности получать образование, и впервые подходят к характеристике классово-сущности воспитания и образования.

В последующие годы (1844—1848) Маркс и Энгельс разрабатывают диалектический и исторический материализм, становятся вождями коммунистического движения пролетариата. К этому времени относятся такие их классические произведения, как «Положение рабочего класса в Англии» (1844—1845), «Немецкая идеология» (1845—1846), «Нищета философии» (1847), «Манифест Коммунистической партии» (1847—1848).

В этих произведениях мы находим отправные положения по вопросам воспитания и образования, освещаемые с точки зрения диалектического и исторического материализма, которые затем получили дальнейшее развитие и конкретизацию в их последующих произведениях: «Капитале», «Анти-Дюринге» и др.

Маркс и Энгельс неоднократно указывали на связь своего учения с учением своих предшественников — материалистов конца XVIII и начала XIX века и социалистов-утопистов. Это относится и к педагогическим взглядам Маркса и Энгельса. В «Капитале» мы нередко встречаем ссылки на тех авторов, которых Маркс высоко ценил. Так, говоря об английском мыслителе конца XVII — начала XVIII века Джоне Беллере, Маркс, называя его истинным феноменом в истории политической экономии, сочувственно относится к его мыслям о трудовом обучении. Беллерс считал необходимым

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 54.

построить такую систему образования подрастающего поколения, при которой обучение было бы связано с производительным трудом. Понятно, что производительный труд Беллерс мыслил в ремесленных формах. Очень высоко оценивал Маркс педагогическое наследство Роберта Оуэна и Шарля Фурье, великих социалистов-утопистов. Взгляды Фурье на воспитание, в оценке Маркса, «представляют наилучшее, что имеется в этой области, и содержат в себе гениальнейшие наблюдения» *

Еще до Маркса социалисты-утописты, особенно Фурье и Оуэн, нападали с резкой критикой на господствующие классы за то, что они держат народные массы в невежестве и тем еще более усиливают их бедность и невзгоды. Рисуя планы воспитания в будущем обществе, где не будет эксплуатации и нищеты, социалисты-утописты высказывали ряд положений, которые затем в переработанном виде вошли в марксистскую педагогику. Так, они высказывались за необходимость общественного воспитания подрастающего поколения, которое должно обеспечить право всех детей на воспитание и развитие их духовных и физических сил, поскольку семья не могла дать ребенку такого развития. Вторым положением социалистов-утопистов является требование соединения производительного труда детей с обязательным обучением их в общественных школах, за что боролся Оуэн, требуя от английского парламента соответствующего законодательства. Требования общественного воспитания и его соединения с производительным трудом вошли затем в развитом виде в программу Коммунистической партии, сформулированную Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии».

Роберт Оуэн пытался практически осуществить свои идеи и в Нью-Ланарке на своих фабриках создал новые условия жизни и труда рабочих, особенно заботясь о хорошем воспитании подрастающего поколения. Он организовал детские ясли, сады и школы для детей рабочих, где применял новые методы воспитания и образования, основанные на наглядности и активности обучения детей.

Заслугой Оуэна было то, что он на практике показал благотворное влияние на развитие человека соединения производительного труда с обучением. Хотя, говорит Маркс, буржуазия и осмеивала его опыт нового воспитания, считая соединение производительного труда с воспитанием детей коммунистической утопией, однако эта мысль Оуэна фигурирует в каждом фабричном законе английского правительства об образовании детей рабочих. Недаром Маркс в «Капитале» говорит, что из фабричной системы, как это можно в деталях проследить у Р. Оуэна, возник зародыш воспитания в будущем обществе.

Указывая на связь научного социализма с предшествовавшими ему теориями французских материалистов XVIII века и социали-

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 124.

стов-утопистов, Маркс и Энгельс в то же время вскрывают непоследовательность и противоречия этих учений, в которых наряду с материалистическими тенденциями сохранились идеалистические положения. Высказывая правильную в основе мысль, что воспитание людей и их характер зависят от общественной среды, социалисты-утописты стремились изменить эту среду и людей путем филантропической пропаганды, перевоспитанием людей и организацией отдельных коммунистических производственных товариществ.

Таким образом, изменение самой общественной среды зависело, по мнению предшественников марксизма, от сознания отдельных людей, от их просвещенности и разума. Это положение нашло четкое отражение в формуле крупнейшего представителя французских просветителей XVIII века Вольтера, который считал, что люди делаются тем свободнее, чем более они просвещаются.

Социалисты-утописты не понимали значения революционной деятельности в преобразовании общества, классовой борьбы пролетарских масс как фактора преобразования общества и людей. Признавая капитализм никуда не годным строем, социалисты-утописты не могли правильно объяснить закономерностей развития капитализма.

Опыт нового воспитания Роберта Оуэна не распространялся дальше его фабрик и организованных им и его последователями отдельных коммун. Капиталистическое общество, которое хотел изменить Оуэн, сохранялось при этом без всяких изменений, со всеми его непримиримыми противоречиями. Сохранялось также и то воспитание, какое получали рабочие в буржуазном обществе. Попытки Оуэна не могли преобразовать ни общественного строя, ни системы образования рабочих масс. На капиталистической фабрике продолжались те же самые отвратительные картины эксплуатации и уродливого воспитания рабочих и их детей.

Предшественники Маркса — французские просветители и социалисты-утописты — много писали о воспитании и его связи с различными экономическими и политическими явлениями. Но правильно иногда описывая действительность, высказывая подчас глубокие мысли и гениальные догадки, они не могли раскрыть действительных законов развития воспитания, ибо не владели методом диалектического материализма. Метод, применявшийся предшественниками марксизма при объяснении общественных явлений, представлял прямую противоположность методу Маркса, т. е. был по существу метафизическим.

Только применение диалектического метода при изучении проблем воспитания и образования раскрывает действительные закономерности этих процессов и тем самым превращает педагогику в подлинную науку, способную не только правильно объяснить явления, но и предвидеть их будущее развитие. Такой именно наукой и является марксистское учение о воспитании, представляющее собой новый период в развитии научно-педагогической теории,

коренным образом отличающейся от всех прежних теорий воспитания.

Вопросы, которые не могли правильно разрешить предшественники марксизма, получили совершенно ясное и четкое решение у основоположников марксизма. Маркс и Энгельс, как и их предшественники, неоднократно высказывались о великой роли воспитания в общественной жизни. Энгельс еще в первых своих произведениях писал, что от молодежи зависит будущее, так как ей придется разрешать все противоречия в современном обществе. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс высказывают то положение, что воспитание является фактором развития (или неразвития) людей, их способностей и талантов, хотя и само воспитание зависит от целого ряда определяющих его условий общественной жизни: состояния производительных сил, разделения труда, интересов общественных классов и их отношений, уровня культуры, науки.

В отличие от своих предшественников, Маркс и Энгельс разрешали вопрос о роли воспитания, о действительном его значении в определенных общественно-исторических условиях, вскрывая многообразные стороны и связи воспитания с коренными чертами данного общества. Воспитание приобретает то или иное значение в зависимости от того, какой общественный класс его осуществляет, когда и в какой стране, при каких конкретно сложившихся условиях. В одних условиях воспитание задерживает поступательный ход общественной жизни, отражает интересы отживающих классов общества, в других — содействует победе новых прогрессивных начал и тенденций в общественном развитии. Следовательно, чтобы понять действительное значение воспитания, необходимо знать, о каком воспитании идет речь.

Удельный вес образования, например, в средние века, когда школа была крайне редким явлением и недоступна народу, был совсем не тот, который оно приобрело через несколько столетий с введением обязательного обучения. Тем более повышается роль образования, когда оно изменяется и качественно, когда отживающие элементы его заменяются новым содержанием, более отвечающим запросам народных масс и содействующим их культурному развитию.

Однако господствующие классы при капитализме препятствуют культурному развитию народа, используя воспитание и образование как средство его угнетения, как средство закрепления и упрочения своей гегемонии во всех областях общественной жизни: экономической, политической, военной, культурной. Так, например, начальное сельское обучение в Германии, которое Энгельс в 1865 г. называет «скверным школьным обучением», закрепляло и усиливало вместе с другими обстоятельствами зависимое положение безземельных крестьян от помещика.

Какое значение для буржуазии имело обязательное начальное обучение, введенное во второй половине XIX в. в некоторых передовых капиталистических странах?

Поддерживая это мероприятие, буржуазия рассматривала его как средство подготовки грамотных рабочих, труд которых оказывался производительнее труда неграмотного рабочего и, следовательно, приносил больше прибавочной стоимости капиталисту. Народное образование и его методы приспособляются к капиталистическому производству и являются наиболее дешевым способом вербовки и воспроизводства различных профессиональных кадров (торговых рабочих и служащих, техников и пр.). Воспитание буржуазией детей рабочих преследует цель воспроизводства рабочей силы.

Народное образование имеет немалое значение и в военном деле, в подготовке солдат и офицерского состава. Развитие техники военного дела, переход к новой тактике, моральное воспитание солдат и офицеров — все это требует определенного уровня образования. Описывая состояние армии в отдельных странах Западной Европы, Энгельс анализирует в связи с этим состояние образования в этих странах, рассматривая его как важное условие подготовки военных кадров. В частности, разрешение проблемы подготовки офицерского состава зависит от постановки обучения в средней общеобразовательной школе.

В политической борьбе народному образованию также принадлежит немаловажная роль. Невежество и темнота населения нужны правящим классам, чтобы затормозить политическое развитие трудящихся.

В работе «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельс отмечает, что, взяв под строгий контроль все источники знания — «от школ для бедных и воскресных школ вплоть до газет и университетов», — правительству Меттерниха удавалось держать население почти в полном политическом невежестве, что явилось одной из причин неудачных революционных выступлений рабочих Вены в 1848 г., несмотря на их мужество и революционную энергию, проявленные в этой борьбе.

В «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», написанной для Женевского конгресса I Интернационала, в разделе «О труде детей и подростков» Маркс писал: «Наиболее просвещенная часть рабочего класса вполне сознает, что будущее его класса, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения». Такое воспитание, в котором соединяются умственное образование, физическое развитие и политехническое обучение, «поднимает рабочий класс значительно выше уровня высшего и среднего классов».

Маркс и Энгельс с научной неопровержимостью доказали, что в капиталистическом обществе невозможно осуществить права всех детей на образование, на духовное и физическое их развитие. Невозможно потому, что воспитание и образование в буржуазном обществе подчинены законам капиталистической прибыли, отра-

жают корыстные интересы капиталистов, в руках которых образование становится орудием духовного порабощения народных масс.

По вопросу о том, как нужно правильно понимать взаимосвязь воспитания и социальных отношений, педагогики и политики, Маркс и Энгельс дают исчерпывающий ответ, когда они характеризуют сущность буржуазного воспитания. Особенно подробно освещается этот вопрос в «Положении рабочего класса в Англии», в «Манифесте Коммунистической партии» и в «Капитале».

Энгельс еще в первом своем крупном произведении «Положение рабочего класса в Англии» после детального изучения состояния народного образования в Англии приходит к выводу, что если буржуазия дает жить рабочему столько, сколько ей выгодно, то и образования она дает ему столько, сколько это в ее интересах.

В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс подробно описывает те изменения, какие произошли в области культуры и образования рабочих в результате промышленного переворота в Англии. Промышленная революция в Англии создала новые классы населения, отличающиеся от прежних своим культурным, моральным и интеллектуальным развитием. Введение машин вызвало вовлечение женского и детского труда в производство, коренным образом изменило взаимоотношения родителей и детей и прежнее воспитание в семье.

До промышленного переворота воспитание молодого поколения ремесленника, работающего на дому, осуществлялось главным образом в семье. Это воспитание, близкое к природе, говорил Энгельс, давало физически крепких, религиозно настроенных и морально устойчивых людей. После введения машин с его пагубным влиянием на семью рабочего семейное воспитание теряет свое прежнее значение в жизни молодого поколения. Лишенные семейного воспитания, дети в то же время не получали никакого образования и вне семьи, занятые с малых лет на работе. Все это приводило к моральному калечению и умственному одичанию детей. Это интеллектуальное одичание, «искусственно производимое превращением незрелых людей в простые машины для фабрики прибавочной стоимости», можно было, — писал Маркс в «Капитале», — «легко отличить от первобытного невежества, оставляющего ум девственно-нетронутым, но не причиняющего вреда самой его способности к развитию, его естественному плодородию»*.

Находясь в невыносимых условиях, английский пролетариат наряду с другими требованиями выдвигает требование введения обязательного обучения детей и ведет многолетнюю стачечную борьбу за его осуществление. Упорная и длительная борьба английских рабочих заставляет, наконец, английский парламент в 1834 г. издать закон, по которому фабрикантам запрещалось принимать на работу детей в возрасте до 14 лет без свидетельства

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 178.

об обучении в школе. Этим же законом вводилось ежедневное обязательное посещение школы работающими детьми. Под угрозой штрафа фабриканты обязывались посылать работающих на их фабриках детей указанного возраста в школу, дневную или вечернюю, на несколько часов в неделю. Как проводился этот и последующие законы, мы скажем ниже.

Развитие крупной промышленности объективно создает предпосылки для перехода от семейного к общественному воспитанию. Исторический переход от семейного воспитания к общественному явился бы, безусловно, прогрессивной тенденцией, и не случайно именно пролетариат, передовой класс общества, боролся за общественное воспитание, требуя в качестве первого шага введения обязательного школьного образования. Однако буржуазия под разными предлогами противодействует проведению в жизнь этого требования. Она лицемерно заявляет, что коммунисты, отстаивающие необходимость общественного воспитания, хотят разрушить семью, уничтожить задушевные отношения родителей и детей.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс со всей убедительностью разоблачают это лицемерие буржуазии, которое вызывает тем большее отвращение, чем больше при капитализме разрушаются семейные связи и дети превращаются в предмет торговли и рабочий инструмент.

Когда-то Лев Толстой написал яркие слова о детстве: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней! Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений».

Для пролетарского ребенка счастливого детства при капитализме не существует, капитал в погоне за наживой лишает детства детей трудящихся. «Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных нравами пределах, для нужд самой семьи»*.

Разложение семьи является неизбежным спутником капитализма, и семья в условиях капиталистического общества не может выполнять тех воспитательных задач, которые она выполняла до промышленного переворота. Лишь в социалистическом обществе, где нет эксплуатации человека человеком, детям возвращается свободное и радостное детство, окруженное заботами родителей и государства.

Этот вывод особенно важно иметь в виду, чтобы лучше понять всю реакционность мелкобуржуазных идеологов, вроде Прудона, звавших рабочих к семейному ремесленному воспитанию, являющемуся якобы спасительным средством от всех зол капитализма. Мелкобуржуазные филантропы проливали дешевые слезы по по-

---

* К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 401.

воду того, что «социальный вихрь» уносит домашний очаг, разлагает семью и детей, и, не видя действительного выхода из этого, хотели повернуть колесо истории к «старому доброму времени». Они поэту отрицательно относились к современному развитию науки и техники, к общественно-государственному воспитанию в школах, осуждая все это с точки зрения нравственных идей мелкого буржуа, ремесленника.

Из того, что материальное положение рабочих в целом ухудшилось после введения машин в капиталистическое производство, вовсе не следует, — указывал Энгельс, — «с тоской оглядываться назад на (также очень скудные) мясные горшки египтян, на мелкую сельскую промышленность, воспитывавшую только холопские души...» Выход как раз в другом: «Только созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех унаследованных цепей, в том числе и от тех, которые приковывали его к земле, и согнанный в большие города пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству»*.

При капитализме происходит разложение и буржуазной семьи. «На чем основана современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе», — писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». «Буржуазия исторически придает семье характер буржуазной семьи, в которой скука и деньги являются связующим звеном и к которой принадлежит также и буржуазное разложение семьи, не мешающее тому, что сама семья продолжает существовать. Ее грязному существованию соответствует священное понятие о ней в официальной фразеологии и во всеобщем лицемерии»**.

То, о чем писали Маркс и Энгельс более ста лет назад, полностью относится и к современной буржуазной семье. На современном этапе семейные отношения буржуазии выглядят еще более грязно и уродливо в связи с разложением всей ткани буржуазного общества: быта, морали, философии и т. д.

Пролетариат Англии не мирился с положением, при котором его дети были лишены образования, и вел борьбу за знания для себя и своих детей. Под давлением рабочего движения английский парламент, как уже было сказано выше, издал законы об обязательном обучении детей, работающих на фабриках. Как же эти законы проводились в жизнь фабрикантами и государственной властью, их издавшей?

Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии», Маркс в «Капитале» указывают, что государственная власть, издающая законы, с самого начала исходила из того, что выполнять эти зако-

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 521.

** См. настоящую хрестоматию, стр. 110.

ны она не будет. Фабриканты, конечно, это очень хорошо понимали и поэтому, не взирая на штрафы и различные меры наказания, предусмотренные фабричным законодательством, всячески саботировали его проведение: школ открывали мало, их не хватало для значительного числа детей, в качестве учителей использовали потерявших трудоспособность людей, часто полуграмотных, не требовали при приеме на работу детей обязательного представления свидетельства об их школьном образовании и т. п.

Почему буржуазия срывает проведение фабричного законодательства об обучении молодых рабочих? «Образование рабочих мало сулит хорошего для буржуазии, зато может внушить ей серьезные опасения» *,— отвечает на этот вопрос Энгельс. Буржуазия боится просвещения рабочих потому, что оно может раскрыть трудящимся глаза на их действительное положение и может быть орудием борьбы пролетариата с капиталистическим строем.

Сознавая такое значение образования, рабочий класс требует всеобщего бесплатного обязательного обучения детей, а фабриканты всяческими мерами отклоняют такого рода требования. Рабочий класс требует светского обучения, а буржуазия всячески внедряет религиозное преподавание в ту жалкую школу, которую она создает в результате уступок требованиям рабочих. И ни одно буржуазное правительство не соглашалось на выполнение этих требований пролетариата, так как «министр — послушный лакей буржуазии»,— писал Энгельс.

В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс описывает также и просветительную деятельность рабочих организаций. В противовес буржуазному «попечению» о рабочих рабочие организации создают различные формы и средства для поднятия уровня своего духовного развития: школы, читальни, кружки, выписывают газеты, журналы, книги. В этих школах и читальнях рабочие и их дети получают пролетарское воспитание, свободное от влияния буржуазии.

Буржуазия сознает опасность для себя этих пролетарских учреждений и стремится всевозможными методами и формами внедрять в сознание рабочих буржуазную идеологию, старается устранить пролетарское влияние в рабочих кружках, школах и читальнях и превратить их в органы для распространения полезных буржуазии знаний, в первую очередь естественных наук и буржуазной политической экономии, «кумиром которой является свободная конкуренция» и из которой «рабочий может сделать лишь тот единственный вывод, что самое разумное для него — в тихом смирении умереть с голоду». «Здесь,— писал Энгельс,— все учит смирению, податливости и приспособлению к господствующей политике и религии...» **.

* См. настоящую хрестоматию, стр. 75.

** То же, стр. 96.

О характере буржуазного образования говорится и во многих других произведениях и письмах Маркса и Энгельса.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали о том, что в буржуазном обществе образование для громадного большинства людей рассчитано на превращение их в придаток машины.

В «Восемнадцатом Брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал о школьном законодательстве французской буржуазии после 1848 г. Контрреволюционное правительство Луи Бонапарта издает специальные законы по народному образованию, понижающие прежний уровень образования масс, отдаляющие массы от источников культуры. Школьное законодательство этого правительства сводилось к тому, чтобы сохранить невежество народа как необходимое условие своего господства, чтобы обезвредить революционную роль сельского учительства, которое буржуазия отдавала в подчинение духовенству.

Так как учителя в период французской буржуазно-демократической революции 1848 г. вместе с восставшими рабочими и крестьянами являлись активными участниками революционной борьбы, то и на них правительство распространяет свою «заботу», отдавая их в руки духовенства, подчиняя префектам полиции и окружая системой слезки и доносов. Учительство подвергалось систематической травле местных агентов власти, и учителей — этих, говорил Маркс, пролетариев ученого класса, идеологов крестьянства, перекидывали с одного места на другое как затравленную дичь. Таким образом, во Франции, как и в Англии, мы находим подтверждение того, что буржуазия в своих корыстных целях старается лишить трудящиеся массы элементарных знаний и что ее классовые интересы полностью определяют цели, содержание и методы воспитания подрастающего поколения.

В письме к Горбуновой-Каблуковой в 1880 г. Энгельс дает характеристику образования взрослых рабочих и состояния ремесленных школ в Англии. По существу картина та же, что и в 40-х годах, когда Энгельс впервые описывал состояние народного образования в Англии. Ремесленное образование находится здесь в загоне еще в большей степени, чем в континентальных странах. Ремесленные школы представляют скорее карательные учреждения, чем учебные заведения, куда посылают беспризорных детей по решению судебных инстанций. В школах для продолжения образования рабочих царят шарлатанство и мертвящая рутина.

В ряде статей («Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте», «Будущие результаты британского владычества в Индии») Маркс и Энгельс характеризуют «просветительную» политику правительств отдельных стран (Германия, Англия), какую они проводят в захваченных и покоренных областях. В Познани, отошедшей от Польши к Пруссии в 1815 г. по решению Венского конгресса, немецкие правители всячески разрушали культуру польского народа, изгоняли польский язык из школы, опруссачивали

в средних школах польское дворянское юношество, в низших — польских крестьян. Явно издеваясь над польским народом, немецкие правители в Познани утверждали, что польский язык является главным препятствием для распространения образования среди народа. Оценивая просветительные «благодеяния» прусского правительства, Энгельс заключает, что все они сводились к обеспечению хороших условий для прусских унтер-офицеров в Познани.

Еще более откровенную политику национального гнета и разрушения национальной культуры (языка, школы и т. д.) вела и ведет буржуазия господствующих государств в колониях. Маркс писал по этому поводу: «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают перед нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов»*. Так, английская буржуазия разрушила национальную цивилизацию в покоренной ею Индии, «разбив местные общины, разорив дотла туземную промышленность и нивелировав все, что возвышалось над общим уровнем в индийском обществе»**.

Образование в буржуазном обществе является и м у щ е с т в е н н ы м признаком, ибо оно требует затраты значительных средств. Эту характерную черту образования при капитализме Маркс раскрывает, в частности, когда он анализирует льготы, которые даются при выборах в парламент лицам, имеющим дипломированное образование: ученым, духовенству, адвокатам, педагогам. Эти льготы по образованию Маркс расценивает как одно из средств усиления классово-буржуазной монополии и лишения рабочих и широких масс трудящихся права участия в выборах.

Маркс писал об этом почти сто лет назад. Но и теперь его характеристика буржуазного образования остается в полной силе. Провозглашенный в современных буржуазных конституциях и рекламируемый буржуазной литературой принцип, что государство предоставляет «равные возможности для всех», в действительности не проводится в жизнь и остается лишь лицемерной фразой. Такой разрыв между юридическим правом и действительностью признают и некоторые буржуазные деятели, ибо факты — упрямая вещь. Критикуя не самый принцип «равные возможности для всех», а его применение, один из таких деятелей, английский буржуазный педагог Дент, писал, что этот принцип остается иллюзией в силу резкого экономического неравенства и существования привилегированных школ, дающих фактическое право окончившим их занимать «ключевые позиции» в обществе. «Редко где классовые различия проявляются так обнаженно, как в английской системе народного образования. Здесь привилегии и неравенство возводятся в догмат веры, социальные различия,

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, Госполитиздат, 1952, стр. 347.

** Там же, стр. 343.

рассматриваемые как важнейшая черта этой системы, тщательно поддерживаются и сохраняются»*.

Мы видели, как Маркс и Энгельс характеризуют классовую сущность воспитания и его противоречия в капиталистическом обществе. Возражая буржуазным идеологам, утверждавшим, что воспитание детей вообще не зависит от классовых влияний, Маркс и Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» писали, что воспитание определяется общественными отношениями и что буржуазия вмешивается в дело образования, преследуя свои интересы.

Поэтому воспитание в капиталистическом обществе так организуется, чтобы всячески отдалить трудящихся от источников культуры и науки. Прикрываясь общими фразами об общечеловеческом характере воспитания, буржуазия на деле проводит классово ограниченное воспитание в своих собственных корыстных целях.

Боясь просвещения рабочих и их детей, буржуазия все же была вынуждена под напором требований рабочих и нужд промышленности давать им известное образование. Поэтому тем сильнее она ищет, по выражению Энгельса, противоядия, которое и находит в виде религиозного обучения и так называемого «нравственного» воспитания, под которым буржуа понимает, по меткой характеристике Маркса, «вдалбливание буржуазных принципов». «Больше чем когда-либо важно было теперь держать народ в узде моральными средствами. Первым же и важнейшим средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия. Отсюда — поповское засилье в школьных управлениях, отсюда — возрастающее самообложение буржуазии для всевозможных способов благочестивой демагогии, начиная от обрядности и кончая «Армией спасения»**, — писал Энгельс в 1892 г. об английской буржуазии. Эти же слова относятся и ко всякой другой буржуазии. Ленин в 1919 г. писал, что буржуазная демократия нигде в мире не довела до конца отделение школы от церкви «благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой»***.

Развитие научных знаний все меньше оставляло места для религии. Еще знаменитый астроном Лаплас на вопрос Наполеона, почему в его «Небесной механике» не упоминается имя творца мира, блестяще ответил: «Я не нуждался в этой гипотезе». Однако часть буржуазных ученых вместо того, чтобы выступить на защиту научного преподавания, будучи приказчиками буржуазии, сознательно извращает данные своей науки и открыто отстаивает

---

* Н. С. Дент, «Education in transition. A sociological study of the impact of war on English education 1939—1943». London 1945. (Дент, Г. К. «Воспитание в переходный период. Социологическое исследование влияния войны 1939—1943 гг. на воспитание в Англии». Лондон 1945.)

** См. настоящую хрестоматию, стр. 225.

*** В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 114.

религиозное мракобесие. Энгельс так характеризует в этом отношении образованных людей и ученых из буржуазного класса в Англии середины XIX века: «Почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и... даже геологи, как Бакленд и Мантелл, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам моисеевой легенды о сотворении мира»*.

Существование религии несовместимо с наукой. Но буржуазия в своих классовых интересах внедряет в обучение догмы религии и фальсифицирует научное образование. Все это отражает присущие буржуазному воспитанию двойственность, лицемерие, ханжество. В «Диалектике природы» Энгельс пишет о разрыве между достижениями науки и тем, что преподается в школе: «Хотя прогресс науки совершенно расшатал это устарелое воззрение на природу**, вся первая половина XIX века все еще находилась под его господством, и по существу его преподают еще и теперь во всех школах»***.

Здесь мы наталкиваемся на основные противоречия буржуазного воспитания, состоящие в том, что, с одной стороны, буржуазия вынуждена так или иначе давать элементы новых знаний в школе — из естествознания, географии, истории и т. д., а с другой стороны, сильнее, продуманнее внедрять религиозно-нравственное буржуазное воспитание подрастающего поколения как своеобразное противоядие такого обучения. Это противоречие буржуазного воспитания отражает основные противоречия классовой борьбы в капиталистическом обществе.

В совместной работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (1845—1846), содержащей критику философских взглядов Фейербаха и особенно критику идеализма эпигонов гегельянства, мелкобуржуазных немецких социалистов Бауэра и Штирнера, разработаны основные вопросы философии марксизма. Среди них здесь освещены вопросы о факторах воспитания и развития людей, о роли наследственности и социальных условий в этом развитии, об условиях всестороннего развития людей, о развитии человека при капитализме и коммунизме, о роли революционной деятельности в перевоспитании людей.

Некоторые из этих вопросов ставились и решались и до Маркса, но разрешались они в конечном счете с позиций идеалистической философии. Так, рассматривая вопрос о взаимосвязи внешней среды и воспитания, социалисты-утописты не учитывали того, что воспитатель сам изменяется в процессе воспитания. Они отрывали воспитателя от людей, которых он воспитывает и тем самым изменяет, возвышали его над обществом, считая деятельность воспитателя решающим фактором преобразования общества.

В тезисах о Фейербахе Маркс писал: «Материалистическое

* См. настоящую хрестоматию, стр. 220.

** Воззрение, согласно которому мир неизменяем, создан творцом.—Л. Г.

*** См. настоящую хрестоматию, стр. 237.

учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания,— это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика* *.

Человек в качестве предмета воспитания рассматривался Фейербахом как абстрактная сущность, не исторически, а изолированно от реальных общественных отношений, как развивающийся внутри себя индивидуум, на развитие которого не воздействовали экономические и политические условия жизни.

Критикуя в «Немецкой идеологии» непоследовательность и абстрактно-созерцательный характер материализма Фейербаха, авторы «Немецкой идеологии» писали: «В индивидах, уже не подчиненных более разделению труда, философы видели идеал, которому они дали имя «Человек», и весь изображенный нами процесс развития они представляли в виде процесса развития «Человека», причем на место существовавших до сих пор в каждую историческую эпоху индивидов подставляли этого «Человека» и изображали его движущей силой истории» **.

Такой именно метод применяет немецкий философ Штирнер к своему «Человеку», к его развитию. Когда Штирнер говорит о возрастных ступенях человека (ребенок, юноша, взрослый, старик), то он различает их только по сознанию, причем это сознание и есть жизнь индивида. Штирнер не берет во внимание физические и социальные изменения, происходящие в человеке и порождающие его сознание. Сознание же человека берется не в его развитии, а в виде готовых приклеиваемых к данной возрастной ступени категорий, вроде того, что ребенок реалистичен, юноша идеалистичен, а взрослый — отрицательное единство обоих.

Штирнеру нет дела до действительного, живого человека определенной исторической эпохи, национальности, класса. Чтобы убедиться в несостоятельности такого подхода, Штирнеру нужно, говорят Маркс и Энгельс, «сопоставить «своего» юношу с первым попавшимся юным конторщиком, с молодым английским фабричным рабочим, с молодым янки, не говоря уже о молодом киргиз-кайсаке» ***.

Отвечая на вопрос, почему одни люди — музыканты, другие — поэты, третьи — школьные учителя, Штирнер объяснял это наследственностью, родом. Каждый занимается тем, что ему на роду написано. Этим же таинственным «родом» объясняются все

* См. настоящую хрестоматию, стр. 102.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 3, стр. 69.

*** См. настоящую хрестоматию, стр. 108—109.

существующие у большинства людей физические и интеллектуальные недостатки. От такого реакционно-идеалистического взгляда давно освободились даже вульгарные материалисты, указывают авторы «Немецкой идеологии». Еще Адам Смит высказывал мысль, что разделение труда является не следствием, а причиной природных способностей.

В действительности существующие недостатки в развитии людей возникли исторически и могут быть уничтожены также в ходе исторического развития. Критикуя Штирнера, Маркс и Энгельс писали следующие строки, имеющие прямое отношение и к современным расистам в некоторых буржуазных странах: «Даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые и т. д., ...могут и должны быть устранены историческим развитием» *.

По существу те же реакционные взгляды Штирнера характерны и для представителей буржуазной науки педологии, для которых, говоря словами Маркса и Энгельса, наследственность, род являются «той именно таинственной силой, которую остальные буржуа называют природой вещей и которой они приписывают все отношения, не зависящие от них, как буржуа, и поэтому непонятные для них в своей взаимосвязи» **.

Буржуазные педологи так же метафизически подходят к вопросу о роли наследственности, как это делали предшественники марксизма, противопоставляя наследственность внешней среде. Если обстоятельства изменялись, то наследственность оставалась чем-то неизменным. Одно исключало другое, как это было, например, у Гельвеция.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс впервые в истории правильно решают этот вопрос, считая наследственность изменчивой и зависящей от определенных условий окружающей среды. Более конкретно и в развитом виде этот вопрос позднее осветил Энгельс в своей классической работе «Диалектика природы». В ней Энгельс убедительно раскрывает существующую в ходе развития человека взаимосвязь между трудом и наследственностью. Человеческая рука достигла своего высокого развития благодаря все более сложным и усовершенствованным операциям в процессе труда, начиная от той ступени, когда рука первобытного человека превращала булыжник в нож, и кончая тем уровнем, какой был достигнут в картинах Рафаэля, в статуях Торвальдсена, в музыке Паганини. Приобретенные в труде ловкость, гибкость, особенное развитие мускулов и связок передавались по наследству и развивались в процессе новых операций.

Развитие людей зависит, как показывают Маркс и Энгельс во многих своих произведениях, от совокупности социально-экономических условий их жизни: разделения труда, круга и характера

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 118.

** То же, стр. 119.

деятельности, общественных отношений, образования. Рафаэль создал свои картины не просто потому, что он обладал талантом живописца, но его талант развился в силу наличия ряда условий: разделения труда, существовавшего тогда в Риме, технических успехов в искусстве, общения родины Рафаэля с другими странами и порожденного этими условиями уровня образования и просвещения людей.

Исключительная концентрация художественного таланта в отдельном человеке, писали авторы «Немецкой идеологии», и связанное с этим подавление его в широкой массе людей являются следствием разделения труда в эксплуататорском обществе.

Не от рода, а от материальной деятельности людей зависит всякая иная деятельность: духовная, политическая, религиозная и пр. Маркс и Энгельс показывают, что история физического и духовного развития людей неизбежно определяется историей развития производительных сил. Развитие пяти чувств человека — результат развития всей всемирной истории.

Развитие людей зависит от характера действительных отношений, от практического отношения их к миру. Для Штирнера безразлично, откуда происходят различные свойства человека. Ему нет нужды думать о внешних отношениях, от которых зависит развитие людей.

Мышление человека определяется его индивидуальностью и условиями жизни. Если у человека обширный круг разнообразной деятельности, многосторонняя жизнь, то это содействует развитию универсального мышления. Если же его деятельность ограничена какой-либо одной узкой специальностью, за которой он не видит окружающего мира, то и мышление его становится односторонним. При благоприятных условиях отдельным людям удается преодолеть эту местную ограниченность мышления, дойти, как говорит Маркс, до сознания «мировых сношений», но происходит это только благодаря практической деятельности и потребностям человека.

Мелкобуржуазный философ Штирнер, видя различие между буржуа и пролетарием, хочет уничтожить это различие или противоречие не путем изменения общественных классовых отношений, а только изменением сознания об этом противоречии. Штирнер высказывает благочестивое пожелание филистера, чтобы буржуа не имел «преимуществ» перед пролетарием, а просто вступал в личные отношения с пролетарием, как частный индивид. Но личные отношения в классовом обществе, указывают Маркс и Энгельс, «необходимо, неизбежно развиваются в классовые отношения и закрепляются как таковые».

Авторы «Немецкой идеологии» останавливаются на том, как развивается человек в связи с разделением труда в классовом обществе.

Классовое общество всегда развивалось в непримиримой противоположности между свободными и рабами в древности, между

дворянством и крепостными в средние века, между буржуазией и пролетариатом в новое время. Эта противоположность определяла и ограниченное развитие человека вообще, делала его односторонним и неполноценным. Развитие угнетенных классов крайне ограничивалось господствующими классами, хотя умственное развитие последних было, в свою очередь, также ограниченным и неполным. Маркс и Энгельс указывали, что в классовом обществе «одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство — вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимейших потребностей были временно (т. е. до порождения новых революционизирующих производительных сил) лишены возможности какого бы то ни было развития»*.

Умственное и физическое развитие человека зависит не от «доброй воли» и наследственности, как думал Штирнер и как думали вообще мелкобуржуазные идеологи, а от бытия, от обстоятельств, от разделения труда в обществе. Если обстоятельства, говорили Маркс и Энгельс, в которых живет индивид, позволяют ему развиваться только односторонне, как это происходило всегда в классовом обществе, то человек и не может пойти дальше одностороннего, уродливого развития. Никакая моральная проповедь мелкобуржуазных филистеров тут не поможет.

Только в результате победоносной пролетарской революции создаются условия для всестороннего развития людей. Буржуазные филистеры, и в частности Штирнер, утверждали, что пролетарии и после прихода к власти останутся «прежними». В действительности же рабочий класс, изменяя революционным путем общественную жизнь, сам изменяется, перевоспитывается, как это ясно подтверждается всем опытом пролетарской революции и социалистических преобразований в России и в других странах.

«В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»**, — говорится в «Немецкой идеологии». Это положение о воспитательной роли пролетарской революции Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивают и развивают в других своих произведениях.

Вопрос о влиянии разделения труда на человека наиболее подробно освещается в «Капитале».

Маркс, анализируя положение рабочего и особенности его труда при мануфактуре, говорит также и о том влиянии, какое труд оказывает на физическое и духовное развитие рабочего. Разделение труда при мануфактуре, когда рабочий выполняет только частичную функцию производства, неизбежно вызывает духовное и телесное калечение рабочего, обуславливает его одностороннее развитие, т. е. развитие в рабочем только одной

---

* См, настоящую хрестоматию, стр. 121.

** То же, стр. 111.

способности за счет подавления всех остальных его способностей и дарований. «Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она (мануфактура.— П. Г.) превращает в особую специальность самый недостаток всякого развития» *. Мануфактура превращает, таким образом, рабочего в урода.

Следует отметить, что об отрицательном влиянии мануфактуры на духовное и физическое развитие рабочего писали еще до Маркса отдельные представители буржуазной науки. «Мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди» **, — писал Фергюсон в 1767 г. Его ученик, известный экономист Адам Смит, описывая калечащее действие мануфактурного труда на развитие рабочего, приходил даже к материалистическому выводу, что духовное развитие значительного большинства людей неизбежно определяется их повседневными занятиями. Несколько позднее Смита, в 1815 г., этот же тезис, но другими словами формулирует Роберт Оуэн: «Население всякой страны воспитывается и формируется существующими в ней основными условиями, и характер низших слоев населения Великобритании формируется в настоящее время главным образом условиями, создаваемыми ремеслами, промышленностью и торговлей» ***.

«Чтобы предотвратить, — писал Маркс, — полнейшее искалечение народной массы, являющееся результатом разделения труда, А. Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных, гомеопатических дозах» ****. Предложение А. Смита встречает самый решительный спор со стороны промышленников, которые устами француза Гарнье очень откровенно и последовательно доказывают необходимость отделения физического труда от умственного для увеличения богатства общества, т. е., замечает Маркс, капитала, землевладения и их государства. В этом факте ясно проявляется классовая заинтересованность капиталистов в том, чтобы оставить рабочих без всякого образования.

Мануфактура сменяется крупным машинным производством. Какое же влияние оказывает новая обстановка на труд рабочего, на его развитие? Машинный труд не нуждается в тех искусных рабочих, которые были необходимы при мануфактуре. Машина дает возможность применять женский и детский труд.

Условия труда на фабрике в еще большей степени закрепощают рабочего, чем при мануфактуре. Одностороннее развитие рабочего не снимается на капиталистической фабрике, но еще усугубляется отчасти, как выражается Маркс, путем традиций,

* См. настоящую хрестоматию, стр. 173.

** Т о ж е, стр. 175.

*** Р. Оуэн, Избр. сочинения, т. I, изд. АН СССР, 1950, стр. 71.

**** См. настоящую хрестоматию, стр. 176.

перенесения условий труда из мануфактуры на фабрику, а главное — путем разделения труда, которое превращает рабочего в придаток машины. Разделение труда при капитализме уродует рабочего, лишает его человеческого достоинства. Труд на капиталистической фабрике отнимает у рабочего всякую возможность свободной физической и духовной деятельности, мешает ему проявить свои способности.

Маркс вскрыл противоречия между тем влиянием, которое сама по себе способна оказывать машина на всестороннее развитие человека, и формой труда на капиталистической фабрике. Природа крупной промышленности такова, что она, в отличие от мануфактурного труда, создает предпосылки к всестороннему развитию человека. Сосредоточение на фабриках больших масс рабочих, переброска рабочих из одной отрасли труда в другую увеличивают общение между людьми. Применение машинного труда ликвидирует необходимость замкнутой специализации и ведет к универсализму, не говоря уже о том, что машина может освободить огромное количество времени для культурного, умственного и т. п. развития рабочего вообще.

«Разделение труда на фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, начинает давать себя знать потребность в универсальности, стремление к всестороннему развитию индивида. Фабрика устраняет обособленные профессии и профессиональный идиотизм». С другой же стороны, «разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, обособленные профессии, а вместе с ними профессиональный идиотизм» *.

Итак, крупная промышленность сама по себе ведет к уничтожению старого разделения труда: «Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» **. Но в своей капиталистической форме она находится в полном противоречии с этой тенденцией, воспроизводя прежнее разделение труда с его закостеневшими специальностями.

При этом не только рабочие, но и эксплуататоры также поражаются своей деятельностью: одни своей страстью к прибыли, другие — своими старыми воззрениями, третьи — своим воспитанием и образованием. Об этом писал Энгельс в «Анти-Дюринге».

Указанное противоречие обнаруживается и тогда, когда при капитализме возникают зародыши соединения физического труда с умственным в виде различных школ, технических, сельскохозяй-

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 126.

** То же, стр. 190.

зайственных и др., где дети рабочих получают элементарное образование и некоторое знакомство с общей технологией производства.

Несмотря на то, что развитие промышленности предполагает соединение умственного труда с физическим, противоположность между ними при капитализме не только остается, но и усиливается, ибо научные знания производства сосредоточиваются у инженерно-технических работников, отделенных от рабочих всем своим образом жизни, системой воспитания и взглядов. Научные знания превращены в порабощающую рабочих силу.

Эти противоречия между природой крупной промышленности и ее капиталистической формой исчезают после пролетарской революции, и только тогда действительно начинается связь труда и обучения как фактор всестороннего развития человека.

Пролетариат еще в буржуазном обществе борется за новое образование, формулирует в этой борьбе свои требования, которые являются органической частью общеполитических требований пролетариата.

Задачи этой борьбы освещены Марксом и Энгельсом еще в 40-х годах XIX века в «Принципах коммунизма» и в «Манифесте Коммунистической партии».

Позднее, в 1866 г., в проекте резолюции Женевского конгресса I Интернационала Маркс формулирует требования об ограничении рабочего дня для детей и подростков, соединения труда с обучением, запрещения родителям и предпринимателям применять детский труд, если он не сочетается с воспитанием.

Мы уже видели, как буржуазия, хотя и непосредственно, со всякими обходами, но все же вынуждена проводить в жизнь эти прогрессивно-демократические требования пролетариата.

Борясь за проведение в жизнь требований пролетариата в области народного образования, Маркс и Энгельс решительно выступали против различных мелкобуржуазных взглядов на воспитание и образование.

В педагогической литературе не отражена, например, история борьбы, которую Маркс и Энгельс вели в I Интернационале с разного рода мелкобуржуазными реформами в вопросах педагогики.

Что же противопоставляли марксизму в вопросах воспитания мелкобуржуазные идеологи?

Поль Робел, сторонник Прудона, член I Интернационала, французский учитель, проводил идею так называемого многоремесленного образования, которое не могло вести и не вело к всестороннему развитию человека. Робел, исходя из своих принципов, организовал около Парижа школу, где дети обучались 20 ремеслам — переплетному, картонажному, столярному и т. д. — и где, как казалось ее основателю, человек будет всесторонне развиваться.

В действительности взгляд Робена на реформу образования воскрешал так называемое «интегральное», «синтетическое» вос-

питание Прудона, реакционность которого Маркс вскрыл еще в «Нищете философии». Реакционный характер теории многогресленного образования Прудона и Робена состоит в том, что они отрицали роль крупной машинной индустрии как необходимой предпосылки будущего политехнического воспитания и ориентировали пролетариат на отсталый, обреченный историческим развитием на вымирание ремесленно-кустарный труд как на источник всестороннего развития человека.

Ряд статей посвятил вопросам народного образования другой противник Маркса в I Интернационале, известный анархист Бакунин. Как истый анархист, Бакунин прежде всего высказывается против всякого вмешательства любой государственной власти в дело народного образования. Воспитание должно быть свободным, независимым от сознательной деятельности людей, выраженной в тех или иных законах поведения людей в обществе. Отсюда вытекает и следующее требование Бакунина — независимость воспитания от родителей и учителей, так как он считал, что дети, как и взрослые люди, становятся умнее только благодаря своему собственному опыту и лишь иногда благодаря опыту других.

В своем нелепом отрицании всего, что связано с современным ему обществом, Бакунин доходит до прямого культа невежества и обскурантизма. В обращениях к русской революционной молодежи он призывал молодежь бросать университеты, школы, науку, теоретическую работу и идти в народ для единственной цели — разрушения существующего общественного строя. «Здесь мысль и наука решительно запрещаются молодежи, как мирские занятия, способные внушить ей сомнения во всеразрушительной ортодоксии»*, — замечают Маркс и Энгельс.

Из образования молодежи Бакунин и его сторонники выбрасывали усвоение научных знаний на том простом основании, что наука, по словам Бакунина, носит официальный характер. Видимо, исходя из такой несуразности, Бакунин возражал против организации в Сибири университета, о чем просили правительство сибирские купцы в тот период, когда Бакунин жил в Сибири.

Такой же глубоко реакционный характер носят рассуждения Бакунина о науке в социалистическом обществе, которые сводились к тому, что при социализме наука будет деградировать, хотя грамотность народа и возрастает. Бакунин считал себя социалистом и даже народным революционером. Но народ в его представлении даже при социализме остается серой темной массой, не способной выдвинуть из своей среды талантливых и гениальных людей. По существу такое представление о народе ничем не отличалось от взглядов любого реакционера.

К этому же периоду борьбы Маркса и Энгельса с мелкобуржуазным анархизмом Бакунина относится замечательная статья Энгельса «Об авторитете», написанная в 1872—1873 гг. Статья

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, 1940, стр. 605.

направлена против тех социалистов и анархистов, которые, подобно Бакунину, вообще отрицали принцип авторитета.

Эти антиавторитаристы, как их называет Энгельс, требовали, чтобы авторитетное политическое государство было отменено прежде, чем будут отменены социальные отношения, его породившие. Первым актом социальной революции, по их мнению, должна быть отмена авторитета. Определяя в данном случае авторитет как навязывание чужой воли и подчинение ей, Энгельс разъясняет, что такой авторитет необходим независимо от какой-либо социальной организации, в силу материальных условий производства. Современное производство, в котором сотрудничает множество людей, невозможно без выполнения каждым определенного порядка, который диктуется самым процессом производства, объективными, независимыми от воли отдельных людей условиями. Нарушение этого порядка отдельными людьми повело бы неизбежно к уничтожению современной цивилизации и возвращению от машины к прялке.

Что случилось бы с крупной промышленностью, с железнодорожным движением, движением корабля в открытом море в момент опасности, если бы не было безусловного подчинения всех и каждого определенному авторитету, независимо от того, в какой форме этот авторитет представлен? Подчинение определенному авторитету и, следовательно, дисциплина необходимы во всяком деле, где осуществляется комбинированная деятельность людей. Эти положения Энгельса имеют прямое отношение к некоторым проблемам педагогики, в частности — к принципам воспитания школьной дисциплины.

Маркс и Энгельс боролись решительным образом и против мелкобуржуазных взглядов на воспитание, получивших широкое распространение в Германской социал-демократической партии. Критика этих взглядов дана в замечаниях Маркса на проект Готской программы (1875) и в замечаниях Энгельса на проект Эрфуртской программы (1891) социал-демократической партии Германии. Проект Готской программы, вызвавший суровую оценку Маркса и Энгельса, страдал большим числом грубых теоретических ошибок, отражая реформистские, мелкобуржуазные взгляды его составителей, особенно лассальянцев. Дух реформизма сказался также и в формулировке программных требований в области народного образования. Эти требования сводились ко всеобщему, равному для всех, обязательному и бесплатному образованию, находящемуся в руках государства, и к запрещению детского труда.

Как видим, здесь абсолютно отсутствует важнейший принцип и требование марксизма о соединении производительного труда с обучением, которые уже были четко сформулированы в «Манифесте Коммунистической партии» в 1848 г. и в наказе делегатам Женевского конгресса I Интернационала в 1866 г. Вместо этого

авторы проекта Готской программы внесли реакционное и утопическое требование — запрещение детского труда вообще.

Та же бессодержательность, прикрытая демократической трескотней, вскрывается Марксом в требовании «равного для всех народного воспитания через посредство государства». В современном буржуазном обществе, говорил Маркс, вообще не может быть равного для всех классов образования. Было бы также нелепо требовать низвести уровень образования высших классов до скромного уровня народного образования рабочих и крестьян. «Никуда не годится *«народное воспитание через посредство государства»*», — писал Маркс.

Быть может, Маркс отрицал вообще роль государственной власти в деле народного образования?

Такое предположение было бы, разумеется, неправильным. В программе речь шла по существу о государстве в современной Марксу Пруско-германской империи. К этому именно государству обращали авторы Готской программы свое требование о равном образовании «через посредство государства», выражая тем самым верноподданническую веру в государство. Маркс различает здесь два вида вмешательства государственной власти в дело воспитания народа. Один вид, когда государство определяет общим законом расходы на народное образование, квалификацию преподавательского персонала, программу обучения и т. д. и наблюдает при посредстве государственных инспекторов за соблюдением этих законов. Такой вид вмешательства «нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа». Другое дело — вмешательство государства в Пруско-германской империи, которое, как и церковь, следует отстранить от всякого влияния на школу, ибо оно само «нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа»**.

Отсюда ясно, что вопрос о роли государства в образовании народа марксизм рассматривает не вообще, а в определенных условиях.

Спустя 16 лет после принятия Готской программы Каутский по поручению социал-демократической партии составил новый проект программы, который и был принят на съезде партии в Эрфурте в 1891 г. Этот проект, по замечанию Энгельса, во многом избежал ошибок Готской программы, но все еще не был свободен от многих крупных оппортунистических ошибок, которые Энгельс и указывает в своих пространных замечаниях. Среди них имеются замечания, относящиеся к требованиям программы в области народного образования. Часть этих замечаний Энгельса, по-видимому, нашла отражение в окончательном тексте программы. Однако из сравнения этих замечаний и пунктов программы видно, что социал-демократы учли далеко не все замечания Энгельса,

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 216.

** То же, стр. 217.

отбросив, например, четкое положение Энгельса о полном отделении церкви от государства и связанный с ним пункт о светской школе, который они оставили по-прежнему в довольно общей, нейтральной формулировке («светский характер школы»), без указания на отделение школы от церкви.

Враги марксизма отрицают классовую противоположность между пролетариатом и буржуазией и классовый характер буржуазного воспитания. Школа в современном буржуазном «демократическом» обществе является, по их утверждению, общечеловеческой, независимой от какой-либо политики. Буржуазную мораль они выдают за вечную, общечеловеческую и отрицание ее, борьбу с ней рассматривают как смертный грех, как отрицание морали вообще, так же как и борьбу с господством буржуазии они считают борьбой против всякой культуры и цивилизации вообще.

Иногда в учебно-педагогической литературе неверно осмещается то главное, что составляет основу марксистского учения о воспитании. Отдельные авторы утверждают, что Маркс впервые вскрыл классовую сущность воспитания, и это признается его главной заслугой, хотя о классовом характере воспитания писали еще предшественники Маркса.

Главное же, что принадлежит учению Маркса о воспитании, остается при такой формулировке по существу обойденным. Это главное — вопрос о коренном преобразовании воспитания после победы пролетариата в социалистической революции, вопрос о том, что только после пролетарской революции снимаются противоречия буржуазного воспитания и что эта революция является закономерной, необходимой предпосылкой нового, невиданного в мире духовного роста и развития народных масс.

Эта установленная Марксом историческая закономерность наглядно была подтверждена впервые кратковременным опытом Парижской Коммуны в 1871 г., а затем всем ходом социалистического строительства в СССР и странах социалистического лагеря.

Парижская Коммуна с первых дней своей революционно-государственной деятельности стала всемерно проводить демократизацию народного образования, очищая воспитание народа от религиозно-клерикальных элементов и буржуазных влияний.

Маркс в своем классическом произведении о Парижской Коммуне «Гражданская война во Франции» с большим сочувствием оценивает просветительную деятельность парижских коммунаров. Коммуна, по выражению Маркса, немедленно взялась за то, чтобы сломить орудие духовного угнетения — силу попов: она отделила церковь от школы, принимая все меры к тому, чтобы школа была действительно светской. Коммуна заменила священника, отупляющего ум крестьянина, просвещающим последнего школьным учителем. Парижская Коммуна ввела бесплатное обу-

чение, предложив учителям бесплатно выдавать учащимся учебные пособия.

Освобождая народное образование от засилья церкви, делая его доступным для народа, Парижская Коммуна превращала прежнее образование из орудия порабощения в подлинно научное образование. Она превращала науку из орудия классового господства в народную силу, а ученых, прежде «прислужников классовых предрассудков», в «свободных работников мысли». Поэтому Маркс писал, что «наука может выполнять свою истинную роль только в республике труда»*.

Как же Маркс и Энгельс более конкретно раскрывали задачи воспитания в эпоху диктатуры пролетариата и в бесклассовом коммунистическом обществе?

Маркс и Энгельс указывали в «Манифесте Коммунистической партии», что в числе первых мероприятий, которые будет проводить пролетариат как господствующий класс, должны быть: «Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.»**, т. е. те мероприятия, за которые боролся пролетариат в буржуазном обществе, но которые буржуазия не могла и не хотела осуществить полностью.

В «Анти-Дюринге» Энгельс не оставил камня на камне от буржуазной философии Дюринга. Дюринг, мечтая о будущем обществе, говорил в то же время и о школе будущего. Какой выглядит эта школа будущего в представлении буржуазного реформатора? В школе будущего Дюринг предполагает дать детям знания, которые усваиваются без особого труда и напряжения. Этот результат Дюринг надеется получить не систематическим изучением научных дисциплин, а путем изучения комплексной мешанины из разных наук.

Дюринг, уничтожая целый ряд научных дисциплин, вводит вместо них единую школьную дисциплину. Так, в его школе будущего нет ботаники, морфологии, зоологии, вместо них есть одна наука — естествознание. Дюринг выбросил также из школьного обучения химию. Он уничтожает филологическое образование в школе, ликвидирует изучение языка в его историческом развитии, ограничиваясь одной формальной грамматикой. Вместо математики как науки Дюринг дает в своей школе будущего смесь из зародышей элементарной и высшей математики, в которой есть интегральное и дифференциальное исчисление, но, как говорит Энгельс, «это не значит, однако, что в этой школе действительно будут дифференцировать и интегрировать. Совсем напротив...»***.

В полемике с Дюрингом Энгельс высказывал свои взгляды по целому ряду вопросов преподавания. Он говорил о большом зна-

* См. настоящую хрестоматию, стр. 203.

** То же, стр. 138.

*** То же, стр. 285.

чении изучения древних и новых языков. Древние языки развивают общий кругозор человека. Без новых языков невозможно прогрессивное развитие научных знаний, остается местная национальная ограниченность. Здесь же Энгельс высказывал мысли об эстетическом воспитании подрастающего поколения на образцах произведений гениальных мастеров искусства.

Нужно ли говорить о том, что человек будущего — это прежде всего человек высокообразованный.

Приведем еще одну в высшей степени характерную в этом отношении мысль Энгельса о так называемом интегральном обучении. В заметках к «Диалектике природы» в период 1881—1882 гг. Энгельс писал об энциклопедической иерархии естественных наук у О. Конта, списанной им у Сен-Симона. Эта энциклопедия служит у Конта «ради *расположения учебного материала* и в целях *преподавания*, приводя тем самым к несуразному *enseignement intégral* [интегральному обучению], где каждая наука исчерпывается прежде, чем успели хотя бы только приступить к другой, где правильная в основе мысль математически утрируется до абсурда»*.

Отсюда еще яснее становится все огромное значение, какое придавали основоположники марксизма изучению в школе подлинно научных знаний, изучению каждой отдельной научной дисциплины, а не интегральному их объединению по тем или иным признакам. Но здесь же Энгельс высказывает мысль о связи между отдельными науками, однако не такой связи, которая стирает грани между ними и снижает, таким образом, уровень научного образования молодежи.

В письме к Международному конгрессу студентов-социалистов в 1893 г. Энгельс подчеркивал значение новых кадров для пролетарской революции.

Буржуазия уже перед буржуазной революцией занимала важные позиции в руководстве экономикой и имела своих специалистов. Поэтому для захвата политической власти буржуазные революции, замечал Энгельс, требовали лишь адвокатов, из которых в большинстве выходили буржуазные политические деятели.

Для пролетарской революции наряду с политическими деятелями нужны различные специалисты — агрономы, инженеры, врачи и другие, чтобы, кроме политического аппарата, взять в свои руки все отрасли хозяйства и умело управлять ими. В этом деле, говорил Энгельс, нужны будут не звонкие фразы, а солидные знания.

В ряде работ Маркса и Энгельса говорится о физическом воспитании как о составной части воспитания вообще.

В статье «Может ли Европа разоружиться?» Энгельс, отмечая физическое калечение молодежи разделением труда при капитализме, подчеркивает роль физических упражнений в воспитании

* См. настоящую хрестоматию, стр. 265.

здорового молодого поколения. Немаловажное значение имеет физическое воспитание для духовного развития молодежи, для расширения умственного кругозора учащихся, особенно если оно не ограничивается лишь гимнастикой, а включает в себя полевые занятия, военные прогулки и т. п.

В этой статье Энгельс обосновывает необходимость физического воспитания в школе для улучшения, рационализации и сокращения военного обучения в стране, предлагая при этом ряд конкретных мер для военно-физической подготовки учащихся, в том числе изучение правил военного построения, движения сомкнутым строем — взводом и ротой — и т. д. «Солдаты будут вдвое лучше, если против этого (физического.— П. Г.) калечения будут своевременно приняты меры в низшей и средней школе»,— говорил Энгельс. Что для призванного в армию двадцатилетнего парня, у которого мускулы менее подвижны, чем у ребенка, бывает трудно, то школьником приобретается играючи, с большим интересом и охотой.

Хотя в своей статье Энгельс говорит о физическом воспитании в буржуазной школе, однако его мысли о связи физического и умственного воспитания, о значении физического воспитания в школе для военного обучения имеют отношение к школе и после победы пролетарской революции.

Вопросы политехнического обучения освещаются Марксом и Энгельсом во многих произведениях. Об этом говорится в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета», в «Критике Готской программы», в «Капитале», в «Анти-Дюринге», в «Принципах коммунизма» и др. В «Инструкции», которая затем была принята в качестве резолюции Женевского конгресса I Интернационала (1866), в разделе «Труд детей и подростков», Маркс расшифровывает свое понимание политехнического обучения. Являясь составной частью воспитания вообще, политехническое обучение «знакомит с основными принципами всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств»*.

Известные предпосылки и зародыши политехнического обучения возникают еще при капитализме, как об этом было сказано раньше. Но некоторые социалисты, не понимая этого, отстаивали требование запрещения детского труда на предприятиях, видя в этом единственный способ защиты детей от ужасов эксплуатации. Маркс решительно возражал против такого требования, он считал его не только пустым благопожеланием, но в осуществлении его видел реакционную меру.

В «Критике Готской программы» Маркс, возражая против пункта программы о запрещении детского труда на фабрике, писал, что нужно не запрещать применение детского труда, ибо привлечение детей к труду прогрессивно и правомерно, а нужно про-

* См. настоящую хрестоматию, стр. 168.

летариату бороться с ужасными формами эксплуатации детей капиталистами и за расширение обучения детей в соединении с трудом. Те же мысли высказывает Энгельс в 1880 г. в письме к Горбуновой-Каблуковой, которая, будучи земским деятелем в России, принимала активное участие в организации технического образования среди крестьянства и которая обращалась к Энгельсу за советами и разного рода справками о состоянии такого образования за границей. При этом Энгельс писал, что они с Марксом с живым интересом следят за всем тем, что делается в области народного образования, в частности в России.

Чтобы правильно понять мысли Энгельса, изложенные в письме, необходимо дать некоторые пояснения. В России в этот период развитие крупной промышленности поставило под угрозу существование кустарной промышленности. Процесс вытеснения мелкой промышленности крупной был неизбежным в России, как и в других капиталистических странах. Земство в России стремилось разными мерами поддерживать кустарную промышленность, в частности открывало различные ремесленные школы. Горбунова-Каблукова и ее муж, известный тогда земский деятель, принимали активное участие в организации таких школ.

Энгельс писал, что все эти примитивные методы производства в конце концов должны погибнуть, уступив место высокоразвитой промышленности. Но так как этот процесс вообще идет медленно, а в России тем более, то, может быть, ремесленные школы в России, являясь вообще мелкими и жалкими паллиативами, «помогли бы кое-где народу... сохранить свою промышленность до тех пор, пока он сам не получит возможности сказать свое слово. И вот школы, быть может, хоть до некоторой степени помогли бы ему понять, что именно ему надо будет сказать». Далее Энгельс формулирует мысль о задачах технического обучения: «Техническое образование достигло бы своей цели, пожалуй, легче всего, если бы оно попыталось, с одной стороны, более рационально организовать производство, хотя бы в самых жизнеспособных и распространенных отраслях промышленности, а с другой стороны,— дало бы детям такие общие технические знания, которые облегчили бы им переход в другие отрасли промышленности» *.

Отсюда ясно, что Маркс и Энгельс всемерно боролись за всяческое развитие политехнического обучения в условиях капитализма, используя для этого малейшие возможности, а не складывая рук в ожидании наступления будущего социалистического общества. В то же время основоположники марксизма неоднократно подчеркивали то положение, что в буржуазном обществе невозможно осуществление политехнического воспитания так полно и последовательно, как это будет при социализме.

Маркс писал, что только после завоевания пролетариатом политической власти в школах рабочих будет обеспечено надлежа-

---

* См. настоящую хрестоматию, стр. 292.

шее место политехническому обучению, как теоретическому, так и практическому. Это предвидение Маркса осуществляется ныне в нашей стране и во всех странах, строящих социализм, как путем введения политехнического обучения в общеобразовательную школу, так и путем организации различных школ, училищ, курсов, техникумов, институтов, где все, желающие учиться, с отрывом и без отрыва от производства, получают общее и специальное образование — теоретическое и практическое.

Еще в «Принципах коммунизма» (1847) Энгельс, отвечая на вопрос, «каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности», писал, что произойдут существенные изменения и в области воспитания. Новый строй потребует новых людей и создаст их. Перед победившим пролетариатом встанет задача воспитать новые кадры для управления общественным производством. И вот, подобно тому, как прежние крестьяне и рабочие до промышленного переворота отличались по своей психологии от рабочих после введения машинного производства, так и новые люди нового общественного строя будут отличаться от людей предшествовавшей эпохи. Молодые люди будут переходить от одного производства к другому, всесторонне знакомясь с ним как по собственным склонностям, так и по соображениям производства. Энгельс имеет здесь в виду высшую фазу коммунистического общества, когда исчезнет разделение труда, исчезнет противоположность между умственным и физическим трудом, между городом и деревней.

Буржуазные идеологи много говорят о том, что коммунисты хотят создать вместо яркой индивидуальной личности какой-то серый коллектив, где все будут равны. Маркс и Энгельс, а позднее Ленин указывали, что это одна из пошлостей буржуазной идеологии, представляющей коммунизм в виде серого однотонного коллектива. Только в коллективе человек получает огромные возможности и условия для развития наиболее яркой индивидуальности. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» говорили о том, что в коммунистическом обществе свободное и самобытное развитие индивидуумов не просто фраза. Чем обуславливается это развитие? Оно будет обуславливаться связью индивидов, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидуумов.

В коммунистическом обществе человек будет всесторонне развиваться. Он не будет ограничен каким-либо определенным кругом деятельности. Жизнедеятельность члена коллектива на высшей ступени коммунизма будет охватывать обширный круг разнообразной деятельности, поэтому и мышление человека будет иметь универсальный характер, и человек получит возможность развития всех своих способностей и талантов. Не каждый должен работать вместо Рафаэля, но каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться, писали

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». В коммунистическом обществе не будет профессии живописцев, но будут люди, которые будут заниматься живописью, проявляя и развивая свои способности и в других областях искусства, науки, техники. Если в капиталистическом обществе над людьми господствуют отношения и случайности, то в коммунистическом обществе человек будет господствовать над отношениями и случайностями.

Необходимые предпосылки и условия такого развития людей создаются в эпоху построения социалистического общества, при диктатуре пролетариата. На наших глазах воспитываются новые люди, не подавленные специальностью, а от специальности идущие к большему расширению умственного кругозора, повышению культурного уровня. Все больше многообразных культурно-научных интересов будит и развивает в человеке наш общественный строй, содействуя его всестороннему развитию.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала предпосылки для ликвидации разделения труда, приковывавшего рабочих, как каторжников к тачке, к определенной функции труда,— без всякого просвета, без всякой, по выражению Маркса, игры физических и интеллектуальных сил.

* * *

Мы далеко, конечно, не исчерпали в нашем изложении всего богатства идей Маркса и Энгельса по вопросам воспитания и образования, да и не ставили такой задачи. Задача вступительной статьи сводилась к тому, чтобы в некоторой степени помочь читателю в его самостоятельной работе по изучению педагогического наследия основоположников марксизма. Цель этого изучения состоит в том, чтобы правильно понимать и применять марксистское учение при решении вопросов воспитания и образования. При этом не должно быть такого изучения, когда догматически, формально заученные отдельные положения и цитаты применяются во всех случаях педагогической практики или теории, независимо от конкретных условий.

Глубокое изучение марксистского учения о воспитании нельзя ограничивать усвоением лишь педагогических высказываний Маркса и Энгельса. Необходимо изучение марксизма в целом, усвоение его материалистической теории и его диалектического метода. Только тогда можно глубоко и правильно понять и оценить тот конкретный материал по вопросам воспитания и образования, который содержится в произведениях Маркса и Энгельса. Его серьезное изучение тем более необходимо, что на этом богатейшем материале, нашедшем дальнейшее развитие в работах В. И. Ленина, в решениях Коммунистической партии Советского Союза и в решениях Советского правительства, основывается советская педагогическая наука о коммунистическом воспитании и образовании подрастающих поколений.

**К. МАРКС
и Ф. ЭНГЕЛЬС**

1835 г.

К. МАРКС

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮНОШИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ¹

К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 1—5

Животному сама природа определила круг действий, в котором оно должно двигаться, и оно спокойно его завершает, не стремясь выйти за его пределы, не подозревая даже о существовании какого-либо другого круга. Так же и человеку божество указало общую цель — облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достигнуть этой цели; оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество.

Возможность такого выбора является огромным преимуществом человека перед другими существами мира, но вместе с тем выбор этот является таким действием, которое может уничтожить всю жизнь человека, расстроить все его планы и сделать его несчастным. Серьезно взвесить этот выбор — такова, следовательно, первая обязанность юноши, начинающего свой жизненный путь и не желающего предоставить случаю самые важные свои дела.

У каждого есть перед глазами определенная цель, — такая цель, которая, по крайней мере ему самому, кажется великой и которая в действительности такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца, ибо божество никогда не оставляет смертного совершенно без руководителя; голос этот говорит тихо, но уверенно.

Но это — легко заглушаемый голос, и то, что мы считали всоодушевлением, порождено, быть может, мгновением, — и точно так же возможно, что мгновение вновь уничтожит его. Наше воображение, быть может, воспламенено, наши чувства возбуждены, призраки носятся перед нашими глазами, и мы страстно

увлечены той целью, которую, мнится нам, само божество нам указало; но то, что мы с жаром прижимали к сердцу, скоро отталкивает нас,— и вот все наше существование разрушено.

Мы должны поэтому серьезно взвесить, действительно ли нас воодушевляет избранная профессия, одобряет ли ее наш внутренний голос, не было ли наше воодушевление заблуждением, не было ли то, что мы считали призывом божества, самообманом. Но сможем ли мы это узнать, не обнаружив самый источник воодушевления?

Великое окружено блеском, блеск возбуждает тщеславие, а тщеславие легко может вызвать воодушевление или то, что казалось нам воодушевлением; но того, кого увлек демон честолюбия, разум уже не в силах сдержать, и он бросается туда, куда его влечет непреодолимая сила: он уже больше не выбирает сам своего места в обществе, а это решают случай и иллюзия.

Нашим призванием вовсе не является такое общественное положение, при котором мы имеем наибольшую возможность блистать: подобное положение не таково, чтобы, занимая его, быть может, в течение долгого ряда лет, мы ни разу не почувствовали бы усталости, наше рвение никогда бы не иссякло, наше воодушевление никогда бы не остыло. Наоборот, вскоре мы почувствуем, что наши желания не удовлетворены, что наши идеи не осуществились, мы станем роптать на божество, проклинать человечество.

Но не одно только тщеславие может вызвать внезапное воодушевление той или иной профессией. Мы, быть может, разукрасили эту профессию в своей фантазии,— разукрасили ее так, что она превратилась в самое высшее благо, какое только в состоянии дать жизнь. Мы не подвергли эту профессию мысленному расчленению, не взвесили всей ее тяжести, той великой ответственности, которую она возлагает на нас; мы рассматривали ее только издалека, а даль обманчива.

В этом случае наш собственный разум не может служить нам советником, ибо он не опирается ни на опыт, ни на глубокое наблюдение, будучи обманут чувствами, ослеплен фантазией. Но куда же нам обратиться свои взоры, кто поддержит нас там, где наш разум покидает нас?

Родители, которые уже прошли большой жизненный путь, которые испытали уже суровость судьбы,— подсказывает нам наше сердце.

И если наше воодушевление сохраняет еще свою силу, если мы продолжаем еще любить избранную профессию, чувствовать призвание к ней и после того, как хладнокровно обсудили ее, увидели всю ее тяжесть, все ее трудности,— тогда мы должны избрать ее, тогда не обманет нас воодушевление, не увлечет поспешность.

Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной сте-

пени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие.

Уже наша физическая природа часто противостоит нам угрожающим образом, а ее правами никто не смеет пренебрегать.

В наших силах, правда, стать выше ее, но тем быстрее произойдет тогда наше падение; мы решаемся в таком случае строить здание на рыхлой основе, и вся наша жизнь превращается в злощастную борьбу между духовным и телесным принципом. Но как может тот, кто не в состоянии победить в самом себе борющиеся элементы, противостоять неудержимому натиску жизни, как может он спокойно действовать? А ведь только из спокойствия могут возникнуть великие и прекрасные дела; оно — та почва, на которой только и произрастают зрелые плоды.

Но несмотря на то, что при таком физическом состоянии, которое не соответствует нашей профессии, мы не в состоянии работать долго и редко работаем с радостью, все же мысль, что мы свое благополучие принесли в жертву долгу, толкает нас на то, чтобы действовать энергично, хотя и со слабыми силами. Если же мы избрали профессию, для которой у нас нет необходимых способностей, то мы никогда не исполним ее достойным образом и вскоре с чувством стыда должны будем убедиться в своей собственной неспособности и сказать себе, что мы — бесполезные существа на свете, что мы являемся такими членами общества, которые не могут осуществить свое призвание. Самым естественным результатом будет тогда презрение к самому себе; а есть ли чувство более мучительное, есть ли чувство, которое еще меньше, чем это, может быть возмещено дарами внешнего мира? Презрение к самому себе — это змея, которая вечно растревает и гложет сердце, высасывает его животворящую кровь, вливает в нее яд человеконенавистничества и отчаяния.

Заблуждение относительно наших способностей к определенной профессии, которую мы подвергли подобному рассмотрению, — это ошибка, которая мстит за себя, и если даже она не встречает порицания со стороны внешнего мира, то причиняет нам более страшные муки, чем те, какие в состоянии вызвать внешний мир.

Если мы все это взвесили и если условия нашей жизни позволяют нам избрать любую профессию, тогда мы можем выбрать ту, которая придает нам наибольшее достоинство, выбрать профессию, основанную на идеях, в истинности которых мы совершенно уверены. Мы можем выбрать профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества и для нашего приближения к той общей цели, по отношению к которой всякая профессия является только средством, — для приближения к совершенству.

Достоинство есть именно то, что больше всего возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее

благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая ее изумление.

Но достоинство может придать лишь та профессия, в которой мы не являемся рабскими орудиями, а самостоятельно творим в своем кругу; та профессия, которая не требует предосудительных действий — предосудительных хотя бы только по внешнему виду — и за которую даже самый лучший может приняться с благородной гордостью. Профессия, обладающая всем этим в наибольшей степени, не всегда является самой высокой, но всегда самой предпочтительной.

Но подобно тому как нас унижает профессия, не соответствующая нашему достоинству, точно так же изнемогаем мы под тяжестью профессии, основанной на идеях, которые впоследствии будут нами признаны ложными.

Тут мы не видим другого спасения, кроме самообмана, а спасение, которое строится на самообмане,— это спасение, полное отчаяния.

Те профессии, которые не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами, наиболее опасны для юноши, у которого еще нет твердых принципов, прочных и непоколебимых убеждений. Вместе с тем эти профессии кажутся нам самыми возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни, если идеям, господствующим в них, мы готовы принести в жертву нашу жизнь и все наши стремления.

Они могут осчастливить того, кто имеет к ним призвание, но они обрекают на гибель того, кто принялся за них поспешно, необдуманно, поддавшись моменту.

Наоборот, высокое мнение об идеях, на которых основана наша профессия, придает нам более высокое положение в обществе, повышает наше собственное достоинство, делает наши действия непоколебимыми.

Тот, кто избрал профессию, которую он высоко ценит, содрогнется при мысли, что может стать недостойным ее,— он будет поступать благородно уже потому, что благородным является положение, занимаемое им в обществе.

Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего совершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага.

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит как самого счастливого того, кто принес счастье наибольшему количеству людей; сама религия учит нас тому, что тот идеал, к которому все стремятся, принес себя в жертву ради человечества,— а кто осмелится отрицать подобные поучения?

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей.

1839 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА ИЗ ВУППЕРТАЛЯ*

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 1, стр. 456

...Среди низших классов господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих в Вуппертале; сифилис и легочные болезни настолько распространены, что трудно этому поверить; в одном Эльберфельде из 2 500 детей школьного возраста 1 200 лишены возможности учиться и растут на фабриках — только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое против той заработной платы, какую он дает малолетнему. Но у богатых фабрикантов эластичная совесть, и оттого, что зачахнет одним ребенком больше или меньше, душа пиетиста³ еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви. Ибо установлено, что из фабрикантов хуже всех со своими рабочими обращаются пиетисты: они всевозможными способами снижают рабочим заработную плату якобы для того, чтобы лишить их возможности пьянствовать, однако при выборах проповедников они всегда первые подкупают своих людей.

Т а м ж е , стр. 464—467

Само собой понятно, что в местности*, до такой степени пропитанной пиетизмом, этот пиетистский дух, распространяясь во всех направлениях, пронизывает решительно все стороны жизни и пагубно на них влияет. Главное свое воздействие он оказывает на учебное дело, прежде всего, на народные школы. Часть их находится всецело в руках пиетистов; это — церковные школы, по одной в каждой общине. Большой свободой пользуются, хотя и они все еще находятся под надзором церковного попечительного совета, прочие народные школы, на которые более значительное влияние имеет гражданское управление. Таким образом можно увидеть воочию тормозящее влияние мистицизма, ибо, в то время как церковные школы все еще, как некогда, при блаженной па-

---

* — Вупперталь. *Ред.*

мяти курфюрсте Карле-Теодоре, кроме чтения, письма и счета, вдалбливают своим ученикам только катехизис, в других школах все же преподают и начатки некоторых наук, а также обучают немного французскому языку, так что многие из учеников под влиянием этого стараются и по окончании школы продолжать свое образование. Эти школы быстро развиваются и со времени введения прусской администрации далеко опередили церковные школы, от которых прежде очень отставали. Но церковные школы посещаются гораздо усерднее, ибо они значительно дешевле, и многие родители все еще посылают туда своих детей, частью из приверженности к религии, частью потому, что в умственном развитии детей они усматривают усиление светского духа за счет церковного.

Из учебных заведений повышенного типа Вупперталь содержит на свои средства три: городскую школу в Бармене, а в Эльберфельде — реальное училище и гимназию.

Барменская городская школа, очень слабо финансируемая и потому очень плохо обеспеченная учителями, делает, однако, всё, что в ее силах. Школа эта всецело находится в руках ограниченного, скупого попечительного совета, который в большинстве случаев подбирает учителей также только из пиетистов. Директор тоже не чужд этому направлению, однако при исполнении своих обязанностей руководствуется твердыми принципами и умеет очень искусно указать каждому учителю его место. За ним следует г-н Иоганн Якоб Эвих, который умеет хорошо преподавать по хорошему учебнику и в преподавании истории является ревностным приверженцем нёссельтовской системы занимательных рассказов⁴. Он автор многих педагогических трудов, из которых самый крупный — разумеется, по объему — носит название «Гуманный», издан в Везеле у Багеля, два тома, 40 листов, цена 1 рейхсталер. Все его писания полны высоких идей, благих пожеланий и неосуществимых проектов. Говорят, что его педагогическая практика далеко отстает от красивой теории.

Д-р Филипп Шифлин, второй старший учитель, — самый дельный педагог школы. Быть может, никто в Германии не проник так глубоко в грамматическую структуру современного французского языка, как он. В основу он положил не старороманский язык, а классический язык прошлого века, особенно язык Вольтера, и от него перешел к стилю новейших авторов. Результаты его исследований представлены в написанном им «Руководстве к изучению французского языка, в трех курсах», из которых первый и второй уже вышли в нескольких изданиях, а третий выйдет теперь к пасхе. Это, без сомнения, наряду с кнебелевским, лучший учебник французского языка, каким мы располагаем; сразу же после выхода первого курса этот учебник встретил всеобщее одобрение и уже теперь пользуется почти беспримерным распространением по всей Германии и далее вплоть до Венгрии и прибалтийских провинций России.

Остальные учителя — юноши, только что окончившие семинарию, из которых одни получили основательное образование, другие же обременены хаосом всякого рода знаний. Лучшим из этих молодых учителей был г-н Кёстер, друг Фрейлиграта; в одном поведении для учителей имеется его очерк поэтики, из которой он совершенно исключил дидактическую поэзию, а обычно приписываемые ей виды отнес к эпосу или лирике; статья свидетельствовала о понимании вопроса и ясности мысли. Его пригласили в Дюссельдорф и, так как господа из попечительного совета знали его как врага всякого рода пиетизма, они его очень охотно отпустили. Противоположностью ему является другой учитель, который на вопрос ученика 4-го класса, кто такой был Гёте, ответил: «безбожник».

Эльберфельдское реальное училище финансируется очень хорошо; оно может поэтому подбирать лучших учителей и организовать более полный курс. Однако в нем господствует та ужасная система зубрежки, которая в полгода может превратить ученика в тупицу. Кстати сказать, дирекция мало дает себя чувствовать: директор полгода бывает в отъезде и дает знать о своем присутствии только сугубой строгостью. С реальным училищем соединено ремесленное училище, где ученики полжизни тратят на всякого рода черчение. Из учителей заслуживает внимания д-р Крузе; он пробыл шесть недель в Англии и написал брошюрку об английском произношении, которая отличается совершенной непригодностью; ученики пользуются очень плохой репутацией, что дало Дистервегу повод к жалобам на эльберфельдскую молодежь.

Гимназия в Эльберфельде находится в очень стесненных обстоятельствах, но признается одной из лучших в прусском государстве. Она является собственностью реформатской общины, но мало страдает от ее мистицизма, так как проповедники ею не интересуются, а члены попечительного совета ничего не понимают в делах гимназии; но тем более ей приходится страдать от их скряжничества. Эти господа не имеют ни малейшего представления о преимуществах прусского гимназического образования, стараются предоставить реальному училищу всё — средства и учеников, — а гимназии при этом ставят в упрек, что она не может платой за учение даже покрыть своих расходов. Теперь идут переговоры о передаче гимназии правительству, которое в этом очень заинтересовано; если передача не состоится, гимназию придется через несколько лет закрыть за недостатком средств. Подбор учителей находится теперь также в руках членов попечительного совета, людей, умеющих, правда, очень точно заносить ту или иную статью в гробух, но не имеющих никакого понятия о греческом, латыни или математике. Главный принцип выбора у них такой: лучше выбрать бездарного реформата, чем *дельного* лютеранина или, что еще хуже, католика. Но так как среди прусских филологов гораздо больше лютеран, чем реформатов, то попечительный

совет на деле почти никогда не в состоянии следовать своему принципу.

Д-р Ханчке, профессор и временный директор, родом из Лукау в Лаузице, пишет Цицероновской латынью в стихах и прозе и является автором многих проповедей, педагогических статей и пособия для изучения древнееврейского языка. Он давно стал бы постоянным директором, если бы не был лютеранином и если бы попечительный совет был менее скуп.

Д-р Эйххоф, второй старший учитель, написал вместе со своим младшим коллегой, д-ром Бельцем, латинскую грамматику, на которую, впрочем, в «Allgemeine Literatur-Zeitung» появилась не особенно лестная рецензия Ф. Гаазе. Его конёк — греческий язык.

Д-р Клаузен, третий старший учитель, несомненно, самый дельный человек во всей школе — преподаватель, сведущий во всех областях, отличный знаток истории и литературы. Его манера изложения на редкость приятна; он единственный, кто умеет пробудить в учениках вкус к поэзии — вкус, который иначе самым жалким образом зачах бы среди филистеров Вуппертала. Как писатель он выступил, насколько мне известно, только с научно-методической работой на тему «Пиндар — лирик», которая создала ему громкое имя среди гимназических учителей в Пруссии и за ее пределами. На книжный рынок она, конечно, не попала.

Эти три школы были основаны лишь в 1820 г.; раньше в Эльберфельде и Бармене имелось только по одной ректорской школе⁵ и множество частных школ, которые не могли дать достаточного образования. Последствия этого еще заметны на барменских купцах старшего поколения. Образования — ни малейшего; тот, кто играет в вист или на бильярде, умеет немного рассуждать о политике и сказать удачный комплимент, считается в Бармене и Эльберфельде образованным человеком. Ужасающий образ жизни ведут эти люди и, однако, чувствуют себя превосходно; днем они с головой уходят в свои торговые счета, погружаясь в них с такой страстностью и интересом, что и поверить трудно; вечером в определенный час все собираются компаниями и проводят время за картами, рассуждают о политике, курят и, как только часы пробьют девять, возвращаются домой. Так проходит их жизнь изо дня в день, без всяких изменений, и горе тому, кто нарушит этот уклад; он может быть уверен, что во всех лучших домах города к нему отнесутся самым немилостивым образом. — Отцы усердно наставляют на этот путь молодых людей; сыновья, в свою очередь, подают надежды пойти по стопам отцов. Предметы их бесед довольно однообразны: барменцы говорят больше о лошадях, эльберфельдцы — о собаках, а когда уж очень разойдутся, то начинается у них разбор наружности красивых женщин или же болтовня о делах, и это — всё. Раз в кои-то веки заходит у них разговор и о литературе, под которой они понимают Поль де Кока, Марриета, Тромлица, Нестроя и им подобных. В политике как истые пруссаки — ибо они находятся под прусским владычеством — они

а ргіогі * решительно враждебны всякому либерализму, но всё это, пока его величеству угодно сохранять им кодекс Наполеона ⁶, ибо с его отменой исчез бы и весь их патриотизм. Литературного значения «Молодой Германии» ⁷ никто не понимает, ее рассматривают как тайный союз, нечто наподобие демагогов, под председательством гг. Гейне, Гуцкова и Мундта. Некоторые из благородных юношей читали, пожалуй, кое-что из Гейне, может быть «Путевые картины», с пропуском содержащихся в них стихотворений, или «Доносчика», но об остальном у них имеются лишь смутные представления со слов пасторов или чиновников...

---

* — заранее. *Ред.*

1840 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС
ЭРНСТ МОРИЦ АРНДТ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 364—365

Перейдем теперь к содержанию книги⁸. Большую часть ее занимает набросанная подлинно поэтической рукой идиллия юношеского периода жизни. Навсегда может быть признателен PROVIDЕНИЮ тот, кто провел свои ранние годы, как Арндт! Не в пыли большого города, где радости отдельной личности подавляются интересами целого, не в детских приютах и филантропических тюрьмах⁹, где заглушаются молодые побег, — нет, под открытым небом, в лесу и в поле природа создавала стального мужа, на которого, как на северного богатыря, с удивлением взирает изнеженное поколение. Большая пластическая сила, с которой Арндт излагает этот период своей жизни, почти наводит на мысль, что пока наши писатели *переживают* такие идиллии, как Арндт, всякие идиллические *фантазии* излишни. Особенно чуждым покажется нашему веку самовоспитание юноши Арндта, которое соединяет в себе германское целомудрие со спартанской строгостью. Но эту строгость, которая так наивно, без всякой примеси бахвальства, свойственного Яну, напеваает про себя свое *hoc tibi proderit olim**, следует, как нельзя более, рекомендовать нашей изнеженной молодежи. Нечего сказать, хороша опора отечества — молодежь, которая, подобно бешеной собаке, боится холодной воды, кутается в три-четыре одеяния при малейшем морозе и считает для себя честью освободиться по слабосилию от военной службы!..

---

* — это когда-нибудь будет тебе на пользу. *Ред.*

1842 г.

К. МАРКС

ДЕБАТЫ ШЕСТОГО РЕЙНСКОГО ЛАНДТАГА

(Статья первая)

ДЕБАТЫ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ И ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ ПРОТОКОЛОВ
СОСЛОВНОГО СОБРАНИЯ¹⁰

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 1, стр. 31

Известно, что первой теоретической деятельностью рассудка, который еще колеблется между чувственностью и мышлением, является *счет*. Счет — это первый свободный теоретический акт рассудка *ребенка*...

Т а м же, стр. 32

...Пространство — это первое, что импонирует *ребенку* своей величиной. Оно — первая величина, с которой ребенок сталкивается в мире. Ребенок поэтому считает человека большого роста большим человеком...

Т а м же, стр. 33

Если, однако, теоретическое мышление *ребенка* имеет количественный характер, то суждение ребенка, как и его практическое мышление, имеет характер прежде всего практически-чувственный. Чувственная природа организма ребенка — это первая связь, которая соединяет его с миром. *Практические органы чувств*, преимущественно нос и рот, являются первыми органами, при помощи которых он *оценивает* мир...

Т а м же, стр. 34

...Разумеется, ребенок не идет дальше *чувственного восприятия*, он видит только единичное, не подозревая существования тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое с всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевленные члены одухотворенного целого. Ребенок верит, что солнце вращается вокруг земли, всеобщее — вокруг частного. Ребенок поэтому не верит в *дух*, зато он верит в *привидения*.

Одно сословие хочет ограничить печать обсуждением материальных, духовных и церковных дел Рейнской провинции; другое желает, чтобы выходили «общинные газеты», само название которых говорит об ограниченности их содержания; третье выражает даже желание, чтобы в каждой провинции можно было откровенно высказываться только *одной единственной газете!!!*

Все эти попытки ¹¹ напоминают того учителя гимнастики, который в качестве самого лучшего метода обучения прыжкам предложил следующий: ученика подводят к большому рву и с помощью веревочки отмечают, до какого места он должен прыгать *через* ров. Понятно, ученик должен был учиться прыгать постепенно и в первый день не должен был перемахнуть через весь ров; время от времени веревка должна была передвигаться все дальше. К сожалению, ученик при первом же уроке упал в ров и лежит там и поныне. Учитель был немец, а ученика звали «Свобода».

К. МАРКС

ПЕРЕДОВИЦА В №179 «KÖLNISCHE ZEITUNG»¹²

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 1, стр. 103

Что наш великий христианский государственный философ¹³ не имеет «высокого» представления о государстве, разумеется само собой.

«Так как наши государства являются не только *правовыми организациями*, но одновременно и настоящими *воспитательными учреждениями*, распространяющими свое попечение лишь на *более широкий* круг лиц, чем учреждения, предназначенные для воспитания юношества» и т. д., то «все наше общественное воспитание» покоится «на основе христианства».

Воспитание нашей учащейся молодежи в такой же мере базируется на древних классиках и на научных дисциплинах вообще, как и на катехизисе.

Государство отличается, по мнению Г. *, от детского приюта не по содержанию своих задач, а только по своим размерам, — его «попечение» распространяется на более широкий круг лиц.

В действительности же истинная «общественно-воспитательная роль» государства заключается в его разумном и общественном бытии. Само государство воспитывает своих членов тем путем, что делает их членами государства, что оно превращает частные цели во всеобщие, грубый инстинкт — в нравственные склонности, природную независимость — в духовную свободу; тем путем, что отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит свое отражение в сознании каждой отдельной личности.

Передовица же, напротив, понимает под государством не союз свободных людей, взаимно воспитывающих друг друга, а толпу взрослых, которым предназначено быть воспитанными сверху и переходить из «тесного» школьного помещения в «более просторное».

Эта теория воспитания и опеки проводится здесь другом свободы печати, который из любви к этой красавице отмечает «упущения цензуры», который в надлежащем месте умеет изображать «уровень понимания широкой массы» (не потому ли этот уровень понимания широкой массы стал казаться «Kölnische Zeitung» в последнее время таким сомнительным, что эта масса перестала ценить высокие качества «нефилософской газеты»?) и который внушает ученым, что одни взгляды должны высказываться на сцене, а другие — за кулисами!

* — Гермеса. Ред.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА К А. РУГЕ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 514

Милостивый государы!

На этот раз я пишу Вам, чтобы сообщить, что я ничего не пришлю Вам.

Я принял решение на некоторое время совершенно отказаться от литературной деятельности и вместо этого побольше учиться. Причины этого решения очевидны. Я молод и самоучка в философии. У меня достаточно сведений для того, чтобы составить себе определенное убеждение и, в случае надобности, отстаивать его, но недостаточно, чтобы делать это действительно с успехом. Ко мне будут тем более требовательны, что я — «философский коммивояжер» и не приобрел докторским дипломом права на философствование. Я надеюсь, когда я опять напишу что-либо, и уже под своим именем, удовлетворить этим требованиям. К тому же я теперь не могу слишком разбрасываться, потому что вскоре мне, вероятно, опять придется уделять больше времени торговым делам. До сих пор моя литературная деятельность, взятая субъективно, сводилась исключительно к попыткам, результат которых должен был показать мне, позволяют ли мне мои природные способности плодотворно содействовать прогрессу, принять живое участие в современном движении. Я могу быть доволен результатом и считаю теперь своим долгом путем научных занятий, которые я продолжаю с еще большим наслаждением, все более и более усваивать и то, что человеку не дается от рождения.

Когда в октябре я буду возвращаться в свою рейнскую отчизну, я предполагаю встретиться с Вами в Дрездене и подробнее рассказать Вам об этом. А пока я желаю Вам всего хорошего и прошу Вас время от времени вспоминать обо мне.

Берлин. 26.VII.42 г.

Ваш
Ф. Энгельс

1843 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС
ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., изд. 2, т. 1, стр. 514—515

В парламенте сейчас на очереди билль сэра Дж. Грехема о воспитании работающих на фабриках детей, по которому ограничивается их рабочее время, вводится обязательное школьное обучение, а надзор за школами возлагается на англиканскую церковь. Этот билль вызвал, естественно, всеобщее возбуждение и опять дал партиям повод померяться силами. Виги¹⁴ намерены отвергнуть билль целиком, так как он оттесняет диссентеров¹⁵ от воспитания юношества и, ограничивая рабочее время детей, ставит фабрикантов в затруднительное положение. Среди чартистов¹⁶ и социалистов, напротив, дает себя чувствовать значительная симпатия к общей гуманной тенденции билля, за исключением пунктов, касающихся англиканской церкви. Ланкашир, главный фабричный центр, является, конечно, и главным местом агитации за упомянутый билль. Здесь, в городах, тори совершенно бессильны; поэтому их митинги по поводу билля не были открытыми. Диссентеры собирались сначала по корпорациям, чтобы подать петицию против билля, а затем созывали городские митинги в союзе с либеральными фабрикантами. Такой городской митинг созывается высшим городским чиновником, является совершенно открытым, и каждый житель имеет право выступать на нем. Поэтому, если зал собрания достаточно вместителен, победа может здесь принадлежать только самой сильной и энергичной партии. И на всех созывавшихся доньше городских митингах победителями выходили чартисты и социалисты. Первый такой митинг был в Стокпорте, где за резолюцию вигов был лишь один голос, а за резолюцию чартистов — весь митинг, так что мэр Стокпорта, виг, принужден был в качестве председателя митинга подписать чартистскую петицию и послать ее чартистскому депутату (Данкомбу) для представления в парламент. Второй был в Солфорде, нечто вроде предместья Манчестера, с населением около ста тысяч человек; я присутствовал на нем. Виги приняли все меры, чтобы обеспечить себе победу. Мэр города занял председательское кресло и много

разглагольствовал на тему о беспристрастии; но когда кто-то из чартистов спросил, разрешается ли дискуссия, то получил ответ: да, после окончания митинга! Первую резолюцию собирались проташить под шумок, но чартисты были начеку и помешали этому. Когда кто-то из чартистов взобрался на трибуну, подскочил какой-то диссентерский священник и попытался его сбросить! Однако все шло еще хорошо, пока, наконец, не была предложена петиция в духе вигов. Тогда выступил чартист и внес поправку; президент со всей своей свитой вигов тотчас же поднялся и покинул зал. Тем не менее митинг продолжался, и чартистская петиция была поставлена на голосование, но как раз в решающий момент полицейские чиновники, которые уже несколько раз вмешивались в пользу вигов, потушили свет и заставили митинг разойтись. Однако в ближайшем номере местной газеты виги объявили, будто все их резолюции прошли, и мэр был настолько бесчестен, что подписал свое имя «по полномочию и приказу митинга!» Такова честность вигов! Третий митинг состоялся два дня спустя в Манчестере, и здесь точно так же радикальные партии сдержали самую блестящую победу. Хотя время было выбрано так, что бо́льшая часть фабричных рабочих не могла присутствовать, однако в зале значительное большинство составляли чартисты и социалисты. Виги ограничились исключительно теми пунктами, которые были общими для них и чартистов; один социалист и один чартист говорили с трибуны и засвидетельствовали вигам, что виги вели себя в этот день, как примерные чартисты. Социалист заявил им прямо, что он явился сюда с намерением создать оппозицию, если представится хоть малейший повод, но все шло согласно его желаниям. Таким образом, дело дошло до того, что Ланкашир и в особенности Манчестер, гнездо вигизма, центральный пункт Лиги против хлебных законов¹⁷, дает блестящее большинство в пользу радикальной демократии, и тем самым сила «либералов» полностью парализуется.

Т а м же, стр. 520

Пока англиканская церковь почивала на лаврах, социалисты сделали несвероятно много для просвещения трудящихся классов в Англии. На первых порах не надивисься, слушая, как самые простые рабочие с полным пониманием выступают в холле для лекций на политические, религиозные и социальные темы; но когда ознакомишься с замечательными популярными брошюрами, когда послушаешь социалистических лекторов, вроде Уотса в Манчестере, то перестаешь удивляться. Рабочие имеют теперь в хороших дешевых изданиях переводы произведений французской философии прошлого столетия, главным образом «Общественный договор» Руссо, «Систему природы»¹⁸ и разные сочинения Вольтера, кроме того, в брошюрах за один или два пфеннига и в газетах они находят изложение коммунистических принципов; точно так же в руках рабочих имеются дешевые издания сочинений

Томаса Пэйна и Шелли. Сюда нужно еще прибавить воскресные чтения, очень усердно посещаемые; так, во время моего пребывания в Манчестере я видел, что коммунистический холл, вмещающий около 3 000 человек, каждое воскресенье бывает переполнен, и я слушал там речи, которые оказывают непосредственное воздействие, в которых затрагиваются вопросы, задевающие за живое, отпускаются также и остроты по адресу духовных лиц. Нередко случается, что христианство подвергается прямому нападению и христиан называют «нашими врагами».

По форме эти собрания напоминают отчасти церковные; хор певчих в сопровождении оркестра распевает на галерее социальные гимны, полудуховные или полностью духовные мелодии с коммунистическим текстом, которые выслушиваются стоя. Затем на трибуну, где стоят стол и стулья, безо всяких церемоний, не снимая шляпы, поднимается лектор; взмахнув шляпой в виде приветствия, он снимает пальто; потом садится и читает свой доклад, который обычно вызывает веселый смех, ибо в этих речах дается полный простор бьющему ключом английскому остроумию и юмору. В одном уголке холла расположена лавка с книгами и брошюрами, в другом — ларек с апельсинами и освежительными напитками, где каждый может удовлетворить свои вкусы или отдохнуть, если ему наскучат речи. По временам устраиваются воскресные вечера, на которых сидят попеременно люди обоего пола, всех возрастов и состояний за обычным ужином — чаем с бутербродами; в рабочие дни в холле часто устраиваются балы и концерты, где очень весело проводят время; в холле имеется еще и кафе.

1844 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИИ

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ. «ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ». ЛОНДОН, 1843 *

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 1, стр. 572—573

Удивительно, до чего низко пали духовно и утратили свои силы высшие классы общества в Англии — те, кого англичанин называет «respectable people», «the better sort of people»** и т. д. Исчезла вся их энергия, вся деятельность, все содержание; земельная аристократия занимается охотой, денежная аристократия ведет записи в бухгалтерских книгах, а в лучшем случае заполняет свою праздную жизнь чтением столь же пустой и расслабляющей литературы. Политические и религиозные предрассудки передаются по наследству из поколения в поколение; все достается теперь представителям этих высших классов легко, и им вовсе нет надобности, как в старые времена, беспокоиться о принципах; принципы, в совершенно готовом виде, неизвестно откуда следуются к ним, когда они еще в колыбели. Чего же им еще надо? Каждый из них получил хорошее воспитание, т. е. без толку корпел в школе над римлянами и греками; к тому же каждый из них «респектабелен», т. е. владеет столькими-то тысячами фунтов стерлингов и, значит, ему не о чем больше беспокоиться, как только о подыскании себе жены, если у него ее еще нет.

Т а м же, стр. 573—575

Вам, добрым немцам, приходится из года в год слушать либеральных журналистов и депутатов, разглагольствующих о том, какими удивительными и независимыми людьми являются англичане, и доказывающих, что все это порождено английскими свободными установлениями, — в таком розовом свете это представляется издалека. Прения в палатах парламента, свободная печать,

---

* «Past and Present» by Thomas Carlyle. London, 1843. *Ред.*

** — «респектабельными людьми», «лучшим сортом людей». *Ред.*

бурные народные собрания, выборы, суд присяжных не могут не произвести впечатления на робкую душу Михеля, и, восхищенный, он принимает всю эту красивую видимость за чистую монету. Но ведь в конце-то концов воззрения либерального журналиста и депутата далеко еще не поднялись на такую высоту, чтобы дать всеобъемлющий обзор развитию человечества или хотя бы только одной-единственной нации. Английская конституция в свое время была довольно хороша и сделала кое-что хорошее, а с 1828 г. она занялась лучшим делом, на какое была способна, а именно, начала сама себя разрушать¹⁹; что же касается того, что ей приписывает либерал, то этого-то она и не выполнила. Она не сделала англичан независимыми людьми. Англичане, т. е. образованные англичане, а по ним на континенте судят об английском национальном характере, эти англичане — самые презренные рабы в мире. Лишь не известная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения, несмотря на всю их грубость и на всю их деморализацию. От них-то и придет спасение Англии; они представляют собой еще пригодный для творчества материал; у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее. Аристократия же — а ныне она охватывает и буржуазию — исчерпала себя; весь запас идей, каким она располагала, вплоть до самых последних выводов уже израсходован и применен на практике, и ее царство идет быстрыми шагами к своему концу. Конституция — дело ее рук, и ближайшим следствием этого дела было то, что конституция опутала своих же творцов сетью установлений, которые сделали невозможным какое-либо свободное проявление духа. Господство общественных предрассудков везде и повсюду является первым следствием так называемых свободных политических установлений, и это господство в политически наиболее свободной стране Европы, в Англии, ощущается сильнее, чем в какой-либо другой стране, за исключением Северной Америки, где общественный предрассудок в силу закона Линча узаконен как власть в государстве. Англичанин пресмыкается перед общественным предрассудком, ежедневно приносит себя ему в жертву, — и чем он либеральнее, тем покорнее повергается он ниц перед этим своим кумиром. Но общественный предрассудок в «образованных кругах» бывает либо торийским, либо вигским; в крайнем случае — радикальным, но этот последний уже не считается признаком хорошего тона. Побудьте хоть раз среди образованных англичан и скажите, что вы чартист или демократ, — они усомнятся, в здравом ли вы уме, и будут избегать вашего общества. Или попробуйте заявить им, что вы не верите в божественность Христа, — и вы преданы и проданы; признайтесь откровенно, что вы атеист, — и на следующий день они сделают вид, что незнакомы с вами. И если независимый англичанин действительно начинает думать, — а это случается с ним довольно редко, — а

сбрасывает с себя оковы предрассудка, впитанного с молоком матери, даже и тогда у него не хватает мужества свободно высказать свое убеждение, даже и тогда он лицемерно выступает перед обществом как приверженец такого мнения, которое, по крайней мере, считается терпимым, и доволен, если ему хотя бы изредка удастся с глазу на глаз откровенно побеседовать с единомышленником.

Итак, образованные классы в Англии глухи ко всякому прогрессу, и лишь под натиском рабочего класса они несколько приходят в движение. Нельзя ожидать, чтобы ежедневная литературная пища этих одряхлевших образованных классов выглядела бы иначе, чем они сами. Вся фешенебельная литература вращается в заколдованном кругу и так же скучна и бесплодна, как и само пресыщенное и выдохшееся фешенебельное общество.

Когда «Жизнь Иисуса» Штрауса и слава о ней пересекли канал, то ни один благопристойный человек не осмелился перевести книгу, ни один видный издатель — напечатать ее. Наконец, какой-то социалистический lecturer (для этого специального агитаторского термина не существует немецкого слова), т. е. человек самого нефешенебельного общественного положения, перевел ее, мелкий типограф, социалист, напечатал ее отдельными выпусками, каждый ценой в пенни, и рабочие Манчестера, Бирмингема и Лондона оказались в Англии единственной читательской публикой для Штрауса.

К. МАРКС

ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИЕ РУКОПИСИ 1844 ГОДА

К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 592—596

Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его *потребляем*, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как *средство к жизни*, а та жизнь, для которой они служат средством, есть *жизнь частной собственности* — труд и капитализирование.

Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания*. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство. (О категории *обладания* см. статью *Гесса* в сборнике «Двадцать один лист».)

Поэтому упразднение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали *человеческими* как в субъективном, так и в объективном смысле. Глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека. Поэтому *чувства* непосредственно в своей практике стали *теоретиками*. Они имеют отношение к *вещи* ради вещи, но сама эта вещь есть *предметное человеческое* отношение к самой себе и к человеку*, и наоборот. Вследствие этого потребность и пользование вещью утратили свою *эгоистическую* природу, а природа утратила свою голую *полезность*, так как польза стала *человеческой* пользой.

* Я могу на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку. (Примечание Маркса.)

Точно так же чувства и наслаждения других людей стали моим *собственным* достоянием. Поэтому, кроме этих непосредственных органов, образуются *общественные* органы, в *форме* общества. Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т. д. стала органом *проявления* моей жизни и одним из способов усвоения *человеческой* жизни.

Ясно, что *человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое *ухо* — иначе, чем грубое, неразвитое ухо, и т. д.

Мы видели, что человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете.

Поэтому, с одной стороны, по мере того как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предмет становится *им самим*. То, как они становятся для него *его* предметами, зависит от *природы предмета* и от природы соответствующей *ей сущностной силы*; ибо именно *определенность* этого отношения создает особый, *действительный* способ утверждения. *Глазом* предмет воспринимается иначе, чем *ухом*, и предмет глаза — иной, чем предмет *уха*. Своеобразие каждой сущностной силы — это как раз ее *своеобразная сущность*, следовательно, и своеобразный способ ее опредмечивания, ее *предметно-действительного*, живого *бытия*. Поэтому не только в мышлении, но и *всеми* чувствами человек утверждает себя в предметном мире.

С другой стороны, со стороны субъективной: только музыка пробуждает музыкальное чувство человека; для немзыкального уха самая прекрасная музыка *лишена* смысла, она для него не является предметом, потому что мой предмет может быть только утверждением одной из моих сущностных сил, т. е. он может существовать для меня только так, как существует для себя моя сущностная сила в качестве субъективной способности, потому что смысл какого-нибудь предмета для меня (он имеет смысл лишь для соответствующего ему чувства) простирается ровно настолько, насколько простирается *мое* чувство. Вот почему *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз,— короче

говоря, такие *чувства*, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. Образование пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории. *Чувство*, находящееся в плену у грубой практической потребности, обладает лишь *ограниченным* смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается это поглощение пищи от поглощения ее *животным*. Удрученный заботами, нуждающийся человек невосприимчив даже к самому прекрасному зрелищу; торговец минералами видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала; у него нет минералогического чувства. Таким образом, необходимо опредмечие человеческой сущности — как в теоретическом, так и в практическом отношении, — чтобы, с одной стороны, *очеловечить чувства* человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство*, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности.

Подобно тому как благодаря движению *частной собственности*, ее богатства и нищеты — материального и духовного богатства и материальной и духовной нищеты — возникающее общество находит перед собой весь материал для этого *образовательного процесса*, так *возникшее* общество производит, как свою постоянную действительность, человека со всем этим богатством его существа, производит *богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека*.

Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу.

Мы видим, что история *промышленности* и возникшее *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил*, чувственно представшей перед нами *человеческой психологией*, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности, потому что, — дви-

гаясь в рамках отчуждения, — люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и *человеческую родовую деятельность* только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории — в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д. В *обыкновенной, материальной промышленности* (которую в такой же мере можно рассматривать как часть вышеуказанного всеобщего движения, в какой само это движение можно рассматривать как *особую* часть промышленности, так как вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, т. е. промышленностью, отчужденной от самой себя деятельностью) мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов*, под видом отчуждения, *опредмеченные сущностные силы* человека. Такая *психология*, для которой эта книга, т. е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и *реальной* наукой. Что вообще думать о такой науке, которая *высокомерно* отвлекается от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все это богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого кроме того, что можно выразить одним термином «*потребность*», «*обыденная потребность*»?

Естественные науки развернули колоссальную деятельность и накопили непрерывно растущий материал. Но философия осталась для них столь же чуждой, как и они оставались чужды философии. Кратковременное объединение их с философией было лишь *фантастической иллюзией*. Налицо была воля к объединению, способность же отсутствовала. Даже историография принимает во внимание естествознание лишь между прочим, как фактор просвещения, полезности, отдельных великих открытий. Но зато тем более *практически* естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало ее и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обесчеловечение человеческих отношений. *Промышленность* является *действительным* историческим отношением природы, а следовательно и естествознания, к человеку. Поэтому если ее рассматривать как *экзотерическое* раскрытие человеческих *сущностных сил*, то понятна станет и *человеческая* сущность природы, или *природная* сущность человека; в результате этого естествознание утратит свое абстрактно-материальное или, вернее, идеалистическое направление и станет основой *человеческой* науки, подобно тому как оно уже теперь — хотя и в отчужденной форме — стало основой действительно человеческой жизни, а принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит с самого начала допускать ложь. Становящаяся в человеческой истории — этом акте возникновения человеческого общества — природа является *действительной* природой человека; поэтому природа, какой она становится — хотя и в *отчужденной* форме —

благодаря промышленности, есть истинная антропологическая природа.

Чувственность (см. Фейербаха) должна быть основой всей науки. Наука является *действительной* наукой лишь в том случае, если она исходит из чувственности в ее двояком виде: из *чувственного* сознания и из *чувственной* потребности; следовательно, лишь в том случае, если наука исходит из природы. Вся история является подготовкой к тому, чтобы «человек» стал предметом *чувственного* сознания и чтобы потребность «человека как человека» стала [естественной, чувственной] потребностью. Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включает в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание: это будет *одна* наука.

Человек есть непосредственный предмет естествознания; ибо непосредственной *чувственной природой* для человека непосредственно является человеческая чувственность (это — тождественное выражение), непосредственно как *другой* чувственно воспринимаемый им человек; ибо его собственная чувственность существует для него самого, как человеческая чувственность, только через *другого* человека. А *природа* есть непосредственный предмет *науки о человеке*. Первый предмет человека — человек — есть природа, чувственность; а особые человеческие чувственные сущностные силы, находящие свое предметное осуществление только в предметах *природы*, могут обрести свое самопознание только в науке о природе вообще. Даже элемент самого мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли — *язык*, — имеет чувственную природу. *Общественная* действительность природы и *человеческое* естествознание, или *естественная наука о человеке*, это — тождественные выражения.

Мы видим, как на место политико-экономического *богатства* и политико-экономической *нищеты* становятся *богатый человек* и богатая *человеческая* потребность. *Богатый* человек — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*. Не только *богатство* человека, но и *бедность* его получает при социализме в равной мере *человеческое* и потому общественное значение. Она есть пассивная связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой* человек. Господство предметной сущности во мне, чувственная вспышка моей сущностной деятельности есть *страсть*, которая, таким образом, становится здесь *деятельностью* моего существа.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО,
ИЛИ КРИТИКА КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ
ПРОТИВ БРУНО БАУЭРА И КОМПАНИИ²⁰

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 2, стр. 144

В своем произведении «Опыт о происхождении человеческих знаний»²¹ он * развивал точку зрения Локка, доказывая, что не только душа, но и чувства, не только искусство создавать идеи, но и искусство чувственного восприятия являются делом *опыта и привычки*. От *воспитания и внешних обстоятельств* зависит поэтому все развитие человека. Кондильяка вытеснила из французских школ только *эклектическая философия*.

Различие *французского и английского* материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию. Они *цивилизировали* его.

У *Гельвеция*, который тоже исходит из Локка, материализм получает собственно французский характер. Гельвеций тотчас же применяет его к общественной жизни (Гельвеций. «О человеке»²²). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всей морали. Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промышленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы.

Т а м ж е, стр. 145—146

Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма²³ о природной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышлен-

---

* — Кондильяк. *Ред.*

пости, о правомерности наслаждения и т. д.— и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека. Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений. Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОПИСАНИЕ ВОЗНИКШИХ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ И ЕЩЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ КОЛОНИЙ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. III, 1929, стр. 265—266

Прибавим к этому описанию еще несколько слов о внутреннем устройстве этой коммуны²⁴. Члены ее живут вместе в большом доме, причем у каждого своя особая спальня, устроенная удобным образом; общее домашнее хозяйство ведется лишь частью женщин, благодаря чему сберегается много расходов, времени и труда, пропадающих при ведении многих маленьких хозяйств, и получаются такие удобства, которые совершенно невозможны в маленьких хозяйствах. Так, например, огонь с кухни служит в то же время для нагревания всех комнат в доме теплым воздухом; по трубам в каждую комнату проведена холодная и теплая вода, и вообще там имеется ряд преимуществ и удобств, которые возможны лишь при общем хозяйстве. Дети отдаются в школу, связанную с предприятием, и воспитываются там на общественный счет. Родители могут видеть их, когда хотят, а воспитание имеет в виду физическое и духовное развитие и общественную жизнь. Детей не мучат религиозно-богословскими тонкостями, латынью и греческим языком, но тем больше внимания они уделяют изучению природы, своего собственного тела и своих духовных способностей и отдыхают в поле от сидения — правда, непродолжительного — за партами; дело в том, что обучение происходит так же часто под открытым небом, как и в закрытых помещениях, и работа является частью воспитания. Нравственное воспитание сводится к приложению одного правила: чего ты не хочешь, чтоб другие тебе делали, не делай им сам, т. е. оно сводится к проведению полного равенства и братской любви.

1844—1845 гг.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 2, стр. 243—245

История рабочего класса в Англии начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения послужили, как известно, толчком к промышленной революции — революции, которая одновременно произвела полный переворот в гражданском обществе и всемирно-историческое значение которой начинают уяснять себе лишь в настоящее время. Англия — классическая страна этого переворота, тем более мощного, чем бесшумнее он совершался, и Англия поэтому является также классической страной развития его главного результата — пролетариата. Только в Англии пролетариат может быть изучен во всех своих отношениях и со всех сторон.

Мы не будем здесь касаться ни истории этой революции, ни ее огромного значения для настоящего и будущего. Это будет предметом дальнейшего, более обширного труда. В данный момент мы ограничимся тем немногим, что необходимо для уяснения последующих фактов, для понимания современного положения английского пролетариата.

До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Жена и дочери пряли пряжу, которую отец семейства превращал в ткань; если он сам ее не обрабатывал, пряжа продавалась. Эти семьи ткачей жили большей частью в деревне, близ городов, и могли неплохо существовать на свой заработок, так как местный рынок все еще был в смысле спроса на ткани решающим и даже почти единственным рынком, а всеисие конкуренции, проложившей себе дорогу впоследствии в связи с завоеванием иностранных рынков и расширением торговли, не оказывало еще заметного действия на заработную плату. К этому присоединялось еще постоянное увеличение спроса на местном рынке, которое шло в ногу с медленным ростом населения и обеспечивало работой всех рабочих; к тому же сильная конкуренция между ними была невозможна вследствие раз-

бросанности их жилищ в сельской местности. Таким образом, ткач большей частью был даже в состоянии кое-что откладывать и арендовать небольшой участок земли, который он обрабатывал в часы досуга, а их у него было сколько угодно, так как он мог ткать когда и сколько ему хотелось. Правда, земледелец он был плохой, его хозяйство велось небрежно и не приносило существенного дохода; но, по крайней мере, он не был пролетарием, он вбил, как выражаются англичане, столб в родную землю, он был оседлым человеком и в обществе стоял на одну ступень выше, чем теперешний английский рабочий.

Так рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и кроме того они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это все же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи.

Легко себе представить, каков был моральный и интеллектуальный уровень этого класса. Отрезанные от городов, где они никогда не бывали, так как пряжу и ткань они сдавали развозным агентам, от которых получали заработную плату, — отрезанные до такой степени, что старики, проживавшие в непосредственном соседстве с городом, никогда не бывали там, пока, наконец, машины, отняв у них их заработок, не привели их туда в поисках работы, — они в моральном и интеллектуальном отношении стояли на уровне крестьян, с которыми они большей частью были и непосредственно связаны благодаря своему участку арендованной земли. В своем *скайре* — наиболее значительном из местных землевладельцев — они видели своего «естественного повелителя», искали у него совета, делали его судьей в своих мелких спорах и проявляли к нему ту почтительность, которая обуславливается такими патриархальными отношениями. Они были людьми «почтенными» и хорошими отцами семейств, вели нравственную жизнь, поскольку у них отсутствовали и поводы к безнравственной жизни — кабаков и притонов поблизости не было, а трактирщик, у которого они временами утоляли жажду, сам был человек почтенный и большей частью крупный арендатор, торговал хорошим пивом, любил строгий порядок и по вечерам рано закрывал свое заведение. Дети целый день проводили дома с родителями и воспи-

тывались в повиновении к ним и в страхе божием. Патриархальные семейные отношения не нарушались до свадьбы детей. Молодые люди росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы, и хотя половые сношения до брака были почти обычным явлением, но происходило это только тогда, когда обе стороны признавали за собой моральное обязательство к вступлению в брак, и состоявшаяся свадьба снова приводила все в порядок. Одним словом, тогдашние английские промышленные рабочие жили и мыслили так, как живут еще и теперь кое-где в Германии, замкнуто и обособленно, без духовной деятельности и без резких колебаний в условиях своей жизни. Они редко умели читать и еще реже писать, аккуратно посещали церковь, не занимались политикой, не устраивали заговоров, не размышляли, увлекались физическими упражнениями, с благочестием, привитым с детства, слушали чтение библии и в своем непритязательном смирении прекрасно уживались с более привилегированными классами общества. Но зато в духовном отношении они были мертвы, жили только своими мелкими частными интересами, своим ткацким станком и садиком, и не знали ничего о том мощном движении, которым за пределами их деревень было охвачено все человечество. Они чувствовали себя хорошо в своей тихой растительной жизни и, не будь промышленной революции, они никогда не расстались бы с этим образом жизни, правда, весьма романтичным и уютным, но все же недостойным человека. Они и не были людьми, а были лишь рабочими машинами на службе немногих аристократов, которые до того времени вершили историю. Промышленная революция лишь довела дело до конца, полностью превратив рабочих в простые машины и лишив их последнего остатка самостоятельной деятельности, но она тем самым заставила их думать, заставила их добиваться положения, достойного человека. Как во Франции политика, так в Англии промышленность и вообще движение гражданского общества вовлекли в поток истории последние классы, остававшиеся еще равнодушными к общим интересам человечества.

Т а м же, стр. 341—349

Высокие цифры смертности обуславливаются главным образом высокой смертностью детей младшего возраста в рабочей среде. Нежный организм ребенка менее всего может противостоять неблагоприятному воздействию плохих условий жизни. Безнадзорность, на которую ребенок часто бывает обречен, когда отец и мать оба работают, или же когда один из них умер, очень скоро дает себя знать; поэтому неудивительно, если, например, в Манчестере, согласно только что упомянутому нами отчету, свыше 57% детей рабочих умирает, не достигнув пяти лет, между тем как среди детей высших классов до пятилетнего возраста умирает только 20%, а в сельских округах средняя цифра детей всех классов, умирающих до пятилетнего возраста, составляет

менее 32% *. В цитированной уже несколько раз статье из журнала «Artizan» мы находим по этому поводу более точные данные; сопоставляя цифры смертных случаев в городе и в деревне по отдельным детским болезням, автор доказывает, что эпидемии в Ливерпуле и Манчестере влекут за собой в общем в три раза бóльшую смертность, чем в сельских округах, что в городах заболевания нервной системы случаются в пять раз чаще, а желудочные заболевания в два раза чаще, чем в деревне, между тем как число смертных случаев от легочных заболеваний в городах относится к числу таких же заболеваний в деревне, как 2¹/₂ : 1. От оспы, кори, коклюша и скарлатины умирает в городах в четыре раза больше детей, чем в деревнях, от водянки мозга втрое больше, а от конвульсий — в десять раз больше. — Чтобы опереться еще на один авторитетный источник, я приведу здесь таблицу, которую д-р Уэйд, в своей «Истории среднего и рабочего классов» (Лондон, 1835, 3-е издание) заимствует из отчета парламентской фабричной комиссии 1832 года.

Смертность на 10 000 человек	Моло- же 5 лет	5—19	20—39	40—59	60—69	70—79	80—89	90—99	100 и более
В графстве Ратленд — здоровом земледельческом округе . . .	2865	891	1275	1299	1189	1428	938	112	3
В графстве Эссекс — земледельческом округе с болотистой почвой	3159	1110	1526	1413	963	1019	630	177	3
В городе Карлайле в 1779—1787 гг., до появления фабрик	4408	911	1006	1201	940	826	533	153	22
В городе Карлайле, после появления фабрик	4738	930	1261	1134	677	727	452	80	1
В фабричном городе Престоне	4947	1136	1379	1114	553	532	298	38	3
В фабричном городе Лидсе	5286	927	1228	1198	593	512	225	29	2

Помню всех этих болезней, представляющих неизбежное следствие угнетения беднейших классов и пренебрежения к их интересам, есть еще и другие причины, способствующие увеличению смертности среди детей младшего возраста. Во многих семьях жена работает вне дома, так же как и муж, вследствие чего дети совершенно заброшены и их запирают одних в доме или отдают кому-нибудь, кто за ними присматривает за плату.

* «Отчет фабричной комиссии», том 3, доклад д-ра Хокинса по Ланкаширу. — Здесь приводится свидетельство д-ра Робертсона, «первого авторитета по статистике в Манчестере». (Примечание Энгельса.)

Что же удивительного, если сотни таких детей гибнут вследствие всевозможных несчастных случаев. Нигде столько детей не гибнет под колесами экипажей и копытами лошадей, нигде столько детей не тонет и не сгорает, как в больших городах Англии. Особенно часто умирают дети, обожженные или ошпаренные кипятком; в Манчестере в течение зимних месяцев бывает почти каждую неделю по одному случаю, в Лондоне не меньше, но об этом редко печатают в газетах; я располагаю лишь одним сообщением газеты «Weekly Dispatch» от 15 декабря 1844 г., судя по которому за неделю от 1 до 7 декабря было *шесть* подобных случаев. Эти несчастные дети, гибнущие столь ужасным образом, являются исключительно жертвами нашего общественного неустройства и заинтересованного в сохранении этого неустройства имущего класса. И при всем том трудно сказать, не является ли даже эта страшная, мучительная смерть благодеянием для детей, поскольку она избавляет их от целой жизни, полной мучений и нищеты, богатой всевозможными страданиями и бедной наслаждениями. Вот до чего дошло дело в Англии, а буржуазия ежедневно читает обо всем этом в газетах и ей до этого и дела нет. Но зато она и не вправе протестовать, если, на основании всех приведенных мной официальных и неофициальных свидетельств, которые *не могут* не быть ей известны, я предъявлю ей обвинение в социальном убийстве. Пусть она позаботится о том, чтобы этому ужасному положению наступил конец, или — передаст управление общественными делами рабочему классу. Но она не имеет ни малейшего желания сделать второе, а первое, пока она остается буржуазией и не может освободиться от буржуазных предрассудков, она сделать не в состоянии. В самом деле, если она, наконец, теперь, после гибели сотен тысяч жертв, принимает некоторые мелкие меры предосторожности на будущее, издает специальный закон об упорядочении строительства в столице²⁵, хоть немного ограничивающий беспорядочную скученность жилищ, если она хвастает мероприятиями, которые не только не затрагивают корней зла, но даже не удовлетворяют самым обычным требованиям санитарной полиции, то не сможет же она этим снять с себя обвинение. Английской буржуазии остается только одно из двух: или удерживать в своих руках бразды правления, *невзирая* на неопровержимое обвинение в убийстве, которое на нее ложится, или отказаться от власти в пользу рабочего класса. До настоящего времени она предпочитала первое.

Перейдем от физических условий жизни рабочих к духовным. Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам. А эта мера не очень-то велика. Просветительных учреждений в Англии непропорционально мало сравнительно с количеством населения. Немногочисленные дневные школы, доступные рабочему классу, могут посещаться только

немногими, к тому же эти школы плохие, учителя в них — потерявшие трудоспособность рабочие или еще какие-нибудь ни на что не пригодные люди, которые стали учителями ради заработка, сами большей частью не имеют даже самых необходимых элементарных знаний, лишены столь важных для учителя нравственных качеств и совсем не подвергаются публичному контролю. И здесь царит свободная конкуренция, и, как всегда, богачи на этом выгадывают, а бедняки, для которых конкуренция как раз не является свободной, которые не располагают соответствующими знаниями, чтобы сделать правильный выбор, остаются в накладе. Обязательного школьного обучения нет нигде; на фабриках оно, как мы это увидим, существует лишь на словах, и когда в сессию 1843 г. правительство пыталось эту мнимую обязательность превратить в действительную, промышленная буржуазия всеми силами этому воспротивилась, хотя рабочие решительно высказались за обязательное посещение школы. Кроме того огромное число детей работает всю неделю на фабриках и на дому и не может поэтому посещать школу. А *вечерние школы*, предназначенные для тех, кто днем работает, почти вовсе не посещаются и не приносят никакой пользы. Было бы слишком уж много требовать от юных рабочих, изнуренных двенадцатичасовым трудом, чтобы они еще отсиживали в школе с восьми до десяти часов вечера. А те, которые это делают, большей частью во время занятий засыпают, как это констатировано сотнями свидетельств в «Отчете комиссии по обследованию детского труда». Правда, созданы также и воскресные школы, но они плохо обеспечены учителями и могут принести некоторую пользу лишь тем, кто уже кое-чему научился в дневной школе. Промежуток времени от одного воскресенья до другого слишком велик, чтобы совершенно неразвитый ребенок мог удержать в памяти до следующего урока то, что он выучил на предыдущем, неделю тому назад. «Отчет комиссии по обследованию детского труда» приводит об этом тысячи свидетельств, и сама комиссия решительно придерживается того мнения, что ни дневные, ни воскресные школы не отвечают даже в самой отдаленной степени нуждам нации. В этом отчете приводятся примеры такого невежества среди рабочего класса Англии, какого трудно было бы ожидать даже в таких странах, как Испания или Италия. Но может ли быть иначе? Образование рабочих мало сулит хорошего для буржуазии, зато может внушить ей серьезные опасения. Из своего огромного бюджета в 55 млн. ф. ст. правительство уделяет на народное просвещение жалкую сумму в 40 тыс. фунтов стерлингов. И если бы не фанатизм религиозных сект, причиняющий по крайней мере не меньший вред, чем польза, которую он когде приносит, расходы на образование были бы еще более ничтожны. Но англиканская церковь устраивает свои *National Schools* *, а каждая секта — свои школы, исключительно для

* — народные школы. *Ред.*

того, чтобы удерживать в своем лоне детей своих единоверцев и, когда это возможно, отбить у другой секты какую-нибудь несчастную детскую душу. В результате религия, и именно самая бесплодная ее область — опровержение учений инаковерующих — стала важнейшим предметом преподавания, и память детей забивается непонятными догматами и различными теологическими тонкостями, сектантская нетерпимость и фанатичное ханжество развиваются с ранних лет, а умственное, духовное и нравственное развитие остается в позорном пренебрежении. Рабочие не раз уже требовали от парламента системы чисто светского народного образования, при которой забота о религиозном воспитании предоставлялась бы духовенству каждой секты, но до настоящего времени ни одно министерство не соглашалось на подобную меру. Вполне понятно: министр — послушный лакей буржуазии, буржуазия же делится на бесчисленное множество сект; а каждая секта лишь в том случае согласна предоставить рабочему столь опасное в других отношениях образование, если сможет вместе с тем преподнести ему и противоядие в виде своих специфических догматов. А так как эти секты до сих пор борются между собой за верховенство, то рабочий класс остается пока без образования. Правда, фабриканты хвастаются тем, что они обучили грамоте огромное большинство рабочих, но что это за грамотность можно узнать из «Отчета комиссии по обследованию детского труда». Кто знает азбуку, тот говорит, что умеет читать, и фабриканты на этом успокаиваются. А если принять во внимание запутанную английскую орфографию, при которой чтение является истинным искусством и может быть постигнуто лишь после долгого изучения, то необразованность рабочего класса окажется весьма понятной. Писать бегло умеют лишь очень немногие, а правила орфографии не соблюдают даже многие «образованные» люди. В воскресных школах высокой англиканской церкви, квакеров и кое-каких других сект писать вообще не учат, «так как это слишком светское занятие для воскресенья». Как дело обстоит с другими видами образования, предлагаемыми рабочим, будет видно из нескольких примеров. Они заимствованы из «Отчета комиссии по обследованию детского труда», отчета, к сожалению, не отхватывающего собственно фабричную промышленность.

«В Бирмингеме», — говорит член комиссии Грейнджер, — «дети, которых я экзаменовал, в общем совершенно не имеют того, что хоть в самой отдаленной степени могло бы быть названо полезными знаниями. Хотя почти во всех школах дается *исключительно* религиозное образование, в этой области, как правило, тоже обнаруживается полнейшая неосведомленность». — «В Вулвергемптоне», — рассказывает член комиссии Хорн, — «я видел, между прочим, следующие примеры. Девочка одиннадцати лет, побывавшая в дневной и воскресной школах, «никогда не слышала ни об ином мире, ни о рае, ни о загробной жизни». Юноша семнадцати лет не знал, сколько будет дважды два, и не смог сказать, сколько фартингов ($\frac{1}{4}$ пени) в двух пенсах, даже когда ему дали эти деньги в руки. Некоторые мальчики никогда не слышали о Лондоне и даже об Уилленхолле, который находится всего в часе езды от Вулвергемптона и постоянно сообщается с последним. Неко-

торые из них никогда не слышали имени королевы или таких имен, как Нельсон, Веллингтон, Бонапарт. Но замечательно то, что те, которые никогда не слышали даже об апостоле Павле, Моисее и Соломоне, прекрасно были осведомлены о жизни, делах и личности разбойника Дика Тёрпина и, в особенности, прославленного своими побегами из тюрьмы вора Джека Шеппарда.— «Шестнадцатилетний юноша не знал, сколько будет дважды два или сколько составляют четыре фартинга; другой, семнадцать лет, утверждал, что десять фартингов составляют десять полпенсов, а третий, тоже семнадцать лет, на некоторые очень простые вопросы коротко отвечал, что «ничего не знает (he was no judge o'nothin')» (Хорн. «Отчет», приложения, часть II, Q 18, № 216, 217, 226, 233 и др.).

Эти подростки, которых в течение 4—5 лет пичкают религиозными догматами, под конец знают не больше, чем знали сначала.

Один подросток «в течение пяти лет регулярно посещал воскресную школу; он не знал, кто такой Иисус Христос, хотя имя это слышал; он никогда не слышал ни о двенадцати апостолах, ни о Самсоне, Моисее, Аароне и др.» (там же, документы, стр. q 39, I. 33). Другой подросток «в течение шести лет регулярно посещал воскресную школу, он знает, кто был Иисус Христос, что он умер на кресте, что он пролил свою кровь, «чтобы искупить нашего искупителя»; никогда не слышал об апостолах Петре и Павле» (там же, стр. q 36, I. 46). Третий подросток «перевывал в течение семи лет в различных воскресных школах, умеет читать только в тоненьких книжках и только простые односложные слова, об апостолах слышал, но не знает, были ли Петр и Иоанн в их числе; если да, то это, наверное, был святой Иоанн Уэсли» (основатель секты методистов) и т. д. (там же, стр. q 34, I. 58). На вопрос, кто был Иисус Христос, Хорн, между прочим, получал еще такие ответы: «он был Адамом», «он был апостолом», «он был сыном господина спасителя (he was the Saviour's Lord's Son)», а один шестнадцатилетний юноша ответил: «он был королем в Лондоне много, много лет тому назад».— В Шеффилде член комиссии Саймонс заставил учеников воскресных школ читать; они не были в состоянии рассказать, что ими прочитано и что это за апостолы, о которых они только что прочитали. После того как он всех подряд спросил об апостолах, не получив ни одного правильного ответа, один смывленный на вид малыш с большой уверенностью воскликнул: «Я знаю, мистер, это были прокаженные!» (Саймонс. «Отчет», приложения, часть I, стр. E 22 и сл.).

То же наблюдается в округах гончарного производства и в Ланкашире.

Итак, мы видим, что сделали буржуазия и государство для воспитания и просвещения рабочего класса. К счастью, самые условия жизни этого класса таковы, что они дают ему своего рода практическое образование, которое не только заменяет весь школьный хлам, но и обезвреживает связанные с ним вздорные религиозные представления и даже ставит рабочих во главе общенационального движения Англии. Нужда учит молиться и — что гораздо важнее — мыслить и действовать. Английский рабочий, который почти не умеет читать и еще меньше писать, все же прекрасно знает, в чем заключаются его собственные интересы и интересы всей нации; он знает также, в чем заключаются специальные интересы буржуазии и чего он может от этой буржуазии ожидать. Пусть он не умеет писать, зато он умеет говорить и говорить публично; пусть он не знает арифметики, зато он достаточно разбирается в политико-экономических понятиях, чтобы видеть насквозь ратующего за отмену хлебных пошлин буржуа и опровергнуть его; пусть для него остаются совершенно неяс-

пыми, несмотря на все старания попов, вопросы царства небесного, зато тем яснее для него вопросы земные, политические и социальные. Нам придется еще к этому вернуться, а теперь перейдем к характеристике нравственного облика английского рабочего.

Совершенно ясно, что моральное воспитание, которое во всех школах Англии неразрывно связано с религиозным воспитанием, дает результаты ничуть не лучшие, чем это последнее. Простейшие принципы, регулирующие для *человека* отношения человека к человеку, уже невероятно запутанные существующими социальными условиями, войной всех против всех, не могут не оставаться совершенно неясными и чуждыми необразованному рабочему, когда они ему преподносятся вперемешку с религиозными, непонятными догматами, в религиозной форме произвольного и ни на чем не основанного предписания. Как это признают все авторитеты, и в частности комиссия по обследованию детского труда, школы не оказывают почти никакого влияния на нравственность рабочего класса. Английская буржуазия так тупа, так недалеко видна в своем эгоизме, что она даже не пытается привить рабочим современную мораль, ту мораль, которую буржуазия состряпала в своих же собственных интересах и для собственной своей защиты! Даже и эту заботу о своих собственных интересах одряхлевшая, ленивая буржуазия считает слишком дорогостоящей и излишней. Наступит, конечно, время, когда она раскается в этом, но будет уже поздно. Во всяком случае, пусть не жалуется на то, что рабочие ничего не знают об этой морали и не руководствуются ею.

Итак, рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты господствующим классом и покинуты на произвол судьбы. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против рабочих, когда они слишком подступают к ней, это закон; как будто они неразумные животные, к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу. Неудивительно поэтому, что рабочие, с которыми обращаются, как с животными, либо на самом деле уподобляются животным, либо черпают сознание и чувство своего человеческого достоинства только в самой пламенной ненависти, в неугасимом внутреннем возмущении против власть имущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся животными, когда безропотно подставляют шею под ярмо и пытаются только сделать более сносной свою подъяремную жизнь, не думая о том, чтобы от этого ярма избавиться.

Вот все, что буржуазия сделала для просвещения рабочего класса, и если принять во внимание условия его существования в других отношениях, то мы никак не сможем осудить его за ту ненависть, которую он питает к господствующему классу.— Нравственное воспитание, которого рабочий не получает в школе, не

прививается ему и прочими, жизненными условиями, по крайней мере то нравственное воспитание, которое имеет какое-нибудь значение в глазах буржуазии. Все положение рабочего, вся окружающая его обстановка способствуют развитию в нем безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него никакой прелести, почти все наслаждения ему недоступны, кары закона ему больше не страшны; почему же он должен стеснять себя в своих желаниях, почему он должен давать богачу наслаждаться своим богатством, вместо того чтобы присвоить себе часть его? Какие могут быть основания у пролетария, чтобы не красть? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой. Деньги — вот бог на земле. Буржуа отнимает у пролетария деньги и тем самым превращает его на деле в безбожника. Что же удивительного, если пролетарий остается безбожником, не питает никакого почтения к святости и могуществу земного бога! И когда бедность пролетария возрастает до полной невозможности удовлетворить самые насущные жизненные потребности, до нищеты и голода, то склонность к пренебрежению всем общественным порядком возрастает в еще большей мере. Знает это в большинстве случаев и сама буржуазия. Саймонс замечает*, что бедность производит такое же разрушительное действие на душу, как пьянство на тело, а шериф Алисон очень обстоятельно излагает, обращаясь к имущему классу, каковы должны быть последствия социального гнета для рабочих**. Нищета предоставляет рабочему на выбор: медленно умирать с голоду, сразу покончить с собой или брать то, что ему требуется, где только возможно, т. е., попросту говоря, красть. И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воровство голодной смерти или самоубийству. Есть, конечно, и среди рабочих множество людей, достаточно нравственных, чтобы не украсть, даже когда они доведены до крайности; вот эти и умирают с голоду или убивают себя. Самоубийство, бывшее до недавнего времени завидной привилегией высших классов, вошло в Англии в моду и среди пролетариев, и множество бедных людей убивает себя, чтобы избавиться от нищеты, из которой они не видят иного выхода.

Т а м же, стр. 354—355

...д-р Эндрью Юр*** раскрывает перед нами другую сторону этих последствий. Он сообщает нам, что жизнь в больших городах облегчает возникновение заговоров среди рабочих и придает плебейм силу. По его мнению, если не воспитывать рабочих

* «Ремесла и ремесленники». (Примечание Энгельса.)

** «Основы народонаселения», том II, стр. 196, 197. (Примечание Энгельса.)

*** «Philosophy of Manufactures». London 1835 [«Философия фабрики». Лондон, 1835]. Мы еще вернемся позже к этой пресловутой книге. Приведенные здесь места находятся на стр. 406 и сл. (Примечание Энгельса.)

надлежащим образом (т. е. в повиновении буржуазии), они будут взирать на вещи односторонне, с точки зрения озлобленного эгоизма, и легко поддадутся увещаниям хитрых демагогов; они, пожалуй, даже способны смотреть завистливо и враждебно на своих *лучших благодетелей*, воздержанных и предприимчивых капиталистов; здесь может помочь только правильное воспитание, иначе последует национальное банкротство и прочие ужасы, так как революции рабочих нельзя будет избежать. И наш буржуа вполне прав в своих опасениях. Если централизация населения вызывает оживление и усиленное развитие имущих классов, то развитию рабочих она содействует еще больше. Рабочие начинают чувствовать себя — в своей совокупности — как класс, до их сознания доходит, что, будучи слабыми в одиночку, они все вместе образуют силу; это способствует отделению от буржуазии и выработке самостоятельных, свойственных рабочим и их жизненным условиям понятий и идей, появляется сознание своего угнетения, и рабочие приобретают социальное и политическое значение. Большие города — очаги рабочего движения: в них рабочие впервые начали задумываться над своим положением и бороться за его изменение, в них впервые выявилась противоположность интересов пролетариата и буржуазии, в них зародились рабочие союзы, чартизм и социализм. Болезнь социального организма, которая носила в деревне хронический характер, получила в больших городах острую форму и тем самым раскрылись ее истинная сущность и способ ее излечения. Без больших городов, без того толчка, который они дают развитию общественного сознания, рабочие далеко не так продвинулись бы вперед, как они это сделали. К тому же большие города положили конец последним следам патриархальных отношений между рабочим и работодателем, чему содействовала также крупная промышленность путем увеличения числа рабочих, находящихся в зависимости от одного буржуа. Буржуазия об этом сожалеет, и с полным основанием: ведь при прежних отношениях она была почти застрахована от восстания рабочих. Буржуа эксплуатировал своих рабочих и властвовал над ними сколько ему было угодно и мог еще вдобавок рассчитывать на повиновение, благодарность и любовь этих простаков, если, помимо платы, проявлял некоторую приветливость, которая ему ничего не стоила, или делал незначительные уступки, якобы исключительно по своей необычайной сердечной доброте, хотя все это вместе не составляло и десятой доли того, что он обязан был сделать. Правда, как отдельное лицо, поставленное в условия, не им созданные, он, может быть, и выполнял, хотя бы отчасти, свои обязанности; но как член правящего класса, который уже в силу того, что он является *правлящим*, несет ответственность за положение всей нации и обязан заботиться об общих интересах, буржуа ничего не делал из того, к чему его обязывало это положение, а только еще дополнительно эксплуатировал всю нацию в целом в своих собственных, частных интересах. При патриархальных от-

пошениях, лицемерно прикрывавших рабство рабочих, рабочий не мог не оставаться простым обывателем, духовно мертвым, не сознающим своих собственных интересов. Лишь когда наступило отчуждение между ним и его работодателем, когда стало очевидным, что последнего связывает с ним только личная заинтересованность, только погоня за прибылью, когда мнимые добро-сердечные отношения, не выдержав ничтожнейшего испытания, совершенно исчезли, лишь тогда рабочий начал понимать свое положение и свои интересы и развиваться самостоятельно, лишь тогда он перестал рабски следовать за буржуазией в своих идеях, чувствах и требованиях. И содействовали этому главным образом крупная промышленность и большие города.

Т а м же, стр. 356—358

После всего сказанного не приходится удивляться тому, что английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия. Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, живущими у нее под боком. Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам; из этих двух народов нам на континенте до настоящего времени знаком был только один — буржуазия. А между тем именно другой народ, состоящий из пролетариев, имеет гораздо большее значение для будущего Англии*.

Об общественном характере английских рабочих, поскольку он находит себе выражение в ассоциациях и политических взглядах, еще будет речь впереди. Здесь же мы намерены рассмотреть только последствия изложенных выше причин, поскольку они воздействуют на личные качества рабочего.—Рабочий значительно более отзывчив в повседневной жизни, чем буржуа. Я уже говорил выше, что нищие обычно обращаются почти исключительно к рабочим и что рабочие вообще больше делают для поддержания бедняков, чем буржуазия. Этот факт, подтверждения которого можно встретить на каждом шагу, подтверждает также в числе прочих и манчестерский каноник Паркинсон. Он говорит следующее:

«Бедняки больше подают друг другу, чем богачи беднякам. В подтверждение своих слов я могу сослаться на свидетельство одного из наших старейших, опытнейших, наиболее наблюдательных и гуманных врачей, д-ра Бардсли. Последний публично заявил, что общая сумма, которую бедняки ежегодно дают друг другу, превосходит ту, которую богачи дают за то же время беднякам»**.

* (1892 г.) Мысль, что крупная промышленность разделила англичан на две различные нации, была, как известно, почти одновременно со мной высказана Дизраэли в его романе «Sybil, or the Two Nations» [«Сибилла, или Две нации»]. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)

** «On the present Condition of the Labouring Poor in Manchester etc.» By the Rev. Rd. Parkinson, Canon of Manchester. 3rd. edit. London and Manchester, 1841.

Гуманность рабочих проявляется весьма отрядным образом и в других формах. Не баловала их самих жестокая судьба, и потому они умеют сочувствовать тем, кому плохо живется. Для них каждый человек — человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек. Вот почему рабочие обходительнее, приветливее и, хотя они больше нуждаются в деньгах, чем имущий класс, все же они менее до них падки; для них деньги имеют ценность только ради того, что на них можно купить, между тем как для буржуа они имеют особую присущую им ценность, ценность божества, и превращают буржуа в низкого, грязного «человека наживы». Рабочий, которому это чувство благоговения перед деньгами совершенно чуждо, не так жаден, как буржуа, который готов на все, чтобы побольше нажить, и видит цель своей жизни в наполнении своего денежного мешка. Вот почему рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности, чем буржуа, и не смотрит на все сквозь призму личных интересов. От религиозных предрассудков его предохраняет недостаточное воспитание; ничего не понимая в этих вопросах, он не ломает над ними голову, ему чужд фанатизм, которым одержима буржуазия, и если он и бывает религиозен, то только на словах, даже не в теории; на практике же рабочий живет только земными интересами и стремится устроиться в этом мире получше. Все буржуазные писатели сходятся в одном, — что рабочие не религиозны и не посещают церкви. Исключение составляют разве только ирландцы, некоторые старики и полубуржуа — надсмотрщики, мастера и им подобные. А в массе почти везде наблюдается полное безразличие к религии; можно самое большее встретить некоторый намек на деизм, настолько неопределенный, что он выражается лишь в словесных оборотах или в безотчетном страхе перед такими выражениями, как *infidel* (неверующий) или атеист. Духовенство всех сект на очень плохом счету у рабочих, хотя оно лишь недавно потеряло свое влияние на них; но в настоящее время дело обстоит так, что простого взгляда: *he is a parson!* — это поп! часто бывает достаточно, чтобы прогнать священника с трибуны общественного собрания. Как самые условия жизни, так и недостаток религиозного и иного воспитания способствуют тому, чтобы сделать рабочих более объективными, более свободными от устаревших, установившихся принципов и предвзятых мнений, чем буржуа. Буржуа по уши погряз в своих классовых предрассудках, в принципах, привитых ему с детства, с ним ничего не поделаешь; он по существу консервативен, пусть даже и в либеральной форме; его интересы неразрывно связаны с существующим строем, и для всякого движения вперед он человек мертвый. Он перестает стоять во главе

Pamphlet [«О современном положении трудящейся бедноты в Манчестере и т. д.». Брошюра манчестерского каноника, преподобного Паркинсона. 3-е издание. Лондон и Манчестер, 1841]. (Примечание Энгельса.)

исторического развития, и на его место становятся рабочие — сперва только по праву, а затем и на деле.

Т а м ж е, стр. 374—375

...Работа женщин на фабрике неизбежно разрушает семью, и при современном состоянии общества, покоящемся на семье, обстоятельство это имеет самые деморализующие последствия как для супругов, так и для детей. Мать, у которой нет времени заботиться о своем ребенке и дарить ему в первые годы жизни самую обыкновенную материнскую ласку, — мать, которой редко удастся видеть своего ребенка, не может быть ему матерью, она неизбежно относится к нему равнодушно, без любви, без всякой заботливости, как к совершенно чужому ребенку. И дети, выросшие в таких условиях, позже оказываются совершенно потерянными для семьи, никогда не почувствуют себя дома в той семье, которой впоследствии обзаведутся, потому что слишком привыкли к жизни в одиночку, и это неизбежно еще больше способствует разрушению семьи в рабочей среде. Причиной развала семьи является также и детский труд. Как только дети способны зарабатывать больше того, во что обходится родителям их содержание, они начинают платить родителям за стол и квартиру, а остальное тратят на себя. Происходит это нередко уже на четырнадцатом и пятнадцатом году жизни (Пауэр, доклад о городе Лидсе, в разных местах; Тафнелл, доклад о Манчестере, стр. 17 и др. в «Отчете комиссии по обследованию фабричного труда»). Одним словом, дети становятся самостоятельными, смотрят на родительский дом как на пансион, который они часто меняют на другой, если им дома перестает нравиться.

Т а м ж е, стр. 379—381

Чтобы правильно оценить последствия фабричного труда для физического состояния женщин, необходимо прежде всего ознакомиться с трудом детей, а также с различными видами самого труда. Дети нашли применение на фабриках с самого возникновения современной промышленности: сначала вследствие небольших — позже увеличенных — размеров машин, на них работали почти исключительно дети, причем набирались они главным образом из приютов, и фабриканты нанимали их гуртом в качестве «учеников» на долгие годы. Дети получали общий стол, жилье и одежду и были, разумеется, полнейшими рабами своего хозяина, который обращался с ними с величайшей жестокостью и варварством. Уже в 1796 г. негодование, вызванное в общественном мнении этой возмутительной системой, было столь энергично выражено д-ром Персивалом и сэром Р. Пилем (хлопчатобумажным фабрикантом, отцом теперешнего министра), что парламент в 1802 г. принял закон об учениках, прекративший самые вопиющие злоупотребления²⁶. С течением времени вступила в силу конкуренция свободных рабочих, которая вытеснила систему ученичества. Постепенно фабрики начали все чаще строить в горо-

дах, машины приобрели большие размеры, помещения стали лучше проветриваться и содержаться; вместе с тем постепенно появлялось все больше работы для взрослых и для подростков, относительное число занятых на фабриках детей поэтому несколько уменьшилось, и возраст, когда они начинали работать, несколько повысился. Теперь реже стали брать на работу детей моложе 8—9 лет. Как мы увидим ниже, законодательной власти впоследствии не раз приходилось брать на себя защиту детей от алчности буржуазии.

Высокая смертность среди детей рабочих, и особенно фабричных рабочих, есть достаточное доказательство тех нездоровых условий, в которых они проводят свои ранние годы. Те же причины влияют и на детей, которые остаются в живых, хотя, конечно, не в такой сильной мере, как они действуют на тех, кого доводят до гибели. В самых благоприятных случаях эти причины влекут за собой только предрасположение к какому-нибудь заболеванию или задержку в развитии, а следовательно и меньшую физическую силу, чем у нормального ребенка. Девятилетний ребенок фабричного рабочего, который вырос в нужде и всевозможных лишениях, в сырости и холоде, всегда был недостаточно тепло одет и жил в скверном жилище, обладает далеко не той работоспособностью, какой обладает ребенок, выросший в более здоровых условиях. С девяти лет его отправляют на фабрику, где он работает ежедневно 6¹/₂ часов (прежде он работал 8, а еще раньше 12—14 и даже 16 часов) до тринадцатилетнего возраста, а с этого времени до восемнадцати лет — 12 часов. Причины, неблагоприятно действующие на его организм, не прекращаются, а работы становится больше. Можно допустить, что девятилетний ребенок, даже если это ребенок рабочего, может выдержать ежедневную работу в 6¹/₂ часов без того, чтобы вред от такой работы для его организма был *заметным* и ощутимым; но уж во всяком случае пребывание в душливой, сырой, часто к тому же и жаркой фабричной атмосфере благоприятно влиять на здоровье не может. И при всех обстоятельствах непростительно, чтобы то время, которое должно было бы посвящаться исключительно физическому и духовному воспитанию детей, приносилось в жертву алчности бесчувственной буржуазии: детей лишают школы и чистого воздуха, чтобы выжимать из них прибыль для господ фабрикантов. Правда, буржуазия на это отвечает: если мы не будем занимать детей на фабриках, они все равно останутся в условиях, неблагоприятных для их развития. В общем это верно, но что же это значит, если вдуматься как следует? Это значит, что буржуазия сначала ставит детей рабочих в скверные условия, а затем еще использует эти скверные условия для своей же выгоды! Она ссылается в свое оправдание на положение, которое в такой же мере является делом ее рук, как и вся фабричная система; она оправдывает свое сегодняшнее преступление тем преступлением, которое совершила вчера. И если бы фабричное законодательство

хоть до некоторой степени не связывало им рук, как бы отстаивали интересы рабочих эти «благожелательные», «гуманные» буржуа, которые и фабрики-то свои построили, мол, исключительно ради блага рабочих! Послушаем, что делалось на фабриках, когда фабричный инспектор еще не стоял у фабрикантов над душой. Пусть изобличит их свидетельство, авторитет которого они сами признают,— отчет фабричной комиссии 1833 года.

Отчет центральной комиссии²⁷ сообщает, что на фабриках дети изредка начинали работать с пятилетнего возраста, чаще — с шестилетнего, очень часто с семилетнего и большей частью с восьми-девятилетнего возраста, что рабочее время продолжалось часто 14—16 часов в день (не считая перерыва на еду), что фабриканты позволяли надзирателям бить детей и часто сами давали волю рукам. Приводится даже один случай, когда фабрикант, шотландец, поскакал верхом вдогонку за сбежавшим шестнадцатилетним рабочим и заставил его вернуться и бежать впереди лошади, подгоняя его все время длинным бичом! (Стюарт, документы, стр. 35.) В больших городах, где рабочие оказывали более сильное противодействие, такие случаи встречались, конечно, реже.— Но даже и такой длинный рабочий день не удовлетворял алчность капиталистов. Они ставили себе целью всеми возможными средствами сделать более доходным капитал, вложенный в здания и машины, заставить его функционировать как можно больше. Для этого фабриканты ввели позорную систему ночного труда. Некоторые ввели две смены рабочих, причем каждая из них была достаточно многочисленна, чтобы полностью обеспечить работу фабрики, и одна смена постоянно работала двенадцать дневных часов, другая — двенадцать ночных. Нетрудно себе представить, какие последствия должно было иметь такое постоянное лишение ночного отдыха, которого никакой дневной сон заменить не может, для физического состояния не только детей и подростков, но и взрослых рабочих. Возбуждение всей нервной системы и связанное с ним общее ослабление всего организма,— вот неизбежный результат такого труда...

Т а м же, стр. 394—395

Какую богатую коллекцию болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии! Женщины, неспособные рожать, деткалки, слабосильные мужчины, изуродованные члены, целые поколения, обреченные на гибель, изнуренные и хилые,— и все это только для того, чтобы набивать карманы буржуазии! Когда же читаешь об отдельных случаях этой варварской жестокости, о том, как надсмотрщики вытаскивают раздетых детей из постели и побоями загоняют их на фабрику с одеждой в руках (например, Стюарт, стр. 39 и др.), как они кулаками разгоняют детский сон, как дети тем не менее засыпают за работой, как несчастный ребенок, заснувший уже после остановки машины, при окрике надсмотрщика вскакивает и с закрытыми глазами проделывает

обычные приемы своей работы; когда читаешь о том, как дети, слишком утомленные, чтобы уйти домой, забираются в сушильни и укладываются спать под шерстью, откуда их удается прогнать только ударами плетки; как сотни детей каждый вечер приходят домой настолько усталыми, что от сонливости и плохого аппетита уже не могут ужинать и родители находят их спящими на коленях у постелей, где они заснули во время молитвы; когда читаешь обо всем этом и о сотне других гнусностей и мерзостей, и читаешь об этом в отчете, все показания которого даны под присягой и подтверждены многими свидетелями, пользующимися доверием самой комиссии, когда подумаешь, что сам этот отчет — «либеральный», что это буржуазный отчет, составленный для того, чтобы опровергнуть предшествовавшие отчеты тори и доказать чистосердечие фабрикантов, когда вспомнишь, что сами члены комиссии на стороне буржуазии и записывали все показания против собственной воли, то нельзя не возмущаться, нельзя не возненавидеть этот класс, который кичится своей гуманностью и самоотверженностью, между тем как его единственное стремление — любой ценой набить свой кошелек...

Т а м же, стр. 396—402

Послушаем, как этот буржуа * рисует детский труд:

«Я посетил много фабрик в Манчестере и его окрестностях и нигде не видел, чтобы с детьми дурно обращались или подвергали их телесным наказаниям; не видел я также детей угрюмых; все они казались *веселыми* (cheerful), *оживленными, испытывающими удовольствие* (taking pleasure) от легкого напряжения своих мышц и *наслаждающимися в полной мере* присущей их возрасту подвижностью. Зрелище производства далеко не возбуждало во мне печальных эмоций, а, напротив, всегда действовало на меня *ободряюще*. Было *наслаждением* (delightful) смотреть, с какой ловкостью они присучали порвавшиеся нити, когда каретка возвращалась, и наблюдать за ними в минуты их досуга, когда, поработав своими нежными пальчиками несколько секунд, они *забавлялись*, принимая всевозможные положения, пока происходило вытягивание и наматывание ниток. Работа этих *проворных* (lively) *эльфов* казалась *забавой*, в которой они проявляли большую легкость благодаря навыку. Сознывая свою ловкость, они с удовольствием показывали ее каждому посетителю. Усталости не было и следа: покинув фабрику, они на первой же площадке для игр начинают резвиться с живостью школьников, вырвавшихся из школы» (стр. 310).

(Еще бы, как будто движение всех мышц не является непосредственной потребностью организма, онемевшего и ослабевшего за работой! Но автор следовало бы подождать, чтобы посмотреть, не исчезнет ли это кратковременное возбуждение уже через несколько минут. Кроме того автор ведь мог это видеть только в *обед*, после пяти- или шестичасового труда, а не *вечером!*) — Что касается здоровья рабочих, то, чтобы доказать его превосходное состояние, этот буржуа имеет беспредельную наглость ссылаться на отчет 1833 г., который мы уже так много раз

* Д-р Юр, автор сочинения «Философия фабрики». *Ред.*

цитировали и приводили в выдержках. Отдельными, вырванными из контекста цитатами он пытается доказать, что среди рабочих не встречается и намека на золотуху и—это совершенно верно — что фабричная система избавила их от всяких острых заболеваний (о том, что она зато наградила их всеми хроническими болезнями, автор, конечно, умалчивает). Чтобы понять бесстыдство, с которым почтенный Юр преподносит английской публике самую грубую ложь, надо знать, что отчет состоит из трех толстых фолиантов и откормленному английскому буржуа и в голову не придет его штудировать. Послушаем еще, что он говорит о фабричном законе 1833 г., изданном либеральной буржуазией и, как мы увидим ниже, налагающем на фабриканта лишь самые необходимые ограничения. Закон этот, и в частности обязательное школьное обучение, является, по его мнению, абсурдной и деспотической мерой, направленной против фабрикантов. Этот закон выбросил на улицу всех детей моложе 12 лет, и к чему это привело, спрашивает Юр? Отстраненные от своего легкого и полезного труда, дети не получают теперь никакого воспитания; *изгнанные из теплого прядильного отделения в холодный мир*, они существуют только нищенством и воровством; по мнению Юра, эта жизнь представляет печальный контраст с их непрестанно улучшавшимся положением на фабрике и в воскресной школе! Под маской филантропии этот закон усугубляет страдания бедняков, сетует Юр, и будет крайне затруднять, если не остановит совсем, *добросовестного* фабриканта в его полезной деятельности (стр. 405, 406 и сл.).

Разрушительное влияние фабричной системы давно уже стало привлекать к себе всеобщее внимание. Закон об учениках 1802 г. уже упоминался здесь. Позднее, около 1817 г., фабрикант Роберт Оуэн из Нью-Ланарка (Шотландия), ставший впоследствии родоначальником английского социализма, начал посредством петиций и докладных записок доказывать правительству необходимость законодательной охраны здоровья рабочих и в особенности детей. К нему присоединились покойный сэр Р. Пиль и другие филантропы, и они последовательно добились фабричных законов 1819, 1825 и 1831 гг., из которых два первых совсем не соблюдались²⁸, а последний соблюдался лишь отчасти. Закон 1831 г., принятый на основе предложения сэра Дж. К. Хобхауза, запрещает использование на хлопчатобумажных фабриках рабочих моложе 21 года для работы ночью, т. е. между половиной восьмого вечера и половиной шестого утра; кроме того он устанавливает на всех фабриках для рабочих моложе 18 лет рабочее время не более 12 часов ежедневно и 9 часов по субботам. Но рабочие не могли давать показаний против своих хозяев, не подвергаясь опасности увольнения, и потому закон принес мало пользы. В больших городах, где рабочие были менее покладистыми, наиболее крупные фабриканты приняли совместное решение подчиниться закону, но даже здесь оказалось немало таких, которые,

по примеру фабрикантов в сельских местностях, вовсе с ним не считались. Между тем среди рабочих распространилось требование десятичасового билля, т. е. закона, запрещающего заставлять молодых людей моложе 18 лет работать на фабриках больше 10 часов в день. Рабочие союзы путем агитации превратили это требование в общее требование всего фабричного населения, а филантропические элементы партии тори, возглавляемые в то время Майклом Садлером, подхватили этот план и внесли его на обсуждение в парламент. Садлер добился назначения парламентской комиссии для обследования фабричной системы, и эта комиссия представила свой отчет в парламентскую сессию 1832 года. Это был определенно пристрастный отчет, составленный в партийных интересах откровенными врагами фабричной системы. В своем благородном увлечении Садлер дошел до самых необоснованных и неверных утверждений; самой манерой ставить вопрос он добивался у свидетелей ответов, которые если и не были ложными, то выражали истину в извращенном, подтабованном виде. Фабриканты, в ужасе от отчета, который изобразил их извергами, сами просили назначить официальное обследование; они понимали, что *теперь* правдивый отчет мог принести им только пользу; они знали, что у кормила власти стоят благосклонно к ним настроенные виги, настоящие буржуа, принципы которых не допускали ограничения промышленности. И действительно они добились назначения комиссии из одних либеральных буржуа; отчет этой комиссии и является тем самым отчетом, на который я здесь так часто ссылаюсь. Этот отчет *несколько* более, чем отчет комиссии Садлера, близок к истине, но он отклоняется от нее в противоположном направлении. На каждой его странице сквозит симпатия к фабрикантам, недоверие к отчету Садлера, враждебность к самостоятельным выступлениям рабочих и к сторонникам десятичасового билля. Нигде не встретишь признания права рабочих на человеческое существование, на независимую деятельность и собственные суждения. Он *упрекает* рабочих в том, что, агитируя за десятичасовой билль, они думали не только о детях, но и о самих себе, называет рабочих агитаторов демагогами, злонамеренными, коварными людьми и т. п., одним словом, все симпатии его на стороне буржуазии. И тем не менее ему не удастся обелить фабрикантов; по его же признанию, такое множество гнусных дел остается на совести фабрикантов, что даже после этого отчета агитация в пользу десятичасового билля, гнев рабочих против фабрикантов и самые резкие выражения комиссии Садлера о последних должны быть признаны вполне справедливыми. Вся разница заключается в том, что отчет Садлера обвинял фабрикантов в жестокости откровенной, неприкрашенной, а тут обнаружилось, что эта жестокость скрывается большей частью под маской цивилизации и человечности. Ведь д-р Хокинс, врач, обследовавший Ланкашир по поручению комиссии, сам решительно высказался за десятичасо-

вой билль в первых же строках своего доклада! А член комиссии Макинтош сам заявляет, что его доклад не раскрывает всей правды, так как очень трудно убедить рабочих давать показания против хозяев, а фабриканты, и без того вынужденные проявлять больше уступчивости вследствие возбужденного состояния рабочих, часто готовились к посещению комиссии, производили уборку фабрики, сокращали скорость движения машин и т. п. В Ланкашире, в частности, они применяли такую уловку: они представляли комиссию, под видом «рабочих», своих надсмотрщиков, которые распристранялись о гуманности фабрикантов, о благотворном влиянии труда на здоровье, о равнодушии и даже отвращении рабочих к десятичасовому биллю. Но эти надсмотрщики—уже не настоящие рабочие, это дезертиры своего класса, которые за более высокую заработную плату продали свои услуги буржуазии и борются против рабочих в интересах капиталистов. Их интересы совпадают с интересами буржуазии, и поэтому они чуть ли не более ненавистны рабочим, чем сами фабриканты. И при всем том отчет вполне достаточно показывает возмутительное, бессердечное отношение промышленной буржуазии к рабочим, показывает всю подлую систему промышленной эксплуатации во всей ее бесчеловечности. Что может вызвать большее возмущение, чем ярко выступающий на страницах этого отчета контраст между длинным перечнем болезней и уродств, вызванных чрезмерной работой, и холодной, расчетливой политической экономией фабриканта, пытающегося доказать с цифрами в руках, что он, а вместе с ним и вся Англия, неизбежно разорится, если ему впредь не будет разрешено ежегодно превращать в калек столько-то детей! Больше возмущение могли вызвать разве только цитированные мной выше бесстыдные разглагольствования г-на Юра, если бы они не были так смехотворны.

Следствием этого отчета явился фабричный закон 1833 г.; он запретил применять труд детей моложе 9 лет (за исключением шелковых фабрик), установил рабочее время для детей от 9 до 13 лет в 48 часов в неделю или не более девяти часов в день, а рабочее время для подростков от 14 до 18 лет в 69 часов в неделю, или не более двенадцати часов в день, ввел обязательные перерывы для еды общей продолжительностью не менее полутора часов в день и подтвердил запрещение ночного труда для всех рабочих и работниц моложе 18 лет. Одновременно вводилось обязательное посещение школы в течение двух часов в день для всех детей моложе 14 лет, причем фабриканту под угрозой штрафа запрещалось принимать на работу детей без справки от фабричного врача о возрасте ребенка и без справки от учителя о посещении им школы. За это фабрикант получал право еженедельно удерживать из заработной платы ребенка 1 пенни на оплату учителя. Кроме того были назначены фабричные врачи и инспектора, которым предоставлялось право во всякое время являться на фабрику, брать у рабочих показания под присягой и

вменялось в обязанность, в случае нарушения закона, возбуждать жалобу против фабриканта перед мировым судьей. Вот закон, по поводу которого д-р Юр разразился такой безудержной бранью!

Результатом закона, и в частности назначения инспекторов, было сокращение рабочего дня в среднем до 12—13 часов и замена детей взрослыми по мере возможности. Тем самым были почти полностью устранены некоторые из наиболее вопиющих злоупотреблений. Уродства стали появляться лишь при крайне ослабленном организме, и последствия фабричного труда стали вообще обнаруживаться менее резко. При всем том можно найти в фабричном отчете достаточные доказательства того, что менее серьезные недомогания, как отеки ног, слабость и боли в ногах, в пояснице и в позвоночнике, расширение вен, язвы на конечностях, общая слабость, в особенности слабый желудок, склонность к рвоте, отсутствие аппетита, сменяющееся неестественным чувством голода, дурное пищеварение, ипохондрия, а также различные легочные заболевания, вызываемые пылью и дурным воздухом фабрик, и т. д. и т. д. встречались также и на тех фабриках и у тех рабочих, которые работали в соответствии с законом сэра Дж. К. Хобхауза, т. е. 12, самое большее 13 часов. Особенно показательны в этом отношении отчеты о фабриках в Глазго и Манчестере. Эти заболевания не исчезли и после введения в действие закона в 1834 г. и продолжают и до настоящего времени подрывать здоровье рабочего класса. Позаботились лишь о том, чтобы грубая жажда прибыли буржуазии приняла лицемерно-культурные формы, чтобы фабриканты, удерживаемые законом от слишком откровенных низостей, получили тем больше мнимых оснований самодовольно кичиться своей якобы гуманностью — вот и все. Будь сегодня назначена новая комиссия для обследования фабрик, она нашла бы, что все по большей части осталось по-старому. Что же касается изданного без предварительной подготовки распоряжения об обязательном посещении школы, то оно не имело никакого действия, так как правительство не позаботилось одновременно о создании хороших школ. Фабриканты нанимали потерявших трудоспособность рабочих и посылали к ним детей ежедневно на два часа: буква закона была соблюдена, но дети ничему не учились.— Даже отчеты фабричных инспекторов, хотя последние и ограничивались только прямым исполнением своих обязанностей, а именно контролем за соблюдением фабричного закона, дают достаточно данных, доказывающих, что дальнейшее существование всех упомянутых выше зол неизбежно. В своих отчетах за октябрь и декабрь 1843 г. инспектора Хорнер и Сандерс сообщают, что в тех отраслях, где можно обойтись без детского труда или заменить его трудом оставшихся иначе без работы взрослых, многие фабриканты заставляют работать 14—16 часов и более. Здесь работает особенно много молодых людей, едва вышедших из охраняемого законом возраста. Другие фабриканты прямо нарушают закон, сокращая перерывы,

заставляя детей работать дольше, чем это разрешается; угроза судебного преследования их не останавливает, так как штраф, которому они могут подвергнуться, очень ничтожен по сравнению с теми выгодами, которые доставляет нарушение закона. Соблазн особенно велик теперь, когда дела идут так хорошо.

Среди рабочих агитация за десятичасовой билль, однако, не прекращалась. В 1839 г. она вновь разгорелась, и место покойного Садлера занял в палате общин лорд Эшли, а вне палаты Ричард Остлер — оба тори. Остлер, постоянно агитировавший в рабочих округах и известный там еще во времена Садлера, был особенно любим рабочими. Они называли его не иначе, как своим «добрым старым королем», «королем фабричных детей»; во всех фабричных районах нет ни одного ребенка, который бы не знал и не почитал бы его и не отправился бы вместе с толпой других встречать его, когда он приезжает в город. Остлер также энергично боролся против нового закона о бедных, за что был засажен в долговую тюрьму неким Торнхиллом, вигом, в имени которого он был управляющим и которому он задолжал некоторую сумму. Виги неоднократно предлагали ему уплатить его долги и вообще взять его под свое покровительство, если он прекратит свои нападки на закон о бедных. Тщетные усилия! Он оставался в тюрьме и оттуда рассылал свои еженедельные «Fleet papers»²⁹, направленные против фабричной системы и закона о бедных.

Пришедшее к власти в 1841 г. правительство тори снова обратило свое внимание на фабричные законы. Министр внутренних дел сэр Джемс Грехем в 1843 г. внес билль, который предлагал ограничить рабочее время детей 6½ часами и усилить требования обязательного посещения школы; но главным пунктом в этом билле было требование устройства лучших школ. Этот билль, однако, потерпел поражение из-за религиозного фанатизма диссентеров — противников официальной церкви: хотя для детей диссентеров обязательное обучение не распространялось на религиозное обучение, школы все же были поставлены под надзор официальной церкви, и так как библия являлась общепринятой книгой для чтения и религия тем самым делалась основой всего обучения, то диссентеры усмотрели для себя в этом опасность. Фабриканты и вообще либералы их поддержали, рабочие были разделены церковной распрей и потому остались безучастными, и хотя оппозиция против билля не нашла поддержки в больших фабричных городах, как, например, в Солфорде и Стокпорте, хотя она в других городах, например, в Манчестере, из боязни перед рабочими решалась нападать только на некоторые пункты билля, все же она собрала под своей петицией около двух миллионов подписей, и это так напугало Грехема, что он взял свой билль обратно. На следующий год Грехем отказался от всех пунктов, касавшихся школ, и предложил, вместо прежних предписаний, ограничить рабочее время детей с *восьюми* до тринадцати лет 6½ часами в день, притом так, чтобы у них оставалось совер-

ленно свободным или дообеденное или послеобеденное время; рабочее время подростков от 13 до 18 лет, а также всех женщин, он предложил ограничить 12 часами и кроме того ввести некоторые ограничения, которые сделали бы невозможным столь частый в то время обход закона...

Т а м же, стр. 416—419

Местность, в которой живут вязальщики, является также главным центром *кружевного* производства. В упомянутых трех графствах работает в общем 2 760 кружевных машин, а во всей остальной Англии — только 786. Вследствие строгого разделения труда кружевное производство очень осложнилось, разбившись на множество отдельных отраслей. Сначала нитки наматываются на шпульки — работа, которую выполняют девушки 14 лет и старше (*winders*); затем шпульки вставляются в машину, нитки продеваются через мелкие отверстия, которых на каждой машине бывает в среднем около 1 800, и им дается дальнейшее направление — эту работу выполняют мальчики 8 лет и старше (*threaders*); затем рабочий изготовляет кружево, которое выходит из машины в виде широкой полосы; совсем маленькие дети разделяют полосу на отдельные части, выдергивая соединяющие их нити; этот процесс называется *gunning* или *drawing lace*, а сами дети называются *lace-gunners*.— После этого кружево окончательно готовится к продаже.— Как мотальщицы, так и вдевальщики не имеют определенного рабочего времени — они бывают нужны, когда нитки в машине подходят к концу; а так как работа продолжается и ночью, то их могут во всякое время вызвать на фабрику или в мастерскую кружевника. Нерегулярность занятий, частая ночная работа и вытекающий отсюда неправильный образ жизни,— все это влечет за собой множество зол, физических и моральных, в особенности же, как указывают все, беспорядочные и ранние половые сношения. Самый труд очень вреден для глаз; общих хронических заболеваний у вдевальщиков не обнаруживается, но среди них распространено воспаление глаз, а само вдевание ниток вызывает боль в глазах, слезоточение, временную затуманенность зрения и т. п. Что же касается мотальщиц, то установлено, что труд их приносит серьезный вред зрению, вызывая частые воспаления роговой оболочки, а нередко и катаракту.— Работа самих кружевников очень тяжела; машины изготовляются все более широкими, и в настоящее время в ходу бывают почти исключительно такие машины, на которых должны работать три работника; рабочие сменяют друг друга через каждые четыре часа в течение круглых суток, и каждый из них работает 8 часов из 24. Отсюда понятно, почему мотальщицам и вдевальщикам так часто приходится работать ночью, чтобы машина слишком долго не простаивала. Ведь чтобы продеть нитки в 1 800 отверстий, требуется работа троих детей в течение двух часов. Некоторые машины уже приводятся в движение силой пара, которая вытесняет труд мужчин. В «Отчете комиссии по обследованию детского тру-

да» всюду говорится о том, что детей вызывают на «кружевную фабрику»; из этого очевидно следует, что в настоящее время либо кружевники работают в больших фабричных помещениях, либо применение силы пара к изготовлению кружев получило общее распространение. И в том и в другом случае перед нами дальнейшее распространение фабричной системы.— Самым нездоровым следует признать труд детей, выдергивающих нитки из готовых кружев; это большей частью дети семи, даже пяти или четырех лет. Комиссар Грейнджер застал даже за этой работой ребенка *двух лет*. Постоянное высматривание в сложном кружевном узоре одной и той же нитки, которую надо выдергивать при помощи иголки, очень вредно сказывается на глазах, в особенности если работа, как это обычно бывает, продолжается в течение 14 или 16 часов. В лучшем случае развивается очень сильная близорукость, а в худшем, который встречается довольно часто, неизлечимая слепота как следствие катаракты. Кроме того дети, работая постоянно в согнутом положении, вырастают слабыми, узкогрудыми и — вследствие дурного пищеварения — золотушными; нарушение функций женских органов составляет почти общее явление у девочек, равно как и искривление позвоночника, так что «этих детей всегда можно узнать по их походке». Такие же последствия, как для глаз, так и для всего организма, имеет *вышивание* кружев. Все медицинские эксперты единогласно свидетельствуют, что здоровье детей, занятых в кружевном производстве, сильно страдает от их работы, что все они бледны, слабы, хилы, слишком малы для своего возраста и обладают гораздо меньшей сопротивляемостью болезням, чем другие дети. Они обычно страдают общей слабостью, частыми обмороками, головными болями, болями в боку, в спине и в пояснице, сердцебиениями, тошнотой, рвотой и отсутствием аппетита, искривлением позвоночника, золотухой и чахоткой. Особенно глубоко этот вид работы всегда подрывает женский организм: везде жалуются на бледную немочь, трудные роды и выкидыши (Грейнджер. «Отчет» — во многих местах). Тот же младший чиновник докладывал комиссии по обследованию детского труда, что дети очень часто плохо одеты и оборваны, плохо питаются, большей частью одним хлебом и чаем, и часто целыми месяцами не видят мяса.— Что же касается их нравственности, то он говорит об этом следующее:

«Все обитатели Ноттингема — полиция, духовенство, фабриканты, рабочие и сами родители этих детей — в один голос утверждают, что современная система труда является в высшей степени благоприятной почвой для безнравственности. Влевалышки, большей частью мальчики, и мотальщицы, большей частью девочки, одновременно вызываются на фабрику, часто среди ночи, а так как родители их не могут знать, сколько времени они там будут заняты, то они имеют полную возможность заводить дурные знакомства и шататься вместе по окончании работы. Это немало содействовало развитию безнравственности, принявшей в Ноттингеме, по всеобщему признанию, ужасающие размеры. Мы не говорим уже о том, что это в высшей степени неестественное положение вещей совершенно нарушает покой и домашний распорядок семей, к которым принадлежат эти дети и молодые люди».

Другая отрасль производства кружев, плетение их на коклюшках, распространена в сельскохозяйственных районах — Нортгемптоншире, Оксфордшире, Бедфордшире и Бакингемшире. Заняты в этом производстве большей частью дети и подростки, которые все жалуются на плохое питание и на то, что редко получают мясо. Самый труд их крайне вреден для здоровья. Дети работают в небольших, плохо проветриваемых, душных комнатах, всегда в сидячем положении, согнувшись над коклюшками. Чтобы как-нибудь поддержать тело в этом неудобном положении, девушки носят корсеты с деревянными планками, а так как большинство девушек начинает работать в раннем возрасте, когда кости еще очень мягкие, корсеты эти вызывают полное смещение грудной клетки и ребер и вообще узкогрудость. Поэтому большинство из этих девушек, промучившись от жестоких (severest) последствий дурного пищеварения, вызванного сидячим образом жизни и плохим воздухом, умирают от чахотки. Они не получают почти никакого воспитания, и меньше всего нравственного воспитания, — любят наряды, и вследствие этого их моральный уровень самый жалкий, а проституция среди них носит почти эпидемический характер. («Отчет комиссии по обследованию детского труда», доклад Бёрнса.)

Т а м же, стр. 425—426

...Что касается просвещения, то я отсылаю читателя к приведенным выше (стр. 345) * отдельным высказываниям и примерам из жизни металлообрабатывающих округов; впрочем в Бирмингеме, как это видно из «Отчета комиссии по обследованию детского труда», более половины детей от 5 до 15 лет вообще не посещают школы; состав детей, посещающих школу, постоянно меняется, так что более или менее основательное обучение их невозможно, и все дети очень рано покидают школу и поступают на работу. Из того же отчета видно, какого рода учителя там преподают. Одна учительница на вопрос, преподает ли она и мораль, ответила: «Нет, за три пенса в неделю этого нельзя требовать». Некоторые учительницы даже не поняли вопроса, а иные полагали, что моральное воспитание детей вовсе не входит в их обязанности. Одна учительница ответила, что морали она не преподает, но старается внушить детям хорошие принципы, и при этом употребила совершенно неправильный оборот речи. В самих школах, по словам члена комиссии, постоянный шум и беспорядок. Вследствие всего этого нравственный уровень самих детей весьма неудовлетворительный; половина всех преступников моложе 15 лет; в течение одного только года осуждено 90 десятилетних преступников, из коих 44 за уголовные преступления. Беспорядочные половые сношения, по-видимому, составляют, по мнению членов комиссии, почти общее явление, и притом уже в очень раннем возрасте.— (Грейнджер. «Отчет» и документы.)

* Стр. 76—77 настоящей хрестоматии. Ред.

...О состоянии просвещения в этом округе³⁰ мы уже дали некоторые сведения выше. Оно здесь действительно находится на невероятно низком уровне: половина всех детей не посещает даже воскресных школ, остальные посещают их крайне неаккуратно; сравнительно с другими округами очень мало детей умеет читать, а с письмом дело обстоит еще хуже. И в этом нет ничего удивительного: между седьмым и десятым годом, т. е. *как раз* в ту пору, когда дети могли бы с пользой посещать школу, их уже определяют на работу, а учителя воскресных школ — из кузнецов или рудокопов — часто сами едва умеют читать и не могут даже подписать свою фамилию. Нравственный уровень вполне соответствует этим воспитательным средствам. В городе Уилленхолле, — утверждает член комиссии Хорн, приводя в подтверждение множество примеров, — рабочие совершенно лишены чувства нравственности. Вообще Хорн обнаружил, что дети не сознавали своих обязанностей по отношению к родителям и совершенно не испытывали к ним привязанности. Они были так мало способны продумать свои ответы, так забыты и безнадежно ограничены, что нередко утверждали, будто обращение с ними хорошее и живется им превосходно, в то время как они работали по 12—14 часов в сутки, ходили в ломотьях, не наедались досыта и получали побои, последствия которых бывали ощутимы еще через несколько дней. Они не знали другого образа жизни, кроме работы с утра до самого вечера, до сигнала об окончании работы; им был непонятен вопрос: не устали ли они? — их никогда об этом никто не спрашивал (Хорн. «Отчет» и документы).

...Образование стоит в Шеффилде на очень низкой ступени. Один священник, долго занимавшийся статистикой образования, считал, что из 16 500 детей рабочего класса, которые имели возможность посещать школу, читать умеют не более 6 500 человек. Объясняется это тем, что детей уже на седьмом — и самое позднее на двенадцатом — году забирают из школы и что учителя никуда не годятся (среди них был вор, пойманный с поличным, который по выходе из тюрьмы не нашел иного источника существования, кроме учительства!)...

...В гончарном округе сравнительно много школ, так что дети могли бы учиться, если бы они не поступали на фабрику в таком раннем возрасте и не имели такого продолжительного рабочего дня (большей частью двенадцать часов, а нередко и больше). Вследствие этого они не могут воспользоваться школами; три четверти детей, опрошенных членом комиссии, не умели ни читать, ни писать, и во всем округе царило глубочайшее невежество. Дети, годами посещавшие воскресную школу, не умели отличить одну букву от другой. Не только интеллектуальное, но и нравственное

и религиозное воспитание стоит во всем округе на очень низкой ступени (Скривен. «Отчет» и документы).

Т а м же, стр. 461—463

...мы видим, что рабочее движение распадается на два направления: на чартистов и социалистов. Чартисты больше отстают, они менее развиты, но зато они настоящие, подлинные пролетарии, представители пролетариата. Социалисты смотрят гораздо шире, предлагают практические средства против нужды, но они по своему происхождению выходцы из буржуазии и потому не в состоянии слиться с рабочим классом. Слияние социализма с чартизмом, воспроизведение французского коммунизма применительно к английским условиям — вот что должно произойти в ближайшем будущем и частью уже началось. Лишь тогда, когда это осуществится, рабочий класс действительно станет властелином Англии; политическое и социальное развитие тем временем тоже подвинется вперед и будет благоприятствовать этой новой зарождающейся партии, этому дальнейшему развитию чартизма.

Эти различные группы рабочих, которые то сливаются в один поток, то идут врозь,— члены союзов, чартисты и социалисты — создали на свои средства множество школ и читален для повышения интеллектуального уровня рабочих. Такие учреждения имеются при каждой социалистической, почти при каждой чартистской организации, а также при многих отдельных профессиональных союзах. Здесь дети получают чисто пролетарское воспитание, свободное от всяких влияний буржуазии, а в читальнях имеется исключительно, или почти исключительно, пролетарская пресса и книги. Эти учреждения очень опасны для буржуазии, и ей удалось уже в некоторых из них, а именно в «Mechanics' Institutions»³¹, устранить пролетарское влияние и превратить их в органы для распространения среди рабочих полезных для буржуазии знаний. Здесь преподаются естественные науки, изучение которых отвлекает рабочих от борьбы против буржуазии и может кое-кого из них натолкнуть на изобретения, которые увеличат доходы буржуазии. Между тем для самого рабочего изучение природы *в настоящее время* совершенно бесполезно, потому что в большом городе, где он живет, и при большой продолжительности рабочего дня он природы-то никогда и не видит. Здесь проповедуется политическая экономия, кумиром которой является свободная конкуренция; из этой науки рабочий может сделать лишь тот единственный вывод, что самое разумное для него — в тихом смирении умереть с голоду. Здесь все учит смирению, податливости и приспособлению к господствующей политике и религии, так что рабочий слышит только проповедь повиновения, пассивности и покорности своей судьбе. Естественно, что рабочая масса знать не хочет этих школ; она идет в пролетарские читальни, занимается обсуждением вопросов, непосредственно затрагивающих ее собственные интересы.

И тогда самодовольная буржуазия изрекает свое *Dixi et salvavi** и с презрением отворачивается от класса, который «предпочитает солидному образованию неистовые выкрики злостных демагогов». Впрочем, рабочие ценят также и «солидное образование», когда оно им преподносится без примеси корыстной мудрости буржуазии; это доказывает множество лекций на естественнонаучные, художественные и политико-экономические темы, которые постоянно читаются во всех пролетарских учреждениях, в особенности социалистических, и очень хорошо посещаются. Мне нередко случалось встречать рабочих в изношенных плисовых куртках, которые обнаруживали больше знаний по геологии, астрономии и другим предметам, чем иной образованный буржуа в Германии. Каких успехов английскому пролетариату удалось достигнуть в деле приобретения самостоятельного образования, показывает особенно тот факт, что наиболее выдающиеся произведения новейшей философии, политической литературы и поэзии читаются почти исключительно рабочими. Буржуа — раб существующего социального строя и связанных с ним предрассудков; он пугливо отмахивается и отрешивается от всего того, что действительно знаменует собой прогресс; пролетарий же смотрит на все это открытыми глазами и изучает с наслаждением и успешно. В этом отношении социалисты очень много сделали для просвещения пролетариата; они перевели французских материалистов, *Гельвеция*, *Гольбаха*, *Дидро* и т. д., и распространили их в дешевых изданиях вместе с лучшими произведениями английских авторов. «Жизнь Иисуса» *Штрауса* и «Собственность» *Прудона* тоже имеют хождение только среди пролетариев³². Шелли, гениальный пророк *Шелли*, и *Байрон* со своей страстностью и горькой сатирой на современное общество имеют больше всего читателей среди рабочих; буржуа держит у себя только так называемые «семейные издания», выхолощенные и приспособленные к современной лицемерной морали.— Произведения двух крупнейших практических философов новейшего времени, *Бентама* и *Годвина*, особенно последнего, также являются почти исключительно достоянием пролетариата. Если среди радикальной буржуазии и существуют последователи *Бентама*, то ведь только пролетариату и социалистам удалось, отталкиваясь от него, шагнуть вперед. На этих основах пролетариат создал свою собственную литературу, состоящую большей частью из периодических изданий и брошюр и по содержанию своему далеко превосходящую всю литературу буржуазии...

Т а м же, стр. 472—473

Что касается умственного развития и нравственности рабочих горных промыслов, то, согласно «Отчету комиссии по обследованию детского труда», и с тем и с другим дело обстоит в Корнуэлле сносно, а в Олстон-Муре даже превосходно; зато в угольных райо-

* — *Dixi et salvavi animam meam* — я сказал и спас свою душу. *Ред.*

нах и умственный, и нравственный уровень в общем очень невысокий. Рабочие живут в деревне, в глухих местах, и, коль скоро они выполняют свою тяжелую работу, никто кроме полиции ими не интересуется. Вследствие этого, а также и потому, что дети начинают работать в очень юном возрасте, духовное развитие их находится на очень низком уровне. Обычные школы им недоступны, вечерние и воскресные школы ничего не дают — учителя никуда не годятся. Поэтому лишь немногие умеют читать и еще меньше — писать. Единственное, что они, по свидетельству членов комиссии, понимают, это то, что за свой тяжелый и опасный труд они получают слишком ничтожную заработную плату. — Церкви они не посещают никогда или почти никогда; все священники жалуются на невиданное отсутствие религиозного чувства. И действительно, эти люди обнаруживают такое неведение в религиозных и мирских вопросах, перед которым бледнеют приведенные нами выше примеры, касающиеся промышленных рабочих. Религиозные понятия им знакомы только по ругательствам, а нравственность их разрушается самими условиями их труда. Ясно само собой, что переутомление всех углекопов не может не способствовать пьянству. Что касается нравственности в отношениях между полами, то достаточно сказать, что вследствие высокой температуры в копях мужчины, женщины и дети работают нередко совсем голые, а в большинстве случаев едва прикрытые. К каким это ведет последствиям в темных и уединенных коридорах копей, каждый может себе представить. Несоразмерно большое число внебрачных детей достаточно ясно показывает, что происходит там среди этих наполовину одичавших людей; но оно доказывает также, что внебрачные половые сношения здесь не дошли еще, как в городах, до проституции. Труд женщины имеет здесь такие же последствия, как и на фабриках: он разрушает семью и совершенно лишает женщину возможности выполнять свои материнские и домашние обязанности.

1845 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

БЫСТРЫЕ УСПЕХИ КОММУНИЗМА В ГЕРМАНИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 2, стр. 523—524

С тех пор, как я писал вам * в последний раз, дело коммунизма продолжало развиваться так же быстро, как и в последние месяцы 1844 года. Я недавно побывал в ряде прирейнских городов и повсюду обнаружил, что со времени моего последнего посещения наши идеи завоевали и продолжают завоевывать с каждым днем новые позиции. Повсюду я встречал новых прозелитов, которые обсуждали и распространяли идеи коммунизма со всем рвением, какого только можно было пожелать. Во всех городах Пруссии проведено множество публичных собраний для создания союзов, имеющих целью противодействие росту пауперизма, невежества и преступности в широких массах населения. Правительство, сначала поощрявшее эти собрания, стало препятствовать их проведению, как только в них проявился слишком независимый дух, но тем не менее, они привлекли общественное внимание к социальному вопросу и сделали очень много для распространения наших принципов. В Кёльне собрание было настолько воодушевлено речами видных коммунистов, что избрало для выработки устава союза комитет, состоявший в большинстве своем из убежденных коммунистов. В основу устава были, конечно, положены коммунистические принципы — организация труда, защита труда от власти капитала и т. п. — и этот устав был почти единогласно принят собранием. Разумеется, в правительственной санкции, которая требуется здесь для создания любой ассоциации, было отказано; но после этих собраний вопрос о коммунистических колониях стал предметом всеобщего обсуждения в Кёльне. В Эльберфельде было провозглашено в качестве основного принципа союза, *что все люди в равной мере имеют право на образование и должны пользоваться плодами науки*. Устав союза, однако, еще не утвержден правитель-

---

* В еженедельную газету социалистов-утопистов «The New Moral World» («Новый нравственный мир»). *Ред.*

ством и, по всей вероятности, он разделит участь кельнского устава, так как духовенство создало свою собственную организацию, после того как его попытка поставить союз в зависимость от городской епархии была отвергнута собранием. Либеральный союз будет запрещен, а поповский — получит поддержку правительства. Это, впрочем, не имеет большого значения, потому что вопрос, раз поднятый, обсуждается теперь по всему городу. В Мюнстере, Клеве, Дюссельдорфе и других городах также были основаны союзы; посмотрим, каковы будут результаты...

Ф. ЭНГЕЛЬС
ЭЛЬБЕРФЕЛЬДСКИЕ РЕЧИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.
изд. 2, т. 2, стр. 543—544

Могут спросить, как претворить эту теорию * в жизнь, какие меры можем мы предложить, чтобы подготовить ее проведение? Существуют различные пути для достижения этой цели. Англичане, вероятно, начнут с основания отдельных колоний и предоставят каждому решать, вступать в них или нет; французы, наоборот, вероятно, будут готовить и проводить коммунизм в национальном масштабе. С чего начнут немцы, сказать трудно, так как социальное движение в Германии — явление новое. Упомяну пока только об одном из многих возможных подходов к этому делу, о котором немало говорилось в последнее время, а именно о проведении трех мероприятий, которые неизбежно должны привести к практическому коммунизму.

Первое мероприятие — это *всеобщее обучение* на государственный счет всех детей без исключения, обучение, одинаковое для всех, вплоть до того возраста, когда человек способен выступить как самостоятельный член общества. Это мероприятие было бы только актом справедливости по отношению к нашим неимущим братьям, так как каждый человек неоспоримо имеет право на полное развитие своих способностей и общество вдвойне совершает преступление против личности, когда делает невежество неизбежным следствием бедности. Что обществу больше пользы приносят образованные, чем невежественные, некультурные члены этого общества, это само собой очевидно. И если получивший образование пролетариат, как этого следует ожидать, не склонен будет оставаться в том угнетенном положении, в котором находится наш современный пролетариат, то, с другой стороны, только от *образованного* рабочего класса можно ожидать того спокойствия и того благоразумия, которые необходимы для мирного преобразования общества. Но и *необразованный* пролетариат тоже не склонен оставаться в своем теперешнем положении; доказательство мы видели даже в Германии, на примере силезских и богемских волнений ³³, а о других странах и говорить нечего.

* — коммунизма. *Ред.*

К. МАРКС

ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., изд. 2, т. 3, стр. 1

1

Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самоё человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязноторгашеской форме ее проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности.

Т а м же, стр. 2

3

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*.

Т а м же, стр. 4

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

1845—1846 гг.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 3, стр. 49—54

Наибольшее разделение материального и духовного труда, это — отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени (Лига против хлебных законов).

Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д. — словом общинного политического устройства, а значит и политики вообще. Здесь впервые сказалося разделение населения на два больших класса, непосредственно основанное на разделении труда и на орудиях производства. Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, — подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого — в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами. Труд опять-таки здесь самое главное, он есть та сила, которая стоит *над* индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоположности между городом и деревней есть одно из первых условий общественного единства, — условие, которое, в свою очередь, зависит от множества материальных предпосылок и которое, как это видно уже с первого взгляда, не может быть осуществлено одной только волей. (Эти условия следует еще подробно рассмотреть.) Отделение города от деревни можно рассматривать также и как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, т. е. собственности, основанной только на труде и обмене.

В городах, которые средневековье не получило в готовом виде из прошлой истории, а которые заново были образованы освободившимися крепостными,— в этих городах единственной собственностью каждого индивида, если не считать принесенного им с собой небольшого капитала, который весь почти заключался в самых необходимых ремесленных инструментах, был особый вид труда данного индивида. Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных; непрерывная война деревни против города, а следовательно, и необходимость организации городской военной силы; узы общей собственности на определенную специальность; необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремесел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи. Мы не будем здесь подробно останавливаться на многочисленных видоизменениях цехового строя, вызванных позднейшим историческим развитием. В течение всего средневековья непрерывно продолжается бегство крепостных в города. Эти крепостные, преследуемые в деревнях своими господами, приходили поодиночке в города, где они заставляли организованную общину, по отношению к которой они были беспомощны и в рамках которой они вынуждены были подчиниться тому их положению, которое определялось потребностью в их труде и интересами их организованных городских конкурентов. Эти работники, приходившие поодиночке в город, никогда не смогли стать силой, так как в том случае, когда их труд носил цеховой характер и требовал выучки, цеховые мастера подчиняли их себе и организовывали согласно своим интересам; если же этот труд не требовал выучки и поэтому носил не цеховой, а поденный характер, то работники не могли организоваться и навсегда оставались неорганизованными плебеями. Нужда городов в поденной работе создала плебс.

Города эти были настоящими «союзами», порожденными непосредственными потребностями, заботой об охране собственности и об умножении средств производства и средств защиты отдельных членов. Плебс в этих городах был совершенно бессильн вследствие того, что он состоял из чуждых друг другу, пришедших туда поодиночке индивидов, которые неорганизованно противостояли организованной, по-воински снаряженной и ревниво следившей за ними силе. Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как это наилучшим образом соответствовало интересам мастеров; патриархальные отношения между ними и мастерами придавали последним двойную силу: во-первых, мастера оказывали непосредственное влияние на всю жизнь подмастерьев, и, во-вторых, работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, объединявшей их

против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем уже в силу своей заинтересованности в том, чтобы самим стать мастерами. Поэтому если плебеи и поднимали иногда мятежи против всего этого городского строя,— мятежи, которые, впрочем, вследствие бессилия этих плебеев не приводили ни к какому результату,— то подмастерья не шли дальше мелких столкновений в рамках отдельных цехов, столкновений, неразрывно связанных с самим существованием цехового строя. Все крупные восстания средневековья исходили из деревни, но и они, из-за раздробленности и связанной с ней крайней отсталости крестьян, также оставались совершенно безрезультатными.

Разделение труда в городах между отдельными цехами было еще [совершенно примитивным], а внутри самих цехов между отдельными работниками и вовсе не проводилось. Каждый работник должен был знать целый ряд работ, должен был уметь делать все, что полагалось делать при помощи его инструментов; ограниченность торговли и слабая связь отдельных городов между собой, скудость населения и ограниченность потребностей препятствовали дальнейшему разделению труда, и поэтому каждый, кто желал стать мастером, должен был овладеть своим ремеслом во всей его полноте. Вот почему у средневековых ремесленников еще имеет место известный интерес к своей специальной работе и к умелому ее выполнению, интерес, который мог подниматься до степени примитивного художественного вкуса. Но по этой же причине каждый средневековый ремесленник был целиком поглощен своей работой, относился к ней с рабской преданностью и был гораздо более подчинен ей, чем современный рабочий, равнодушно относящийся к своей работе.

Капитал в этих городах был естественно сложившимся капиталом; он заключался в жилище, ремесленных инструментах и естественно сложившейся, наследственной клиентуре; вследствие неразвитого общения и недостаточного обращения капитал был лишен возможности реализации и поэтому переходил по наследству от отца к сыну. Капитал этот, в отличие от современного, не оценивался в деньгах,— в последнем случае безразлично, в какой именно вещи он заключается,— а был непосредственно связан с вполне определенным трудом владельца, совершенно неотделим от него и поэтому был *сословным* капиталом.

Следующее расширение, которое получило разделение труда, заключалось в обособлении торговли от производства, в образовании особого класса купцов,— обособлении, которое было унаследовано в сохранившихся от исторического прошлого городах (между прочим, с еврейским населением) и очень скоро появилось во вновь возникших городах. Этим создавалась возможность торговой связи, выходящей за пределы ближайшей округи,— возможность, осуществление которой зависело от существующих средств сообщения, от обусловленного политическими отношения-

ми состояния общественной безопасности на дорогах (как известно, в течение всего средневековья купцы передвигались вооруженными караванами) и от обусловленного соответствующей ступенью культуры большего или меньшего развития потребностей, имеющих место в доступных сношениях областях.

Вместе с концентрацией торговых сношений в руках особого класса и с тем расширением, которое — благодаря купцам — получила торговля, вышедшая за пределы ближайших окрестностей города, тотчас возникает и взаимодействие между производством и торговлей. Города вступают в связь *друг с другом*, из одного города в другой привозятся новые орудия труда, и разделение между производством и торговлей вскоре вызывает новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности. Мало-помалу начинает исчезать первоначальная местная ограниченность.

В средние века горожане в каждом городе вынуждены были для защиты своей жизни объединяться против сельского дворянства; расширение торговли и установление путей сообщения дали возможность отдельным городам узнать о других городах, отстаивавших те же интересы в борьбе против того же противника. Из многих местных объединений жителей отдельных городов лишь весьма постепенно возник *класс* горожан. Условия жизни отдельных горожан, в силу их противоположности существующим отношениям и обусловленному ими способу труда, стали условиями, общими для них всех и независимыми от каждого в отдельности. Горожане создали эти условия, поскольку они оторвались от феодальных связей, и в свою очередь были созданы этими условиями, поскольку горожане были обусловлены своей противоположностью имевшемуся налицо феодализму. С возникновением связи между отдельными городами эти общие для них всех условия развились в классовые условия. Одни и те же условия, одна и та же противоположность, одни и те же интересы должны были в общем повсюду создать также одни и те же нравы. Сама буржуазия развивается лишь постепенно, вместе с условиями своего существования, снова распадаясь в зависимости от разделения труда на различные группы, и, в конце концов, поглощает все существовавшие до нее имущие классы *, по мере того как вся наличная собственность превращается в промышленный или торговый капитал (в то же время буржуазия превращает большинство существовавших до того неимущих классов и часть классов, бывших прежде имущими, в новый класс — пролетариат). Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в каче-

---

* Пометка Маркса на полях: «Она сперва поглощает принадлежащие непосредственно государству отрасли труда, а затем — все ± [более или менее] идеологические сословия». *Ред.*

стве конкурентов. С другой стороны, и класс в свою очередь становится самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу, подчиняет их себе. Это — явление того же порядка, что и подчинение отдельных индивидов разделению труда, и оно может быть устранено лишь путем уничтожения частной собственности и самого труда *...

Т а м же, стр. 69—70

Наконец, мы получаем еще следующие результаты из развитого нами понимания истории: 1) В своем развитии производительные силы достигают такой ступени, на которой возникают производительные силы и средства общения, приносящие с собой при существующих отношениях одни лишь бедствия, являясь уже не производительными, а разрушительными силами (машины и деньги). Вместе с этим возникает класс, который вынужден нести на себе все тяготы общества, не пользуясь его благами, который, будучи вытеснен из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем остальным классам; этот класс составляет большинство всех членов общества, и от него исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание, которое может, конечно, — благодаря пониманию положения этого класса, — образоваться и среди других классов; 2) условия, при которых могут быть применены определенные производительные силы, являются условиями господства определенного класса общества, социальная власть которого, вытекающая из его имущественного положения, находит каждый раз свое *практически-идеалистическое* выражение в соответствующей государственной форме, и поэтому всякая революционная борьба направляется против класса, который господствовал до того **; 3) при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, — всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд* *** и уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами, потому что эта революция совершается тем классом, который в обществе уже не считается более классом, не признается в качестве класса и является уже выражением разложения всех классов, национальностей и т. д. в теперешнем обществе; и 4) как для массового порождения этого

* О том, что означает здесь выражение «уничтожение труда» (*Aufhebung der Arbeit*), — см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 3, стр. 65—70, 78, 192. *Ред.*

** Пометка Маркса на полях: «Эти люди заинтересованы в том, чтобы сохранить нынешнее состояние производства». *Ред.*

*** Далее в рукописи перечеркнуто: «современную форму деятельности, при которой господство...» *Ред.*

коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества.

Т а м же, стр. 113—115

Вся история «Жизни Человека»³⁴ сводится, таким образом, «скажем мы в заключение», к следующему:

1) Штирнер берет различные ступени жизненного процесса только как «самообретения» индивида, причем эти «самообретения» всегда сводятся к определенному отношению сознания. Различие *сознания* составляет здесь, таким образом, жизнь индивида. До физического и социального изменения, происходящего с индивидами и порождающего измененное сознание, Штирнеру, конечно, дела нет. Поэтому у него ребенок, юноша и муж всегда находят мир уже заранее готовым, — подобно тому как и себя «самих» они только «находят»; а чтобы вообще что-нибудь могло быть «найдено», — для этого они решительно ничего не делают, об этом они нисколько не заботятся. Но и само отношение *сознания* понимается не надлежащим образом, а лишь в его спекулятивном извращении. Поэтому-то все эти образы и относятся к миру философии — «ребенок относится к миру *реалистически*», «юноша — *идеалистически*», муж — как отрицательное единство обоих, как абсолютная отрицательность, что и высказано в вышеприведенной заключительной фразе. Здесь раскрывается тайна «Жизни Человека», здесь обнаруживается, что «*ребенок*» есть только переряженный «*реализм*», «*юноша*» — только переряженный «*идеализм*», «*муж*» — только переряженная попытка *разрешения* этой философской *противоположности*. Это разрешение, эта *абсолютная отрицательность*, получается, — как это ясно уже сейчас, — только благодаря тому, что муж слепо принимает на веру иллюзии как ребенка, так и юноши, и тем самым *верит*, что он справился с миром вещей и с миром духа.

2) Так как святой Макс * не обращает внимания на физическую и социальную «жизнь» индивида и вообще не говорит о «жизни», то он вполне последовательно отвлекается от исторических эпох, от национальности, класса и т. д. или, что *то же самое*, он раздувает господствующее *сознание* ближайшего к нему класса его непосредственного окружения, возводя его в нормальное сознание «человеческой жизни». Чтобы подняться над этой местной ограниченностью и педантизмом школьного наставника, ему следовало бы только сопоставить «своего» юношу с первым попав-

* — Штирнер. *Ред.*

шимся юным конторщиком, с молодым английским фабричным рабочим, с молодым янки, не говоря уже о молодом киргиз-кайсаке.

3) Невероятное легкоеверие нашего святого — что и есть длинный дух его книги — не успокаивается на том, что он заставляет своего юношу верить ребенку, а своего мужа — верить юноше. Иллюзии, которые создают относительно себя — на деле или на словах — некоторые «юноши», «мужи» и т. д., Штирнер сам незаметно смешивает с «жизнью», с действительностью этих в высшей степени сомнительных юношей и мужей.

4) Вся эта конструкция человеческих возрастов уже дана в виде прототипа в третьей части гегелевской «Энциклопедии»³⁵ и «с различными превращениями» также и в других местах у Гегеля. Святой Макс, преследующий «собственные» цели, должен был, конечно, и здесь произвести некоторые «превращения»: в то время как Гегель, например, еще настолько считается с эмпирическим миром, что изображает немецкого бюргера как холопа окружающего его мира, — Штирнер делает его господином этого мира, каковым он не является даже в воображении. Точно так же святой Макс делает вид, что он не говорит о старце в силу эмпирических оснований: он хочет якобы подождать, пока он сам превратится в старца (здесь, таким образом, «Жизнь Человека» = «Его Единственная жизнь Человека»). Гегель без малейшего колебания конструирует четыре человеческих возраста потому, что, по его мнению, в реальном мире отрицание полагает себя дважды, а именно — как луна и как комета (ср. «Философию природы» Гегеля³⁶), и поэтому здесь четырехчленность заступает место трехчленности. Штирнер полагает свою единственность в том, что сливает воедино луну и комету, и устраняет, таким образом, злосчастного старца из «Жизни Человека». Основание этой уловки обнаружится тотчас же, как только мы займемся конструкцией единственной истории человека.

Т а м ж е, стр. 168—169

Новый пример дает нам святой Макс на стр. 115, говоря о семье. Он заявляет, что хотя и очень легко эмансипироваться от господства своей собственной семьи, но «отказ от повиновения легко порождает угрызения совести», и поэтому люди крепко держатся семейной любви, понятия семьи, обретая таким образом «священное понятие семьи», «Святое» (стр. 116).

Наш добрый малый опять усматривает господство Святого там, где господствуют вполне эмпирические отношения. Буржуа относится к установлениям своего режима, как еврей к закону: он обходит их, поскольку это удастся сделать в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все другие их соблюдали. Если бы все буржуа, всей массой и сразу, стали бы обходить буржуазные установления, то они перестали бы быть буржуа, — такое поведение, конечно, не приходит им в голову и отнюдь не зависит от их же-

лений и произвола. Распутный буржуа обходит брак и предается тайне нарушениям супружеской верности; купец обходит институт собственности, лишая других собственности посредством спекуляций, банкротства и т. д.; молодой буржуа делает себя независимым от своей собственной семьи, когда он в состоянии это сделать,— он практически упраздняет для себя семью. Но брак, собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, потому что они образуют практические основы, на которых воздвигла свое господство буржуазия, потому что они, в своей буржуазной форме, являются условиями, благодаря которым буржуа есть буржуа,— подобно тому как закон, который постоянно обходится, делает религиозного еврея религиозным евреем. Это отношение буржуа к условиям своего существования приобретает одну из своих всеобщих форм в буржуазной моральности. Вообще нельзя говорить о семье *«как таковой»*. Буржуазия исторически придает семье характер буржуазной семьи, в которой скука и деньги являются связующим звеном и к которой принадлежит также и буржуазное разложение семьи, не мешающее тому, что сама семья продолжает существовать. Ее грязному существованию соответствует священное понятие о ней в официальной фразеологии и во всеобщем лицемерии. Там, где семья *действительно* упразднена, как у пролетариата, происходит как раз обратное тому, что думает «Штирнер». Там понятие семьи не существует вовсе, но зато местами несомненно встречается семейная склонность, опирающаяся на весьма реальные отношения. В XVIII веке понятие семьи было упразднено философами, потому что действительная семья уже начала разлагаться на вершине цивилизации. Разложилась внутренняя связь семьи, разложились отдельные части, которые входят в понятие семьи, например повиновение, пиетет, супружеская верность и т. д.; но реальное тело семьи, имущественное отношение, отношение, исключаяющее другие семьи, вынужденное сожительство — отношения, данные уже фактом существования детей, устройством современных городов, образованием капитала и т. д.,— все это сохранилось, хотя и с многочисленными нарушениями, потому что существование семьи неизбежно обусловлено ее связью со способом производства, существующим независимо от воли буржуазного общества. Разительнее всего проявилась эта неизбежность во время французской революции, когда семья была на одно мгновение почти совсем отменена законом. Семья продолжает существовать даже в XIX веке, только процесс ее разложения сделался более всеобщим — и это порождено не ее понятием, а более высоким развитием промышленности и конкуренции; семья все еще существует, хотя ее разложение давно уже провозглашено французскими и английскими социалистами и через французские романы проникло наконец и к немецким отцам церкви.

Еще один пример господства идеи в обыденной жизни. Так как школьные учителя могут по поводу ничтожной оплаты их тру-

да утешаться святостью того дела, которому они служат (что возможно только в Германии), то Jacques le bonhomme³⁷ действительно верит, что эта фразеология есть причина их низких окладов (стр. 100). Он верит, что «Святое» имеет в современном буржуазном мире действительную денежную стоимость, он верит, что если бы «Святое» было упразднено, то скудные средства прусского государства (об этом, между прочим, см. у Браунинга³⁸) увеличились бы в такой степени, что каждый сельский учитель вдруг стал бы получать министерский оклад.

Это — иерархия бессмыслицы.

Т а м ж е, стр. 201

«Штирнер» полагает, что коммунистические пролетарии, которые революционизируют общество и ставят отношения производства и форму общения на новую основу, — а такой основой являются они сами в качестве новых людей, их новый образ жизни, — что эти пролетарии остаются «прежними». Неустанная пропаганда этих пролетариев, дискуссии, которые они ежедневно ведут между собой, в достаточной мере доказывают, насколько они сами не хотят оставаться «прежними» и насколько они вообще не хотят, чтобы люди оставались «прежними». «Прежними» они остались бы только в том случае, если бы стали вместе с Санчо * «искать вину в самих себе»; но они слишком хорошо знают, что лишь при изменившихся обстоятельствах они перестанут быть «прежними», и поэтому они проникнуты решимостью при первой же возможности изменить эти обстоятельства. В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств...

Т а м ж е, стр. 250—254

Теперь, наконец, мы в состоянии как следует понять штирнеровские возражения против коммунизма. Они были не чем иным, как предварительным, скрытым узаконением его согласного с собой эгоизма, в котором эти возражения воскресают во плоти. [*«Равное благоденствие всех в одном и том же отношении»* воскресает в виде требования, чтобы *«Мы все чувствовали себя привольно в разрушении»*. *«Забота»* воскресает и в виде единственной *«заботы»* об обеспечении за собой своего Я как собственности; но с течением времени снова возникает *«забота о том, как»* прийти к единству, — к единству творца и творения. И, наконец, опять появляется гуманизм, который в виде истинного эгоиста предстает перед эмпирическими индивидами как недостижимый идеал.] Следовательно, фразу на стр. 117 «Книги» следует читать так: Согласный с собой эгоизм стремится по-настоящему превратить каждого человека в «тайное полицейское государство». Шпионка и ищейка «рефлексия» следит за каждым движением духа и тела, и всякая деятельность и мысль, всякое проявление жизни есть для нее дело рефлексии, т. е. дело полиции. В этой разорван-

* — Штирнером. *Ред.*

ности человека, в его распаде на «природное влечение» и «рефлексию» (плебейство внутри нас, творение и внутренняя полиция, творец) и заключается согласный с собой эгоист*.

Гесс («Последние философы», стр. 26) упрекнул нашего святого в том, что

«он постоянно находится под тайным полицейским надзором своей критической совести... Он не забыл «предписание критики... чувствовать себя привольно только в разрушении»... Эгоист,— напоминает ему все время его критическая совесть,— ничем не должен интересоваться настолько, чтобы целиком отдаться своему предмету» и т. п.

Святой Макс «уполномочивает себя» возразить на это так:

Если «Гесс говорит о Штирнере, будто он постоянно находится и т. д., то это значит только, что, когда он критикует, он хочет критиковать не как попало» (т. е., заметим в скобках, не единственным способом), «не болтать вздор, а именно по-настоящему» (т. е. по-человечески) «критиковать».

«Что означало», когда Гесс говорил о тайной полиции и т. д., настолько ясно из приведенных слов Гесса, что даже «единственное» понимание этих слов святым Максом может быть объяснено только как умышленное непонимание. Его «виртуозность мышления» превращается здесь в виртуозность во лжи,— виртуозность, которую мы, конечно, не поставим ему в упрек, так как она была здесь для него единственным выходом, но которая очень плохо гармонирует с весьма утонченными, скрупулезными различениями в вопросе о праве лгать, приводимыми им в другом месте «Книги». Впрочем, мы уже доказали Санчо,— более пространно, чем он того заслуживает,— что «когда он критикует», то отнюдь не «критикует действительно», а «критикует как попало» и «болтает вздор».

Итак, отношение истинного эгоиста, как творца, к себе, как к творению, было сперва определено в том смысле, что против определения, в котором он фиксировал себя как творение,— например, против себя как мыслящего, как духа,— он утверждает себя в качестве существа еще и иначе определенного, в качестве плоти. В дальнейшем он утверждал себя уже не как *действительно* еще и иначе определенное существо, а как *простое представление о наличии еще и иной определенности* вообще,— значит, в нашем примере, как существо также и немслящее, лишенное мыслей или безразличное к мышлению; однако и это представление он снова отбрасывает, как только обнаруживается его бессмысленность. Смотри выше о верчении на спекулятивном каблуке. Стало быть, творческая деятельность заключалась здесь в рефлексии, что такое-то определение, в данном случае мышление, может

---

* Далее в рукописи перечеркнуто: «Если, впрочем, у святого Макса «один высокопоставленный прусский офицер» говорит: «Каждый пруссак носит в груди своего жандарма»,— то он, очевидно, хотел сказать: королевского жандарма; только «согласный с собой эгоист» носит в груди *своего собственного жандарма*». Ред.

быть и безразличным для него, т. е. она заключалась в рефлексировании вообще; в результате он и создает, конечно, только рефлексивные определения, если вообще что-нибудь создает (например, представление о противоположности, нехитрая суть которого прикрывается всевозможными огнедышащими арабесками).

Что же касается *содержания* его как творения, то мы видели, что он нигде не создает это содержание, эти определенные свойства, например свое мышление, свое рвение и т. д., а дает лишь рефлексивное определение этого содержания как творения, только представление о том, что эти определенные свойства суть его творения. Все его свойства заранее присущи ему, а откуда они происходят, для него безразлично. Значит, ему нет надобности развивать их — например, учиться танцевать, чтобы стать господином над своими ногами, или упражнять свою мысль на материале, имеющемся не у всякого и не для всякого доступном, чтобы стать собственником своего мышления; ему нет также надобности думать об общественных отношениях, от которых в действительности зависит, насколько индивид может развиваться.

Штирнер в действительности только избавляется от одного свойства посредством другого (т. е. избавляется от подавления своих прочих свойств этим «другим»). Но, как мы уже показали, на деле он избавляется от него лишь постольку, поскольку это свойство не только достигло свободного развития и не осталось простым задатком, [но и поскольку общественные отношения позволили ему равномерно развить *целую совокупность* свойств, а именно благодаря разделению труда, и поскольку они, в силу этого, позволили ему преимущественно осуществлять одну единственную страсть, например, страсть писать книги. Вообще бессмысленно предполагать, как это делает святой Макс, что можно удовлетворить одну какую-нибудь страсть, оторванную от всех остальных, что можно удовлетворить ее], не удовлетворив вместе с тем *себя*, целостного живого индивида. Если эта страсть принимает абстрактный, обособленный характер, если она противостоит мне как некая чуждая сила, если, таким образом, удовлетворение индивида оказывается односторонним удовлетворением одной-единственной страсти,— то зависит это отнюдь не от сознания или «доброй воли» и уж тем более не от недостатка рефлексии над понятием свойства, как это представляет себе святой Макс.

Это зависит не от *сознания*, а от *бытия*; не от мышления, а от жизни; это зависит от эмпирического развития и проявления жизни индивида, зависящих, в свою очередь, от общественных отношений. Если обстоятельства, в которых живет этот индивид, делают для него возможным лишь одностороннее развитие одного какого-либо свойства за счет всех остальных, если они дают ему материал и время для развития одного только этого свойства, то этот индивид и не может пойти дальше одностороннего, уродливого развития. Никакая моральная проповедь тут не поможет. И тот способ, каким будет развиваться это одно, особенно куль-

тивируемое свойство, зависит опять-таки, с одной стороны, от материала, предоставляемого для его развития, а с другой — от степени и характера подавленности остальных свойств. Именно потому, что мышление, например, есть мышление данного определенного индивида, оно остается *его* мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет; значит, мыслящему индивиду вовсе нет надобности прибегать к длительной рефлексии над мышлением как таковым, чтобы объявить свое мышление своим собственным мышлением, своей собственностью, — оно с самого начала есть его собственное, своеобразно определенное мышление, и как раз это его своеобразие [оказалось у святого Санчо «противоположностью» этого свойства, оказалось своеобразием, которое существует только «в себе»]. У индивида, например, жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности и различных видов практического отношения к миру и является, таким образом, многосторонней жизнью, — у такого индивида мышление носит такой же характер универсальности, как и всякое другое проявление его жизни. Оно не затвердевает поэтому в виде абстрактного мышления и не нуждается в сложных фокусах рефлексии, когда индивид переходит от мышления к какому-либо другому проявлению жизни. Оно с самого начала является моментом в целостной жизни индивида — моментом, который, смотря по *надобности*, то исчезает, то воспроизводится.

Иначе дело обстоит у ограниченного тесными рамками берлинского школьного наставника или у писателя, деятельность которого ограничивается тяжелой работой, с одной стороны, и наслаждением мыслью — с другой, мир которого простирается от Моабита до Кёпеника и наглухо заколочен за Гамбургскими воротами³⁹, отношения которого к этому миру сведены до минимума его жалким положением в жизни. У такого индивида, когда он испытывает потребность в мысли, мышление неизбежно становится столь же абстрактным, как сам этот индивид и его жизнь, и противостоит ему, лишенному всякой сопротивляемости, в виде косной силы, деятельность которой дает индивиду возможность спастись на мгновение из его «дурного мира», дает возможность минутного наслаждения. У такого индивида немногие оставшиеся влечения, возникающие не столько из общения с внешним миром, сколько из устройства человеческого тела, проявляются лишь *отраженными толчками*, т. е. они принимают в рамках своего ограниченного развития тот же односторонний и грубый характер, как и его мышление, появляются лишь через большие промежутки времени и под давлением непомерно разросшегося преобладающего влечения (подкрепляемые непосредственными физическими причинами, [например спазмами в животе] и проявляются бурно и насильственно, грубо вытесняя обыкновенное, естественное влечение, что приводит к дальнейшему усилению их власти над мышлением. Само собой разумеется, что школьно-наставническая

мысль рефлектирует и изощряется в умствованиях над этим эмпирическим фактом по-школьно-наставнически. Но простое заявление, что Штирнер вообще «создает» свои свойства, не объясняет даже их развития в определенном направлении]. Развиваются ли эти свойства в универсальном или в местном масштабе, поднимаются ли они над местной ограниченностью или остаются в плену у нее, это зависит не от Штирнера, а от развития мировых сношений и от того участия, которое он и местность, где он живет, принимают в них. При благоприятных обстоятельствах отдельным лицам позволяет избавиться от их местной ограниченности отнюдь не то, что индивиды в своей рефлексии воображают, будто они уничтожили или собираются уничтожить свою местную ограниченность, а лишь тот факт, что они в своей эмпирической действительности и в силу эмпирических потребностей дошли до установления мировых сношений*.

Т а м же, стр. 392—393

Он** воображает, будто так называемые организаторы труда⁴⁰ хотели организовать всю деятельность каждого индивида, между тем как именно у них проводится различие между непосредственно производительным трудом, который должен быть организован, и не непосредственно производительным трудом. Что касается этих последних видов труда, то организаторы вовсе не думали, как воображает Санчо, будто каждый должен выполнять труд Рафаэля,— они полагали только, что каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться. Санчо воображает, будто Рафаэль создал свои картины независимо от разделения труда, существовавшего в то время в Риме. Если бы он сравнил Рафаэля с Леонардо да Винчи и Тицианом, то увидел бы, насколько художественные произведения первого зависели от тогдашнего расцвета Рима, происшедшего под флорентинским влиянием, произведения Леонардо — от обстановки Флоренции, а затем труды Тициана — от развития Венеции, имевшего совершенно иной характер. Рафаэль, как и любой другой художник, был обусловлен достигнутыми до него техническими успехами в искусстве, организацией общества и разделением труда в его местности и, наконец, разделением труда во всех странах, с которыми его местность находилась в сношениях. Удастся ли индивиду вроде Рафаэля развить свой талант,— это целиком зависит от спроса, который, в свою очередь, зависит от разделения труда и от порожденных им условий просвещения людей.

---

* Далее в рукописи перечеркнуто: «Святой Макс признает в одном позднейшем, мирском месте, что Я получает от мира (фихтевский) «толчок». Что коммунисты намерены взять под свой контроль этот «толчок», который (если не ограничиться пустой фразой) становится, правда, крайне сложным и многообразно определенным «толчком»,— это, конечно, для святого Макса слишком дерзновенная мысль, чтобы он мог остановиться на ней». *Ред.*

** —Штирнер. *Ред.*

Провозглашая единственность научного и художественного труда, Штирнер стоит здесь еще гораздо ниже уровня буржуазии. Уже сейчас признано необходимым организовать эту «единственную» деятельность. У Ораса Верне не хватило бы времени для создания и десятой доли его картин, если бы он их рассматривал как работы, которые «способен выполнить только этот Единственный». Огромный спрос в Париже на водевили и романы вызвал к жизни организацию труда для их производства — организацию, которая дает во всяком случае нечто лучшее, чем ее «единственные» конкуренты в Германии. В астрономии такие люди, как Араго, Гершель, Энке и Бессель, сочли необходимым сорганизоваться для совместных наблюдений и только после этого получили некоторые сносные результаты. В историографии «Единственный» абсолютно не в состоянии сделать хоть что-нибудь, и французы и в этой области уже давно перегнали остальные народы благодаря организации труда. Впрочем, ясно, что все эти организации, основанные на современном разделении труда, все еще приводят лишь к крайне ограниченным результатам, представляя собой шаг вперед лишь по сравнению с существовавшей до сих пор узкой оболочкой.

Кроме того, необходимо еще обратить особое внимание на то, что Санчо смешивает организацию труда с коммунизмом и даже удивляется, почему «коммунизм» не дает ему ответа на его сомнения по поводу этой организации. Так гасконский деревенский парень удивляется тому, что Араго не может ему сказать, на какой звезде воздвиг свой престол господь бог.

Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда. Если бы даже при известных общественных отношениях каждый индивид был отличным живописцем, то это вовсе не исключало бы возможности, чтобы каждый был также и оригинальным живописцем, так что и здесь различие между «человеческим» и «единственным» трудом сводится к простой бессмыслице. Во всяком случае при коммунистической организации общества отпадает целение художника местной и национальной ограниченности, целиком вытекающее из разделения труда, а также замыкание художника в рамках какого-нибудь определенного искусства, благодаря чему он является исключительно живописцем, скульптором и т. д., так что уже одно название его деятельности достаточно ясно выражает ограниченность его профессионального развития и его зависимость от разделения труда. В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности.

Т а м же, стр. 424—427

«Чем каждый может стать, тем он и становится. Неблагоприятные *обстоятельства* могут помешать прирожденному поэту стоять на высоте эпохи и создавать великие творения, для которых совершенно необходима большая подготовка;

по он будет сочинять стихи независимо от того, будет ли он батраком или же ему посчастливится жить при веймарском дворе. Прирожденный музыкант будет заниматься музыкой, безразлично, на всех ли инструментах» (эту фантазию о *«всех инструментах»* он нашел у Прудона. Смотри «Коммунизм») «или же только на пастушьей свирели» (нашему школьному наставнику тут, конечно, вспоминаются вергилиевские эклоги). «Прирожденный философский ум сможет проявить себя либо в качестве университетского философа, либо в качестве деревенского философа. Наконец, *прирожденный глупец* всегда останется тупицей. И надо сказать, что природенные ограниченные головы бесспорно образуют самый многочисленный класс людей. Да и *почему бы в человеческом роде не быть* тем же самым различиям, которые встречаются во всякой породе животных?» (стр. 434) ⁴¹.

Санчо и на этот раз выбрал свой пример с обычной неловкостью. Если принять всю его бессмысленную болтовню о природенных поэтах, музыкантах, философах, то его пример доказывает, с одной стороны, лишь то, что природенный и т. д. *остается* тем, что он уже *есть* от рождения,— именно поэтом и т. д.; а с другой стороны, что природенный и т. д., поскольку он *становится*, развивается, может «в силу неблагоприятных обстоятельств» не стать тем, чем *он мог бы стать*. Таким образом, его пример, с одной стороны, не доказывает ровно ничего, а с другой — доказывает обратное тому, что следовало доказать; с обеих же сторон вместе, он доказывает, что Санчо от рождения или в силу обстоятельств принадлежит к *«самому многочисленному классу людей»*. Зато он разделяет с этим классом и со своей «тупостью» то утешение, что он — *единственный* «тупица».

Санчо переживает здесь приключение с волшебным напитком, приготовленным Дон Кихотом из розмарина, вина, оливкового масла и соли; как рассказывает Сервантес в семнадцатой главе, Санчо, испив эту смесь, целых два часа подряд, в поте лица и с судорожными конвульсиями, извергал ее из обоих каналов своего тела. Материалистический напиток, выпитый нашим храбрым оруженосцем для своего самонаслаждения, очищает его от всего его эгоизма в необыкновенном смысле слова. Мы видели выше, что Санчо вдруг потерял всю свою торжественность, вспомнив о необходимости «толчка», и отказался от всех своих «способностей», как некогда египетские волшебники перед вшами Моисея; теперь мы наблюдаем два новых приступа малодушия: он склоняется также и перед силой «неблагоприятных *обстоятельств*» и признает, наконец, даже свою первоначальную физическую организацию за нечто такое, что уродуется без всякого его содействия. Что же остается еще у нашего обанкротившегося эгоиста? Его природенная физическая организация не в его власти; «обстоятельства» и «толчок», под влиянием которых она развивается, недоступны его контролю; «таков, каков он есть каждое мгновение, он» — не «свое собственное творение», а нечто сотворенное взаимодействием между его природными задатками и влияющими на них обстоятельствами,— всего этого Санчо не оспаривает больше. Несчастный «творец»! Несчастнейшее «творение»!

Но самая страшная беда приходит напоследок. Санчо, не довольствуясь тем, что ему уже давно полностью отсчитаны *tres mil azotes y trecientos en ambas sus valientes posaderas* *, сам наносит себе под конец еще один удар, и самый главный, провозгласив себя *фанатиком рода*. И каким еще фанатиком! Во-первых, он приписывает роду разделение труда, ибо делает его ответственным за то, что одни люди — поэты, другие — музыканты, третьи — школьные наставники; во-вторых, он приписывает роду существующие физические и интеллектуальные недостатки «самого многочисленного класса людей» и делает его ответственным за то, что при господстве буржуазии большинство индивидов подобны ему самому. Если придерживаться его взглядов на прирожденные ограниченные головы, то пришлось бы объяснять теперешнее распространение золотухи тем, что «род» находит особенное удовольствие в таком положении, когда прирожденные золотушные конституции составляют «самый многочисленный класс людей». Даже самые заурядные материалисты и медики освободились от подобных наивных взглядов задолго до того, как согласный с собой эгоист был «призван» «родом», «неблагоприятными обстоятельствами» и «толчком» дебютировать перед немецкой публикой. Как прежде Санчо объяснял всю изуродованность индивидов, и тем самым их отношений, навязчивыми идеями школьных наставников, не интересуясь тем, как возникли эти идеи, так теперь он объясняет эту изуродованность чисто физическим процессом рождения. Он совсем не задумывается над тем, что способность детей к развитию зависит от развития родителей и что вся эта изуродованность, имеющая место при существующих общественных отношениях, возникла исторически и точно так же историческим развитием может быть снова уничтожена. Даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые и т. д., о которых Санчо ничего не говорит, могут и должны быть устранены историческим развитием. Санчо, который по данному поводу украдкой заглядывает в зоологию и при этом делает открытие, что «прирожденные ограниченные головы» являются самым многочисленным классом не только среди овец и волов, но также и среди полипов и инфузорий, у которых вовсе нет голов, этот Санчо, вероятно, слышал краем уха, что и породы животных возможно облагораживать и путем скрещивания пород создавать совершенно новые, более высокие виды как для наслаждения людей, так и для их собственного самонаслаждения. «Почему бы не» сделать отсюда нашему Санчо некоторый вывод и по отношению к людям?

Воспользуемся этим случаем, чтобы «эпизодически вставить» те «превращения», которые Санчо проделывает по отношению к роду. Мы увидим, что к роду он относится совершенно так же, как

---

* — три тысячи и триста плеток по мощным ягодицам. *Ред.*

и к Святому: чем больший шум он поднимает против него, тем больше он в него верит.

№ I. Мы уже видели, что род порождает разделение труда и возникшую при существующих социальных обстоятельствах изуродованность, и *притом так*, что род вместе с его порождениями рассматривается как нечто неизменное при всех обстоятельствах, как нечто независимое от контроля людей.

№ II.

«Род реализован уже благодаря задатку; а то, что Ты делаешь из этого задатка» (согласно вышезложенному, следовало собственно сказать: то, что из него делают «обстоятельства») «это есть реализация Тебя. Твоя рука вполне реализована в смысле рода, иначе она была бы не рукой, а, скажем, лапой... Ты делаешь из нее то, что хочешь и что можешь из нее сделать» (Виганд, стр. 184, 185).

Здесь Санчо повторяет в иной форме сказанное уже под № I.

Итак, из предыдущего мы видим, что род, независимо от контроля индивидов и ступени их исторического развития, определяет все физические и духовные задатки, непосредственное бытие индивидов и, в зародыше, разделение труда.

№ III. Род остается в качестве «толчка», который служит только общим выражением для «обстоятельств», определяющих развитие первоначального индивида, опять-таки порождаемого родом. Род является здесь для Санчо той именно таинственной силой, которую остальные буржуа называют природой вещей и которой они приписывают все отношения, не зависящие от них, как буржуа, и поэтому непонятные для них в своей взаимосвязи.

№ IV. Род в качестве того, что «возможно для человека» и что составляет «человеческую потребность», образует основу организации труда в «штирнеровском союзе», где то, что возможно для всех, и то, что является общей для всех потребностью, опять-таки рассматривается как продукт рода.

№ V. Мы уже слышали, какую роль играет в «Союзе» соглашение.

Стр. 462: «Если приходится вступать в соглашение и в словесное общение, то Я, разумеется, могу воспользоваться только *человеческими* средствами, которые находятся в Моем распоряжении, поскольку Я являюсь вместе с тем человеком» (т. е. экземпляром рода).

Таким образом, *язык* здесь рассматривается как продукт рода. Однако тем обстоятельством, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией. Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода...

О совершенно бесспорном тезисе, что *представление* о человеке не есть *действительный* человек, что представление о вещи не есть сама эта вещь,— об этом тезисе, который применим также к камню и к представлению о камне и в соответствии с которым Санчо должен был бы сказать, что действительный камень есть не-камень, можно было бы не упоминать ввиду его безмерной тривиальности и несомненной достоверности. Но известная уже нам фантазия Санчо, будто люди до сих пор низвергались в пучину бедствий только в силу господства представлений и понятий, позволяет мне снова связать с этим тезисом свои старые выводы. Старое мнение Санчо, будто достаточно выбить из *головы* известные представления, чтобы устранить из *мира* те отношения, которыми порождены эти представления, это мнение воспроизводится здесь в той форме, что достаточно выбить из головы представление «человек», чтобы покончить с теми действительными отношениями, которые ныне признаются *нечеловеческими*,— безразлично, будет ли этот предикат «нечеловеческий» суждением индивида, находящегося в противоречии со своими отношениями, или же суждением существующего господствующего общества о выходящем за пределы этого общества, подчиненном классе. Извлеченный из моря и пересаженный в Купферграбен кит, если бы он обладал сознанием, конечно, объявил бы это созданное «неблагоприятными обстоятельствами» положение чем-то противоречащим природе кита, хотя Санчо мог бы ему доказать, что оно соответствует природе кита уже потому, что является его, кита, собственным положением,— совершенно так же рассуждают при известных обстоятельствах и люди.

На стр. 185 Санчо поднимает важный вопрос:

«Но как обуздать нечеловека, который ведь сидит в каждом отдельном индивидуе? Как сделать, чтобы вместе с человеком не выпустить на волю и нечеловека? У либерализма есть смертельный враг, непобедимый антагонист, как у бога — дьявол: рядом с человеком всегда стоит нечеловек, эгоист, отдельный индивид. Государство, общество, человечество не могут одолеть этого дьявола».

«Когда же наступит конец тысячелетия, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань... И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный» (Откровение Иоанна, 20, 7—9).

Вопрос в том виде, как его понимает сам Санчо, сводится опять-таки к простой бессмыслице. Он воображает, будто до сих пор люди всегда составляли себе понятие о человеке, а затем завоевывали себе свободу в той лишь мере, в какой это необходимо было, чтобы осуществить в себе данное понятие, и будто мера завоеванной свободы определялась всякий раз их соответствующим представлением об идеале человека; при этом в каждом индивидуе неизбежно сказывался-де некоторый остаток, который не соответствовал данному идеалу и поэтому в качестве «нечеловеческого»

оставался неосвобожденным или же становился свободным лишь *malgré eux* *.

В действительности же дело происходило, конечно, таким образом, что люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами. В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство — вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимейших потребностей были временно (т. е. до порождения новых революционизирующих производительных сил) лишены возможности какого бы то ни было развития. Таким образом, общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом. Этим объясняется, с одной стороны, ненормальный, «нечеловеческий» способ удовлетворения угнетенным классом своих потребностей, а с другой — узость рамок, внутри которых происходило развитие общества, а с ним и всего господствующего класса; эта ограниченность развития состоит, таким образом, не только в том, что один класс отстраняется от развития, но и в умственной ограниченности того класса, который производит это отстранение; «нечеловеческое» становится уделом также и господствующего класса. — Это так называемое «нечеловеческое» — такой же продукт современных отношений, как и «человеческое»; это — их отрицательная сторона, это — возмущение, которое не основывается ни на какой новой революционной производительной силе и которое направлено против господствующих отношений, основанных на существующих производительных силах, и против способа удовлетворения потребностей, соответствующего этим отношениям. Положительное выражение «человеческий» соответствует определенным, *господствующим* на известной ступени развития производства отношениям и обусловленному ими способу удовлетворения потребностей, — подобно тому как отрицательное выражение «нечеловеческий» соответствует попыткам подвергнуть отрицанию внутри существующего способа производства эти господствующие отношения и господствующий при них способ удовлетворения потребностей, попыткам, которые ежедневно все вновь порождаются этой же самой ступенью производства.

Такого рода всемирно-историческая борьба сводится для нашего святого к простой коллизии между святым Брюно ** и

* — помимо их воли. *Ред.*

** — Бауэрром. *Ред.*

«массой». Ср. всю критику гуманного либерализма, особенно стр. 192 и сл.

Итак, наш простоватый Санчо со своим простоватым изречением о нечеловеке и со своим представлением о человеке, выбрасывающем самого Себя из головы, благодаря чему исчезнет также нечеловек и уже не будет никакого мерил для индивидов, приходит в конце концов к следующему результату. Физическое, интеллектуальное и социальное уродование и порабощение, на которое обречен индивид существующими отношениями, Санчо признает за индивидуальность и особенность этого индивида; как ординарнейший консерватор, он преспокойно признает эти отношения, вполне утешившись тем, что он выбил из своей головы представление философов об этих отношениях. Подобно тому как здесь он объявляет навязанную индивиду случайность его индивидуальностью, так раньше (ср. «Логику»), говоря о Я, он отвлекался не только от всякой случайности, но и вообще от всякой индивидуальности.

Т а м же, стр. 439—441

Индивиды всегда и при всех обстоятельствах «исходили из себя», но так как они не были *единственны* в том смысле, чтобы не нуждаться ни в какой связи друг с другом,— ибо их *потребности*, т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом (отношения между полами, обмен, разделение труда),— то им *необходимо было* вступать во взаимоотношения друг с другом. Но так как они вступали в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство и потребности, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения. Они вступали в общение друг с другом в качестве того, чем они были, они исходили «из себя», какими они были независимо от своего «жизнепонимания». Это «жизнепонимание» — даже в том искривлении, какое оно получает у философов,— всегда определялось, конечно, лишь их действительной жизнью. Отсюда, понятно, следует, что развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении, и что различные поколения индивидов, вступающие в отношения друг с другом, связаны между собой, что физическое существование позднейших поколений определяется их предшественниками, что эти позднейшие поколения наследуют накопленные предшествовавшими поколениями производительные силы и формы общения, что определяет их собственные взаимоотношения. Словом, мы видим, что происходит развитие и что история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею.

Превращение индивидуального отношения в его противоположность — в чисто вещное отношение, различение индивидуальности и случайности самими индивидами, представляет собой, как мы уже показали, исторический процесс и принимает на различных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы. В современную эпоху господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу. Оно поставило перед ними задачу: вместо господства отношений и случайности над индивидами, установить господство индивидов над случайностью и отношениями. Оно не выдвинуло, как воображает Санчо, требования, чтобы «Я развивало Себя», что до сих пор проделывал всякий индивид и без благого совета Санчо, а властно потребовало освобождения от вполне определенного способа развития. Эта диктуемая современными отношениями задача совпадает с задачей организовать общество на коммунистических началах.

Мы уже выше показали, что уничтожение того порядка, при котором отношения обособляются и противостоят индивидам, при котором индивидуальность подчинена случайности, при котором личные отношения индивидов подчинены общим классовым отношениям и т. д., — что уничтожение этого порядка обуславливается в конечном счете уничтожением разделения труда. Мы показали также, что уничтожение разделения труда обуславливается развитием общения и производительных сил до такой универсальности, когда частная собственность и разделение труда становятся для них оковами. Мы показали далее, что частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность. Мы показали, что в настоящее время индивиды *должны* уничтожить частную собственность, потому что производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами, и потому что противоположность между классами достигла своих крайних пределов. Наконец, мы показали, что уничтожение частной собственности и разделения труда есть вместе с тем объединение индивидов на созданной современными производительными силами и мировыми сношениями основе.

В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил. Дело идет

здесь, следовательно, об индивидах на определенной исторической ступени развития, а отнюдь не о любых случайных индивидах, не говоря уже о неизбежной коммунистической революции, которая сама есть общее условие их свободного развития. Сознание своих взаимоотношений также, конечно, станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни «принципом любви» или *dévoement* *, ни эгоизмом.

Таким образом, «единственность»,— если понимать ее в смысле самобытного развития и индивидуального поведения, как об этом говорилось выше,— предполагает не только нечто совершенно иное, чем добрую волю и правильное сознание, но и нечто как раз противоположное фантазиям Санчо. У него она всегда — лишь прикрашивание существующих отношений, капелька целительного бальзама для бедной, бессильной души, погрязшей в убожестве окружающего.

Т а м ж е, стр. 516—517

Трактовку любви у Фурье господин Грюн ⁴² может критиковать без малейшего труда, поскольку Грюн судит о его критике современных любовных отношений на основании тех фантазий, с помощью которых Фурье хотел создать себе представление о свободной любви. Как настоящий немецкий филистер, господин Грюн принимает эти фантазии всерьез. Только их, собственно, он и принимает всерьез. Но если уж он хотел заняться этой стороной системы, то непонятно, почему он не занялся взглядами Фурье на воспитание, которые представляют наилучшее, что имеется в этой области, и содержат в себе гениальнейшие наблюдения. Вообще же из рассуждений господина Грюна о любви ясно видно, что он, как истый младогерманский беллетрист, мало что почерпнул из критики, которую дал Фурье. Он думает, что безразлично, исходить ли из упразднения брака или из упразднения частной собственности: одно непременно должно повлечь за собой другое. Но нужно обладать чисто беллетристической фантазией, чтобы желать *исходить* из другой формы разложения брака, чем та, которая уже существует теперь на практике в буржуазном обществе. У самого Фурье он мог бы заметить, что тот всегда исходит только из преобразования производства.

---

* — самоотверженностью. *Ред.*

1847 г.

К. МАРКС

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

ОТВЕТ НА «ФИЛОСОФИЮ НИЩЕТЫ» Г-НА ПРУДОНА

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., изд. 2, т. 4, стр. 156—158

Нет надобности напоминать, что крупные успехи в разделении труда начались в Англии после изобретения машин. Так, ткачи и прядильщики были по большей части такими же крестьянами, каких мы и до сих пор встречаем в отсталых странах. Изобретение машин довершило отделение мануфактурного труда от сельскохозяйственного. Ткач и прядильщик, соединенные прежде в одной семье, были разъединены машиной. Благодаря этой последней прядильщик может теперь жить в Англии, в то время как ткач находится в Ост-Индии. До изобретения машин промышленность данной страны занималась главным образом обработкой того сырья, которое было продуктом ее собственной почвы. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия — лен, Франция — шелк и лен, Ост-Индия и Левант — хлопок и т. д. Благодаря применению машин и пара разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже исключительно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда. Наконец, машина оказывает такое влияние на разделение труда, что, как только в производстве какого-нибудь предмета появляется возможность изготовлять машинным способом те или иные его части, производство тотчас же разделяется на две, независимые одна от другой, отрасли.

Нужно ли говорить о *провиденциальной* и филантропической цели, открытой г-ном Прудоном в изобретении и первоначальном применении машин?

Когда в Англии торговля получила такое развитие, что ручной труд не мог уже удовлетворять имевшийся на рынке спрос, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о применении науки — механики, уже вполне сложившейся в XVIII веке.

Появление фабрики отмечено такими действиями, которые меньше всего отличались филантропичностью. Плетью удерживали там детей за работой; дети сделались предметом торговли, и о доставке их заключали контракты с сиротскими домами. Все законы относительно рабочего ученичества были отменены, так как, употребляя выражение г-на Прудона, не было уже более необходимости в *синтетических* рабочих. Наконец, начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить специальную подготовку рабочих. После каждой новой сколько-нибудь значительной стачки появлялась какая-нибудь новая машина. Рабочий же столь мало видел в применении машин свою реабилитацию, или свое *восстановление*, как утверждает г-н Прудон, что в XVIII веке он долго оказывал сопротивление зарождавшемуся господству автоматически действующего механизма.

«Уайатт»,— говорит доктор Юр,— «задолго до Аркрайта изобрел прядильные пальцы (ряд снабженных желобками валиков)... Но главная трудность заключалась не столько в изобретении автоматически действующего механизма... Она состояла главным образом в воспитании дисциплины, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их беспорядочных привычек в работе и помочь им слиться с неизменной регулярностью движения большой автоматически действующей машины. Изобрести и провести на практике кодекс фабричной дисциплины, приуроченный к потребностям и быстроте машинной системы,— это дело, достойное Геркулеса, было благородным делом Аркрайта».

В итоге, введение машин усилило разделение труда внутри общества, упростило функции рабочего внутри мастерской, увеличило концентрацию капитала и еще больше расчленило человека.

Т а м ж е, стр. 159—160

Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, обособленные профессии, а вместе с ними профессиональный идиотизм.

«Мы приходим в величайшее удивление»,— говорит Лемонте,— «видя, что у древних одно и то же лицо являлось одновременно выдающимся философом, поэтом, оратором, историком, священником, правителем и полководцем. Нас пугает такое обширное поприще. Каждый отгораживает себе известное пространство и замыкается в нем. Я не знаю, увеличивается ли в результате этого раздробления общее поле деятельности, но я хорошо знаю, что человек в результате этого мельчает».

Разделение труда на фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, начинает давать себя знать потребность в универсальности, стремление к всестороннему развитию индивида. Фабрика устраняет обособленные профессии и профессиональный идиотизм.

Г-н Прудон, не поняв даже этой единственно революционной стороны фабрики, делает шаг назад и предлагает рабочему не

ограничиваться изготовлением одной двенадцатой части булавки, а изготовлять поочередно все двенадцать ее частей. Этим-де путем рабочий достиг бы полного и всестороннего знания булавки. Вот в чем заключается синтетический труд г-на Прудона. Никто не станет оспаривать, что шаг вперед и шаг назад составляют вместе тоже некое синтетическое движение.

В общем итоге г-н Прудон не пошел дальше идеала мелкого буржуа. И для осуществления этого идеала он не придумал ничего лучшего, как возвратить нас к состоянию средневекового подмастерья или, самое большее, средневекового мастера-ремесленника. Достаточно создать в своей жизни лишь один шедевр, один лишь раз почувствовать себя человеком, говорит он в одном месте своей книги. Не есть ли это — и по форме и по существу — тот самый шедевр, изготовления которого требовали ремесленные цехи средневековья?

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРИНЦИПЫ КОММУНИЗМА⁴³

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., изд. 2, т. 4, стр. 332—333

Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:...

8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет. Соединение воспитания с фабричным трудом.

9) Сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков.

Т а м ж е, стр. 334—337

20-й вопрос: Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?

Ответ: Тем, что общество изымет из рук частных капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами общения, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет управлять всем этим сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом,— будут прежде всего устранены все пагубные последствия, связанные с нынешней системой ведения крупной промышленности. Кризисы прекратятся, расширенное производство, которое при существующем общественном строе вызывает перепроизводство и является столь могущественной причиной нищеты, тогда окажется далеко не достаточным и должно будет принять гораздо более широкие раз-

меры. Избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества, вместо того чтобы порождать нищету, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех членов общества, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Он явится условием и стимулом для дальнейшего прогресса и будет осуществлять этот прогресс, не приводя при этом, как раньше, к периодическому расстройству всего общественного порядка. Крупная промышленность, освобожденная от оков частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться таким же ничтожным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени. Это развитие промышленности даст обществу достаточное количество продуктов, чтобы удовлетворять потребности всех его членов. Точно так же земледелие, для которого, вследствие гнета частной собственности и вследствие дробления участков, затруднено внедрение уже существующих усовершенствований и достижений науки, тоже вступит в совершенно новую полосу расцвета и предоставит в распоряжение общества вполне достаточное количество продуктов. Таким образом, общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы. Но оно не только станет излишним, оно будет даже несовместимо с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделением труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное и сельскохозяйственное производство на указанную высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также соответственно развить и способности людей, приводящих в движение эти средства. Подобно тому как в прошлом столетии крестьяне и рабочие мануфактур после вовлечения их в крупную промышленность изменили весь свой жизненный уклад и сами стали совершенно другими людьми, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас,—людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только *одну* сторону своих способностей за счет всех других и знает только *одну* отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства.

Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности. Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий.

Отсюда вытекает, что противоположность между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин. Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно еще высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать.

Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся всеми же, и, наконец, путем слияния города с деревней — вот главные результаты ликвидации частной собственности.

21-й вопрос: Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью?

Ответ: Отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое обществу нет нужды вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и общественному воспита-

нию детей; вследствие чего уничтожаются обе основы современного брака, связанные с частной собственностью,— зависимость жены от мужа и детей от родителей. В этом и заключается ответ на вопли высокопоставленных мещан по поводу коммунистической общности жен. Общность жен представляет собой явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и в полном объеме существующее в настоящее время в виде проституции. Но проституция основана на частной собственности и исчезнет вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация вместо того, чтобы вводить общность жен, наоборот, уничтожит ее.

К. МАРКС

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

VI. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд 2, т. 6, стр. 590—591

2. Другим излюбленным предложением буржуазии ⁴⁴ является *образование*, в особенности всестороннее *производственное образование*.

а) Мы не станем указывать на нелепое противоречие, заключающееся в том, что современная промышленность все более и более заменяет сложный труд простым, для которого не нужно никакого образования; мы не станем указывать на то, что она все более принуждает к машинному труду детей с семилетнего возраста и превращает их в источники дохода не только для класса буржуазии, но и для их собственных родителей, пролетариев; фабричная система сделала бесполезными законы о школьном обучении: пример — Пруссия; мы не станем указывать и на то, что умственное образование, если бы рабочий получал его, непосредственно нисколько не влияет на его заработную плату; что образование вообще зависит от условий жизни, что буржуа разумеет под нравственным воспитанием вдалбливание буржуазных принципов и что, наконец, у класса буржуазии нет средств — а если бы даже эти средства имелись, он не стал бы тратить их — на то, чтобы дать народу настоящее образование.

Мы ограничимся тем, что подчеркнем только одну, чисто экономическую точку зрения.

б) Подлинный смысл, который имеет образование у филантропических экономистов, таков: ознакомить каждого рабочего с возможно большим числом отраслей труда, так чтобы, если вследствие применения новых машин или вследствие изменений в разделении труда он будет выброшен из одной отрасли, он смог по возможности легче найти себе применение в другой.

Допустим, что это возможно.

Следствием этого явилось бы то, что, если бы в одной отрасли труда оказался избыток рабочих, то избыток тотчас же получился бы во всех других отраслях труда, и еще скорее, чем прежде, понижение заработной платы в одном производстве непосредственно повлекло бы за собой всеобщее понижение заработной платы.

И без того уже — так как современная промышленность повсюду весьма упрощает труд и делает его таким, что легко научиться выполнять его — повышение заработной платы в одной отрасли промышленности тотчас же вызывает прилив рабочих в эту отрасль промышленности, и понижение заработной платы более или менее непосредственно принимает всеобщий характер.

1847—1848 гг.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 4, стр. 440—447

Все возражения, направленные против коммунистического способа присвоения и производства материальных продуктов, распространяются также на присвоение и производство продуктов умственного труда. Подобно тому как уничтожение классовой собственности представляется буржуа уничтожением самого производства, так и уничтожение классового образования для него равносильно уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого он оплакивает, является для громадного большинства превращением в придаток машины.

Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса.

Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, переходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной.

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен,— кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса *, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия.

Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой.

Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения.

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия,— одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении.

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития.

* В английском издании 1888 г. вместо слов «подняться до положения национального класса» напечатано: «подняться до положения ведущего класса нации». *Ред.*

Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех доныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого.

Оставим, однако, возражения буржуазии против коммунизма.

Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя * и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

---

* В английском издании 1888 г. после слов «перерастают самих себя» добавлено: «делают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй». *Ред.*

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней*.

10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

---

* В издании 1848 г. — «противоположности между городом и деревней». В издании 1872 г. и в последующих немецких изданиях слово «противоположности» было заменено словом «различия». В английском издании 1888 г. вместо слов «содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» напечатано: «постепенное устранение различия между городом и деревней путем более равномерного распределения населения по всей стране». *Ред.*

1848 г.

К. МАРКС

ИЮНЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 5, стр. 138

Парижские рабочие *подавлены* превосходящими силами врагов, но не *сдались* им. Они *разбиты*, но их враги *побеждены*. Мгновенный триумф грубой силы куплен ценой крушения всех обольщений и иллюзий февральской революции, ценой распада всей старореспубликанской партии, ценой раскола французской нации на две нации — нацию имущих и нацию рабочих. Трехцветная республика отныне носит только *один цвет* — цвет побежденных, *цвет крови*. Она стала *красной республикой*.

Ни одного известного республиканца, будь то из «National»⁴⁵ или из «Réforme»⁴⁶, не было на стороне народа! Не имея других вождей, других средств, кроме самого восстания, народ оказывал сопротивление объединенным силам буржуазии и военщины дольше, чем какая-либо французская династия, обладающая всем военным аппаратом, сопротивлялась какой-нибудь части буржуазии, объединившейся с народом. Чтобы народ избавился от последних иллюзий, чтобы он совершенно порвал с прошлым, для этого нужно было, чтобы обычное поэтическое украшение французских восстаний — полная энтузиазма буржуазная молодежь, питомцы Политехнической школы, треугольные шляпы, встали на сторону угнетателей. Питомцы медицинского факультета отказывали раненым плебеям в помощи науки. Наука не для плебея, который совершил неслыханное, небывалое преступление, — вступил на этот раз в бой за свое собственное существование вместо того, чтобы проливать кровь за Луи-Филиппа или за г-на Марраста.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДЕБАТЫ ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ ВО ФРАНКФУРТЕ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 5, стр. 360

...Последним благодеянием флотвелевского⁴⁷ управления было улучшение школьного дела. Но и это было опять-таки одной из мер опруссачения. Средние школы должны были при помощи прусских учителей опруссачивать дворянское юношество и будущее католическое духовенство, а низшие — крестьян. О действительном характере учебных заведений проболтался как-то в неосторожном порыве откровенности бромбергский регирунгспрезидент г-н Валлах; он писал обер-президенту г-ну Бейерману, что *польский язык является главным препятствием* для распространения образования и благосостояния среди сельского населения! Разумеется, это так, раз учитель не понимает по-польски. — Кто же, однако, оплачивал эти школы? Опять-таки сами поляки, так как 1) большинство важнейших, но не служащих специально целям опруссачения институтов было основано и поддерживалось на частные взносы или на средства провинциальных сословных собраний, и 2) даже школы, созданные в целях опруссачения, содержались на доходы от секуляризованных 31 марта 1833 г. монастырей, а государственная казна отпустила средства лишь на десять лет по 21 000 талеров ежегодно.

Впрочем, г-н Флотвель признает, что все реформы исходили от самих поляков. А о том, что величайшие благодеяния прусского правительства состояли в извлечении значительных рент, взыскании высоких налогов и в использовании молодежи для прусской военной службы, — об этом г-н Флотвель умалчивает точно так же, как и г-н Зенф.

Короче говоря, все благодеяния прусского правительства сводятся к тому, чтобы пристроить в Познани прусских унтер-офицеров, будь то в качестве экзерцирмейстеров, учителей, жандармов или сборщиков налогов.

1850 г.

К. МАРКС

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ с 1848 по 1850 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 7, стр. 87—88

...Правительственные мероприятия и законы, изданные в январе и феврале 1850 г., направлены были почти исключительно против *департаментов* и *крестьян*, что является самым убедительным доказательством их пробуждения.

*Циркуляр Опуля*⁴⁸, поставивший жандарма в положение инквизитора по отношению к префекту, супрефекту и прежде всего к мэру, введивший систему шпионажа вплоть до глухих углов самых захолустных деревень; *закон против школьных учителей*⁴⁹, подчинявший их, идеологов, защитников, воспитателей и советчиков крестьянского класса, произволу префекта, гопявший их, пролетариев класса ученых, словно затравленную дичь, из одной деревни в другую; *законопроект против мэров*, повесивший над головой последних дамочков меч отставки и каждый момент противопоставлявший их, президентов крестьянских общин, президенту республики и партии порядка; *указ*, превративший 17 военных округов Франции в четыре пашалыка⁵⁰ и сделавший казарму и бивуак национальным салоном французов; *закон об образовании*⁵¹, которым партия порядка объявила невежество и насильственное отупление Франции необходимым условием своего существования при режиме всеобщего избирательного права,— что представляли собой все эти законы и мероприятия? Отчаянные попытки снова подчинить партии порядка департаменты и крестьянство департаментов...

Закон об образовании показывает нам союз молодых католиков и старых вольтерьянцев. Господство соединенной буржуазии — чем же еще могло оно быть, как не объединенным деспотизмом дружественной иезуитам Реставрации и спекулировавшей вольнодумством Июльской монархии? Оружие, которым каждая из буржуазных фракций снабжала народ в своей борьбе против других за верховную власть,— разве не должны были они снова вырвать его из рук народа, раз он противостал их объединенной

диктатуре? Ничто, даже отклонение закона о *concordats à l'amiable* *⁵², не возмутило так парижского лавочника, как это демонстративное кокетничание *иезуитизмом*.

Т а м ж е, стр. 92—93

Провокации правительства⁵³, лишь усилив всеобщее недовольство существующим порядком, не помешали избирательному комитету, находившемуся всецело под влиянием рабочих, выставить следующих трех кандидатов для Парижа: *Дефлотта*, *Видаля* и *Карно*. *Дефлотт* был сослан в июне и амнистирован в результате одной из бивших на популярность бонапартовских выходов; он был другом Бланки и принимал участие в выступлении 15 мая⁵⁴. *Видаля* известен как коммунистический писатель, как автор книги «О распределении богатств»⁵⁵; он был секретарем Луи Блана в Люксембургской комиссии. *Карно*, сын организовавшего победу члена Конвента, наименее скомпрометированный член партии «National», министр просвещения во временном правительстве и Исполнительной комиссии, был благодаря своему демократическому законопроекту о народном образовании живым протестом против закона иезуитов об образовании⁵⁶.

---

* — полюбовных соглашениях. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
изд. 2, т. 7, стр. 350—351

Духовенство — представитель идеологии средневекового феодализма — не в меньшей степени испытало влияние исторического перелома⁵⁷. В результате изобретения книгопечатания и роста потребностей все более расширяющейся торговли, оно лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования. Разделение труда происходило и в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов стобрало у духовенства ряд наиболее влиятельных должностей. Духовенство также начинало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своей все возрастающей леностью и невежеством. Но чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благодаря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами.

Т а м ж е, стр. 360—361

Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов. В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов,

юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

1851 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., изд. 2, т. 8, стр. 17

Таким образом, было очевидно, что в общественном мнении Германии совершалась большая перемена⁵⁸. Громадное большинство тех классов, которым их образование или жизненное положение позволяло даже при абсолютной монархии приобрести кое-какие политические знания и выработать некоторое подобие самостоятельных политических убеждений, постепенно объединилось в одну мощную фалангу оппозиции против существующего режима. Высказывая свое суждение по поводу медленности политического развития в Германии, никто не должен упускать из виду, как трудно было составить себе правильные представления по любому вопросу в такой стране, где все источники знания подчинены были правительству, где ни в одной сфере — от школ для бедных и воскресных школ вплоть до газет и университетов — ничто не могло быть сказано, преподавано, напечатано и опубликовано без предварительного официального соизволения. Возьмем, например, Вену. Жители Вены, которые в отношении способности к труду и промышленному производству не уступают, пожалуй, никому в Германии, а по живости ума, мужеству и революционной энергии показали себя значительно выше всех, все же оказались более невежественными в отношении понимания своих истинных интересов и наделали во время революции больше ошибок, чем кто-либо другой. Это в очень значительной мере происходило вследствие того почти полного невежества в самых простых политических вопросах, в котором правительству Меттерниха удавалось держать население.

Т а м ж е, стр. 32—33

...Наконец, на крестьянина и рабочего смотрели просто как на объект взимания податей; единственная забота, которой они удостоивались, состояла лишь в том, чтобы по возможности удерживать их в тех условиях существования, в которых они тогда жили и в которых до них жили их отцы. С этой целью всякая старинная, прочно установленная, наследственная власть охранялась в такой

же мере, как и власть государства. Правительство⁵⁹ повсюду строго охраняло власть помещика над мелкими феодально-зависимыми крестьянами, фабриканта — над фабричными рабочими, ремесленного мастера — над подмастерьями и учениками, отца — над сыном, и любое проявление непослушания каралось так же, как нарушение закона, посредством универсального орудия австрийского правосудия — палки.

Наконец, чтобы объединить в одну всеобщую систему все эти попытки создать искусственную устойчивость, духовная пища, которая разрешалась народу, отбиралась с самой тщательной предосторожностью и отпускалась до крайности скупое. Повсюду воспитание находилось в руках католического духовенства, верхушка которого наравне с крупными феодальными землевладельцами была глубоко заинтересована в сохранении существующей системы. Университеты были организованы так, что они могли выпускать только специалистов, способных, в лучшем случае достигнуть бóльших или меньших успехов во всевозможных специальных отраслях знания, но они совершенно не давали того универсального, свободного образования, которое, как предполагается, можно получить в других университетах. Периодической печати совершенно не существовало, за исключением Венгрии, но венгерские газеты были запрещены во всех остальных частях монархии. Что касается литературы общего содержания, то ее сфера за сто лет несколько не расширилась; после смерти Иосифа II она даже снова сузилась. И на всех границах, где только австрийские области соприкасались с какой-либо цивилизованной страной, в дополнение к кордону таможенных чиновников, был выставлен кордон литературных цензоров, которые не пропускали из-за границы в Австрию ни одной книги, ни одного номера газеты, не подвергнув их содержания двух- и трехкратному детальному исследованию и не убедившись, что оно свободно от малейшего влияния тлетворного духа времени.

1852 г.

К. МАРКС

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., изд. 2, т. 8, стр. 159

В мою задачу не входит писать здесь историю ее * законодательной деятельности, исчерпывающей в этот период двумя законами: законом, восстанавливающим *налог на вино*, и *законом об образовании*⁶⁰, отменяющим неверие. Затрудняя французам потребление вина, буржуазия зато щедрее угощала их водичей праведной жизни. Объявляя налогом на вино неприкосновенной старую, ненавистную налоговую систему, буржуазия стремилась законом об образовании сохранить в массах старое состояние умов, которое позволяло им терпеть эту налоговую систему. Удивляются, что орлеанисты, либеральные буржуа — эти старые апостолы вольтерьянства и эклектической философии — уверяют духовное руководство французами своим закоренелым врагам — иезуитам. Но ведь и орлеанисты и легитимисты при всех их расхождениях в вопросе о претенденте на корону, понимали, что их совместное господство требовало соединения орудий гнета двух эпох, что надо было дополнить и усилить средства порабощения Июльской монархии средствами порабощения Реставрации.

Крестьяне, обманутые во всех своих надеждах, более чем когда-либо страдающие от низких хлебных цен, с одной стороны, и растущей тяжести налогов и ипотечного долга — с другой, зашевелились в департаментах. Им ответили травлей школьных учителей, подчинив их духовенству, травлей мэров, подчинив их префектам, наконец, системой шпионажа, которой были подчинены все. В Париже и в больших городах сама реакция носит отпечаток своей эпохи и скорее раздражает, нежели подавляет. В деревне она становится пошлой, низкой, мелочной, утомительной, назойливой, одним словом — жандармом. Понятно, насколько трехлетний режим жандарма, освященный режимом попа, должен был деморализовать незрелые массы.

---

* — т. е. французской буржуазии в период 1849—1850 гг. *Ред.*

1853 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
ДОСТИЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. IX, 1932, стр. 124—125

Когда лорд Джон Рассел впервые огласил программу коалиционного министерства⁶¹ и она вызвала всеобщее смущение, его приверженцы восклицали: «Нам нужно иметь какой-нибудь объект для энтузиазма. Пусть это будет народное образование. Наш Рассел вынашивает поразительный план организации народного образования. Вы скоро услышите об этом».

Теперь мы услышали об этом. 4 апреля Рассел представил общий план своей реформы народного образования. Основной его чертой является право муниципальных советов взимать местный налог для поддержания *существующих* школ, которым вменяется в обязанность преподавание учения англиканской церкви. Что же касается университетов, этих баловней государственной церкви, этих главных противников всякой реформы, то лорд Джон надеется, «что университеты сами себя реформируют». Злоупотребления благотворительными суммами, предназначенными для учебных заведений, общеизвестны. О размере этих злоупотреблений можно составить себе представление из нижеследующего: «Ежегодно насчитывается поступлений в размере от 2000 ф. ст. до 3000 ф. ст.— 24, от 3000 до 4000 ф. ст.— 10, от 4000 до 5000 ф. ст.— 4, от 5000 до 6000 ф. ст.— 2, от 8000 до 9000 ф. ст.— 3 и по одному поступлению в 10 000 ф. ст., 15 000 ф. ст., 20 000 ф. ст., 29 000 ф. ст., 30 000 ф. ст. и 35 000 ф. ст.» Не требуется особой проницательности для того, чтобы догадаться, почему олигархи, которые поживились на различных злоупотреблениях с этими фондами, проявляют большую осторожность в обращении с ними. Рассел предлагает: «Необходимо обследовать благотворительные фонды, причем те из них, которые приносят не свыше 30 ф. ст. годового дохода, подлежат обследованию графскими судами, а приносящие более высокий доход — членом высшего суда (Master of the rolls). Однако ни в одной из этих судебных инстанций нельзя возбу-

ждать дела без *разрешения комитета, который будет учреждён для этой цели*. Разрешение комитета необходимо для того, чтобы возбудить дело в королевских судах и покарать за расхищение благотворительных сумм, первоначально предназначенных на народное образование. Разрешение! Но Рассел, даже с этой оговоркой, неспокоен. Он добавляет: «Если будет найдено, что администрация какой-нибудь школы повинна в злоупотреблениях, *никто кроме комитета не будет иметь права вмешиваться*».

Это настоящая реформа в старом английском смысле этого слова. Она не создает нового и не разрушает старого. Она стремится сохранить старую систему путем придания ей новых, более разумных форм и обучая ее, так сказать, новым манерам. В этом и заключается тайна «наследственной мудрости» английского олигархического законодательства. Она заключается попросту в том, что злоупотребления становятся наследственными путем вливания в них от времени до времени новой крови.

Если признать, что закон о правах евреев был *маленькой попыткой* установить религиозную терпимость, что закон о канадских резервных фондах был *маленькой* попыткой признания колониального самоуправления, что закон о народном образовании был *маленькой* попыткой избежать действительного народного образования, то гладстоновский финансовый план несомненно является *самой маленькой* попыткой укрощения гигантского чудовища, именуемого государственным долгом Великобритании.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
АНГЛИЯ. — РАБОЧИЙ ВОПРОС

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. IX, 1932, стр. 229—230

«Третья золотая возможность, которую следовало использовать, заключается в том, что рабочие должны были получать и давать своим детям самое широкое образование, чтобы при- способиться к улучшению своего материального положения и научиться возможно лучше использовать его. К несчастью, мы вынуждены констатировать, что редко так плохо посещались школы и так плохо вносилась плата за учение»⁶². Что же тут удивительного? Ведь оживленная торговля считалась синонимом расширения фабрик, роста применения машин, все большей замены взрослых рабочих женщинами и детьми и, наконец, удлинения рабочего дня. По мере роста числа занятых в предприятии матерей и детей, естественно, уменьшалась посещаемость школ. И, наконец, какого рода образование вы сделали бы возможным для родителей и их детей? Речь идет о возможности научиться удерживать рост населения на уровне, предлагаемом Мальтусом,— заявляет «Economist». Образование,— говорит г. Кобден,— показало бы рабочим, что грязные, плохо проветриваемые, перенаселенные квартиры не являются наилучшим средством сохранения здоровья и сил. Но с таким же успехом вы могли бы спасти человека от голодной смерти, говоря ему, что законы природы требуют постоянного введения пищи в человеческий организм... Образование,— заявляет «Daily News», научило бы наши трудящиеся классы, как извлекать питательное вещество из сухих костей, как делать булочки к чаю из крахмала и как варить суп из тряпья...

Итак, резюмируем: упущенные рабочим классом золотые возможности состоят в золотой возможности *не* вступать в брак, в возможности жить *менее* роскошно, не требовать повышения заработной платы, стать капиталистами, зарабатывая 15 шиллингов в неделю, научиться поддерживать свой организм при помощи более грубой пищи и убивать свой дух посредством вредных, как чума, теорий Мальтуса.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛИЯ.— ПРОЦВЕТАНИЕ.— РАБОЧИЙ ВОПРОС

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. IX, 1932, стр. 236—237

В своем предыдущем письме я указал «Economist'у», что нет ничего удивительного в том, что трудящиеся классы не воспользовались периодом процветания, чтобы дать образование своим детям и себе. Ныне я могу представить вам следующее сообщение (имена и подробности мне сообщены и будут в ближайшем времени препровождены парламенту): за последнюю неделю сентября 1852 г. в городке ..., расположенном в 4 милях от ..., на одном предприятии, производящем побелку и отделку, именуемом ... и принадлежащем эсквайру ..., нижепоименованные лица проработали 60 часов подряд, только с *трехчасовым отдыхом!*

Девушки	Возраст	Девушки	Возраст
М. С.	22 года	Г. О.	15 лет
А. Б.	20 лет	М. Л.	13 »
М. Б.	20 »	Б. Б.	13 »
А. Г.	18 »	М. О.	13 »
Ч. Н.	18 »	А. Т.	12 »
Б. С.	16 »	Ч. О.	12 »
Т. Т.	16 »	С. Б.	10 »
А. Т.	15 »	Энн Б.	9 »
М. Дж.	15 »		

Мальчики	Мальчики
В. Дж.	Дж. К. . . . .
9 лет	11 лет

Девяти- и десятилетние мальчики работают 60 часов подряд только с трехчасовым отдыхом! Помолчали бы уж хозяева о пренебрежении к образованию. Одна из упомянутых, Энн Б., девочка всего 9 лет от роду, упала на пол сонная от изнурения после 60-часовой работы; когда ее разбудили, она *заплакала, но ее заставили возобновить работу!!*

Фабричные рабочие как будто решились изъять дело образования из рук манчестерских обманщиков. Как сообщают, на состоявшемся в престонском саду митинге безработных произошло следующее:

«Мистрис Маргарет Флетчер обратилась к собравшимся с речью о неудобствах, связанных с тем, что замужние женщины работают на фабриках, оставляя без присмотра своих детей и запуская домашние дела. Каждый имеет право на справедливую заработную плату за справедливый рабочий день, а это, по ее мнению, означает, что работающий должен получать за свой труд такое вознаграждение, которое дало бы ему возможность содержать в сносных условиях самого себя и свою семью, оставлять жену дома для исполнения обязанностей хозяйки и дать детям образование (аплудисменты). Оратор закончил свою речь, предложив принять следующую резолюцию:

«Собрание *постановляет*: замужняя часть местных женщин больше не пойдет на работу, пока их мужья не будут получать справедливого и полного вознаграждения за свой труд».

Г-жа Энн Флетчер (сестра предыдущего оратора) поддержала резолюцию, и последняя была принята единогласно».

1856 г.

К. МАРКС

РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ «НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ»⁶³

К. Маркс и Ф. Энгельс, Об
Англии, Госполитиздат, 1952,
стр. 398—399

В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и изнурению. Вновь открытые источники богатства благодаря каким-то роковым чарам становятся источниками лишений. Победы техники куплены, по-видимому, ценой потери морального качества. Человечество в целом приобретает все большую власть над природой, в то время как отдельный человек становится рабом других людей или своего собственного унижения. Кажется, что даже чистый свет науки не может сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как будто приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь низводится до степени тупой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и нищетой и упадком — с другой; этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, гнетущий и неоспоримый факт. Пусть одни партии оплакивают это, а другие желают отделаться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе с тем от современных конфликтов; третьи пусть воображают, что столь значительный прогресс в промышленности непременно должен дополняться столь же значительным регрессом в политике. Мы, со своей стороны, не заблуждаемся относительно природы того лукавого духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что новые силы общества, для того чтобы работать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти новые люди — рабочие.

1857 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

АРМИЯ

Ф. Э н г е л ь с, Избр. военные произведения, Восиздат, 1956, стр. 141—142

Из других государств Греции Спарта была *par excellence* (наиболее) военным государством. Если общее физическое воспитание афинян развивало ловкость вместе с физической силой, то спартанцы направляли свое внимание преимущественно на развитие силы, выносливости и смелости. Они выше ценили стойкость в рядах и чувство военной чести, чем сообразительность. Афинянин воспитывался так, как если бы ему предстояло сражаться среди легковооруженных войск, хотя и в строго определенном месте; но он оказывался вполне пригодным и в тяжелой фаланге; спартанец, напротив, воспитывался только для службы в фаланге. Отсюда очевидно, что пока фаланга решала исход боя, спартанец в конечном счете одерживал верх...

Т а м ж е, стр. 147—148

Римская армия представляет самую совершенную систему пехотной тактики, изобретенную в течение эпохи, не знавшей употребления пороха. Она сохраняет преобладание тяжеловооруженной пехоты в компактных соединениях, но добавляет к ней: подвижность отдельных небольших единиц, возможность сражаться на неровной местности, расположение нескольких линий одна за другой, отчасти для поддержки и отчасти в качестве сильного резерва, и, наконец, систему обучения каждого отдельного воина, еще более целесообразную, чем спартанская. Благодаря этому римляне побеждали любую вооруженную силу, выступавшую против них,— как македонскую фалангу, так и нумидийскую конницу.

В Риме каждый гражданин, в возрасте от 17 до 45 или 50 лет, обязан был отбывать военную службу, если только он не принадлежал к самому низшему классу или не участвовал уже в 20 кампаниях пехотинцем или в 10 кампаниях кавалеристом. Но обык-

новенно в войска отбирались только более молодые люди. Обучение воина было очень суровым и было рассчитано на развитие в нем всеми возможными способами физической силы. Бег, прыганье, скачки, лазанье, борьба, плавание — сперва без одежды, потом в полном вооружении — широко практиковались помимо регулярного обучения обращению с оружием и различным движениям. Продолжительные марши в тяжелом походном порядке, причем каждый воин нес на себе от 40 до 60 фунтов, совершались с быстротой 4 миль в час. В военное обучение входило также обращение с окопным инструментом и быстрое устройство укрепленного лагеря. И не только новобранцы, но и легионы ветеранов должны были заниматься всеми этими упражнениями, чтобы сохранять телесную свежесть и гибкость и оставаться привычным к усталости и лишениям. Такие воины действительно были способны покорить мир.

1858 г.

К. МАРКС

ВАЖНЫЕ БРИТАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XI, ч. I, 1933, стр. 392—395

Отчеты фабричных инспекторов, доходящие только до конца октября 1857 г., не представляют обычного интереса, ибо, как единодушно заявляют их авторы, закрытие фабрик, сокращение рабочего времени, многочисленные банкротства предпринимателей и общая экономическая депрессия, начавшаяся как раз в то время, когда они составляли свои отчеты, помешали им собрать те точные надежные данные, на основании которых они в прошлом могли составлять свои отчеты о числе новых фабрик, а также фабрик, увеличивших количество своих двигателей, и фабрик, прекративших работу. Поэтому только из следующего отчета можно будет получить промышленную статистику, отражающую последствия кризиса. Единственно, что дает нынешний отчет, это некоторые новые разоблачения, касающиеся режима детей и молодых рабочих в типографиях. Британское законодательство только в 1845 г. распространило свой контроль с текстильных фабрик также на типографские предприятия. Закон о типографиях во всех деталях повторяет предписания фабричных законов касательно прав инспекторов и мероприятий, на которые они уполномочены в отношении к правонарушителям, и различных могущих возникнуть при применении закона затруднений. Как на фабриках, так и здесь он предписывает регистрацию занятых в предприятии лиц; медицинское освидетельствование малолетних до их принятия на постоянную работу и строгое соблюдение времени начала и конца ежедневной работы согласно установленным часам. Он применяет также установленную фабричными законами номенклатуру для подразделений рабочих на категории, но значительно отличается от них в определении того, какие лица должны составлять ту или иную категорию, и, следовательно, в определении того, кому должна быть оказана защита в деле ограничения труда.

Фабричные работы устанавливают следующие категории: 1) лица мужского пола старше 18 лет, труд которых не подлежит ограничению; 2) лица мужского пола от 13 до 18 лет и лица женского пола старше 13 лет, труд которых подлежит ограничению; 3) дети от 8 до 13 лет, труд которых подлежит ограничению и которые обязаны ежедневно посещать школу.

Соответствующие категории в типографиях следующие: 1) лица мужского пола старше 13 лет, труд которых не подлежит ограничению; 2) лица женского пола старше 13 лет, рабочие часы которых подлежат ограничению; 3) дети обоих полов от 8 до 13 лет, труд которых подлежит ограничению и которые обязаны посещать школу *периодически*. Закон о типографиях существенно отличается от фабричных законов тем, что не содержит никаких предписаний относительно следующего: определения особых часов для принятия пищи, субботнего отдыха, прекращения работы в день рождества и в страстную пятницу, предоставления периодических полудней отдыха, надежного ограждения опасных машин, сообщения о несчастных случаях и вознаграждения потерпевших, периодической побелки всего помещения. Рабочие часы на фабриках в настоящее время приравнены к обычным рабочим часам квалифицированных и других рабочих на заводах, т. е. от 6 час. утра до 6 час. вечера с полуторачасовым перерывом для принятия пищи. Рабочие часы в типографиях можно считать фактически неограниченными, несмотря на существование ограничения по закону. Единственное ограничение содержится в § 22 закона о типографиях (8 и 9 Vict., 29), который предписывает, что дети от 8 до 13 лет и женщины не должны работать ночью, причем за ночь считается время от 10 час. вечера до 6 час. следующего утра. Таким образом, 8-летние дети вполне законно могут быть и действительно бывают заняты в работе, во многих отношениях аналогичной с работой на фабриках, большей частью в помещениях с высокой температурой, и без перерыва для отдыха или принятия пищи от 6 час. утра до 10 час. вечера; а мальчик, достигший 13-летнего возраста, вполне законно может быть и часто бывает занят работой днем и ночью в течение какого угодно числа часов, без всяких ограничений. Посещение школы детьми, работающими в типографиях, определяется следующим образом: малолетний до поступления в типографию должен иметь зачет посещения школы в течение не менее 30 дней и не менее 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествовавших его первому дню работы в типографии; затем в продолжение всего срока его работы в типографии он должен посещать школу в течение такого же периода в 30 дней и 150 часов в каждый последующий шестимесячный промежуток. На посещение школы отводится время между 8 час. утра и 7 час. вечера. Присутствие в школе менее чем два с половиной часа или свыше пяти часов в один и тот же день не должно засчитываться в счет указанных 150 часов. Гуманность хозяина типографии особенно проявляется

в том, как он выполняет это правило. Иной день ребенка пошлют в школу на положенное число часов в одно время дня, в другой день в другое время, но никогда регулярно; напр., посещение в один день может приходиться от 8 час. до 11 час. утра, а в другой день от 1 час. до 4 час. дня, а затем малолетний может опять не посещать школу в течение нескольких дней, после чего он снова начинает посещать ее, быть может, от 3 до 6 час. дня; или он может посещать школу 3 или 4 дня подряд или даже целую неделю, а затем может не появляться в школе 3 недели или месяц, после чего он снова посещает ее в случайные дни или в случайные часы, когда владельцу удобно обходиться без него. Таким-то образом ребенок перебрасывается из школы на работу и с работы в школу, пока повесть о 150 школьных часах не бывает досказана до конца.

1859 г.

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XI, ч. I, 1933, стр. 471—472

Революция, или, точнее, порожденная ею контрреволюция, в корне изменила общую картину положения. Из личных причуд короля * юнкера извлекли реальные выгоды и сумели отбросить правительство назад к положению не только раньше 1848 г., но и раньше 1815 и даже 1807 г. Робким романтическим вздыханиям наступил конец, а на их место появилась прусская палата лордов; в землевладении было восстановлено право мертвой руки, помещичья юрисдикция процветала в имениях, как никогда прежде, свобода обложения снова стала атрибутом знатности, полиция и правительственные чиновники должны были склониться перед дворянами, все должностные высшие посты были предоставлены отпрыскам земельной аристократии и дворянства, просвещенные чиновники старой школы были убраны и заменены прихвостнями рантье и помещиков, и все свободы, завоеванные революцией,— свобода печати, собраний, речи, конституционное представительство,— не было уничтожено, а сохранено как привилегии аристократического класса. С другой стороны, если в предшествующий период буржуазия поддерживала философское движение, то теперь аристократия вырвала его с корнем и на его место водворила ханжество. Все просвещенные профессора были изгнаны из университета, а обскуранты, Генгестенберги, Штали и иже с ними, завладели просветительными учреждениями Пруссии, начиная от сельской школы и кончая высшим учительским институтом в Берлине. Полицейский и административный механизм не был разрушен, но его превратили в простое орудие правящего класса. Даже промышленная свобода подверглась нападению; патентная система была превращена в мощное средство протекции, застраивания и подкупа, а ремесленники крупных городов были снова загнаны в корпорации, гильдии и прочие отжившие формы отжившей эпохи. Таким образом, самые смелые мечты короля, не покидавшие царства грез в течение первых 8 лет его абсолютного царствования, сбылись благодаря революции и блистали яркой действительностью при свете дня в течение последующих восьми лет между 1850 и 1858 годами.

* — Фридриха-Вильгельма IV — прусского короля. *Ред.*

К. МАРКС
СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XI, ч. II, 1933, стр. 87—88

Второй отчет⁶⁴, составленный сэром Джоном Кинкейдом, посвящен всей Шотландии, где, как он утверждает, законы, регулирующие труд женщин, несовершеннолетних и детей на фабриках, по-прежнему строго соблюдаются. Сказанное не относится к предписаниям касательно школьного обучения детей, ибо у шотландских фабрикантов, по-видимому, существует излюбленный прием получать для своих молодых рабочих школьные удостоверения от школ, специально созданных для этой цели, которые, однако, вовсе не посещаются детьми, а если и посещаются, то оказываются совершенно непригодными, чтобы дать детям какое-либо образование. Для этого достаточно будет привести два случая. В 1858 г. сэр Джон Кинкейд, в сопровождении г. Кемпбелля, помощника инспектора, посетил две школы, от которых дети, рабставшие в некоторых глазговских набивных мастерских, обычно получали свои удостоверения. Привожу слова доклада:

«Первая школа принадлежала г-же Энн Киллин в Смес-Корте в Бриджтоне; при нашем посещении в школьном помещении детей не оказалось; когда мы попросили г-жу Киллин сказать по буквам свою фамилию, она стала путать и назвала сначала букву С, но тут же поправилась и сказала, что ее фамилия начинается с буквы К*.

Однако, рассматривая ее подпись на школьных удостоверениях детей, я заметил, что она не всегда одинаково писала свою фамилию, причем ее почерк показывал, что она была совершенно неспособна к преподаванию, и она сама признала, что не может вести классный журнал. Вторая посещенная мной школа принадлежала Уильяму Логу на улице Лондрессн в Кельтоне; его удостоверения я тоже считал своим долгом признать недействительными. Школьное помещение имело около 15 футов в длину и 10 футов в ширину, и в нем мы насчитали 75 детей, во весь голос кричавших что-то непонятное. Я попросил учителя назвать мне некоторых из детей, и по той манере, с какой он оглядывал их толпу, я понял, что он сам не знает, кто из них присутствует, а кто нет».

Действительно, хотя постановления фабричных законов, касающихся обучения, требуют, чтобы дети имели свидетельство о посещении школы, они не требуют, чтобы дети выносили оттуда какие-либо познания.

---

* Английское С (си) в некоторых случаях читается как русское К. *Ред.*

К. МАРКС

НОВЫЙ БРИТАНСКИЙ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЕ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XI, ч. II, 1933, стр. 97—98

Переходя теперь от графств к местечкам, мы встречаем новые замысловатые избирательные льготы⁶⁵, которые частью заимствованы из неудачных проектов 1852 и 1854 гг. лорда Джона Рассела, а частью обязаны своим появлением гению, высидевшему запутанные сложности неудачного индийского законопроекта лорда Элленборо. Здесь прежде всего имеются так называемые льготы по образованию, которые, как иронически заметил Дизраэли, хотя и не зависят от каких-либо научных знаний, однако означают, что образование соответствующих классов «потребовало известных, довольно значительных, денежных затрат», и поэтому может быть рассматриваемо как относящееся к общей категории имущественных признаков. Соответственно этому, право голоса должно быть дано лицам, имеющим ученые степени, духовенству английской церкви, служителям всех других культов, адвокатам, частным поверенным, нотариусам, стряпчим, специальным юрисконсультам, лицам врачебной профессии, дипломированным педагогам, словом — членам различных свободных профессий или, как обычно называли их французы в эпоху Гизо, «людям способностей». Поскольку значительная часть этих «людей способностей» уже имеют избирательные права в качестве арендаторов недвижимостей, приносящих 10 ф. ст. дохода, это условие едва ли увеличит число избирателей в сколько-нибудь ощутительной степени, хотя оно может содействовать росту клерикального влияния. Другая категория новых избирательных прав создается в пользу: 1) квартирантов и съемщиков какого бы то ни было дома, меблированного или немеблированного, платящих 8 шиллингов в неделю или 20 ф. ст. в год; 2) лиц, получающих доход с личной собственности в виде государственных бумаг или рент, сст-индийских акций или банковских акций в размере 20 ф. ст. в год или же получающих обеспечение или пенсию в размере 20 ф. ст. в год за выслугу лет, за заслуги, оказанные на службе в армии, во флоте

или в гражданском ведомстве, и не состоящих на действительной службе; 3) вкладчиков в сберегательные кассы на сумму в 60 ф. ст.

С первого же взгляда становится понятным, что хотя все эти новые избирательные права допускают к выборам некоторые новые группы буржуазии, они придуманы с особой целью исключить рабочий класс и приковать его к его нынешнему положению политического «пария», как имел неосторожность назвать неизбирателей Дизраэли...

К. МАРКС

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XI, ч. II, 1933, стр. 101—104

Сегодня я намерен сделать сообщение о двух фабричных отчетах, о которых я говорил уже в одном из предыдущих писем. Первый составлен г. А. Редгрейвом, фабричный округ которого охватывает Мидльсекс (Лондон и его окрестности), Серри, Эссекс, части Чешира, Дербишира и Ланкашира и Ист-Райдинг (Йоркшир). В этом округе в течение полугода — по 31 октября 1858 г. — произошел 331 несчастный случай от машин, из которых 12 оказались смертельными. Отчет г. Редгрейва почти исключительно посвящен одной теме, а именно постановлениям, касающимся посещения школы детьми, работающими на фабриках и в набивных заведениях. Раньше чем принять для постоянной работы ребенка или несовершеннолетнего на фабрику или в набивное заведение, владелец обязан получить удостоверение от участкового врача, который в силу закона 7-го года царствования Виктории, 15-я глава, отдел А, должен отказать в таковом, если представленное для освидетельствования лицо «не обладает по меньшей мере силой и внешним видом 8-летнего ребенка или для категории подростков — внешностью по крайней мере 13-летнего, или если болезнь и физическая слабость сделали его неспособным к ежедневной работе на фабрике в течение времени, разрешенного законом». Дети в возрасте от 8 до 13 лет по закону признаются негодными для работы полное время, и они должны часть своего времени отдавать посещению школы, причем врач имеет полномочие выдавать им свидетельства только на половинное время работы. Из отчета г. Редгрейва явствует, что, с одной стороны, родители, когда они могут получить для своих детей заработную плату за полный рабочий день, всячески стараются избежать посещения детьми школы и половинной зарплаты, с другой же стороны, владелец фабрики в юных рабочих руках ищет только фи-

зической силы, делающей их способными выполнять порученную им работу. В то время как родители добиваются заработка за полное время, фабрикант добивается рабочих, занятых полное время. Нижеследующее объявление, появившееся в газете крупного фабричного центра в округе г. Редгрейва, поразительно отзывается приемами работорговли; оно показывает, насколько фабриканты считаются с предписаниями закона. Объявление гласит буквально следующее:

«Требуются от 12 до 20 мальчиков, по внешнему виду могущих сойти минимум за тринадцатилетних... Заработная плата 4 шиллинга в неделю».

Фактически хозяин, по закону, не обязан добывать удостоверение о возрасте ребенка из какого-либо подлинного источника; для него достаточно *суждения* о возрасте, основывающегося на внешности ребенка. Система половинного времени, основанная на том принципе, что детский труд не должен быть разрешаем, если ребенок параллельно с работой на фабрике не посещает ежедневно школу, встречает возражения фабрикантов по двум основаниям. Они возражают против возложения на них обязательства понуждать к посещению школы полурбочих (дети ниже 13-летнего возраста) и находят более дешевым и менее хлопотным для себя употреблять одну смену детей вместо двух, работающих попеременно по 6 часов. Поэтому первым результатом введения системы половинного времени было номинальное сокращение, почти наполовину, количества детей моложе 13 лет, работавших на фабриках. С 56 455 в 1835 г. это число понизилось до 29 283 в 1838 году. Впрочем, это уменьшение в значительной степени было только номинальным, так как уступчивость выдающих удостоверения врачей произвела внезапную революцию в соответствующих возрастах юного рабочего населения Соединенного королевства. Поэтому в той мере, в какой удостоверявшие врачи были подчинены более строгому наблюдению со стороны фабричных инспекторов и их помощников, в той мере, в какой увеличилась легкость удостоверить действительный возраст детей на основании записи рождений, — началось движение в сторону, противоположную полужению в 1838 году. С цифры в 29 283, до которой упало количество детей ниже 13 лет, занятых на фабриках в 1838 г., оно поднялось снова до цифры в 35 122 в 1850 г. и до 46 071 в 1856 г., причем последний официальный отчет далеко не сообщает действительных размеров применения детского труда. С одной стороны, многие из выдающих удостоверение врачей все еще умеют обходить бдительность инспекторов, с другой же стороны, много тысяч детей перестали посещать школу и подчиняться системе половинного времени уже в возрасте 11 лет в силу изменения закона, касающегося шелковых фабрик, — «жертва, которая, — как говорит один из фабричных инспекторов, — может быть, соответствует интересам фабрикантов, но которая оказалась вредной для социальных интересов округов шелковой промышленности». Хотя

мы, таким образом, можем вывести заключение, что количество детей от 8 до 13 лет, занятых ныне на фабриках и в набивных заведениях Соединенного королевства, превосходит число детей, занятых такой же работой в 1835 г., тем не менее не может быть сомнения, что система половинного времени сыграла большую роль в стимулировании изобретений в целях замены детского труда. Так г. Редгрейв заявляет:

«В настоящее время один разряд фабрикантов — прядильщики шерстяной пряжи — фактически редко употребляет детей моложе 13 лет (т. е. на половинное время). Они ввели усовершенствованные и новые машины различных видов, которые совершенно устраняют необходимость применения детского труда. Так, например, в качестве иллюстрации этого уменьшения количества детей я могу упомянуть один производственный процесс, в котором благодаря присоединению к машине аппарата, называемого «приставной машиной» (piecing machine), труд шести или четырех детей, — в зависимости от особых свойств каждой машины, — работающих половинное время, может быть выполнен всего лишь одним подростком».

До какой степени современная промышленность, по крайней мере в давно населенных странах, заставляет детей искать денежного заработка, снова было наглядно показано недавними примерами в Пруссии. Прусский фабричный закон 1853 г. постановил, что после первого июля 1855 г. ни один ребенок не должен допускаться к работе на фабрике, пока ему не минет 12 лет, и что дети от 12 до 14 лет не должны работать больше шести часов в день и обязаны посещать школу по крайней мере на три часа в день. Этот закон встретил такое сопротивление со стороны фабрикантов, что правительство было принуждено уступить и ввести его не повсюду в Пруссии, но, в виде опыта, только в Эльберфельде и Бармене, двух смежных фабричных городах с многочисленным фабричным населением, занятым прядением, набивкой ситца и т. д. В годовом отчете торговой палаты Эльберфельда и Бармена за 1856 г. по этому поводу прусскому правительству сделаны следующие представления:

«Повышение заработной платы, равно как и рост цен на уголь и все материалы, необходимые для этих отраслей мануфактурной промышленности, как-то: на кожу, масло, металл и т. д. оказались в высшей степени невыгодными для промышленности. В добавление к этому строгое осуществление закона 1 мая 1853 г. касательно применения детского труда на фабриках оказалось очень вредным. Оно не только вызвало удаление известного количества детей, но лишило также возможности дать им раннюю выучку, рассчитанную на то, чтобы сделать из них искусных рабочих. Вследствие недостатка этих юных рабочих рук в некоторых промышленных заведениях машины были остановлены, так как для управления ими взрослые рабочие были непригодны. Мы рекомендуем видоизменение вышеупомянутого закона в смысле сокращения обязательного посещения школы детьми, достигшими известного уровня знаний, как меры, выгодной для многочисленных семейств и для владельцев фабрик».

1865 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ
И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XIII, ч. I, 1936, стр. 50—51

Но кроме увеличения числа сверхсрочников существуют еще другие средства для поднятия боеспособности и внутренней сплоченности армии при коротком сроке службы. Сюда относятся, между прочим, учебные лагерные сборы, которые сам военный министр фон-Роон назвал средством, компенсирующим более короткий срок службы. Далее, рациональная постановка обучения,— и в этом отношении в Пруссии нужно сделать еще очень много. Предрассудок, что при коротком сроке службы якобы нужны для компенсации его краткости преувеличенная точность парадного марша, «муштровка» при экзерцициях, смехотворно высокое выбрасыванье ног, чтобы «без сгиба в колене» пробивать дыру в воздухе,— весь этот предрассудок целиком покоится на явном преувеличении. О необходимости всего этого в прусской армии болтали до тех пор, пока это не превратилось, наконец, в несомненную аксиому. Но какая польза в том, что солдаты при ружейных приемах с такой силой ударяют прикладом о собственное плечо, что почти опрокидываются, причем по всему фронту пробегает весьма невоинственное содрогание, чего не увидишь ни в какой другой армии? — Наконец, в качестве эквивалента сокращенного срока службы, и самого существенного эквивалента его, следует считать лучшее физическое воспитание юношества. Необходимо только позаботиться, чтобы действительно что-нибудь делалось в этом направлении. Правда, во всех сельских школах поставлены параллельные брусья и турники, но наши бедняги школьные учителя еще плохо умеют с ними обращаться. Пусть назначат в каждый округ хотя бы по одному отставному унтер-офицеру, сдавшему экзамен в качестве учителя гимнастики, и поручат ему руководство обучением гимнастике; пусть позаботятся о том, чтобы школьная молодежь постепенно ознакомилась с маршировкой в строю, с движениями взвода и роты и твердо усвоила бы соответствующую команду. В течение 6—8 лет это возместится сторицей, и рекрутов будет больше, и они будут крепче.

1866 г.

К. МАРКС

ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
СОВЕТА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ**

4. ТРУД ДЕТЕЙ и ПОДРОСТКОВ
ОБОЕГО ПОЛА

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XIII, ч. I, 1936, стр. 198—199

Мы считаем тенденцию современной промышленности привлечь детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы. При разумном общественном строе *каждый ребенок* с 9-летнего возраста должен стать производительным работником, так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только умом, но и руками.

Однако в настоящее время детей и подростков обоего пола, с которыми мы имеем дело, следует разделить на *три группы*, требующие различного отношения к себе: в первую группу должны входить дети от 9 до 12 лет, во вторую — от 13 до 15 лет, в третью — 16 и 17-летние. Мы предлагаем, чтобы для первой группы закон ограничил труд в какой бы то ни было мастерской или на дому *двумя* часами; для второй — *четырьмя* и для третьей — *шестью* часами. Для третьей группы должен быть перерыв по крайней мере в один час для еды или для отдыха.

Желательно, может быть, начальное школьное обучение начинать до 9-летнего возраста; но мы касаемся здесь только самого необходимого противоядия против тенденций социального строя, который низводит рабочего до степени простого орудия накопления капитала и превращает задавленных нуждой родителей в рабовладельцев, продающих своих собственных детей. *Права* детей и подростков должны быть защищены. Они не в состоянии сами выступить в свою защиту. Поэтому долг общества вступить за них.

Если средний и высший классы пренебрегают своими обязанностями по отношению к собственным детям, это их ошибка. Пользуясь привилегиями этих классов, ребенок вынужден страдать от их предрассудков.

Для рабочего класса дело обстоит совершенно иначе. Рабочий не свободен в своих действиях. В очень многих случаях он даже слишком невежествен, чтобы правильно понимать интересы своего ребенка или нормальные условия человеческого развития. Как бы то ни было — наиболее просвещенная часть рабочего класса вполне сознает, что будущее его класса, следовательно человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Она знает, что прежде всего дети и подростки должны быть ограждены от разрушительного действия современной системы производства. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу*, а при данных условиях этого можно добиться только посредством *общих законов*, к соблюдению которых принуждает государственная власть. Требуя таких законов, рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, власть, которую теперь пользуются против него, он превращает в свое орудие. Рабочие достигают путем общего законодательного акта того, чего они напрасно добивались бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий.

Исходя из этого, мы говорим, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием.

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание*.

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение*, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. Расходы на технические школы должны частично покрываться путем продажи их продукции.

Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физического упражнения и политехнического обучения поднимает рабочий класс значительно выше уровня высшего и среднего классов.

Само собой разумеется, что применение труда всех лиц от 9 до 17 лет (включительно) ночью и во всех вредных для здоровья производствах должно быть строго запрещено законом.

1867 г.

К. МАРКС

КАПИТАЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ*

К. Маркс, Капитал, т. I, 1955,
стр. 23

...В науке нет широкой столбовой дороги [route royale], и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ**

Т а м же, стр. 19

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург [творец, созидатель] действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

КАПИТАЛ, т. I

Т а м же, стр. 178

Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется

---

* Предисловие написано в 1872 г. *Ред.*

** Послесловие написано в 1873 г. *Ред.*

определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения, совершенно ничтожные для обычной рабочей силы, входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

Т а м же, стр. 184—185

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животноеобразных инстинктивных форм труда. По сравнению с таким состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, относится к глубинам первобытных времен. Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. Работник отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

Т а м же, стр. 304—306

...Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего

класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории *. Философ фабрики Юр клеймит поэтому как неизгладимый позор английского рабочего класса то обстоятельство, что на своем знамени он начертал «рабство фабричных законов», противопоставив этот лозунг капиталу, который мужественно выступает за «полную свободу труда» **.

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась Февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцатичасовой закон ***, который много более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на это, французский революционный метод обнаруживает и свои особые преимущества. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство, топорщась, уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений ****. Вместе с тем, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь во имя детей, несовершеннолет-

---

* Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «Соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом «Factlogy Act» [фабричном акте], третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства. (Примечание Маркса. Все остальные подстрочные примечания к 1 тому «Капитала» также принадлежат Марксу.— Ред.)

** *Ure* (франц. перевод): «Philosophie des Manufactures». Paris 1836, т. II, стр. 39, 40, 67, 77 и др.

*** В *Compte-rendu* [отчете] «Международного статистического конгресса в Париже, 1855 г.» [стр. 332] говорится между прочим: «Французский закон, ограничивающий продолжительность ежедневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не назначает для этого труда определенных постоянных часов (периодов времени), потому что только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому часть фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того чтобы заставить работать без перерывов изо дня в день, может быть за исключением воскресений. Они употребляют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но производство в предприятии продолжается и днем и ночью. Требования закона удовлетворены, но удовлетворены ли требования гуманности?» Помимо «разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм» отмечается также «роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских».

**** «Так, напр., в моем округе в одном и том же фабричном здании один и тот же фабрикант как белильщик и красильщик подчинен «Акту о белильных и красильных», как ситцепечатник — «Printworks' Act'y» [«Закону о ситцепечатных фабриках»] и как finisher (аппретурщик) — «Factory Act'y» [«Фабричному закону»]. (Донесение г. Бэкера в «Reports etc. for 31st October 1861», стр. 20.) Перечислив различные постановления этих законов и вытекающие отсюда осложнения, г. Бэкер говорит: «Мы видим, как трудно обеспечить исполнение этих трех парламентских актов, если владелец фабрики захочет обойти закон». Но зато господам юристам это уже наверное обеспечивает процессы.

Их и женщины и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право*.

Т а м же, стр. 356—358

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, требуют от него напряжения различных способностей. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, в которую пускает свои корни разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Совокупный рабочий обладает теперь всеми способностями производителя в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления своей специфической функции**. Односторонность и даже прямые недостатки частичного рабочего составляют его достоинство, раз он становится органом совокупного рабочего***. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины****.

* Так, фабричные инспектора решаются, наконец, сказать: «Эти возражения (капитала против законодательного ограничения рабочего времени) должны пасть перед широким принципом прав труда... Наступает момент, когда право хозяина на труд его работника прекращается, и его время становится его собственностью даже в том случае, если нет еще вопроса об истощении» («Reports etc. for 31st October 1862», стр. 54).

** «Так как в мануфактуре работа разделяется на несколько различных операций, из которых каждая требует различной степени искусства и силы, то владелец мануфактуры в состоянии снабдить себя как раз необходимым для каждой операции количеством силы и искусства. А если бы весь процесс изготовления продукта выполнялся одним рабочим, то один и тот же индивидуум должен был бы обладать достаточным искусством для самых деликатных и достаточной силой для самых тяжелых операций» (*Ch. Babbage*: «On the Economy of Machinery». London 1832, гл. XIX).

*** Например, одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. п.

**** Г-н В. Маршалл, главный управляющий одной стекольной мануфактуры, очень хорошо ответил на вопрос члена следственной комиссии, каким образом поддерживается интенсивность труда среди рабочих-подростков. «Они не могут пренебречь своим делом, — сказал он, — раз они начали, они должны продолжать; они представляют как бы части одной и той же машины» («Children's Employment Commission. Fourth Report 1865», стр. 247).

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, грубее и тоньше, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в очень различных степенях образования и обладают поэтому очень различной стоимостью. Таким образом, мануфактура развивает иерархию рабочих сил, которой соответствует лестница заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приспосабливается к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые операции в такой же мере приспосабливаются к этой иерархии естественных и приобретенных способностей*. Между тем каждый производственный процесс требует известных простых движений, одинаково доступных каждому человеку. И такие движения порывают теперь свою непостоянную связь с более содержательными моментами производственной деятельности и окостеневают в виде особых исключительных функций.

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которых строго исключала ремесленная организация производства. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность самый недостаток всякого развития. Наряду с иерархическими степенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы**. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создает новые связанные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Сравнительное обесценивание рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, непосредственно означает более значительное самовозрастание стоимости капитала, потому что все, что сокращает время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

---

* Доктор Юр в своем апофеозе крупной промышленности тоньше схватывает специфический характер мануфактуры, чем прежние экономисты, чуждые его полемической задаче, и даже чем его современники, напр., — чем превосходящий его в качестве математика и механика Бэббедж, который рассматривает крупную промышленность, собственно говоря, с мануфактурной точки зрения. Юр замечает: «Приспособление рабочего к каждой частичной операции составляет сущность разделения труда». С другой стороны, он называет это разделение «приспособлением работ к различным индивидуальным способностям» и характеризует, наконец, всю мануфактурную систему как «систему градации по степени искусства», как «разделение труда по различным степеням искусства» и т. д. (*Ure: «Philosophy of Manufactures»*, стр. 19—23, в разных местах).

** «Каждый профессиональный рабочий... получая возможность совершенствоваться путем упражнений в одном направлении... становится более дешевым» (*Ure: «Philosophy of Manufactures»*, стр. 19).

В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала. Общественный производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле этого слова не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создает кроме того иерархическую лестницу среди самих рабочих. В то время как простая кооперация оставляет способ труда отдельных лиц в основном неизменным, мануфактура революционизирует его снизу доверху и, всецело подчиняя его индивидуальную рабочую силу, поражает ее в самом ее корне. Мануфактура превращает рабочего в уroda, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований. Так, в государствах Ла-Платы убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы *, и таким образом осуществляется на деле пошлая басня Менения Агриппы, которая изображает человека в виде части его собственного тела **. Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу, потому что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь сама его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не запродана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Лишенный возможности делать что-либо самостоятельно в соответствии со своими естественными дарованиями, мануфактурный рабочий развивает производительную деятельность уже только как придаток мастерской капиталиста ***. Как на челе

* Дугалд Стюарт называет мануфактурных рабочих «living automatons, employed in the details of the work» [«живыми автоматами... употребляемыми для частичных трудовых операций»] (Works, ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, т. III, «Lectures on Political Economy», стр. 318).

** У кораллов каждый отдельный индивидуум действительно представляет желудок всей группы. Но он доставляет группе питательные вещества, а не отнимает их, как римские патриции у плебеев.

*** «Работник, владеющий своим ремеслом во всем его объеме, может везде заниматься производительной деятельностью и добывать себе средства к существованию; наоборот, второй (мануфактурный рабочий) представляет только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью к труду, ни необходимой для этого самостоятельностью и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить» (Storch: «Cours d'Économie Politique», изд. Petersbourg 1815, т. I, стр. 204). [Ср. Г. Шторх: «Курс политической экономии», т. I, перев. под ред. И. В. Вернадского, СПб. 1881 г., стр. 78.]

избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала.

Познания, предусмотрительность и воля, проявляемые хотя бы и в незначительном размере самостоятельным земледельцем или ремесленником, — подобно тому как дикарь в своей личной хитрости и ловкости проявляет разнообразные элементы всего военного искусства, — требуются здесь только от всей мастерской в целом. Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале *. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и порабащивающая их сила. Этот процесс отделения начинается в простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собой единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу **.

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала, общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами. «Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила размышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать определенным образом рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди» ***. И в самом деле, в половине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для производства известных простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну ****.

«...Умственные способности и развитие большей части людей, — говорит А. Смит, — необходимо складываются в соответствии с их

---

* A. Ferguson: «History of Civil Society». Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 281: «Первый выиграл то, что потерял другой».

** «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно» (W. Thompson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London 1824, стр. 274).

*** A. Ferguson: «History of Civil Society». Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 280.

**** J. D. Tuckett: «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». London 1846, т. I, стр. 149.

обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо». Обрисовав тупость частичного рабочего, А. Смит продолжает: «Однообразие его неподвижной жизни естественно подрывает мужество его характера... Оно ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки (the labouring poor), т. е. главная масса народа»*. Чтобы предотвратить полнейшее искалечение народной массы, являющееся результатом разделения труда, А. Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных, гомеопатических дозах. Вполне последовательно возражает против этого его французский переводчик и комментатор Гарнье, который при первой империи естественно превратился в сенатора. Народное образование противоречит, по его мнению, первому закону разделения труда; организацией народного образования мы «обрекли бы на уничтожение всю нашу общественную систему». «Отделение физического труда от умственного **,— говорит он,— как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и решительным, по мере того как богатее общество (он правильно употребляет это выражение для обозначения капитала, землевладения и их государства). Это разделение труда, подобно другим его видам, является результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса... Неужели же правительство должно противодействовать этому разделению труда и задерживать его естественный ход? Неужели оно должно затрачивать часть госу-

---

* А. Smith: «Wealth of Nations», кн. V, гл. I, отд. II [А. Смит: «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. II, Соцэкгиз, 1935, стр. 303]. Как ученик Фергюсона, который разобрал вредные последствия разделения труда, А. Смит совершенно ясно представлял себе этот пункт. В начале своего труда, где он ex professo прославляет разделение труда, он лишь мимоходом указывает на него как на источник общественных неравенств. Лишь в пятой книге, посвященной государственным доходам, он воспроизводит Фергюсона. В «Misère de la Philosophie» [«Нищета философии»] я уже сказал все необходимое об исторической связи между Фергюсоном, А. Смитом, Лемонтеем и Сэем в критике ими разделения труда; там же я впервые представил мануфактурное разделение труда как специфическую форму капиталистического способа производства. (Karl Marx: «Misère de la Philosophie», Paris 1847, стр. 122 и сл.). [К. Маркс: «Нищета философии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 4, стр. 148—150.]

** Фергюсон уже в «History of Civil Society», Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 281. говорит: «И самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией».

дарственных доходов на эксперимент, имеющий целью смешать и спутать вместе два класса труда, стремящиеся к разделению и обособлению?»*.

Некоторое духовное и телесное искалечение неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии дается впервые лишь мануфактурным периодом**.

«Рассечение человека называется казнью, если он получил смертный приговор, убийством, если он не приговорен судом к смерти. Рассечение труда есть убийство народа»***.

Т а м ж е, стр. 375

В собственно мануфактурный период, т. е. в период, когда мануфактура является господствующей формой капиталистического способа производства, полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия. Хотя мануфактура создает, как мы видели, наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и необученных, число последних остается весьма ограниченным в силу преобладающего значения первых. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция в общем и целом терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин, привычкам которых она противоречит. Хотя разложение ремесленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего,

* *G. Garnier*, том V его перевода [Смита], стр. 4—5.

** Рамадзини, профессор практической медицины в Падуе, опубликовал в 1713 г. свой труд: «*De morbis artificum*», переведенный затем в 1781 г. на французский язык и снова напечатанный в 1841 г. в «*Encyclopédie des Sciences Médicales. 7-ème Discours: Auteurs Classiques*». Период крупной промышленности, разумеется, лишь увеличил его каталог профессиональных заболеваний рабочих. См. между прочим: «*Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier*. Par le Dr. A. L. Fonteret», Paris 1858, и «*Die Krankheiten, welche verschiedenen Ständen, Altern und Geschlechtern eigenthümlich sind*». 6 томов. Ulm 1860. В 1854 г. Society of Arts назначило комиссию по изучению промышленной патологии. Список документов, собранных этой комиссией, читатель найдет в каталоге «*Twickenham Economic Museum*». Очень важный материал дают официальные «*Reports on Public Health*». См. также д-р мед. *Eduard Reich: Ueber die Entartung des Menschen*. Erlangen 1868.

*** *D. Urquhart: «Familiar Words»*. London 1855, стр. 119. Гегель придерживался очень еретических взглядов относительно разделения труда. «Под образованным человеком следует разуметь прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие», — говорит он в своей «*Философии права*» [*Hegel: «Grundlinien der Philosophie des Rechts»*, 2-е изд., Berlin 1840, стр. 247. Ср. *Гегель: «Философия права»*, 1934 г., т. VII, отд. II, § 187, стр. 216].

тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен. Мы видим, напр., что в Англии laws of apprenticeship [законы об ученичестве] с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и уничтожаются лишь под натиском крупной промышленности...

Т а м же, стр. 392—393

Мы видели, что производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу. Они суть естественные силы общественного труда. Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к производительным процессам, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять естественные силы. Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара — паровая машина. С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки в сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа действием электрического тока, обегающего вокруг железа, открыты, они уже не стоят ни гроша...*

Т а м же, стр. 405—408

Моральное искалечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими писателями, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом. Интеллектуальное же одичание, искусственно производимое превращением незрелых людей в простые машины для фабрикации прибавочной стоимости, которое легко отличить от первобытного невежества, оставляющего ум девственно-нетронутым, но не причиняющего вреда самой его способности к развитию, его естественному плодородию, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству. Дух капиталистического производства ясно обнаруживается в неряшливой редакции в фабричных актах так называемых пунктов о воспитании, в отсутствии того административного аппарата, без

---

* Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что несколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал захватывает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд. Но «капиталистическое» присвоение и «личное» присвоение науки ли, материального ли богатства — это совершенно различные вещи. Сам д-р Юр жаловался на грубое незнакомство дорогих ему фабрикантов, эксплуатирующих машины, с механикой, а Либих рассказывает об ужасающем невежестве английских химических фабрикантов в области химии.

которого это обязательное обучение в большинстве случаев опять-таки становится иллюзорным, в оппозиции фабрикантов даже против такого закона об обучении и в их увертках и уловках, которые служат для обхода его на практике. «Обвинять приходится только законодательную власть, потому что она издала фиктивный закон (*delusive law*), который, заботясь для виду о воспитании детей, не содержит ни одного постановления, обеспечивающего достижение этой цели. Он ничего не постановляет, кроме того, что дети на определенное число часов (3 часа) в день должны быть заперты в четырех стенах помещения, именуемого школой, и что хозяин детей еженедельно должен получать удостоверение в исполнении этого от лица, которое подписывается в качестве учителя или учительницы» *. До издания в 1844 г. исправленного фабричного акта нередко встречались удостоверения о посещении школы, которые учитель или учительница подписывали крестом, потому что сами не умели писать. «При моем посещении одной школы, выдающей такие свидетельства, я до того был поражен невежеством учителя, что спросил его: «Скажите, пожалуйста, умеете ли вы читать?» — «В общем да (*summat*)», — был его ответ. В свое оправдание он добавил: «Во всяком случае я знаю больше, чем мои ученики». Во время подготовки акта 1844 г. фабричные инспектора жаловались на позорное состояние учреждений, именуемых школами, удостоверения которых они по закону должны были признавать вполне действительными. Но все, чего они добились, заключалось в том, что с 1844 г. «учитель должен был вносить своей рукой цифры в школьное удостоверение *ditto* [а также] собственноручно подписывать свое имя и фамилию» **. Сэр Джон Кинкейд, шотландский фабричный инспектор, рассказывает о том же на основании своего служебного опыта. «Первая школа, которую мы посетили, содержалась некоей миссис Энн Киллин. Когда я предложил ей написать ее фамилию, она сразу сделала ошибку, начав ее буквой С, но тотчас поправилась, заявив, что ее фамилия начинается с К. Однако при просмотре ее подписи в книге школьных удостоверений я заметил, что она подписывается различно, между тем как почерк не оставляет никакого сомнения на тот счет, что она не способна учить. Да и сама она призналась, что не может вести журнал... Во второй школе я увидел школьную комнату в 15 футов длины и 10 футов ширины и насчитал в этом помещении 75 детей, которые бормотали что-то непонятное» ***. «Однако подобная практика, при которой дети получают школьные удостоверения, но не получают школьного обучения, наблюдается не только в таких жалких вертепах, — существует много школ с достаточно подготовленными учителями, но почти все уси-

* Леонард Хорнер в «*Reports of Insp. of Fact. for 30th June [30th April] 1857*», стр. 17.

** Он же в «*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855*», стр. 18, 19.

*** Сэр Джон Кинкейд в «*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858*», стр. 31, 32.

лия последних разбиваются об умопомрачительное смещение детей всех возрастов, начиная с трехлетнего. Материальное положение учителя, в лучшем случае нищенское, всецело зависит от числа пенсов, которые удастся получить, а их получается тем больше, чем больше детей удастся набить в комнату. К этому присоединяется скудная школьная обстановка, недостаток книг и других учебных пособий и удручающее действие спертого и отвратительного воздуха на самих бедных детей. Я бывал во многих таких школах, причем я видел целые ряды детей, которые абсолютно ничего не делали; и это удостоверяется как посещение школы, и такие дети фигурируют в официальной статистике как получившие образование (educated)*. В Шотландии фабриканты стараются по возможности увольнять детей, обязанных посещать школу. «Этого достаточно, чтобы доказать сильное нерасположение фабрикантов к постановлениям об обучении детей»**. В уродливо-отвратительных формах обнаруживается это в ситцепечатных и т. п. заведениях, подчиненных особому фабричному закону. Согласно постановлениям последнего, «каждый ребенок перед поступлением в такое печатное заведение должен посещать школу по меньшей мере 30 дней и не меньше 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествующих дню его поступления. За время своей работы в печатном заведении он также должен посещать школу в течение 30 дней или 150 часов в каждое полугодие... Посещение школы должно происходить между 8 часами утра и 6 часами вечера. Никакое посещение, продолжавшееся менее 2½ часов, или излишек над 5 часами в день не должны идти в счет упомянутых 150 часов. При обыкновенных обстоятельствах дети посещают школу утром и вечером в течение 30 дней, по 5 часов в день, и по истечении 30 дней, достигнув узаконенной суммы в 150 часов, покончив со своей книгой, как выражаются они сами, они опять возвращаются в заведение, опять остаются в нем 6 месяцев, пока не наступит новый срок платежа,— срок посещения школы,— и опять остаются в школе до тех пор, пока снова не покончат со своей книгой... Очень многие дети, посещавшие школу узаконенные 150 часов, при возвращении в нее после шестимесячного пребывания в печатном заведении должны все начинать сначала... Они, конечно, забывают все, что приобрели в предыдущее посещение школы. В других ситцепечатных заведениях посещение школы поставлено в полную зависимость от хода дел на фабрике, от ее потребностей. Требуемое количество часов за каждый полугодичный период разом пополняется присчитыванием 3—5-часовых посещений, которые распределяются, быть может, на полугодие. Например, в один день школа посещается с 8 до 11 часов утра, в другой день с 1 до 4 часов дня, и после того как ребенок несколько дней не являлся, он вдруг снова приходит на время с 3 до 6 часов вечера; затем он, быть может, приходит 3 или 4 дня

* Леонард Хорнер в «Reports etc. for 30th April 1857», стр. 17, 18.

** Сэр Дж. Кинкейд в «Reports of Insp. etc. for 31st October 1856», стр. 66.

или целую неделю кряду, потом опять исчезает недели на 3 или на целый месяц и возвращается на несколько часов в бросовые дни, когда предприниматель случайно в нем не нуждается; таким-то образом ребенка, так сказать, швыряют (buffet) то туда, то сюда, из школы на фабрику, с фабрики в школу, пока не наберется сумма в 150 часов»*. Присоединяя подавляющее количество детей и женщин к комбинированному рабочему персоналу, машина сламывает, наконец, сопротивление, которое в мануфактуре мужчина-рабочий еще оказывал деспотизму капитала**.

Т а м же, стр. 471—475

Теперь я обращаюсь к так называемой работе на дому. Чтобы составить себе представление об этой сфере эксплуатации, которую капитал осуществляет на задворках крупной промышленности, и о чудовищности этой эксплуатации, можно было бы рассмотреть, напр., по-видимому, совсем идиллический гвоздарный промысел, которым занимаются в некоторых захолустных деревнях Англии***. Здесь достаточно будет остановиться на нескольких примерах таких отраслей, как производство кружев и плетение соломы, в которых еще вовсе не применяются машины или которые конкурируют с машинным и мануфактурным производством.

Из тех 150 000 человек, которые заняты в кружевном производстве Англии, почти на 10 000 распространяется действие фабричного акта 1861 г. Подавляющее большинство остальных 140 000 — женщины, подростки и дети обоего пола, причем мужской пол представлен лишь очень слабо. Состояние здоровья этого «дешевого» материала эксплуатации видно из следующей сводки д-ра Трумэна, врача при General Dispensary [общей поликлинике

* А. Редгрейв в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1857», стр. 41, 42. В тех отраслях английской промышленности, которые уже давно подчинены фабричному акту (не Printworks Act'у [закону о ситцепечатных фабриках], о котором сейчас говорилось в тексте), помехи постановлениям об обучении в последние годы до известной степени устранены. В тех же отраслях промышленности, которые не подчинены фабричному закону, до сих пор еще сильно распространены воззрения, высказанные стекольным заводчиком Дж. Геддсом, который так поучал члена следственной комиссии Уайта: «Насколько я понимаю, большее образование, получаемое за последние годы известной частью рабочего класса, представляет собой зло. Оно опасно, делая рабочих слишком независимыми» («Children's Employment Commission. 4th Report». London 1865, стр. 253).

** «Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что при своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, существование которой зависит от них; они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, они вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства к жизни. Так добродетели — добродетели, специфически характеризующие женщин! — обращаются во вред им, так нравственная и нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий» («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley, 15th March». London 1844, стр. 20).

*** Здесь речь идет о кованых гвоздях в отличие от резаных гвоздей, фабрикуемых машинным способом. См. «Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. XI, XIX, № 125—130, стр. 52, № 11; стр. 114, № 487; стр. 137, № 674.

для бедных] в Ноттингеме. Из 686 пациентов, кружевниц, по большей части в возрасте 17—24 лет, чахоточных было:

1852 г. 1 на 45	1857 г. 1 на 13
1853 » 1 » 28	1858 » 1 » 15
1854 » 1 » 17	1859 » 1 » 9
1855 » 1 » 18	1860 » 1 » 8
1856 » 1 » 15	1861 » 1 » 8 *

Это прогрессивное возрастание процента чахоточных должно удовлетворить и наиболее оптимистических прогрессистов, и лживых немецких разносчиков теории свободной торговли.

Фабричный акт 1861 г. регулирует собственно плетение кружев, поскольку оно производится машинами, а это является общим правилом для Англии. Отрасли, на которых мы здесь останавливаемся вкратце, — и притом лишь по отношению к так называемым домашним рабочим, а не к тем, которые концентрируются в мануфактурах, магазинах и т. д., — распадаются: 1) на lace finishing (последняя отделка кружев, фабрикуемых машинным способом; эта категория, в свою очередь, охватывает многочисленные подразделения), 2) плетение кружев.

Lace finishing производится в форме работы на дому, либо в так называемых «mistresses houses» [домах хозяек, мастериц], либо в частных квартирах женщин, которые работают одни или со своими детьми. Женщины, которые содержат «mistresses houses», сами бедны. Мастерская образует часть их собственной квартиры. Они получают заказы от фабрикантов, владельцев магазинов и т. д. и нанимают женщин, девушек и маленьких детей в количестве, соответствующем размеру их комнаты и колебаниям спроса в данной отрасли промышленности. Число занятых работниц изменяется от 20 до 40 в одних из этих мастерских и от 10 до 20 в других. Средний минимальный возраст, в котором дети начинают работать, — 6 лет, однако некоторые начинают работать моложе 5 лет. Рабочее время обыкновенно продолжается от 8 часов утра до 8 часов вечера с 1½-часовым перерывом для принятия пищи; последнее нерегулярно, часто приходится есть в этих же вонючих рабочих вертепах. При хорошем положении дел работа часто продолжается с 8 (иногда с 6) часов утра до 10, 11 или 12 часов ночи. В английских казармах на каждого солдата полагается 500—600 кубических футов, в военных лазаретах — 1200. А в этих рабочих конурах приходится 67—100 кубических футов на человека. В то же время газовое освещение поглощает содержащийся в воздухе кислород. Чтобы держать кружева в чистоте, дети часто должны снимать башмаки, даже зимой, хотя пол сделан из каменных плит или кирпича. «В Ноттингему можно нередко увидеть 15—20 детей, набитых в одну маленькую комнату, быть может не более 12 футов в квадрате, занятых по 15 часов в сутки работой, которая и сама по себе изнуряет тоскливостью и монотонностью,

* «Children's Employment Commission. 2nd Report», стр. XXII, № 166.

да и ведется при таких антигигиенических условиях, какие только можно представить... Даже самые маленькие дети работают с напряженным вниманием и быстротой, вызывающими удивление, и почти никогда не позволяют своим пальцам отдохнуть или двигаться помедленнее. Если к ним обращаются с вопросом, они не поднимают глаз от работы, опасаясь потерять хотя бы один момент». «Длинная палка» служит для «mistresses» [хозяйек] средством подгонять детей тем более, чем больше удлинняется рабочее время. «Дети мало-помалу утомляются и становятся беспокойными, как птицы, к концу того длинного времени, на которое они привязаны к своей работе, монотонной, вредной для глаз, утомительной вследствие отсутствия перемен в положении тела... Это — настоящий рабский труд» («Their work is like slavery») *. Где женщины работают вместе со своими собственными детьми у себя на дому, т. е. в современном смысле этого слова — в нанятой комнате, положение еще хуже, если это только возможно. Этого рода работа раздается на 80 миль вокруг Ноттингема. Когда ребенок, работающий в магазине, уходит из него в 9 или 10 часов вечера, на дорогу ему часто дают еще целый узел для работы на дому. Капиталистический фарисей, в лице одного из своих наемных холопов, конечно, сопровождает это умиливательной фразой: «это для матери», хотя очень хорошо знает, что бедному ребенку тоже придется усесться и помогать матери **.

Кружевная промышленность распространена преимущественно в двух земледельческих округах Англии — в кружевном округе Хонитона, охватывающем полосу в 20—30 миль вдоль южного побережья Девоншира и некоторые места Северного Девона, и в другом районе, который охватывает значительную часть графств Бэкингам, Бедфорд, Нортгемптон и соседние части Оксфордшира и Хэнтингдоншира. Коттэджи земледельческих батраков обычно служат в то же время и мастерскими. Некоторые владельцы мануфактур применяют более 3 000 таких домашних рабочих, преимущественно детей и подростков, исключительно женского пола. Здесь снова встречаются условия, описанные в связи с lace finishing [окончательной отделкой кружев]. Разница лишь в том, что вместо «mistresses houses» [домов хозяйек, мастериц] выступают так называемые «lace schools» (школы кружев), которые содержат бедные женщины в своих хижинах. С 5-летнего возраста, иногда даже раньше, и до 12—15-летнего работают дети в этих школах — в первый год самые маленькие по 4—8 часов, впоследствии с 6 часов утра до 8—10 часов вечера. «Как правило, комнаты — обычные жилые каморки маленьких коттэджей, камин законопачен в целях предотвращения тяги, обитатели иногда и зимой согреваются только своей собственной животной теплотой. В других случаях комнаты этих так называемых школ — помещения, похо-

---

* «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XIX, XX, XXI.

** «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XXI, XXII.

жие на маленькие чуланы, без приспособления для отопления... Переполнение этих лачуг и вызываемая этим порча воздуха часто достигают крайней степени. К этому присоединяется вредное влияние стоков, отхожих мест, преющих веществ и других нечистот — обычного явления при входах в мелкие коттеджи». Относительно помещений: «В одной школе кружев 18 девушек и мастерица, 33 кубических фута на каждого человека; в другой, где воня невыносима, 18 человек, по 24¹/₂ кубических футов на человека. Бывает, что в этой отрасли промышленности заставляют работать детей 2—2¹/₂ лет»*.

Там, где в сельских графствах Бэкингема и Бедфорда нет плетения кружев, начинается плетение из соломы. Оно распространяется на значительную часть Херфордшира и западные и северные части Эссекса. В 1861 г. плетением соломы и производством соломенных шляп было занято 48 043 человека, из них 3 815 мужского пола всех возрастов, остальные — женского пола, из них 14 913 до 20 лет, в том числе около 7 000 детей. Вместо школ кружев здесь появляются «straw plait schools» («школы плетения из соломы»). Дети начинают обучаться в них соломоплетению обыкновенно с 4 лет, иногда в возрасте между 3 и 4 годами. Воспитания они, конечно, не получают никакого. Начальные школы сами дети называют «natural schools» («настоящие школы») в отличие от этих кровопийственных учреждений, в которых их держат за работой просто для того, чтобы заставить их приготовить урок, заданный их полуголодными матерями и составляющий обыкновенно 30 ярдов в день. Эти же матери потом часто заставляют детей работать еще дома до 10, 11, 12 часов ночи. Солома режет им пальцы и рот, которым они постоянно смачивают ее. Согласно общему мнению медицинских чиновников Лондона, резюмированному д-ром Бэллардом, 300 кубических футов на человека представляют минимум для спален и мастерских. Между тем в школах плетения из соломы помещение еще теснее, чем в кружевных школах: 12²/₃, 17, 18¹/₂ и меньше 22 кубических футов на человека. «Меньшие из этих чисел,— говорит член комиссии Уайт,— представляют помещение меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, упакованный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трем измерениям». Такую радость бытия испытывают дети до 12—14-летнего возраста. Бедные, опустившиеся родители только и думают о том, как бы выколотить из детей возможно побольше. Выросши, дети, естественно, не ставят родителей ни в грош и оставляют их. «Неудивительно, что невежество и пороки характеризуют это население, получающее воспитание такого рода... Его нравственность стоит на самой низкой ступени... Значительное число женщин имеют незаконных детей, многие становятся матерями в таком незрелом возрасте, что перед этим фактом останавливаются в изумлении даже зна-

* «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XXIX, XXX.

токи уголовной статистики» *. И родина этих образцовых семей — образцовая христианская страна Европы, как говорит граф Монталамбер, несомненно компетентный в христианстве!

Заработная плата, вообще жалкая в только что описанных отраслях промышленности (составляющая исключение максимальная плата детей в школах плетения из соломы составляет 3 ш.), понижается еще ниже своей номинальной величины вследствие truck-system [системы расплаты товарами, даваемыми рабочему в кредит], получившей всеобщее распространение в особенности в округах с кружевным производством **.

Т а м ж е, стр. 488—502

Как ни жалки в общем постановлении фабричного акта относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда ***. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики **** с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушав показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем школьников, регулярно посещающих школу днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше. «Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит от своей работы» *****. Дальнейшие доказательства можно найти в речи

* «Children's Employment Commission. 2nd Report 1864», стр. XL, XLI

** «Children's Employment Commission. 1st Report 1863», стр. 185.

*** Согласно английскому фабричному акту, родители не могут посылать своих детей до 14 лет в «контролируемые» фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответствен за соблюдение закона. «Обучение при фабриках обязательно, оно — условие работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 111).

**** О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. У. Сениора на седьмом годичном конгрессе «National Association for the Promotion of Social Science» в «Report of Proceedings etc.». London 1863, стр. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 г., стр. 118, 119, 120, 126 и сл.

***** «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 118. Один наивный фабрикант шелка заявляет члену следственной «Children's Employment Commission»: «Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталкивающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы у моих собственных детей был труд и игры в качестве отдыха от школы» («Children's Employment Commission 5th Report», стр. 82, № 36).

Сениора сказанной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 г. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в высших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и с прямым вредом заставляет детей расточать время, здоровье и энергию»*. Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей выше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей.

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к известной частичной операции всего человека; напротив, капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более чудовищном виде: на собственном фабрике — посредством превращения рабочего в одаренный сознанием придаток частичной машины, повсюду — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда**, отчасти посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и суще-

---

* Сениор в «Report of Proceedings» седьмого годового конгресса «National Association for the Promotion of Social Science», стр. 66. До какой степени крупная промышленность, достигнув известного уровня развития, переворотом в способе материального производства и в общественных отношениях производства совершает переворот и в головах, — яркий пример этого дает сравнение речи Н. У. Сениора в 1863 г. с его филиппикой против фабричного закона 1833 г. или сопоставление взглядов упомянутого конгресса с тем фактом, что в некоторых сельских частях Англии бедным родителям все еще запрещают под угрозой голодной смерти обучать своих детей. Так, напр., г. Снелл сообщает, что если кто-либо в Сомерсетшире по бедности обращается за помощью к приходу, то по установившейся практике его заставляют взять своих детей из школы. Так, г. Уоллестон, священник в Фельтгеме, рассказывает о случаях, когда некоторым семьям отказывали решительно во всяком вспомоществовании, «потому что они посылают своих детей в школу».

** В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силой человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые как таковые предполагают механическую двигательную силу, происходит крупная перемена по отношению к рабочему, который приводит машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расходование его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, когда они тоже осуждаются на это истязание. Так, член комиссии Лондж наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть ленточный станок, а еще более юные дети должны были вертеть станки меньших размеров. «Это до чрезвычайности тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5th Report 1866», стр. 114, № 6). Об убийственных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет, там же и сл. страницы.

ством крупной промышленности насильственно прокладывает себе дорогу. Оно выражается, между прочим, в том ужасном факте, что огромная часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к элементарнейшим манипуляциям, целые годы подвергается эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике. Например, в английских типографиях раньше был в обычае соответствующий системе старой мануфактуры и ремесла переход учеников от сравнительно легких к более содержательным работам. Ученики проходили курс учения, пока не делались обученными типографщиками. Умение читать и писать было для всех необходимым условием для вступления в ремесло. Все это изменилось с появлением печатной машины. Она требует двоякого рода рабочих: взрослого рабочего, надсмотрщика за машиной, и малолетних, обыкновенно 11—17-летних мальчиков, работа которых состоит исключительно в том, чтобы вкладывать в машину лист бумаги или принимать из нее отпечатанный лист. Они, особенно в Лондоне, заняты этой утомительной работой в некоторые дни недели по 14, 15, 16 часов без перерыва, а часто 36 часов кряду всего с двумя часами перерыва на еду и сон! * Огромная часть из них не умеет читать, они, как общее правило, совершенно одичалые, ненормальные существа. «Чтобы сделать их способными к их работе, совершенно не требуется какого бы то ни было интеллектуального воспитания; у них мало возможности для приобретения искусства и еще меньше — для развития; их заработная плата, хотя до известной степени и высокая для мальчиков, не повышается по мере того, как они становятся взрослыми, и у подавляющего большинства нет никаких шансов занять более доходное и ответственное положение надсмотрщика за машиной, потому что на каждую машину приходится всего один надсмотрщик и часто 4 подростка» **. Когда они становятся слишком взрослыми для своего детского труда, именно достигают самое большее 17 лет, их увольняют из типографии. Они становятся кандидатами в преступники. Некоторые попытки доставить им какие-либо другие занятия разбивались по их невежество, грубость, физическую и интеллектуальную отсталость.

То, что сказано относительно мануфактурного разделения труда внутри мастерской, сохраняет свое значение и для разделения труда внутри общества. Пока ремесло и мануфактура образуют всеобщий базис общественного производства, подчинение производителя исключительно одной известной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий *** явля-

---

* «Children's Employment Commission. 5th Report 1866», стр. 3, № 24.

** Там же, стр. 7, № 60.

*** «В некоторых частях горной Шотландии... многие пастухи овец и коттеры с женами и детьми, согласно статистическим отчетам, ходили в башмаках, которые

ются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства эмпирически находит соответствующий ей технический строй, медленно совершенствует его и быстро кристаллизует его, как только достигнута известная степень зрелости. Время от времени происходят изменения, которые вызываются кроме нового материала труда, доставляемого торговлей, постепенным изменением инструмента труда. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, застывает и рабочий инструмент, как это показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого. Характерно, что до XVIII века отдельные ремесла назывались *mysteries* (*mystères*) [тайнами], в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный*. Крупная промышленность разорвала завесу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению другой и даже для посвященного в каждую отрасль. Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии. Пестрые, по-видимому лишенные внутренней связности и застывшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желательного полезного эффекта, области применения естествознания. Технология открыла также те немногие великие основные формы движения, в которых неизменно движется вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты,— подобно тому как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют постоянное повторение элементарных механических сил. Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консер-

---

они сами шили из кожи, выделанной ими самими, в одеждах, до которых не притрагивалась никакая другая рука, кроме их собственной, материал для которых они сами стригли с овец и лен для которых они сами возделывали. При изготовлении одежды едва ли употреблялись какие-либо купленные предметы, за исключением шила, иглы, наперстка и очень немногих частей железных инструментов, употребляемых при ткачестве. Краски добывались самими женщинами из деревьев, кустарников, трав и т. д.» (*Dugald Stewart: «Works»*, изд. Hamilton, т. VIII, стр. 327—328).

* В знаменитом «*Livre des métiers*» Этьена Буало предписывается между прочим, чтобы подмастерье при приеме его в мастера давал присягу «братски любить своих братьев по ремеслу, поддерживать их, добровольно не выдавать тайн ремесла и, даже в интересах всего цеха, не обращать внимания покупателя на недостатки продуктов других с целью отрекомендовать свой собственный товар».

вативен* Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства** и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие неистово проявляется в непрерывных гекатомбах рабочего класса, непрерывном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь пролагает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия***, то, с другой стороны, сама крупная промышленность

* «Буржуазия не может существовать, не революционизируя постоянно орудий производства, следовательно производственных отношений, а стало быть — и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было неизменное сохранение старого способа производства. Беспредельные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличает буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все застывшее, покрывшееся ржавчиной отношения вместе со всею их свитою веками освещенных представлений и воззрений разрушаются, все возникающие вновь стареют, прежде чем успеют окостенеть. Все сословное и застойное испаряется, все священное оскверняется, и люди, наконец, вынуждены трезво взглянуть на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» (*F. Engels und Karl Marx: «Manifest der Kommunistischen Partei»*. London 1848, стр. 5). [Ср. *К. Маркс и Ф. Энгельс: «Манифест Коммунистической партии»*. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 4, стр. 427.]

**

«You take my life,

When you do take the means whereby I live».

[«Лишая средств для жизни — жизни всей лишаете.»]

(*Шекспир* [Соч., т. II, Госиздат, 1930, «Венецианский купец», русск. перевод П. Вейнберга, стр. 296]).

*** Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, чтобы я был способен заниматься всеми промыслами, которыми я действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не гожусь, кроме книгопечатания... Попав в недра этого мира авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем вы рубаху, — поверьте! — я действовал, как остальные. Так как дело рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был типографщиком, кровельщиком, литейщиком из свинца и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» (*A. Corbon: «De l'Enseignement professionnel»*, изд. 2-е, стр. 50).

своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичной рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — «*écoles d'enseignement professionnel*» [профессиональные школы], в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «*Ne sutor ultra crepidam!*» [«Сапожник, знай свои козодки!»] Это *pes plus ultra* ремесленной мудрости превратилось в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, ювелирный рабочий Фултон — пароход*.

---

* Джон Беллерс, истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию и атрофию на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он прекрасно замечает между прочим: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем ученье праздности... Физический труд — первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни, потому что те неприятности, от которых человек спасается праздностью, постигнут его в виде болезни... Труд прибавляет масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее... Пустой детский труд (это — пророческие возражения Базедову и его современным подгололкам) оставляет детский ум пустым» («*Proposals for raising a College of Industry of all useful Trades and Husbandry*». London 1696, стр. 12, 14, 16, 18).

Пока фабричное законодательство регулирует труд на фабриках, мануфактурах и т. д., это представляется сначала просто вмешательством в эксплуататорские права капитала. Напротив, всякое регулирование так называемой работы на дому * с самого начала выступает как прямое вторжение в patria potestas [в права отца], т. е., выражаясь современным языком, в родительскую власть,— шаг, от которого деликатный английский парламент долгое время отшатывался с аффектированным содроганием. Однако сила фактов заставила, наконец, признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. Необходимо было провозгласить право детей. «К несчастью,— говорится в заключительном отчете «Children's Employment Commission» 1866 г.,— из всех свидетельских показаний ясно одно: что ни от кого до такой степени не нуждаются дети обоего пола в защите, как от своих родителей». Система безмерной эксплуатации труда детей вообще и их домашнего труда в особенности «поддерживается тем, что родители без всякого удержки и контроля пользуются своей произвольной и пагубной властью над своим молодым и нежным потомством... У родителей не должно быть абсолютной власти превращать своих детей в простые машины для добывания такого-то еженедельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо» **. Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, однако же нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из

---

* Она, впрочем, носит тот же характер в значительной степени и в том случае, если совершается в мелких мастерских, как мы видели это на примерах кружевной мануфактуры и плетения из соломы и как можно было бы обстоятельнее показать в особенности на примере металлических мануфактур в Шсф-фильде, Бирмингеме и т. д.

** «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. XXV, № 162, и 2nd Report, стр. XXXVIII, № 285, 289; стр. XXV, XXVI, № 191.

лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития *.

Необходимость превратить фабричный закон из закона исключительно для прядильных и ткацких фабрик, этих первообразованных машинного производства, в общий закон всего общественного производства вытекает, как мы видели, из хода исторического развития крупной промышленности, на заднем плане которой переживает полную революцию традиционный строй мануфактуры, ремесла и работы на дому: мануфактура постоянно превращается в фабрику, ремесло в мануфактуру, и, наконец, сферы ремесла и работы на дому в поразительно короткое время превращаются в жалкие трущобы, в которых капиталистическая эксплуатация свободно справляет свои чудовищные, бешеные оргии. Два обстоятельства играют, в конце концов, решающую роль: во-первых, постоянно вновь повторяющееся наблюдение, что капитал, поскольку он подпадает под контроль государства только на некоторых пунктах общественной периферии, тем непомернее вознаграждает себя на других пунктах **; во-вторых, вопль самих капиталистов о равенстве условий конкуренции, т. е. о равных границах для эксплуатации труда ***. Выслушаем пару глубоких вздыханий на этот счет. Гг. В. Куксли (фабриканты гвоздей, цепей и т. д. в Бристоле) добровольно провели в своем предприятии ограничение рабочего дня. «Так как старая нерегулируемая система продолжает существовать на соседних предприятиях, то им приходится терпеть такую несправедливость, что их рабочих-подростков соблазняют (enticed) в каком-либо другом месте на то, чтобы они работали после 6 часов вечера». «Это,— естественно заявляют они,— несправедливость по отношению к нам и убыток для нас, потому что таким образом истощается часть силы подростков, барыш от которой целиком должен принадлежать нам» ****. Г-н Дж. Симпсон (фабрикант бумажных мешков и бумажных коробок в Лондоне) заявляет членам «Children's Employment Commission»: «Он готов подписаться под какой угодно петицией в пользу введения фабричных актов. При теперешнем положении он постоянно испытывает беспокойство по ночам («he always felt restless at night»), после закрытия мастерской, при мысли, что другие заставляют работать дольше и выхватывают у него заказы из-под носа» *****. «Было бы,— говорит «Children's

* «Фабричный труд может быть столь же чист и приятен... как домашний труд, а вероятно даже в еще большей мере» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 129).

** «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», стр. 27, 32.

*** Многочисленные иллюстрации этого в «Reports of Insp. of Fact.»

**** «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. X, № 35.

***** «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. IX, № 28.

Employment Commission», подводя итог,— несправедливо по отношению к крупным предпринимателям подчинить их фабрики регулированию, в то время как в их собственной отрасли производства мелкие предприятия не подвергаются никакому законодательному ограничению рабочего времени. К несправедливости неравных условий конкуренции, вытекающей из того, что на мелкие мастерские не распространяется ограничение числа рабочих часов, для более крупных фабрикантов присоединяется еще та невыгода, что предложение труда подростков и женщин отклоняется от них к мастерским, поощренным фабричными законами. Наконец, это послужило бы толчком к увеличению числа мелких мастерских, которые почти сплошь наименее благоприятны в отношении здоровья, удобства, воспитания и общего улучшения в положении народа»*.

В своем заключительном отчете «Children's Employment Commission» предлагает распространить фабричный акт более чем на 1 400 000 детей, подростков и женщин, из которых почти половина эксплуатируется мелким производством и системой работы на дому**. «Если,— говорит комиссия,— парламент примет наше предложение в полном объеме, то подобное законодательство окажет, несомненно, самое благотворное влияние не только на малолетних и слабых, которых оно касается в первую очередь, но и на огромную массу взрослых рабочих, которые прямо (женщины) или косвенно (мужчины) войдут в сферу его действия. Оно принудило бы их к урегулированному и сокращенному рабочему времени; оно стало бы сберечь и накапливать тот запас физической силы, от которого до такой степени зависит их собственное благосостояние и благосостояние страны; оно защитило бы подрастающее поколение от чрезмерного напряжения в раннем возрасте, которое расшатывает их организм и приводит к преждевременной дряхлости; оно, наконец, дало бы детям, по крайней мере до 13 лет, возможность получить начальное обучение и таким

* «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. XXV, № 165—167. О преимуществах крупного производства по сравнению с карликовым ср. «Children's Employment Commission. 3rd Report», стр. 13, № 144; стр. 25, № 121; стр. 26, № 125; стр. 27, № 140 и т. д.

** Отрасли промышленности, на которые должно было быть распространено действие фабричных законов, таковы: кружевная мануфактура, чулочновязальное производство, соломоплетение, мануфактура принадлежностей одежды с ее многочисленными видами, производство искусственных цветов, производство башмаков, шляп и перчаток, портняжный промысел, все металлические фабрики — от доменных печей и до фабрик иголок и т. д., бумажные фабрики, стекольные мануфактуры, табачные мануфактуры, резиновое производство, фабрикация бёрд (для ткачества), ручное тканье ковров, зонтичная мануфактура, фабрикация веретен и шпуль, книгопечатание, переплетное дело, торговля писчебумажными принадлежностями (Stationery, причем сюда относится также приготовление бумажных коробок, карт, красок для бумаги и т. д.), канатное производство, мануфактура агатовых украшений, кирпичные заводы, шелковые мануфактуры с ручным трудом, производство шелковых лент [Coventry-Weberei], солеваренные, свечные и цементные заводы, сахаро-рафинадное производство, производство бисквитов, различные деревообделочные и другие смешанные работы.

образом положило бы конец невероятному невежеству, которое так верно изображено в отчетах комиссии и на которое можно смотреть лишь с мучительной болью и глубоким чувством национального унижения»*. Торийское министерство в тронной речи 5 февраля 1867 г. возвестило, что оно формулировало в «биллях» предложения комиссии по обследованию промышленности**. Для этого ему потребовался новый двадцатилетний экспериментum in cogroge vilii [эксперимент на живом теле, не имеющем ценности]. Уже в 1840 г. была назначена парламентская комиссия для обследования детского труда. Ее отчет 1842 г., по словам Н. У. Сениора, развернул «такую ужаснейшую картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, деградации и разрушения организма детей и подростков, какую едва ли когда-либо видывал мир... Можно было бы утешиться, если бы отчет описывал ужасы прошлого времени. Но, к сожалению, перед нами сообщение о том, что эти ужасы продолжают с такой же интенсивностью, как и когда-либо раньше. Одна брошюра, два года тому назад изданная Хардуиком, заявляет, что печальные злоупотребления 1842 г. остаются в полной силе и в настоящее время (1863 г.)... Этот отчет (1842 г.) пролежал без внимания двадцать лет, в течение которых детям, выросшим без малейшего представления как о том, что мы называем моралью, так и о школьном образовании, религии, естественной семейной любви,—этим детям позволили стать родителями теперешнего поколения»***.

Между тем общественное положение изменилось. Парламент не отважился отвергнуть требования комиссии 1863 г. так, как он в свое время отверг требования 1842 г. Поэтому уже в 1864 г., когда комиссия обнародовала лишь часть своих отчетов, промышленность изделий из глины (включая и гончарную), фабрикация обоев, зажигательных спичек, патронов и пистонов, равно как стрижка бархата, были подчинены законам, до того времени распространявшим свое действие на текстильную промышленность. В тронной речи 5 февраля 1867 г. тогдашний торийский кабинет возвестил дальнейшие билли, основанные на заключительных предложениях комиссии, которая между тем в 1866 г. закончила свои работы.

---

* «Children's Employment Commission. 5th Report», стр. XXV, № 169.

** Factory Acts Extension Act [Дополнительный закон о распространении фабричного акта на новые отрасли промышленности] прошел 12 августа 1867 г. Он регулирует все металлолитейные, кузнечные и металлообрабатывающие заводы, включая фабрики машин, далее стекольные, бумажные, гуттаперчевые, каучуковые, табачные мануфактуры, книгопечатни, переплетные, наконец все мастерские, в которых занято более 50 человек. — Hours of Labour Regulation Act [Акт, регулирующий часы труда], прошедший 17 августа 1867 г., регулирует более мелкие мастерские и так называемую работу на дому.

К этим законам, к новому Mining Act [Акту о рудниках и копях] 1872 г. и т. д. я вернусь во II томе.

*** Senior: «Social Science Congress» [Edinburgh 1863], стр. 55—58.

15 августа 1867 г. Factory Acts Extension Act [Дополнительный закон о распространении фабричного акта на новые отрасли промышленности], а 21 августа того же года Workshops' Regulation Act [Акт о регулировании мастерских] получили королевское утверждение; первый закон регулирует крупные, последний — мелкие предприятия.

Factory Acts Extension Act подчиняет фабричному закону доменные печи, железо- и медеделательные заводы, литейные заводы, фабрики машин, металлические мастерские, фабрики гуттаперчи, бумаги, стекла, табака, далее печатные и переплетные заведения и вообще все промышленные мастерские этого рода, если в них 50 или более человек одновременно заняты не менее 100 дней в году.

Чтобы дать некоторое представление о размерах области, охваченной этим законом, приведем некоторые из установленных им определений:

«*Ремесло* должно означать (в этом законе): всякий ручной труд, который производится как профессия или промысел для или по случаю изготовления, изменения, украшения, починки или окончательной отделки какого-либо предмета или части предмета, предназначенного на продажу.

«*Мастерская* должна означать: всякую комнату или место, крытое или под открытым небом, в которых известным «ремеслом» занят ребенок, подросток или женщина и по отношению к которым лицо, дающее занятие такому ребенку, подростку или женщине, имеет право входа и контроля.

«*Занятый* должно означать: работающий в известном «ремесле», за плату или без платы, у мастера или у одного из родителей, как подробнее определено ниже.

«*Родители* должно означать: отец, мать, опекун или другое лицо, которому принадлежит опека или наблюдение над каким-либо... ребенком или подростком».

Статья 7 относительно наказаний за занятие детей, подростков и женщин вопреки постановлениям этого закона налагает денежные штрафы не только на собственника мастерской, будет ли то один из родителей или нет, но и «на родителей и других лиц, под опекой которых находится ребенок, подросток или женщина или которые извлекают прямую выгоду из их труда».

Factory Acts Extension Act, распространяющийся на крупные заведения, далеко уступает основному фабричному акту вследствие множества жалких исключений и трусливых компромиссов с капиталистами.

Workshops' Regulation Act, жалкий во всех своих деталях, остался мертвой буквой в руках городских и местных властей, на которые было возложено его проведение. Когда же в 1871 г. парламент освободил их от этого полномочия и передал его фабричным инспекторам, сфера контроля которых одним ударом увеличилась поэтому более чем на 100 000 мастерских и на 300 од-

них только кирпичных заводов, то персонал инспекторов был великодушно увеличен всего лишь на восемь помощников, хотя и до того времени он был слишком малочислен *

Таким образом, в этом английском законодательстве 1867 г. бросаются в глаза, с одной стороны, вынужденная у парламента господствующих классов необходимость признать в принципе столь чрезвычайные и широкие меры против крайностей капиталистической эксплуатации, а с другой стороны, половинчатость, неохота и *mala fides* [нечестность], с которыми парламент потом осуществлял их на практике.

Следственная комиссия 1862 г. предложила также новое регулирование горной промышленности — промышленности, которая от всех остальных отличается тем, что в ней интересы землевладельцев и промышленных капиталистов идут рука об руку. Противоположность этих двух групп интересов благоприятствовала фабричному законодательству; отсутствия этой противоположности достаточно для того, чтобы объяснить отяжки и ухищрения в области горнопромышленного законодательства.

Следственная комиссия 1840 г. сделала такие ужасные и возмущающие разоблачения и вызвала такой скандал на всю Европу, что парламент должен был успокоить свою совесть Mining Act'ом [Актом о рудниках и копях] 1842 г., который ограничился тем, что женщинам и детям до 10 лет воспретил работу под землей.

Затем в 1860 г. явился Mines' Inspection Act [Акт о горной инспекции], согласно которому шахты подчиняются инспекции специально назначенных для того государственных чиновников и воспрещается принимать на работу мальчиков 10—12 лет, если у них нет школьного свидетельства или если они не будут посещать школу в течение известного числа часов. Этот акт остался совершенно мертвой буквой вследствие курьезно ничтожного числа назначенных инспекторов, ничтожества их полномочий и других причин, которые будут подробнее выяснены в дальнейшем ходе изложения.

Одна из новейших Синих книг о горной промышленности — «Report from the Select Committee on Mines, together with... Evidence, 23 July 1866». Это — работа комитета, составленного из членов нижней палаты и уполномоченного приглашать и выслушивать свидетелей; толстый том *in folio*, в котором сам «Report» [отчет] занимает всего пять строк такого содержания: комитет ничего не может сказать, необходимо допросить еще больше свидетелей!

Способ допроса свидетелей напоминает *cross examinations* [перекрестный допрос] в английских судах, где адвокат бесстыд-

---

* Персонал фабричной инспекции состоял из 2 инспекторов, 2 помощников и 41 субинспектора. Новые 8 субинспекторов были назначены в 1871 г. Общая сумма расходов на осуществление фабричных законов в Англии, Шотландии и Ирландии составляла в 1871—1872 гг. всего лишь 25 347 ф. ст., включая сюда и судебные издержки на процессы против нарушений закона.

ными, спутывающими, во всех направлениях задаваемыми вопросами старается сбить свидетеля с толку и извратить его слова. Здесь же адвокаты — сами члены парламентской следственной комиссии, в том числе собственники и эксплуататоры рудников; свидетели — горнорабочие, по большей части из каменноугольных копей. Весь фарс настолько характерен для духа капитала, что невозможно не привести здесь несколько выдержек. Для облегчения обзора я распределяю результаты обследования и т. п. по рубрикам. Напомню, что вопросы и обязательные ответы в английских Синих книгах перенумерованы и что свидетели, показания которых здесь цитируются, — рабочие каменноугольных копей.

1) Работа малолетних от 10-летнего возраста в коях. Работа, включая дорогу на копи и обратно, обыкновенно продолжается 14—15 часов, в исключительных случаях дольше, с 3, 4, 5 часов утра до 4—5 вечера (№ 6, 452, 83). Взрослые рабочие работают в две смены, по 8 часов, но для малолетних, чтобы сократить издержки, нет никаких таких смен (№ 80, 203, 204). Маленькими детьми пользуются преимущественно для открывания и закрывания дверей в разных отделениях копи, детьми постарше — для более тяжелых работ, перевозки угля и т. д. (№ 122, 739, 740). Долгий рабочий день при подземных работах существует до 18—22-летнего возраста, когда совершается переход к собственно углекопной работе (№ 161). Детей и подростков теперь более сурово истязают работой, чем в какой-либо из прежних периодов (№ 1663—1667). Углекопы почти единогласно требуют парламентского акта, который воспретил бы труд в шахтах для не достигших 14-летнего возраста. И вот здесь Хэсси Вивизэн (сам эксплуататор угольной копи) задает вопрос: «Не зависит ли это требование от большей или меньшей бедности родителей?» — И потом мистер Брюс: «Не жестоко ли было бы, в случае, когда отец умер или искалечен и т. д., отнимать у семьи этот источник дохода? А ведь надо предполагать, что воспрещение будет иметь общий характер... Желаете ли вы подземные работы детей до 14-летнего возраста воспретить во всех случаях?» Ответ: «Во всех случаях» (№ 107 по 110). Вивизэн: «Если работа до 14 лет будет воспрещена в шахтах, не станут ли родители посылать детей на фабрики и т. д.? — Как общее правило, нет» (№ 174). Рабочий: «Открывание и закрывание дверей кажется легким. Но это очень мучительная работа. Не говоря уже о постоянной тяге воздуха, дети посажены, точно в тюрьму, в какой-то темный карцер». Буржуа Вивизэн: «Не может ли ребенок, сидя у дверей, читать, если у него будет свечка? — Во-первых, ему пришлось бы купить свечку. Да кроме того ему и не позволили бы этого. Его приставили затем, чтобы следить за своим делом, он должен исполнять известную обязанность. Я никогда не видал, чтобы какой-нибудь мальчик читал в копи» (№ 139, 141, 143, 158, 160).

2) Воспитание. Горнорабочие требуют закона об обязатель-

ном обучении детей, как это установлено на фабриках. Они заявляют, что статья акта 1860 г., которая школьное свидетельство делает необходимым условием для приема на работу мальчиков 10—12 лет, чисто иллюзорна. «Карательный» допрос, проводимый капиталистическими следователями, становится здесь поистине курьезным. «Против кого более необходим акт — против предпринимателей или против родителей? — Против тех и других» (№ 115). «Более против одних, чем против других? — Что мне ответить на это?» (№ 116). «Обнаруживают ли предприниматели какое-либо стремление сообразовать часы труда с посещением школы? — Никогда» (№ 137). «Не пополняют ли потом горнорабочие свое воспитание? — В общем они становятся хуже; они приобретают плохие привычки; они получают пристрастие к пьянству, игре и т. п. и совсем опускаются» (№ 211). «Почему не посылают детей в вечерние школы? — В большинстве каменноугольных округов таких вовсе нет. А, главное, — дети настолько изнурены чрезмерным долгим трудом, что глаза у них смыкаются от усталости» (№ 454). «Следовательно, — заключает буржуа, — вы против образования? — Все нет, но», и т. д. «Не обязывает ли акт 1860 г. владельцев рудников и т. д. требовать школьные свидетельства, если они нанимают детей в возрасте от 10 до 12 лет? — Закон — да, но предприниматели этого не делают». «Вы полагаете, что это постановление закона не всегда исполняется? — Оно вовсе не исполняется» (№ 443, 444). «Сильно ли горнорабочие интересуются вопросом о воспитании? — Огромное большинство» (№ 717). «Заботит ли их проведение этого закона? — Огромное большинство» (№ 718). «Почему же они не настоят на его проведении? — Иной рабочий хотел бы мальчиков без школьного свидетельства не допускать до работы, но он будет за это на замечании (a marked man)» (№ 720). «У кого на замечании? — У своего предпринимателя» (№ 721). «Но вы не думаете, что предприниматели будут преследовать человека за подчинение закону? — Я думаю, они поступили бы так» (№ 722). «Почему рабочие не отказываются применять труд таких мальчиков? — Это не предоставлено их выбору» (№ 123). «Вы требуете вмешательства парламента? — Чтобы достигнуть чего-либо действительного для воспитания детей горнорабочих, это необходимо провести принудительно, парламентским актом» (№ 1634). «Должно ли это распространяться на детей всех рабочих Великобритании или только на горнорабочих? — Я пришел сюда, чтобы говорить от имени горнорабочих» (№ 1636). «Чем дети горнорабочих отличаются от других? — Тем, что они — исключение из общего правила» (№ 1638). «В каком отношении? — В физическом» (№ 1639). «Почему бы воспитание могло представлять для них большую ценность, чем для мальчиков других классов? — Я не говорю, что оно для них ценнее, но вследствие чрезмерной работы в коях у них меньше возможности получать воспитание в дневных и воскресных школах» (№ 1640). «Не правда ли, ведь такие вопросы

нельзя трактовать абсолютно?» (№ 1644). «Достаточно ли школ в округах? — Нет» (№ 1646). «Если бы государство потребовало, чтобы всех детей посылали в школу, откуда же взять школы для всех детей? — Я думаю, что, если обстоятельства потребуют этого, школы уж будут устроены» (№ 1647). «Огромное большинство не только детей, но и взрослых рудокопов не умеет ни писать, ни читать» (№ 705, 726).

КАПИТАЛ Т. III*

К. Маркс, Капитал, т. III,
1955, стр. 311—312

Торговый рабочий непосредственно не производит прибавочной стоимости. Но цена его труда определяется стоимостью его рабочей силы, следовательно, издержками ее производства, тогда как проявление этой рабочей силы в действии, ее напряжение, расходование и снашивание, как и у всякого другого наемного рабочего, отнюдь не ограничено ее стоимостью. Поэтому его плата не стоит ни в каком необходимом отношении к массе прибыли, которую он помогает реализовать капиталисту. То, чего он стоит капиталисту, и то, что он ему приносит,— это различные величины. Он приносит ему прибыль не потому, что непосредственно создает прибавочную стоимость, а потому, что помогает уменьшать издержки реализации прибавочной стоимости, поскольку он выполняет отчасти неоплаченный труд. Собственно торговый рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому классу наемных рабочих, к тем, труд которых есть искусный труд, стоящий выше среднего труда. Между тем с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по отношению к труду среднего качества, отчасти вследствие разделения труда внутри конторы; отсюда должно получиться лишь одностороннее развитие трудоспособности, и издержки получения такой трудоспособности отчасти ничего не стоят капиталисту: искусство рабочего развивается самой функцией, и притом тем быстрее, чем одностороннее она становится с разделением труда. Во-вторых, вследствие того, что предварительное образование, знакомство с торговым делом, знание языков и т. д. с прогрессом науки и народного образования приобретаются все быстрее и легче, становятся все более общераспространенными, воспроизводятся тем дешевле, чем более капиталистический способ производства приспособляет методы обучения и т. д. к практическим целям. Распространение народного обучения позволяет вербовать этого рода рабочих из таких классов, которым раньше был закрыт доступ к этим про-

* Третий том «Капитала» подготовлен и опубликован Энгельсом в 1894 г. *Ред.*

фессиям, которые привыкли к сравнительно худшему образу жизни. К тому же оно увеличивает наплыв и вместе с тем конкуренцию. Поэтому, за некоторыми исключениями, с прогрессом капиталистического способа производства рабочая сила этих людей обесценивается; их заработная плата понижается, тогда как их способность к труду увеличивается. Капиталист увеличивает число таких рабочих в тех случаях, когда необходимо реализовать больше стоимости и прибыли. Увеличение такого труда постоянно является следствием, но отнюдь не причиной увеличения прибавочной стоимости*.

---

* Насколько оправдался впоследствии этот прогноз судьбы торгового пролетариата, данный в 1865 г., об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3—4 языками, тщетно предлагают свои услуги в Лондонском Сити по 25 шиллингов в неделю, — значительно ниже платы искусного механика-слесаря. Пробел в рукописи, занимающий две страницы, показывает, что предполагалось развить этот пункт еще подробнее. Впрочем, можно указать на книгу II, гл. VI («Издержки обращения»), стр. 105—113 [*К. Маркс*: «Капитал», т. II, стр. 126—133, изд. 1955 г.], где Маркс уже затронул многое, относящееся сюда. (*Примечание Энгельса.*)

1869 г.

К. МАРКС

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ЧЕТВЕРТОМУ
ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XIII, ч. I, 1936, стр. 322—323

...Базель до наших дней сохранил много особенностей средневекового города с его местными традициями, узкими предрассудками, чванными богачами-патрициями и патриархальной властью хозяина над рабочим. Еще несколько лет тому назад один базельский фабрикант хвастался секретарю английского посольства, что «отношения между хозяевами и рабочими здесь лучше, чем в Англии», что «в Швейцарии рабочего, который покинул бы хорошего хозяина ради лучшей заработной платы, *презирали бы его же товарищи рабочие*» и что «наше преимущество заключается главным образом в продолжительности рабочего дня и низкой заработной плате». Как видите, *патриархальность*, видоизмененная под влиянием современности, сводится к тому, что хозяин хорош, а заработная плата плоха, что рабочий чувствует себя, как средневековый вассал, а эксплуатируется, как современный наемный раб.

Об этой патриархальности можно судить и на основании произведенного швейцарскими властями обследования детского труда на фабриках и состояния начальных народных школ. Было установлено, что «в базельских школах воздух худший в мире, что тогда как на открытом воздухе на 10 000 частей приходится только 4 части углекислого газа, а в закрытых помещениях не должно быть больше 10 частей, в базельских общественных школах количество его возрастало до 20,81 части до полудня и до 53,94 после полудня». По этому поводу член базельского Большого совета г. Турнейзен хладнокровно заявил: «Не беспокойтесь! Родители прошли через такие же плохие школьные помещения, как и нынешние, и, однако, вышли из них живыми».

1871 г.

К. МАРКС

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК
«ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»

Архив Маркса и Энгельса, Партиздат,
1934, т. III(VIII), стр. 303

У Коммуны не было, конечно, времени реорганизовать народное просвещение (образование); но, очистив его от религиозных и клерикальных элементов, Коммуна сделала первый шаг в деле умственного раскрепощения народа. Она назначила комиссию для организации преподавания (начального (элементарного) и профессионального) (28 апреля). Она постановила, чтобы все учебные пособия, как-то: книги, карты, бумага и т. д.— выдавались бесплатно школьными учителями, которые должны получать их из соответствующих мэрий. За выдачу этих учебных пособий учителя ни под каким видом не могут взыскивать с учеников плату (28 апреля).

Т а м ж е, стр. 305

Так как профессора Медицинской школы бежали из Парижа, то Коммуна назначила комиссию для учреждения *вольных университетов*, уже не являющихся государственными паразитами; студентам, сдавшим экзамен, дается право практиковать без докторского звания (звание должно даваться факультетом).

Т а м ж е, стр. 343, 345

...При виде бедствий, обрушившихся на Францию во время этой войны, при виде ее национального падения и финансового разорения мелкая буржуазия чувствует, что не растленный класс тех, кто желает быть рабовладельцами Франции, а единственно лишь отважные устремления и геркулесова сила рабочего класса могут принести спасение!

Она чувствует, что лишь рабочий класс может освободить ее от господства попов, превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из прислужников классовых предрассудков, из корыстолюбивых государст-

венных паразитов и союзников капитала в свободных работников мысли! Наука может выполнять свою истинную роль только в республике труда.

Т а м же, стр. 353, 355

Здесь ⁶⁷ прямо утверждается, что правительство рабочего класса необходимо прежде всего для спасения Франции от гибели и разложения, угрожающих ей со стороны господствующих классов, что устранение этих классов (тех классов, которые утратили способность управлять Францией) от власти есть *необходимое условие национальной безопасности*.

Но не менее ясно высказано и то, что правительство рабочего класса сможет спасти Францию и совершить национальное дело только в том случае, если оно будет работать *для освобождения рабочего класса*, ибо условия этого освобождения являются вместе с тем и условиями возрождения Франции.

Рабочее правительство провозглашено как война труда против монополистических собственников средств труда, против капитала.

Шовинизм буржуазии есть лишь тщеславие, скрывающее под национальной маской ее собственные притязания. Шовинизм является средством увековечить, с помощью постоянных армий, международную борьбу и подчинить себе производителей в каждой отдельной стране, направляя их против их братьев в других странах; шовинизм является средством помешать международному сотрудничеству рабочего класса, которое является первым условием его освобождения. Истинный характер этого шовинизма (давно уже ставшей пустой фразой) выступил после Седана во время оборонительной войны, всячески парализуемой шовинистической буржуазией; он обнаружился в капитуляции Франции, в гражданской войне, которая ведется с разрешения Бисмарка под началом верховного жреца шовинизма Тьера! Он обнаружился в мелких полицейских интригах антигерманской Лиги, в травле иностранцев в Париже после капитуляции. Надеялись, что парижский народ (и весь французский народ) может быть одурманен страстью национальной ненависти и за искусственно разжигаемой враждой к иностранцам забудет свои действительные стремления и своих отечественных изменников!

Как развеялось (исчезло) все это искусственное движение перед дыханием революционного Парижа! Громко провозгласив свои интернациональные тенденции,— ибо дело производителя везде одно и то же, и его враг повсюду один и тот же, какова бы ни была его национальность (в каком бы национальном облачении он ни являлся),— Париж провозгласил в качестве принципа допущение иностранцев в состав Коммуны, он даже выбрал иностранного рабочего (члена Интернационала) в ее Исполнительный комитет, он декретировал разрушение символа французского шовинизма — Вандомской колонны!

И тогда как буржуазные шовинисты расчленили Францию и действуют под диктаторской командой иноземного завоевателя, парижские рабочие побили иноземного врага тем, что нанесли удар своим собственным классовым владыкам и уничтожили дробление на отдельные группы в своей среде, завоевав позицию передового отряда рабочих всех стран!

Подлинный патриотизм буржуазии — столь естественный для действительных собственников различных «национальных» имуществ⁶³ — выродился в чистое притворство с тех пор, как ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер. При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы наружу во всех странах так же, как прорвалось во Франции.

К. МАРКС

ВТОРОЙ НАБРОСОК
«ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»

Архив Маркса и Энгельса, Партиздат,
1934, т. III (VIII), стр. 423, 425

...Одно из нелепейших утверждений заключается в том, что центральные функции — не функции правительственной власти над народом, а функции, необходимость которых вызывается общими и обычными потребностями страны, — сделались бы невозможными. Эти функции продолжали бы существовать, но выполняющие их должностные лица не могли бы, как в старой правительственной машине, встать над действительным обществом, потому что эти функции должны были бы выполняться *коммунальными агентами* и, стало быть, всегда под действительным контролем. Общественные функции перестали бы быть частной собственностью, пожалованной центральным правительством своим агентам. С устранением постоянной армии и правительственной полиции была сломлена физическая сила угнетения. Роспуск всех церквей, как владельческих корпораций, и изгнание религиозного преподавания из всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного обучения) в убежища частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих, освобождение всех образовательных учреждений от правительственной опеки и порабощения, должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков. Муниципальные налоги устанавливались и взимались бы Коммуной, налоги для общегосударственных целей взимались бы коммунальными должностными лицами и расходовались бы самой Коммуной на общие нужды (их расходование на общие нужды контролировалось бы самой Коммуной).

К. МАРКС

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр.
произведения, Госполитиздат, 1955,
т. I, стр. 478

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для всех и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Т а м же, стр. 482—484

Когда Парижская Коммуна взяла на себя руководство революцией; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» — имущих классов, — именно на привилегию управления, они взялись за работу при неслыханно тяжелых условиях и исполняли ее скромно, добросовестно и успешно; высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, получаемого, по словам известного авторитета в науке *, секретарем лондонского школьного совета. Старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа республики труда, развевающегося над городской ратушей.

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к

---

* — профессор Гексли. (Примечание к немецкому изданию 1871 г.)

общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богатых капиталистов. Мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о должниках и кредиторах, — Коммуна спасла этот класс⁶⁹. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же за тем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, какой бы ярлык она ни носила. Империя разорила эту часть среднего класса экономически своим расхищением общественного богатства, покровительством биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала и вызываемой ею экспроприации значительной части этого среднего класса. Империя политически угнетала ее и нравственно возмущала своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, поручая воспитание ее детей «невежественным патерам»; она возмутила ее национальное чувство французов, ввергнув ее опрометчиво в эту войну, которая вознаградила за все причиненные бедствия только одним — ниспровержением империи. И действительно, после бегства из Парижа шайки высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная партия порядка среднего класса, выступившая под именем Республиканского союза, стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!» Самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету distinguished башибузуками европейской печати, было утверждение, что «помещичьи депутаты» являлись представителями французских крестьян. Не правда ли, как правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая любовь французских крестьян к людям, которым они после 1815 г. должны были уплатить миллиард вознаграждения! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного земельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 года. В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции; теперь они затеяли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тягость пятиллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам. Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что время войны должно нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от налога кровью, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судейских вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными

чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она избавила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы оупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. А французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным платить попам не из сумм, взимаемых сборщиками податей, а из добровольных пожертвований, размер которых зависел бы от степени набожности общины. Вот какие существенные блага обещало непосредственно господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам...

1872—1873 гг.

Ф. ЭНГЕЛЬС

К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Избр. произведения, Госполитиздат,
1955, т. I, стр. 521—522

...И именно благодаря этой промышленной революции * производительная сила человеческого труда достигла такой высоты, что стало возможно — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всех членов общества и для богатого запасного фонда, но и предоставлять каждому достаточно досуга, чтобы можно было из исторически унаследованной культуры — науки, искусства, форм общежития и т. д. — воспринять все то, что действительно имеет ценность, и не только воспринять, но и превратить это из монополии господствующего класса в общее благо всего общества и способствовать дальнейшему его развитию. В этом-то и заключается решающий пункт. Как только производительная сила человеческого труда развилась до такой высоты, — исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним основанием при защите классового различия было всегда следующее: должен существовать класс, которому не надо было бы повседневно изнурять себя добыванием хлеба насущного и который имел бы время заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, находившей себе до сих пор немалое историческое оправдание, раз навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия. Существование господствующего класса с каждым днем становится все большим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же — развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общежития. Больших невежд, чем наши современные буржуа, никогда не бывало.

---

* См. стр. 70 настоящей хрестоматии. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБ АВТОРИТЕТЕ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр.
произведения, Госполитиздат, 1955,
т. I, стр. 588—591

Некоторые социалисты начали в последнее время систематический крестовый поход против того, что они называют *принципом авторитета*. Достаточно им заявить, что тот или иной акт *авторитарен*, чтобы осудить его. Этим упрощенным приемом стали злоупотреблять до такой степени, что необходимо выяснить вопрос подробней. Авторитет в том смысле, о котором здесь идет речь, означает навязывание нам чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение. Но поскольку оба эти выражения звучат неприятно и выражаемое ими отношение тягостно для подчиненной стороны, спрашивается, нельзя ли обойтись без этого отношения, не можем ли мы — при существующих в современном обществе условиях — создать иной общественный строй, при котором этот авторитет окажется бесцельным и, следовательно, должен будет исчезнуть. Рассматривая экономические, промышленные и земледельческие отношения, лежащие в основе современного буржуазного общества, мы находим, что они имеют тенденцию все больше заменять разрозненные действия комбинированной деятельностью людей. Вместо небольших мастерских разрозненных производителей появилась современная промышленность с ее огромными фабриками и заводами, в которых сотни рабочих управляют сложными машинами, приводимыми в движение паром; дилижансы и повозки на больших дорогах вытеснены железнодорожными поездами, а маленькие парусные шхуны и фелюги — пароходами. Даже в земледелии все больше начинают господствовать машина и пар, медленно, но неуклонно заменяющие мелких собственников крупными капиталистами, которые обрабатывают с помощью наемных рабочих большие площади земли. Таким образом, комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинирован-

ная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?

Предположим, что социальная революция свергла капиталистов, авторитету которых подчиняется в настоящее время производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью тех рабочих, которые их используют. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму? Посмотрим.

Возьмем в качестве примера бумагопрядильню. Хлопок должен подвергнуться по крайней мере шести последовательным операциям, прежде чем он превратится в нить, и эти операции производятся по большей части в разных помещениях. Далее, для бесперебойного функционирования машин нужен инженер, наблюдающий за паровой машиной, нужны механики для ежедневных починок и много других рабочих для переноски продуктов из одного помещения в другое и так далее. Все эти рабочие — мужчины, женщины и дети — вынуждены начинать и кончать работу в часы, определяемые авторитетом пара, которому дела нет до личной автономии. Итак, рабочие прежде всего должны столкнуться относительно часов труда; а как только эти часы установлены, они уж обязательны для всех без исключения. Затем в каждом помещении ежеминутно возникают частные вопросы относительно способа производства, распределения материалов и т. д., которые требуется разрешать сейчас же, во избежание немедленного прекращения всего производства. И как бы ни разрешались эти вопросы, решаем ли выборного лица, возглавляющего каждую отрасль труда, или, если это возможно, большинством голосов, воля отдельных лиц всегда должна подчиняться, а это означает, что вопросы разрешаются авторитарно. Автоматический механизм большой фабрики оказывается гораздо более деспотическим, чем мелкие капиталисты, на которых работают рабочие. По крайней мере, что касается часов труда, то над воротами этих фабрик можно написать: *Lasciate ogni autonomia voi che entrate* *. Если человек наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими, настоящему деспотизму, независимо от какой-либо социальной организации. Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины для того, чтобы вернуться к прялке.

Возьмем другой пример — железную дорогу. Здесь также сотрудничество бесчисленного множества лиц безусловно необходимо; это сотрудничество должно осуществляться в точно установленные часы во избежание несчастных случаев. И здесь первым условием дела является господствующая воля, решающая

---

* Оставьте всякую автономию, вы, входящие сюда. *Ред.*

всякий подчиненный вопрос, — представлена ли эта воля одним выборным лицом или целым комитетом, которому поручено выполнять постановления большинства заинтересованных лиц. И в том и в другом случае налицо резко выраженный авторитет. Мало того: что стало бы с первым же отправляемым поездом, если бы был уничтожен авторитет железнодорожных служащих по отношению к господам пассажирам?

Но как нельзя более очевидна необходимость авторитета — и притом авторитета самого властного — на корабле в открытом море. Там в момент опасности жизнь всех зависит от немедленного и беспрекословного подчинения всех воле одного.

Если я выдвигаю эти аргументы против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, а об известном поручении». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя. Эти глубокие мыслители просто-напросто смеются над нами.

Итак, мы видели, что, с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение — независимо от какой бы то ни было общественной организации — обязательны для нас в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов.

С другой стороны, мы видели, что материальные условия производства и обращения неизбежно усложняются вместе с развитием крупной промышленности и крупного земледелия и стремятся ко все большему расширению сферы этого авторитета. Нелепо поэтому изображать принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития. Если бы автономисты хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столкнуться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те со-

циальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или — или. Или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции.

1873 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XIII, ч. II, 1940, стр. 595—596

В 1861 г. в ответ на фискальные меры, имевшие целью лишить неимущую молодежь доступа к высшему образованию, и на дисциплинарные мероприятия, стремившиеся подчинить ее произволу полиции, студенты подготовили энергичный и единодушный протест, который с их собраний был перенесен на улицу и вылился во внушительные манифестации⁷⁰. Санкт-Петербургский университет был после этого на некоторое время закрыт, а студенты были заключены в тюрьму или сосланы. Такое поведение правительства толкнуло молодежь в тайные общества, что для значительного числа из них окончилось, разумеется, тюремным заключением, ссылкой, отправкой в Сибирь. Другие, чтобы раздобыть нуждающимся студентам средства для продолжения образования, основали кассы взаимопомощи. Наиболее серьезные из них решили не давать более правительству никакого повода к закрытию этих касс, организованных так, чтобы заведовать ими могли небольшие кружки. Деловые собрания этих кружков давали вместе с тем возможность обсуждать политические и социальные вопросы. Русская учащаяся молодежь, состоящая по большей части из детей крестьян и других неимущих людей, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что она мечтала уже о немедленном их осуществлении. С каждым днем это движение в учебных заведениях все больше разрасталось и вливалось в русское общество массу неимущей, вышедшей из простого народа, образованной и проникнутой социалистическими идеями молодежи. Теоретиком этого движения был Чернышевский, в настоящее время находящийся в Сибири...

Т а м ж е, стр. 642

...В марте 1861 г. русская студенческая молодежь решительно высказалась за освобождение Польши; осенью 1861 г. она пыта-

лась оказать сопротивление повороту в политике правительства, направленному к тому, чтобы путем ряда дисциплинарных и фискальных мер лишить неимущих студентов (составлявших свыше двух третей общего числа) возможности получать высшее образование. Правительство объявило их протесты бунтом; в Петербурге, Москве и Казани сотни юношей были брошены в тюрьмы, изгнаны из университетов или исключены после трехмесячного заключения. Из страха, чтобы эта молодежь не усилила недовольства крестьян, постановлением Государственного Совета бывшим студентам было запрещено занимать какие-либо общественные должности в деревне. Но преследования этим не кончились. Выслали таких профессоров, как, например, Павлов; закрыли публичные курсы, организованные исключенными из университета студентами; предпринимают новые преследования под самыми пустыми предлогами; «Касса взаимопомощи учащейся молодежи», только что разрешенная, была внезапно закрыта; приостанавливают периодические издания. Все это довело до крайности негодование и возбуждение радикальной партии и заставило ее прибегнуть к подпольной печати. И тогда появился манифест этой партии, озаглавленный «Молодая Россия»⁷¹, с эпиграфом из Роберта Оуэна. Этот манифест содержал ясное и точное описание внутреннего положения страны, состояния различных партий, положения печати и, провозглашая коммунизм, делал вывод о необходимости социальной революции. Он призывал всех серьезных людей сплотиться вокруг радикального знамени.

1875 г.

К. МАРКС

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ⁷²

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Избр. произведения, Госполитиздат,
1955, т. II, стр. 25—27

Б. «В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и *равного для всех народного воспитания* через посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения».

Равное для всех народное воспитание? Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе (а только о нем и идет речь) воспитание для всех классов может быть *равным*? Или требуют, чтобы и высшие классы были принудительным образом низведены до скромного уровня воспитания — народной школы, — единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?

«Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе — в Швейцарии и Соединенных Штатах в отношении народной школы. Если в некоторых штатах Северной Америки обучение в высших учебных заведениях также «бесплатно», то фактически это означает только, что высшие классы покрывают расходы по своему воспитанию из общих налоговых средств. Заметим мимоходом, что то же самое относится к «бесплатному судопроизводству», которого требует пункт А, 5. Уголовная юстиция повсюду бесплатна; гражданская же юстиция занята почти исключительно конфликтами из-за собственности, следовательно, касается почти исключительно имущих классов. Что же, предложить им вести свои процессы за счет народных средств?

Параграф, относящийся к школам, должен был бы по меньшей мере требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой.

Никуда не годится «народное воспитание через посредство государства». Определять общим законом расходы на народные

школы, квалификацию преподавательского персонала, учебные дисциплины и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона — нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа! Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, что речь идет о «государстве будущего», — мы видели, как в этом отношении обстоит дело), наоборот, государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа.

Но вся программа, несмотря на всю демократическую трескотню, насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса, или, вернее, она является компромиссом между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму.

«Свобода науки» — так гласит один из параграфов прусской конституции. Зачем он здесь?

«Свобода совести!» Если теперь, во время «культуркампа»⁷³, хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: «Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос». Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Однако у нас не желают переступить «буржуазный» уровень.

Я подошел теперь к концу, так как следующее далее в программе добавление не является существенной ее частью. Ограничусь здесь поэтому лишь краткими замечаниями.

2. «Нормальный рабочий день».

Ни в одной другой стране рабочая партия не ограничивалась таким неопределенным требованием, но всегда указывала точно, какую продолжительность рабочего дня она при данных условиях считает нормальной.

3. «Ограничение женского и запрещение детского труда».

Нормирование рабочего дня должно уже включать ограничение женского труда, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и пр.; помимо того, оно может означать лишь запрещение женского труда в тех отраслях

производства, которые особенно вредны для женского организма или же для женщин несовместимы с нравственностью. Если подразумевали именно это, то так и следовало сказать.

«Запрещение детского труда». Здесь абсолютно необходимо было указать предельный возраст.

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием.

Проведение этой меры,— если бы оно было возможно,— было бы реакционно, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей, раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА А. БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

К. Маркс и Ф. Энгельс
Избранные письма, Госполитиздат,
1953, стр. 304

[Лондон,] 15 октября 1875 г.

Если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия. Там, как и у нас, правительство — главный союзник движения, но гораздо лучший союзник, чем наш Бисмарк и Штиберы-Тессендорфы. Русская придворная партия, которая теперь является, можно сказать, правящей, пытается взять назад все уступки, сделанные в течение «новой эры» 1861 г. и следующих за ним лет, и притом истинно русскими способами. Так, например, снова в университеты допускаются лишь «сыны высших сословий», и, чтобы провести эту меру, всех остальных проваливают на выпускных экзаменах. Эта судьба в одном лишь 1873 г. постигла не менее 24 000 молодых людей, вся карьера которых была тем самым испорчена, так как им даже запретили занимать места учителей в начальных школах! И после этого удивляются распространению «нигилизма» в России...

1877—1880 гг.

Ф. ЭНГЕЛЬС

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

ВВЕДЕНИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ*

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Избр. произведения, Госполитиздат,
1955, т. II, стр. 88—89

...Нельзя все же отрицать, что Бэкон, Гоббс и Локк были отцами той блестящей школы французских материалистов, которые, несмотря на все победы, одержанные немцами и англичанами на суше и на море над французами, сделали XVIII век преимущественно французским веком, и это — задолго до той венчающей конец этого века французской революции, результаты которой мы как в Англии, так и в Германии все еще стремимся акклиматизировать у себя.

Этого никак нельзя отрицать. Когда образованный иностранец переезжал в середине нашего столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали — иначе он и не мог воспринять это — религиозное ханжество и тупость английского «респектабельного» среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, и для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, как Бакленд и Мантелл, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам моисеевой легенды о сотворении мира. Казалось непостижимым то, что надо было идти к необразованной массе, к «неумытой толпе», как тогда выражались, — к рабочим, особенно к социалистам, последователям Оуэна, для того, чтобы найти людей, осмеливавшихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум.

Т а м ж е, стр. 93—94

...Я указал на тот факт, что лет сорок или пятьдесят назад каждого образованного иностранца, поселявшегося в Англии, неприятно поражило то, что ему должно было казаться религиоз-

* Введение написано Энгельсом в 1892 г. *Ред.*

ным ханжеством или ограниченностью английского «респектабельного» среднего класса. Я сейчас покажу, что респектабельный английский средний класс того времени был совсем не так глуп, как это казалось интеллигентному иностранцу. Религиозные стремления этого класса имеют свое объяснение.

Когда Европа вышла из средневековья, поднимавшаяся вверх городская буржуазия была его революционным элементом. Признанное положение, которое она завоевала себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для ее способности к расширению. Свободное развитие буржуазии стало уже несовместимо с феодальной системой, феодальная система должна была пасть.

Но крупным интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим греческим, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным владетелем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения. Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию.

Однако вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании.

Я коснулся, таким образом, лишь двух пунктов, в которых растущая буржуазия должна была прийти в столкновение с существующей церковью. Но этого будет достаточно, чтобы доказать, во-первых, что в борьбе против авторитета католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; во-вторых, что всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и деловых людей городов, то сильный отклик он неизбежно находил в массах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование.

...Генрих VIII массами создавал новых лендлордов из буржуазии, раздавая и продавая за бесценок церковные имения; к тому же результату приводили беспрерывно продолжавшиеся до конца XVII века конфискации крупных имений, которые затем раздавались выскочкам или полувыскочкам. Поэтому английская «аристократия» со времени Генриха VII не только не противодействовала развитию промышленности, но, наоборот, старалась извлечь из нее пользу. И точно так же всегда находилась такая часть крупных землевладельцев, которая из экономических или политических побуждений соглашалась на сотрудничество с вождями финансовой и промышленной буржуазии. Таким образом, легко мог осуществиться компромисс 1689 года. Политические трофеи — должности, sinecуры, высокие оклады — доставались на долю знатных родов земельного дворянства с условием: в достаточной мере соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового среднего класса. Эти экономические интересы уже тогда были достаточно могущественны; в конечном счете они определяли собой общую политику нации. Конечно, существовали раздоры по тому или другому отдельному вопросу, но аристократическая олигархия слишком хорошо понимала, что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленной и торговой буржуазии.

С этого времени буржуазия стала скромной, но признанной частью господствующих классов Англии. Вместе с остальными она была заинтересована в подавлении огромных трудящихся масс народа. Купец или фабрикант по отношению к своим приказчикам, своим рабочим, своей челяди сам занимал положение кормильца-хозяина, или, как еще недавно выражались в Англии, «естественного повелителя». Ему нужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества; с этой целью он должен был воспитывать их в надлежащей покорности. Он сам был религиозен; его религия доставила ему знамя, под которым он победил короля и лордов. Скоро он открыл в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысл божий. Короче говоря, английский буржуа с этого времени стал соучастником в подавлении «низших сословий» — огромной производящей народной массы, — и одним из применявшихся при этом средств было влияние религии.

Но сюда присоединилось еще другое обстоятельство, усилившее религиозные склонности буржуазии: расцвет материализма в Англии. Это новое безбожное учение не только приводило в ужас благочестивое среднее сословие, — оно в довершение всего объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и образованных людей, в противовес религии, которая достаточно

хороша для необразованной большой массы, включая сюда и буржуазию. Вместе с Гоббсом оно выступило на защиту королевского всемогущества и призывало абсолютную монархию к укрощению этого *puer robustus sed malitiosus* *, т. е. народа. Также и у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбери и пр.— новая, действительная форма материализма оставалась аристократическим эзотерическим ** учением, и поэтому материализм был ненавистен буржуазии не только за его религиозную ересь, но и за его антибуржуазные политические связи. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выдвинули также главные боевые силы прогрессивного среднего класса и еще сейчас составляют основной хребет «великой либеральной партии».

Тем временем материализм перекочевал из Англии во Францию, где он застал вторую материалистическую философскую школу, вышедшую из картезианской философии, с которой он и слился. И во Франции тоже он вначале оставался исключительно аристократическим учением. Но его революционный характер вскоре выступил наружу. Французские материалисты не ограничивали своей критики только областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким-то образом, в той или иной форме,— как открытый материализм или как деизм,— материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции. И влияние его было так велико, что во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и террористам теоретическое знамя и дало текст для «Декларации прав человека».

Т а м ж е, стр. 101—102

В Англии буржуазия никогда не обладала нераздельной властью. Даже ее победа в 1832 г.⁷⁴ оставила аристократии почти исключительное обладание всеми высокими правительственными должностями. Покорность, с которой богатый средний класс мирился с этим, оставалась мне непонятной до тех пор, пока в один прекрасный день крупный либеральный фабрикант, У. А. Форстер, не произнес речь, обращенную к брэдфордской молодежи, умоляя ее ради собственного блага изучать все-таки французский язык. При этом он рассказал, как глупо он себя чувствовал, когда, сделавшись министром, сразу попал в общество, где французский

* — здоровенного, но злонамеренного малого. *Ред.*

** — для посвященных. *Ред.*

язык был по меньшей мере так же необходим, как английский. И действительно, тогдашние английские буржуа были, как правило, совершенно необразованными выскочками, которые волей-неволей должны были предоставлять аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, сдобренные деловой изворотливостью*. Еще и теперь бесконечные газетные споры на тему о «middleclass education»** обнаруживают, что английская буржуазия все еще считает себя неподготовленной для лучшего воспитания, а ищет для себя чего-нибудь поскромнее. Поэтому казалось вполне естественным, что и после отмены хлебных законов⁷⁵ те люди, которые сумели добиться победы, эти Кобдены, Брайты, Форстеры и пр., были отстранены от всякого участия в правительстве страны, пока двадцать лет спустя новый акт о реформах не открыл им, наконец, двери министерства⁷⁶. Даже до сих пор английская буржуазия так глубоко проникнута сознанием своего более низкого общественного положения, что она на свои собственные и на народные деньги содержит парадную касту бездельников, которая должна во всех торжественных случаях достойно представлять нацию, причем буржуа считают для себя высшей честью, когда кто-нибудь из них признается достойным получить доступ в эту замкнутую корпорацию, сфабрикованную в конце концов самой же буржуазией.

Т а м же, стр. 103—104

Однако английские буржуа были хорошими дельцами и были дальновиднее германских профессоров. Только под давлением обстоятельств они делили свою власть с рабочими. Во время чартистского движения они научились понимать, на что способен на-

---

* Да и в деловых отношениях национально-шовинистическое чванство — очень плохой советник. До самого последнего времени заурядный английский фабрикант считал унижительным для англичанина говорить на другом языке, кроме своего собственного, и до некоторой степени гордился тем, что «бедняги»-иностранцы селятся в Англии и избавляют его от труда сбывать свои продукты за границей. Он даже не замечал того, что эти иностранцы, большей частью немцы, благодаря этому захватили в свои руки значительную часть английской внешней торговли — ввоз не менее, чем вывоз — и что непосредственная внешняя торговля англичан постепенно стала ограничиваться колониями, Китаем, Соединенными Штатами и Южной Америкой. Еще менее замечал он, что эти немцы торговали с другими немцами за границей, эти последние с течением времени образовали целую сеть торговых колоний по всему свету. Когда же сорок лет тому назад Германия начала серьезно производить на вывоз, эти немецкие торговые колонии сослужили ей прекрасную службу для превращения ее в столь короткий срок из страны, вывозящей хлеб, в перворазрядную промышленную страну. Тогда, наконец, лет десять тому назад, английского фабриканта охватило беспокойство, и он запросил своих послов и консулов, как это случилось, что он не в состоянии удержать своих клиентов. Единогласный ответ был таков: 1) вы не изучаете языка вашего покупателя, а требуете, чтобы он говорил на вашем языке, и 2) вы не только не пытаетесь удовлетворить потребности, привычки и вкусы вашего покупателя, но требуете еще, чтобы он принял ваши, английские. (*Примечание Энгельса.*)

** — «об образовании для буржуазии». *Ред.*

род, этот *ruer robustus sed malitiosus* *. С того времени буржуазии волей-неволей пришлось принять значительную часть требований Народной хартии, и они стали законом страны. Больше чем когда-либо важно было теперь держать народ в узде моральными средствами. Первым же и важнейшим средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия. Отсюда — поповское засилье в школьных управлениях, отсюда — возрастающее самообложение буржуазии для всевозможных способов благочестивой демагогии, начиная от обрядности и кончая «Армией спасения» ⁷⁷.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

Т а м же, стр. 119—126

II

Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за ней развилась новейшая немецкая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, самая универсальная голова среди них, исследовал уже существеннейшие формы диалектического мышления. Новая философия, хотя и в ней диалектика имела блестящих представителей (например, Декарт и Спиноза), напротив, все более и более погрязала, особенно под влиянием английской философии, в так называемом метафизическом способе мышления, почти исключительно овладевшем также французами XVIII века, по крайней мере в их специальной философских трудах. Однако вне пределов философии в собственном смысле слова они смогли оставить нам высокие образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми». — Остановимся здесь вкратце на существе обоих методов мышления.

Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества, или нашу духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой частности пока более или менее отступают на задний план, мы больше обращаем внимание на движение, на переходы и связи, чем на то, что именно движется, переходит, находится в связи. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как

* — здоровенный, но злонамеренный малый. *Ред.*

все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частных, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать отдельные стороны (частности), мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и так далее. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования, т. е. тех отраслей науки, которые, по вполне понятной причине, занимали у греков классических времен лишь второстепенное место, потому что грекам нужно было раньше накопить необходимый для этого материал. Только после того как естественнонаучный и исторический материал был в известной степени собран, можно было приступить к критическому отбору, сравнению, а сообразно с этим и разделению на классы, порядки и виды. Поэтому начатки точного исследования природы стали развиваться впервые лишь у греков александрийского периода ⁷⁸, а затем, в средние века, развивались дальше арабами. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов природы и природных вещей на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания за последние четыре столетия. Но тот же способ изучения оставил нам привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как изменяющиеся существенным образом, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления.

Для метафизика вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собою и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и действие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так назы-

ваемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический образ мышления хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновение и исчезновение, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса. Мы, например, в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложная вещь, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством. Невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология установила, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, одни клетки его организма отмирают, другие нарождаются, так что спустя известный период времени вещество данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов. Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. При более точном исследовании мы находим также, что оба полюса какой-нибудь противоположности — положительный и отрицательный — столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот.

Все эти процессы и все эти методы мышления не вмещаются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, которая берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, такие явления, как вышеприведенные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод

исследования. Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечислить естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей.

Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. И в этом именно духе выступила сразу же новейшая немецкая философия. Кант начал свою научную деятельность с того, что он превратил Ньютонову солнечную систему, вечную и неизменную, — после того как был однажды дан пресловутый первый толчок, — в исторический процесс: в процесс возникновения солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. При этом он уже пришел к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущую неизбежную гибель. Спустя полстолетия его взгляд был математически обоснован Лапласом, а еще полустолетием позже спектроскоп показал существование в мировом пространстве таких раскаленных газовых масс различных степеней сгущения.

Свое завершение эта новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пытался раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться нелепым клубком бессмысленных насилий, в равной мере достойных — перед судом созревшего ныне философского разума — лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса сре-

ди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, что гегелевская система не разрешила этой поставленной перед собой задачи; ее историческая заслуга состояла в том, что она поставила эту задачу. Задача же эта такова, что она никогда не может быть разрешена отдельным человеком. Хотя Гегель, наряду с Сен-Симоном, был самым универсальным умом своего времени, но он все-таки был ограничен, во-первых, неизбежными пределами своих собственных знаний, а во-вторых, знаниями и воззрениями своей эпохи, точно так же ограниченными в отношении объема и глубины. К этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира. Таким образом, все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена. И поэтому, как бы верно и гениально ни были схвачены Гегелем некоторые отдельные связи явлений, все же многое и в частности его системы должно было по упомянутым причинам оказаться натянутым, искусственным, надуманным, словом — извращенным. Гегелевская система как таковая была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде. А именно, она еще страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, ее существенной предпосылкой было воззрение на человеческую историю как на процесс развития, который по самой своей природе не может найти умственного завершения в открытии так называемой абсолютной истины; но, с другой стороны, его система претендует быть именно завершением этой абсолютной истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи от поколения к поколению.

Уразумение того, что господствовавший до тех пор в Германии идеализм совершенно ложен, неизбежно привело к материализму, но, конечно, не просто к метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному, простому отбрасыванию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. Как у французов XVIII века, так еще и у Гегеля господствовало представление о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одних и тех же ограниченных кругах с вечными мировыми телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней; в про-

тивоположность этому представлению о природе современный материализм обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела возникают и исчезают, как и все те виды организмов, которые при благоприятных условиях населяют эти тела, а круговороты, поскольку они вообще могут иметь место, приобретают бесконечно более грандиозные размеры. В обоих случаях материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительные науки о природе и истории.

Но в то время как указанный переворот в воззрениях на природу мог совершаться лишь по мере того, как исследования представляли соответствующий положительный материал для познания, — уже значительно раньше совершились исторические события, которые вызвали решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — недавно завоеванное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной экономики о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благополучии народа, которые будто бы должны явиться следствием свободной конкуренции. Невозможно уже было не считаться с этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, хотя и крайне несовершенным, выражением. Но старое, еще не вытесненное, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, и вообще никаких материальных интересов. Производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры».

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что эконо-

мическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которою и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории, он сделал его диалектическим, но его понимание истории было по своей сущности идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории; теперь понимание истории стало материалистическим, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания.

Поэтому социализм теперь уже рассматривается не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно, не в состоянии был справиться с ним, — он мог лишь просто объявить его никуда не годным. Чем более возмущался он неизбежной при этом способе производства эксплуатацией рабочего класса, тем менее был он в состоянии отчетливо понять, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой — в том, чтобы обнажить также внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и совершаемой им эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же выколачивает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конце концов и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Таким образом, было объяснено, как совершается капи-

талистическое производство, а также как производится сам капитал.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать эту науку дальше во всех ее частностях и взаимосвязях.

1873—1886 гг.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ

[СТАТЬИ]

ВВЕДЕНИЕ

Ф. Э н г е л ь с, Диалектика природы,
Госполитиздат, 1955, стр. 3—8

Современное исследование природы — единственное, которое привело к научному, систематическому, всестороннему развитию, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но лишь спорадическим и по большей части безрезультатно исчезнувшим открытиям арабов, — современное исследование природы, как и вся новая история, ведет свое летоисчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем, по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, реформацией, французы — ренессансом, а итальянцы — чинквеченто⁷⁹ и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований. Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV столетия. Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых развились современные европейские нации и современное буржуазное общество; и в то время как горожане и дворянство еще продолжали между собою драку, немецкая крестьянская война⁸⁰ пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом уже не было ничего нового, — но за ними показались предшественники современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах. В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья; в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого ни-

когда уже больше не удавалось достигнуть. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература. Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим свою классическую литературную эпоху. Рамки старого «*orbis terrarum*»⁸¹ были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, которая, в свою очередь, послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве прямо сбросили ее и приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укorenяться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века.

Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики. Альбрехт Дюрер был живописцем, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе некоторые идеи, которые много позднее были вновь подхвачены Монталамбером и новейшим немецким учением о фортификации. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени. Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того проникнутого уверенностью в победе хорала, который стал «Марсельезой» XVI века. Герои того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее односторонность влияние которого мы так часто наблюдаем у их преемников. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением; это или люди второго и третьего ранга, или благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы.

И исследование природы совершалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насквозь революционно: ведь оно должно было еще завоевать себе право на существование. Вместе с великими итальянцами, от которых ведет свое летосчисление новая философия, оно дало своих мучеников для костров и темниц инквизиции. И характерно, что протестанты перещеголяли католиков в преследовании свободного изучения природы. Кальвин сжег Сервета, когда тот подошел вплотную к открытию кровообращения, и при этом заставил жарить его живым два часа; инквизиция удовольствовалась по крайней мере тем, что просто сожгла Джордано Бруно.

Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил — хотя и робко и, так сказать, лишь на смертном одре — вызов церковному авторитету в вопросах природы. Отсюда начинается свое летосчисление освобождение естествознания от теологии, хотя выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней и в иных головах далеко еще не завершилось даже и теперь. Но с этого времени пошло гигантскими шагами также и развитие наук, которое усиливалось, если можно так выразиться, пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта. Словно нужно было доказать миру, что отныне для высшего продукта органической материи, для человеческого духа, имеет силу закон движения, обратный закону движения неорганической материи.

Главная работа в начавшемся теперь первом периоде развития естествознания заключалась в том, чтобы справиться с имевшимся налицо материалом. В большинстве областей приходилось начинать с самых азов. От древности в наследство остались Эвклид и солнечная система Птолемея, от арабов — десятичная система счисления, начала алгебры, современное начертание цифр и алхимия, — христианское средневековье не оставило ничего. При таком положении вещей было неизбежным, что первое место заняло элементарнейшее естествознание — механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов. Здесь были совершены великие дела. В конце этого периода, отмеченном именами Ньютона и Линнея, мы видим, что эти отрасли науки получили известное завершение. В основных чертах установлены были важнейшие математические методы: аналитическая геометрия — главным образом Декартом, логарифмы — Непером, дифференциальное и интегральное исчисление — Лейбницем и, быть может, Ньютоном. То же самое можно сказать о механике твердых тел, главные законы которой были выяснены раз навсегда. Наконец, в астрономии солнечной системы Кеплер открыл законы движения планет, а Ньютон сформулировал их под углом зрения общих законов движения материи. Остальные отрасли естествознания были далеки даже от такого пред-

варительного завершения. Механика жидких и газообразных тел была в более значительной степени разработана лишь к концу указанного периода *. Физика в собственном смысле слова, если не считать оптики, достигшей исключительных успехов благодаря практическим потребностям астрономии, еще не вышла за пределы самых первых, начальных ступеней развития. Химия только что освободилась от алхимии посредством теории флогистона⁸². Геология еще не вышла из зародышевой стадии минералогии, и поэтому палеонтология совсем не могла еще существовать. Наконец, в области биологии занимались главным образом еще накоплением и первоначальной систематизацией огромного материала, как ботанического и зоологического, так и анатомического и собственно физиологического. О сравнении между собою форм жизни, об изучении их географического распространения, их климатологических и тому подобных условий существования почти еще не могло быть и речи. Здесь только ботаника и зоология достигли приблизительного завершения благодаря Линнею.

Но что особенно характеризует рассматриваемый период, так это — выработка своеобразного общего мировоззрения, центром которого является представление об *абсолютной неизменяемости природы*. Согласно этому взгляду, природа, каким бы путем она сама ни возникла, раз она уже имеется налицо, оставалась всегда неизменной, пока она существует. Планеты и спутники их, однажды приведенные в движение таинственным «первым толчком», продолжали кружиться по предначертанным им эллипсам во веки веков или, во всяком случае, до скончания всех вещей. Звезды покоились навеки неподвижно на своих местах, удерживая друг друга в этом положении посредством «всеобщего тяготения». Земля оставалась от века или со дня своего сотворения (в зависимости от точки зрения) неизменно одинаковой. Теперешние «пять частей света» существовали всегда, имели всегда те же самые горы, долины и реки, тот же климат, ту же флору и фауну, если не говорить о том, что изменено или перемещено рукой человека. Виды растений и животных были установлены раз навсегда при своем возникновении, равное порождало всегда равное, и Линней делал уже большую уступку, когда допускал, что местами благодаря скрещиванию, пожалуй, могли возникать новые виды. В противоположность истории человечества, развивающейся во времени, истории природы приписывалось только развертывание в пространстве. В природе отрицали всякое изменение, всякое развитие. Естествознание, столь революционное вначале, вдруг очутилось перед насквозь консервативной природой, в которой все и теперь еще остается таким же, каким оно было изначально, и в которой все должно было оставаться до скончания мира или во веки веков таким, каким оно было с самого начала.

---

* На полях Энгельс карандашом отметил: «Торичелли в связи с регулированием альпийских горных потоков». *Ред.*

Насколько высоко естествознание первой половины XVIII века поднималось над греческой древностью по объему своих познаний и даже по систематизации материала, настолько же оно уступало ей в смысле идейного овладения этим материалом, в смысле общего воззрения на природу. Для греческих философов мир был по существу чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим. Для естествоиспытателей рассматриваемого нами периода он был чем-то окостенелым, неизменным, а для большинства чем-то созданным сразу. Наука все еще глубоко увязает в теологии. Она повсюду ищет и находит в качестве последней причины толчок извне, необъяснимый из самой природы. Если притяжение, напыщенно названное Ньютоном всеобщим тяготением, и рассматривается как существенное свойство материи, то где источник непонятной тангенциальной силы, которая впервые только и осуществляет движение планет по орбитам? Как возникли бесчисленные виды растений и животных? И как, в особенности, возник человек, относительно которого было все же твердо установлено, что он существует не испокон веков? На все подобные вопросы естествознание слишком часто отвечало только тем, что объясняло ответственным за все это творца всех вещей. Коперник в начале рассматриваемого нами периода дает отставку теологии; Ньютон завершает этот период постулатом божественного первого толчка. Высшая обобщающая мысль, до которой поднялось естествознание рассматриваемого периода, это — мысль о целесообразности установленных в природе порядков, плоская вольфовская телеология, согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца. Нужно признать величайшей заслугой тогдашней философии, что, несмотря на ограниченное состояние современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего.

Я отношу к этому периоду еще и материалистов XVIII века, потому что в их распоряжении не было иного естественнонаучного материала, кроме описанного выше. Составившее эпоху произведение Канта осталось для них тайной, а Лаплас явился долго спустя после них. Не забудем, что, хотя прогресс науки совершенно расшатал это устарелое воззрение на природу, вся первая половина XIX века все еще находилась под его господством, и по существу его преподают еще и теперь во всех школах*.

---

* Как непоколебимо мог еще в 1861 г. держаться этих взглядов человек, научные работы которого доставили весьма много ценного материала для преодоления их, показывают следующие классические слова:

«Весь механизм нашей солнечной системы направлен, насколько мы в состоянии в него проникнуть, к сохранению существующего, к его продолжительному неизменному существованию. Подобно тому, как ни одно животное, ни одно расте-

Наконец, и в области биологического исследования систематических организмы с середины прошлого [т. е. XVIII] столетия научные путешествия и экспедиции, более точное изучение европейских колоний во всех частях света живущими там специалистами, далее успехи палеонтологии, анатомии и физиологии вообще и особенно со времени систематического применения микроскопа и открытия клетки — все это накопило столько материала, что стало возможным — и в то же время необходимым — применение сравнительного метода*. С одной стороны, благодаря сравнительной физической географии были установлены условия жизни различных флор и фаун, а с другой — было произведено сравнение друг с другом различных организмов в отношении их гомологичных органов, и притом не только в зрелом состоянии, но и на всех ступенях их развития. Чем глубже и точнее велось это исследование, тем больше расплывалась под руками охарактеризованная выше застывшая система неизменно установившейся органической природы. Не только все более и более расплывчатыми становились границы между отдельными видами растений и животных, но обнаружались животные, как ланцетник и чешуйчатник⁸³, которые точно издевались над всей существовавшей до того классификацией**; и, наконец, были найдены организмы, относительно которых нельзя даже сказать, принадлежат ли они к животному миру или к растительному. Пробелы палеонтологической летописи все более и более заполнялись, заставляя даже наиболее упорствующих признать поразительный параллелизм, существующий между историей развития органического мира в целом и историей развития отдельного организма, давая, таким образом, ариаднину нить, которая должна была вывести из того лабиринта, в котором, казалось, все более и более запутывались ботаника и зоология. Характерно, что почти одновременно с нападением Канта на учение о вечности солнечной системы К. Ф. Вольф произвел в 1759 г. первое нападение на теорию по-

ние на земле с самых древнейших времен не стало совершеннее или вообще не стало другим, подобно тому, как мы во всех организмах встречаем последовательность ступеней только одну *подле* другой, а не одну *вслед* за другой, подобно тому, как наш собственный род со стороны телесной постоянно оставался одним и тем же, — точно так же даже величайшее многообразие существующих в одно и то же время небесных тел не дает нам права предполагать, что эти формы суть только различные ступени развития; напротив, все созданное *одинаково* совершенно само по себе» (Медлер, «Популярная астрономия», Берлин 1861, изд. 5-е, стр. 316). (Приложение Энгельса.)

На полях карандашом отмечено: «Застывший характер старого воззрения на природу создал почву для обобщающего и подытоживающего рассмотрения всего естествознания как одного целого: французские энциклопедисты, еще чисто механически — одно возле другого; — затем в одно и то же время Сен-Симон и немецкая натурфилософия, завершенная Гегелем». *Ред.*

* На полях рукописи приписано карандашом: «Эмбриология». *Ред.*

** На полях приписка карандашом: «Цератодус. То же самое археоптерикс и т. д.»⁸⁴. *Ред.*

стоянства видов, провозгласив учение об эволюции. Но то, что у него было только гениальным предвосхищением, приняло определенную форму у Окена, Ламарка, Бэра и было победоносно проведено в науке ровно сто лет спустя, в 1859 г., Дарвином. Почти одновременно было установлено, что протоплазма и клетка, признанные уже раньше последними составными частями в структуре всех организмов, встречаются и как живущие самостоятельно в качестве низших органических форм. Благодаря этому была доведена до минимума пропасть между органической и неорганической природой и вместе с тем было устранено одно из серьезнейших затруднений, стоявших перед учением о происхождении организмов путем развития. Новое воззрение на природу было готово в его основных чертах: все застывшее стало текучим, все неподвижное стало подвижным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте.

Т а м же, стр. 14—15

И человек возникает путем дифференцирования, и не только индивидуально,— развиваясь из одной единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа,— но и в историческом смысле. Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря которому образовалась с тех пор непродолима пропасть между человеком и обезьяной. Специализация руки означает появление *орудия*, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу — производство. И животные в более узком смысле слова имеют орудия, но лишь в виде членов своего тела: муравей, пчела, бобр; и животные производят, но их производственное воздействие на окружающую природу является по отношению к этой последней равным нулю. Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара. И этого он добился прежде всего и главным образом при посредстве *руки*. Даже паровая машина, являющаяся до сих пор самым могущественным его орудием для преобразования природы, в последнем счете, именно как орудие, основывается на деятельности руки. Но параллельно с развитием руки шаг за шагом развивалась и голова, возникало сознание — сперва условий отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого, у народов, находившихся в более благоприятном положении,— понимание законов природы, обуславливающих эти полезные резуль-

таты. А вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу; при помощи одной только руки люди никогда не создали бы паровой машины, если бы вместе и наряду с рукой и отчасти благодаря ей не развился соответственным образом и мозг человека.

Вместе с человеком мы вступаем в область *истории*. И животные имеют историю, именно историю своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния. Но они являются пассивными объектами этой истории; а поскольку они сами принимают в ней участие, это происходит без их ведома и желания. Люди же, наоборот, чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, с сознанием своих действий, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно. И это не может быть иначе до тех пор, пока важнейшая историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности,— производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей людей, т. е. в наше время общественное производство,— особенно подчинена слепой игре не входивших в их намерения воздействий неконтролируемых сил и пока желаемая цель осуществляется здесь лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляются прямо противоположные ей результаты. В самых передовых промышленных странах мы укротили силы природы и поставили их на службу человеку; благодаря этому мы безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же следствия этого роста производства? Рост чрезмерного труда, рост нищеты масс и каждые десять лет — огромный крах. Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необ-

ходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор.

РОЛЬ ТРУДА В ПРОЦЕССЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ОБЕЗЬЯНЫ
В ЧЕЛОВЕКА

Т а м ж е, стр. 132—144

Труд — источник всякого богатства, утверждают политико-экономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

Много сотен тысячелетий тому назад, в еще не поддающийся точному определению промежутке времени того периода в развитии земли, который геологи называют третичным, предположительно к концу этого периода, жила где-то в жарком поясе — по всей вероятности, на обширном материке, ныне погруженном на дно Индийского океана, — необычайно высокоразвитая порода человекообразных обезьян. Дарвин дал нам приблизительное описание этих наших предков. Они были сплошь покрыты волосами, имели бороды и остроконечные уши и жили стадами на деревьях.

Под влиянием в первую очередь, надо думать, своего образа жизни, требующего, чтобы при лазании руки выполняли иные функции, чем ноги, эти обезьяны начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать все более и более прямую походку. Этим был сделан *решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку*.

Все существующие еще ныне человекообразные обезьяны могут стоять прямо и передвигаться на одних только ногах, но лишь в случае крайней необходимости и в высшей степени неуклюже. Их естественное передвижение совершается в полувыпрямленном положении и включает употребление рук. Большинство из них при ходьбе опираются о землю средними фалангами согнутых пальцев рук и, поджимая ноги, продвигают тело между длинными руками, подобно хромому, ходящему на костылях. Вообще мы и теперь еще можем наблюдать у обезьян все переходные ступени от хождения на четвереньках до хождения на двух ногах. Но ни у одной из них последнее не стало чем-то большим, нежели вынужденным приемом, применяемым в крайнем случае.

Если прямой походке у наших волосатых предков суждено было стать сначала правилом, а потом и необходимостью, то это предполагает, что на долю рук тем временем доставалось все больше и больше других видов деятельности. Уже и у обезьян суще-

ствуется известное разделение функций между руками и ногами. Как уже упомянуто, при лазании руками пользуются иначе, чем ногами. Рука служит преимущественно для целей собирания и удержания пищи, как это уже делают некоторые низшие млекопитающие при помощи своих передних лап. С помощью руки некоторые обезьяны строят себе гнезда на деревьях или даже, как шимпанзе, навесы между ветвями для защиты от непогоды. Рукою они схватывают дубины для защиты от врагов или бомбардируют последних плодами и камнями. При ее же помощи они выполняют в неволе ряд простых операций, которые они перенимают у людей. Но именно тут-то и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже самых высших человекообразных обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой. Число и общее расположение костей и мускулов одинаково у обеих, и тем не менее рука даже самого первобытного дикаря способна выполнять сотни операций, не доступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа.

Поэтому те операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку на протяжении многих тысячелетий постепенно научились приспособлять свою руку, могли быть вначале только очень простыми. Самые низшие дикари и даже те из них, у которых приходится предположить возврат к более звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, все же стоят гораздо выше тех переходных существ. Прежде чем первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным. Но решающий шаг был сделан, *рука стала свободной* и могла теперь усваивать себе все новые и новые сноровки, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению.

Рука, таким образом, является не только органом труда, *она также и продукт его*. Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря все новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям,— только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини.

Но рука не была чем-то самодовлеющим. Она была только одним из членов целого, в высшей степени сложного организма. И то, что шло на пользу руке, шло также на пользу всему телу, которому она служила, и шло на пользу в двояком отношении.

Прежде всего, в силу того закона, который Дарвин назвал за-

коном соотношения роста. Согласно этому закону известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других частей, которые, казалось бы, ни в какой связи с первыми не стоят. Так, например, все без исключения животные, которые обладают красными кровяными тельцами без клеточного ядра и у которых затылочная кость сочленена с первым позвонком двумя суставными бугорками, обладают также молочными железами для кормления детенышей. Так, у млекопитающих раздельные копыта, как правило, связаны с наличием сложного желудка, приспособленного к процессу жвачки. Изменения определенных форм влекут за собою изменение формы других частей тела, хотя мы и не в состоянии объяснить эту связь. Совершенно белые кошки с голубыми глазами всегда или почти всегда оказываются глухими. Постепенное усовершенствование человеческой руки и идущее рядом с этим развитие и приспособление ноги к прямой походке несомненно оказали, также и в силу закона соотношения, обратное влияние на другие части организма. Однако этого рода воздействие еще слишком мало исследовано, и мы можем здесь только констатировать его в общем виде.

Значительно важнее непосредственное, поддающееся доказательству обратное воздействие развития руки на остальной организм. Наши обезьяноподобные предки, как уже сказано, были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начинаясь вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того не известные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало яснее сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленнее, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое

чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности и т. д., которые раньше им были чужды. Всякий, кому много приходилось иметь дело с такими животными, едва ли может отказаться от убеждения, что имеется немало случаев, когда они свою неспособность говорить ощущают *теперь* как недостаток. К сожалению, их голосовые органы настолько специализированы в определенном направлении, что этому их горю уже никак нельзя помочь. Там, однако, где имеется подходящий орган, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Органы рта у птиц отличаются, конечно, коренным образом от соответствующих органов человека. Тем не менее птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать то, что он говорит. Научите попугая бранным словам так, чтобы он получил представление о их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело при выклянчивании лакомств.

Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству. А параллельно с дальнейшим развитием мозга шло дальнейшее развитие его ближайших орудий — органов чувств. Подобно тому как постепенное развитие речи неизменно сопровождается соответствующим усовершенствованием органа слуха, точно так же развитие мозга вообще сопровождается усовершенствованием всех чувств в их совокупности. Орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей. А чувство осязания, которым обезьяна едва-едва обладает в самой грубой, зачаточной форме, выработалось только вместе с развитием самой человеческой руки, благодаря труду. —

Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык,

давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию. Это дальнейшее развитие с момента окончательного отделения человека от обезьяны отнюдь не закончилось, а, наоборот, продолжалось и после этого; будучи у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, иногда даже прерываясь местными и временными движениями назад, оно в общем и целом могучей поступью шло вперед, получив, с одной стороны, новый мощный толчок, а с другой стороны — более определенное направление благодаря тому, что с появлением готового человека возник вдобавок еще новый элемент — *общество*.

Наверное протекли сотни тысяч лет, — в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека *, — прежде чем из стада лазающих по деревьям обезьян возникло человеческое общество. Но все же оно, наконец, появилось. И в чем же опять мы находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В *труде*. Стадо обезьян довольствовалось тем, что дочиста поедало пищу, имевшуюся в его районе, размеры которого определялись географическими условиями или степеню сопротивления соседних стад. Оно кочевало с места на место и вступало в борьбу с соседними стадами, добываясь нового, богатого кормом, района, но оно было неспособно извлечь из района, где оно добывало себе корм, больше того, что он давал от природы, за исключением разве того, что стадо бессознательно удобряло почву своими экскрементами. Как только все области, способные доставлять корм, были заняты, увеличение обезьяньего населения стало невозможным; в лучшем случае это население могло численно оставаться на одном и том же уровне. Но все животные в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост. Волк, в противоположность охотнику, не щадит козули, которая на следующий год должна была бы доставить ему козлят; козы в Греции, поедающие молодую поросль мелкого кустарника, не давая ему подрасти, оголили все горы страны. Это «хищническое хозяйство» животных играет важную роль в процессе постепенного изменения видов, так как оно заставляет их приспосабливаться к новым, необходимым для них родам пищи, благодаря чему их кровь приобретает другой химический состав и вся физическая конституция постепенно становится иной, виды же, установившиеся раз навсегда, вымирают. Не подлежит сомнению, что это хищническое хозяйство сильно способствовало превращению наших предков в людей. У той породы обезьян, которая далеко превосходила все остальные смышленостью и приспособляемостью, это хищническое хозяйство должно было привести к тому, что в пищу стали употреблять все большее и боль-

---

* Авторитет первого ранга в этой области, сэр Уильям Томсон вычислил, что *немногим более сотни миллионов лет*, вероятно, прошло с тех пор, как земля настолько остыла, что на ней могли жить растения и животные. (*Примечание Энгельса.*)

шее количество новых растений, а из этих растений все большее количество съедобных частей, одним словом, к тому, что пища становилась все более разнообразной, следствием чего было проникновение в организм все более разнообразных веществ, создававших химические условия для превращения этих обезьян в людей. Но все это еще не было трудом в собственном смысле слова. Труд начинается с изготовления орудий. А что представляют собою наиболее древние орудия, которые мы находим, — наиболее древние, судя по найденным предметам, оставшимся нам в наследство от доисторических людей, и по образу жизни наиболее ранних исторических народов, а также и наиболее примитивных современных дикарей? Эти орудия представляют собою орудия охоты и рыболовства; первые являются одновременно и оружием. Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собою новый важный шаг на пути к превращению в человека. *Мясная пища* содержала в почти готовом виде наиболее важные вещества, в которых нуждается организм для своего обмена веществ; она сократила процесс пищеварения и вместе с ним продолжительность других вегетативных (т. е. соответствующих явлениям растительной жизни) процессов в организме и этим сэкономила больше времени, вещества и энергии для активного проявления животной, в собственном смысле слова, жизни. А чем больше формировавшийся человек удалялся от растительного царства, тем больше он возвышался также и над животными. Как приучение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи наряду с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека, так и привычка к мясной пище наряду с растительной чрезвычайно способствовала увеличению физической силы и самостоятельности формировавшегося человека. Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрее и полнее совершенствоваться из поколения в поколение. С позволения господ вегетарианцев, человек не мог стать человеком без мясной пищи, и если потребление мясной пищи у всех известных нам народов в то или иное время влекло за собою даже людоедство (предки берлинцев, велетабы или вильцы, еще в X столетии поедали своих родителей), то нам теперь до этого уже никакого дела нет.

Употребление мясной пищи привело к двум новым достижениям, имеющим решающее значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое еще более сократило процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу; второе обогатило запасы мясной пищи, так как наряду с охотой оно открыло новый источник, откуда ее можно было черпать более регулярно, и доставило, кроме того, в виде молока и его продуктов новый, по своему составу по меньшей мере

равноценный мясу, предмет питания. Таким образом, оба эти достижения уже непосредственно стали новыми средствами эмансипации для человека. Останавливаться здесь подробно на их косвенных последствиях, как бы важны они ни были для развития человека и общества, мы не можем, так как это отвлекло бы нас слишком в сторону.

Подобно тому как человек научился есть все съедобное, он также научился и жить во всяком климате. Он распространился по всей пригодной для житья земле, он, единственное животное, которое в состоянии было сделать это самостоятельно. Другие животные, приспособившиеся ко всем климатам, научились этому не самостоятельно, а только следуя за человеком: домашние животные и насекомые-паразиты. А переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится на зиму и лето, создал новые потребности, потребности в жилище и одежде для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые отрасли труда и вместе с тем новые виды деятельности, которые все более отдаляли человека от животного.

Благодаря совместной деятельности руки, органов речи и мозга не только у каждого в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их. Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство. Наряду с торговлей и ремеслами появились, наконец, искусство и наука; из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове — религия. Перед всеми этими образованиями, которые выступали прежде всего как продукты головы и казались чем-то господствующим над человеческими обществами, более скромные произведения работающей руки отступили на задний план, тем более, что планирующая работа голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в первобытной семье) имела возможность заставить чужие руки выполнять намеченную ею работу. Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира. Оно и теперь владеет умами в такой мере, что даже наиболее материалистически настроенные естествоиспытатели из школы Дарвина не могут еще составить себе ясного представления о происхождении человека, так как, в силу указанного

идеалистического влияния, они не видят той роли, которую играл при этом труд.

Животные, как уже было вскользь упомянуто, тоже изменяют своей деятельностью внешнюю природу, хотя и не в такой степени, как человек, и эти совершаемые ими изменения окружающей их среды оказывают, как мы видели, обратное воздействие на их виновников, вызывая в них в свою очередь определенные изменения. Ведь в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление действует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно даже самые простые вещи. Мы видели, как козы препятствуют восстановлению лесов в Греции; на острове св. Елены козы и свиньи, привезенные первыми прибывшими туда мореплавателями, сумели истребить почти без остатка всю старую растительность острова и этим подготовили почву для распространения других растений, привезенных позднейшими мореплавателями и колонистами. Но когда животные оказывают длительное воздействие на окружающую их природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к самим этим животным чем-то случайным. Чем более, однако, люди отдаляются от животных, тем более их воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее намеченных целей. Животное уничтожает растительность какой-нибудь местности, не ведая, что творит. Человек же ее уничтожает для того, чтобы на освободившейся почве посеять хлеб, насадить деревья или разбить виноградник, зная, что это принесет ему урожай, в несколько раз превышающий то, что он посеял. Он переносит полезные растения и домашних животных из одной страны в другую и изменяет таким образом флору и фауну целых частей света. Более того. При помощи разных искусственных приемов разведения и выращивания растения и животные так изменяются под рукой человека, что становятся неузнаваемыми. Те дикие растения, от которых ведут свое происхождение наши зерновые культуры, еще до сих пор не найдены. От какого дикого животного происходят наши собаки, которые даже и между собою так резко отличаются друг от друга, или наши столь же многочисленные лошадиные породы — является все еще спорным.

Впрочем, само собою разумеется, что мы не думаем отрицать у животных способность к планомерным, преднамеренным действиям. Напротив, планомерный образ действий существует в зародыше уже везде, где имеется протоплазма, где живой белок существует и реагирует, т. е. совершает определенные, хотя бы самые простые движения как следствие определенных раздражений извне. Такая реакция имеет место даже там, где еще нет никакой клетки, не говоря уже о нервной клетке. Прием, при помощи которого насекомоядные растения захватывают свою добычу, является

тоже в известном отношении планомерным, хотя совершается вполне бессознательно. У животных способность к сознательным, планомерным действиям развивается в соответствии с развитием нервной системы и достигает у млекопитающих уже достаточно высокой ступени. Во время английской псовой охоты на лисиц можно постоянно наблюдать, как безошибочно лисица умеет применять свое великолепное знание местности, чтобы скрыться от своих преследователей, и как хорошо она знает и умеет использовать все благоприятные для нее свойства территории, прерывающие ее след. У наших домашних животных, более высоко развитых благодаря общению с людьми, можно ежедневно наблюдать акты хитрости, стоящие на одинаковом уровне с такими же актами у детей. Ибо, подобно тому как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собою только сокращенное повторение развертывавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков начиная с червя, точно так же и духовное развитие ребенка представляет собою только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же предков,— по крайней мере более поздних. Но все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это мог сделать только человек.

Коротко говоря, животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней. И это является последним существенным отличием человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду*.

Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых. Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы добыть таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни высокогорного скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставляют без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливать на равнину тем более бешеные потоки. Распространители картофеля в Европе не знали, что они одновременно с мучнистыми клубнями распространяют и золотуху. И так на каждом шагу факты напо-

* На полях пометка карандашом: «Облагорожение». *Ред.*

минают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над нею так, как кто-либо находящийся вне природы,— что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять.

И мы, в самом деле, с каждым днем научаемся все более правильно понимать ее законы и познавать как более близкие, так и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход. Особенно со времени огромных успехов естествознания в нашем столетии мы становимся все более и более способными к тому, чтобы уметь учитывать также и более отдаленные естественные последствия по крайней мере наиболее обычных из наших действий в области производства и тем самым господствовать над ними. А чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди снова будут не только чувствовать, но и сознать свое единство с природой и тем невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, которое распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве.

Но если уже потребовались тысячелетия для того, чтобы мы научились в известной мере учитывать заранее более отдаленные *естественные* последствия наших, направленных на производство, действий, то еще гораздо труднее давалась эта наука в отношении более отдаленных *общественных* последствий этих действий. Мы упомянули о картофеле и о сопровождавшей его распространение золотухе. Но что может значить золотуха в сравнении с теми последствиями, которые имело для жизненного положения народных масс целых стран сведение питания рабочего населения к одному только картофелю? Что значит золотуха в сравнении с тем голодом, который в 1847 г. постиг, в результате болезни картофеля, Ирландию и который свел в могилу миллион питающихся исключительно — или почти исключительно — картофелем ирландцев, а два миллиона заставил эмигрировать за океан! Когда арабы научились дистиллировать алкоголь, им и в голову не приходило, что они этим создали одно из главных орудий, при помощи которого будут истреблены коренные жители тогда еще даже не открытой Америки. А когда Колумб потом открыл эту Америку, то он не знал, что он этим пробудил к новой жизни давно исчезнувший в Европе институт рабства и положил основание торговле неграми. Люди, которые в XVII и XVIII столетиях работали над созданием паровой машины, не подозревали, что они создают орудие, которое в большей мере, чем что-либо другое, будет революционизировать общественные отношения во всем мире и которое, особенно в Европе, путем концентрации богатств в руках меньшинства и про-

летаризации огромного большинства, сначала доставит буржуазии социальное и политическое господство, а затем вызовет классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, борьбу, которая может закончиться только низвержением буржуазии и уничтожением всех классовых противоположностей.— Но и в этой области мы, путем долгого, часто жестокого опыта и путем сопоставления и анализа исторического материала, постепенно научаемся уяснять себе косвенные, более отдаленные общественные последствия нашей производственной деятельности, а тем самым мы получаем возможность подчинить нашему господству и регулированию также и эти последствия.

Однако для того, чтобы осуществить это регулирование, требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе.

Все существовавшие до сих пор способы производства имели в виду только достижение ближайших, наиболее непосредственных полезных эффектов труда. Дальнейшие же последствия, появляющиеся только позднее и оказывающие действие благодаря постепенному повторению и накоплению, совершенно не принимались в расчет. Первоначальная общинная собственность на землю соответствовала, с одной стороны, такому уровню развития людей, который вообще ограничивал их кругозор тем, что лежит наиболее близко, а с другой стороны, она предполагала наличие известного излишка свободных земель, который предоставлял известный простор для ослабления возможных дурных результатов этого примитивного хозяйства. Когда этот излишек свободных земель был исчерпан, общинная собственность пришла в упадок. А все следующие за ней более высокие формы производства привели к разделению населения на различные классы и тем самым к противоположности между господствующими и угнетенными классами. В результате этого интерес господствующего класса стал движущим фактором производства, поскольку последнее не ограничивалось задачей кое-как поддерживать жалкое существование угнетенных. Наиболее полно это проведено в господствующем ныне в Западной Европе капиталистическом способе производства. Отдельные, господствующие над производством и обменом капиталисты могут заботиться лишь о наиболее непосредственных полезных эффектах своих действий. Более того, даже самый этот полезный эффект — поскольку речь идет о полезности производимого или обмениваемого товара — отступает совершенно на задний план, и единственной движущей пружиной становится получение прибыли при продаже.

Общественная наука буржуазии, классическая политическая экономия, занимается преимущественно лишь теми общественными последствиями человеческих действий, направленных на

производство и обмен, достижение которых непосредственно имеет в виду. Это вполне соответствует тому общественному строю, теоретическим выражением которого она является. Так как отдельные капиталисты занимаются производством и обменом ради непосредственной прибыли, то во внимание могут приниматься в первую очередь лишь ближайшие, наиболее непосредственные результаты. Когда отдельный фабрикант или купец продает изготовленный или закупленный им товар с обычной прибылью, то это его вполне удовлетворяет, и он совершенно не интересуется тем, что будет дальше с этим товаром и купившим его лицом. Точно так же обстоит дело и с естественными последствиями этих самых действий. Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на *одно* поколение очень доходных кофейных деревьев,— какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы! При теперешнем способе производства и в отношении естественных, и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат. И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему; что гармония между спросом и предложением превращается в свою полярную противоположность, как это показывает ход каждого десятилетнего промышленного цикла и как в этом могла убедиться и Германия, пережившая небольшую прелюдию такого превращения во время «краха»⁸⁵; что основывающаяся на собственном труде частная собственность при своем дальнейшем развитии с необходимостью превращается в отсутствие собственности у трудящихся, между тем как все имущество все больше и больше концентрируется в руках нетрудящихся; что [...] ⁸⁶

[ЗАМЕТКИ И ФРАГМЕНТЫ]

[из истории науки]

Т а м же, стр. 145—146

* * *

Необходимо изучить *последовательное развитие* отдельных отраслей естествознания.— Сперва *астрономия*, которая уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи *математики*. Следовательно, приходилось заниматься и последней.— Далее, на известной ступени развития земледелия и в известных странах (поднимание воды для орошения в Египте), а в особенности вместе с возникновением городов, крупных построек

и развитием ремесла развилась и *механика*. Вскоре она становится необходимой также для *судоходства* и *военного дела*.— Она тоже нуждается в помощи математики и таким образом способствует ее развитию. Итак, уже с самого начала возникновение и развитие наук обусловлено производством.

В течение всей древности собственно научное исследование ограничивается этими тремя отраслями знания, причем в качестве точного и систематического исследования — только в послеклассический период (александрийцы, Архимед и т. д.). В физике и химии, которые в умах еще почти не отделялись друг от друга (теория стихий, отсутствие представления о химическом элементе), в ботанике, зоологии, анатомии человека и животных можно было пока что только собирать факты и по возможности систематизировать их. Физиология, лишь только удалялись от наиболее очевидных вещей, как, например, пищеварение и выделение, сводилась просто к догадкам: это и не могло быть иначе, пока еще не знали даже кровообращения.— В конце этого периода появляется химия в первоначальной форме алхимии.

Когда после темной ночи средневековья вдруг вновь возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству. Во-первых, со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась и вызвала к жизни массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельницы), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и позволили сконструировать *новые* инструменты. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени. Во-вторых, вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе. В-третьих, географические открытия,— произведенные исключительно в погоне за наживой, т. е. в конечном счете под влиянием интересов производства,— доставили бесконечный, до того времени недоступный материал из области метеорологии, зоологии, ботаники и физиологии (человека). В-четвертых, появился *печатный станок* *.

Теперь,— не говоря уж о математике, астрономии и механике, которые уже существовали,— физика окончательно обособляется от химии (Торичелли, Галилей,— первый, в зависимости от промышленных гидротехнических сооружений, изучает впервые движение жидкостей,— см. у Клерка Максвелла). Бойль делает из химии науку. Гарвей благодаря открытию кровообращения делает

* На полях против этого абзаца приписано: «До сих пор выставляют хвастливо напоказ только то, чем производство обязано науке; но наука обязана производству бесконечно большим». *Ред.*

науку из физиологии (человека, а также животных). Зоология и ботаника остаются все еще собирающими факты науками, пока сюда не присоединяется палеонтология — Кювье, — а вскоре затем открытие клетки и развитие органической химии. Благодаря этому сделались возможными сравнительная морфология и сравнительная физиология, и с тех пор обе стали подлинными науками. В конце прошлого [XVIII] века закладываются основы геологии, в новейшее время — так называемой (неудачно) антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории. Исследовать подробнее и развить это.

Т а м ж е, стр. 150—158

* * *

РАЗЛИЧИЕ ПОЛОЖЕНИЯ В КОНЦЕ ДРЕВНЕГО МИРА. ОКОЛО
300 г., и в КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ — 1453 г.

1) Вместо узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая лишь кое-где протягивала свои ветви в глубь материка и по Атлантическому побережью Испании, Франции и Англии и которая поэтому легко могла быть разорвана и смята германцами и славянами с севера и арабами с юго-востока, — теперь одна сплошная культурная область — вся Западная Европа со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов.

2) Вместо противоположности греков (respective [соответственно] римлян) и варваров теперь имеется шесть культурных народов с культурными языками (не считая скандинавских и т. д.), которые были все настолько развиты, что могли участвовать в могучем литературном подъеме XIV столетия и обеспечили гораздо большую разносторонность образования, чем уже пришедшие в упадок и отмиравшие в конце древности греческий и латинский языки.

3) Несравненно более высокое развитие промышленного производства и торговли, созданных средневековым бюргерством; с одной стороны, производство стало более усовершенствованным, более многообразным и более массовым, а с другой — торговые сношения стали значительно более развитыми; судоходство со времени саксов, фризов и норманнов стало несравненно более смелым, а с другой стороны — масса изобретений (и импорт изобретений с Востока), которые не только сделали возможным импорт и распространение греческой литературы, морские открытия, а также буржуазную религиозную революцию, но и придали им несравненно больший размах и ускоренный темп; сверх того, они доставили, хотя еще в неупорядоченном виде, массу научных фактов, о которых никогда даже не подозревала древность: магнитная стрелка, книгопечатание, литеры, льняная бумага (употребля-

лась арабами и испанскими евреями с XII столетия; с X столетия постепенно входит в употребление, а в XIII и в XIV столетиях становится уже более распространенной бумага из хлопка, в то время как папирус после завоевания Египта арабами совершенно вышел из употребления), порох, очки, *механические часы*, явившиеся крупным шагом вперед как во *времяисчислении*, так и в *механике*.

(Об изобретениях смотри № 11) ⁸⁷.

Сверх того еще материал, доставленный *путешествиями* (Марко Поло около 1292 г. и пр.).

Гораздо большее распространение общего образования — хотя еще и плохого — благодаря университетам.

Вместе с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность. С падением Константинополя неразрывно связан конец средневековья. Новое время начинается с возвращения к грекам. — Отрицание отрицания!

* * *

ИЗ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ. — ИЗОБРЕТЕНИЯ

До хр. эры:

Пожарный насос, водяные часы около 200 г. до хр. эры. Уличные мостовые (Рим).

Пергамент около 160 г.

Хр. эра:

Водяные мельницы на *Мозеле* около 340 г.; в Германии во времена Карла Великого.

Первое указание на оконные стекла. Уличное освещение в Антиохии около 370 г.

Шелковичные черви из Китая около 550 г. в Греции.

Писчие перья в VI столетии.

Хлопковая бумага из Китая к арабам в VII столетии; в IX столетии — в Италии.

Водяные органы во Франции в VIII столетии.

Серебряные копи в Гарце, разрабатываемые с X столетия.

Ветряные мельницы около 1000 г.

Ноты, гамма Гвидо Аретинского около 1000 г.

Шелководство в Италии около 1100 г.

Часы с колесами — тоже.

Магнитная игла от арабов к европейцам около 1180 г.

Уличная мостовая в Париже 1184 г.

Очки во Флоренции. Стеклозеркало.

Соление селедок. Шлюзы.

Часы с боем. Бумага из хлопка во Франции.

} Вторая половина
XIII столетия.

Бумага из тряпья в начале XIV столетия.

Вексель — в середине того же столетия.

Первая бумажная мельница в Германии (Нюрнберг) в 1390 г.

Уличное освещение в Лондоне в начале XV столетия.

Почта в Венеции — тоже.

Гравирование на дереве и печатание — тоже.

Гравирование на меди — в середине того же.

Верховая почта во Франции в 1464 г.

Серебряные копи в саксонских Рудных горах в 1471 г.

Клавесин с педалью; изобретен в 1472 г.

Карманные часы. Духовые ружья. Ружейный замок — конец XV столетия.

Самопрялка в 1530 г.

Водолазный колокол в 1538 г.

* * *

ИЗ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ

Современное естествознание, — единственное, о котором может идти речь как о науке, в противоположность гениальным догадкам греков и спорадическим, не имеющим между собою связи исследованиям арабов, — начинается с той грандиозной эпохи, когда бюргерство сломало мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата, уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах, — с той эпохи, которая создала в Европе крупные монархии, сломала духовную диктатуру папы, воскресила греческую древность и вместе с ней вызвала к жизни высочайшее развитие искусства в новое время, которая разбила границы старого мира и впервые, собственно говоря, открыла землю.

Это была величайшая из революций, какие до тех пор пережила земля. И естествознание, развивавшееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждающейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы. Характерно, что протестанты соперничали с католиками в преследовании их. Первые сожгли Сервета, вторые сожгли Джордао Бруно. Это было время, нуждавшееся в гигантах и породившее гигантов, гигантов учености, духа и характера. Это было время, которое французы правильно назвали Ренессансом, протестантская же Европа односторонне и ограничено — Реформацией.

И у естествознания тоже была тогда своя декларация независимости, появившаяся, правда, не с самого начала, подобно тому как и Лютер не был первым протестантом. Чем в религиозной области было сожжение Лютером папской буллы, тем в естествознании было великое творение Коперника, в котором он, — хотя и робко, после 36-летних колебаний и, так сказать, на смертном одре, — бросил вызов церковному суеверию. С этого времени исследование природы по существу освободилось от религии, хотя окон-

чательное выяснение всех подробностей затянулось до настоящего времени и далеко еще не завершилось во многих головах. Но с тех пор и развитие науки пошло гигантскими шагами, ускоряясь, так сказать, пропорционально квадрату удаления во времени от своего исходного пункта, как бы желая показать миру, что по отношению к движению высшего цвета органической материи, человеческому духу, имеет силу закон, обратный закону движения неорганической материи.

Первый период нового естествознания заканчивается — в области неорганического мира — Ньютоном. Это — период овладения данным материалом. В области математики, механики и астрономии, статики и динамики он дал великие достижения, особенно благодаря работам Кеплера и Галилея, выводы из которых были сделаны Ньютоном. Но в области органических явлений еще не вышли за гределы самых первых, начальных ступеней знания. Еще не было исследования исторически следующих друг за другом и вытесняющих друг друга форм жизни, точно так же как и исследования соответствующих им сменяющихся условий жизни — палеонтологии и геологии. Природа вообще не представлялась тогда чем-то исторически развивающимся, имеющим свою историю во времени. Внимание обращалось только на протяжение в пространстве; различные формы группировались исследователями не одна за другой, а лишь одна подле другой; естественная история была одинакова для всех времен, точно так же как и эллиптические орбиты планет. Для всякого более основательного изучения форм органической жизни недоставало обеих первооснов — химии и науки о главной органической структурной форме, клетке. Революционное на первых порах естествознание оказалось перед насквозь консервативной природой, в которой и теперь все было таким же, как в начале мира, и в которой все должно было оставаться до скончания мира таким же, каким оно было в начале его.

Характерно, что это консервативное воззрение на природу как в неорганическом, так и в органическом [...] ⁸⁸

Астрономия	Физика	Геология	Физиология растений	Терапевтика
Механика	Химия	Палеонтология	Физиология животных	Диагностика
Математика		Минералогия	Анатомия	

Первая брешь — Кант и Лаплас. Вторая — геология и палеонтология (Лайель, медленное развитие). Третья — органическая химия, изготавливающая органические тела и показывающая применимость химических законов к живым телам. Четвертая — 1842 год, механическая [теория] теплоты, Гров. Пятая — Дарвин, Ламарк, клетка и т. д. (борьба, Кювье и Агассис). Шестая — *элементы сравнительного метода* в анатомии, в климатологии (изотермы), в географии животных и растений (научные экспедиции и путешествия с середины XVIII века), вообще в физической географии (Гумбольдт); приведение в связь материала. Морфология (эмбриология, Бэр).

Старая телеология пошла к чорту, но теперь твердо установлено, что материя в своем вечном круговороте движется согласно законам, которые на определенной ступени — то тут, то там с необходимостью порождают в органических существах мыслящий дух.

Нормальное существование животных дано в тех одновременных с ними условиях, в которых они живут и к которым они приспособляются; условия же существования человека, лишь только он обособился от животного в узком смысле слова, еще никогда не имелись налицо в готовом виде; они должны быть выработаны впервые только последующим историческим развитием. Человек — единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим.*

* * *

ОПУШЕННОЕ ИЗ «ФЕЙЕРБАХА»

[Вульгаризаторы, взявшие на себя в 50-х годах в Германии роль разносчиков материализма, не вышли ни в чем за пределы учений своих учителей⁸⁹. Все новые успехи естественных наук служили им лишь] новыми аргументами против веры в творца вселенной. Они не помышляли даже о том, чтобы развивать дальше теорию. Идеализм был тяжко ранен революцией 1848 г., но материализм в этом своем подновленном виде пал еще ниже. Фейербах был совершенно прав, отклоняя от себя ответственность за *этот* материализм; он только не имел права смешивать учение странствующих проповедников с материализмом вообще.

Но около этого самого времени эмпирическое естествознание достигло такого подъема и добилось столь блестящих результатов, что не только стало возможным полное преодоление механической односторонности XVIII столетия, но и само естествознание благодаря выявлению существующих в самой природе связей между различными областями исследования (механикой, физикой, химией, биологией и т. д.) превратилось из эмпирической науки в теоретическую, становясь при обобщении полученных результатов системой материалистического познания природы. Механика газов; новосозданная органическая химия, научившаяся получать из неорганических веществ одно за другим так называемые органические соединения и устранившая благодаря этому последний остаток непостижимости этих органических соединений; датирующая с 1818 г. научная эмбриология; геология и палеонтология; сравнительная анатомия растений и животных — все эти отрасли знания доставили новый материал в неслыханном до того времени количестве. Но решающее значение имели здесь три великих открытия.

Первым из них было доказательство превращения энергии, вытекавшее из открытия механического эквивалента теплоты (Робертом Майером, Джоулем и Кольдингом). Теперь было доказано, что все бесчисленные действующие в природе причины, которые до сих пор вели какое-то таинственное, не поддававшееся объяснению существование в виде так называемых сил — механическая сила, теплота, излучение (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая сила соединения и разложения, — являются особыми формами, способами существования одной и той же энергии, т. е. движения. Мы не только можем показать происходящие постоянно в природе превращения энергии из одной формы в другую, но даже можем осуществлять их в лаборатории и в промышленности и притом так, что данному количеству энергии в одной форме всегда соответствует определенное количество энергии в какой-либо другой форме. Так, мы можем выразить единицу теплоты в килограмметрах, а единицы или любые количества электрической или химической энергии — снова в единицах теплоты, и наоборот; мы можем точно так же измерить количество энергии, полученной и потребленной каким-нибудь живым организмом, и выразить его в любой единице — например в единицах теплоты. Единство всего движения в природе теперь уже не просто философское утверждение, а естественнонаучный факт.

Вторым — хотя по времени и более ранним — открытием является открытие Шванном и Шлейденом органической клетки как той единицы, из размножения и дифференцирования которой возникают и вырастают все организмы, за исключением низших. Только со времени этого открытия стало на твердую почву исследование органических, живых продуктов природы — как сравнительная анатомия и физиология, так и эмбриология. Покров тайны, окутывавший процесс возникновения и роста и структуру организмов, был сорван. Непостижимое до того времени чудо предстало в виде процесса, происходящего согласно тождественному по существу для всех многоклеточных организмов закону.

Но при всем том оставался еще один существенный пробел. Если все многоклеточные организмы — как растения, так и животные, включая человека, — вырастают каждый из одной клетки по закону клеточного деления, то откуда же происходит бесконечное разнообразие этих организмов? На этот вопрос ответ дало третье великое открытие — теория развития, которая в систематическом виде впервые была разработана и обоснована Дарвином. Какие бы превращения ни предстояли еще этой теории в частности, но в целом она уже и теперь решает проблему более чем удовлетворительным образом. В основных чертах установлен ряд развития организмов от немногих простых форм до все более многообразных и сложных, какие мы наблюдаем в наше время, кончая человеком. Благодаря этому не только стало возможным объяснение существующих представителей органической жизни, но и дана основа для предьстории человеческого духа, для прослеживания

различных ступеней его развития, начиная от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов и кончая мыслящим мозгом человека. А без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом.

Благодаря этим трем великим открытиям основные процессы природы объяснены, сведены к естественным причинам. Здесь остается добиться еще только одного: объяснить возникновение жизни из неорганической природы. На современной ступени развития науки это означает не что иное, как следующее: изготовить белковые тела из неорганических веществ. Химия все более и более приближается к решению этой задачи, хотя она и далека еще от этого. Но если мы вспомним, что только в 1828 г. Вёлер получил из неорганического материала первое органическое тело — мочевину, если мы обратим внимание на то, какое бесчисленное множество так называемых органических соединений получается теперь искусственным образом без помощи каких бы то ни было органических веществ, то мы, конечно, не потребуем от химии, чтобы она остановилась перед проблемой белка. В настоящее время она в состоянии изготовить всякое органическое вещество, состав которого она точно знает. Как только будет установлен состав белковых тел, химия сможет приступить к изготовлению живого белка. Но требовать от химии, чтобы она с сегодня на завтра дала то, что самой природе только при весьма благоприятных обстоятельствах удастся сделать на отдельных небесных телах через миллионы лет, — это значило бы требовать чуда.

Таким образом, материалистическое воззрение на природу поκειται теперь на еще более крепком фундаменте, чем в прошлом столетии. Тогда — до известной степени исчерпывающим образом — было объяснено только движение небесных тел и движение земных твердых тел, происходящее под влиянием тяжести; почти вся область химии и вся органическая природа оставались таинственными и непонятными. Теперь вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов, объясненная и понятая по крайней мере в основных чертах. Конечно, материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений, и поэтому у греческих философов оно было первоначально чем-то само собою разумеющимся. Но между этими древними греками и нами лежит более двух тысячелетий идеалистического по существу мировоззрения, а в этих условиях возврат даже к само собою разумеющемуся труднее, чем это кажется на первый взгляд. Ведь дело идет тут отнюдь не о простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, а о критике его, о вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы, из этой переходящей формы. А как это трудно, доказывают нам те многочисленные естествоиспытатели, которые в пределах

своей науки являются непреклонными материалистами, а вне ее не только идеалистами, но даже благочестивыми, правоверными христианами.

Все эти составляющие эпоху завоевания естествознания прошли мимо Фейербаха, не задев его существенным образом. Виноват тут не столько он сам, сколько те жалкие немецкие порядки, вследствие которых университетские кафедры были захвачены пустоголовыми эклектическими крохоборами, между тем как Фейербах, бывший бесконечно выше всех этих крохоборов, вынужден был почти что окрестьяниваться в деревенском уединении. Этим и объясняется, что когда он говорит о природе, то он — несмотря на отдельные гениальные обобщения — так часто бывает вынужден преподносить нам бессодержательную беллетристику. Так, например, он говорит: «Конечно, жизнь не есть продукт какого-нибудь химического процесса, вообще не есть продукт какой-нибудь отдельной силы природы или какого-нибудь отдельного явления, к которому ее сводит метафизический материалист; она — результат всей природы». То, что жизнь есть результат всей природы, нисколько не противоречит тому обстоятельству, что белок, являющийся исключительным самостоятельным носителем жизни, возникает при определенных, даваемых всей связью природы условиях, но при всем том именно как продукт некоторого химического процесса. < Если бы Фейербах жил в таких условиях, которые позволяли бы ему хотя бы поверхностно следить за развитием естествознания, то он ни в коем случае не стал бы говорить о химическом процессе как о действии одной изолированной силы природы > ⁹⁰. Этому же одиночеству следует приписать то обстоятельство, что Фейербах ударяется в бесплодные, вращающиеся в круге спекуляции насчет отношения мышления к мыслящему органу, мозгу, — область, в которую за ним так охотно следует Штарке.

Как бы то ни было, Фейербах восстает против названия «материализм». И не совсем без основания, ибо он не может вполне освободиться от идеализма. В области природы он материалист; но в области человеческой [...] ⁹¹

* * *

С богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели. Материалисты попросту объясняют *положение вещей*, не вдаваясь в подобного рода фразеологию; это последнее они делают лишь тогда, когда назойливые верующие люди желают навязать им бога, и в этом случае они отвечают коротко или в стиле Лапласа: «Sire, je n'avais etc.» ⁹², или грубее, на манер голландских купцов, которые спрашивают немецких комми-воажеров, навязывающих им свои дрянные фабрикатy, обычно такими словами: «Ik kan die zaken niet gebruiken» *, —

* «Мне этикие вещи не нужны». *Ред.*

и этим дело заканчивается. Но чего только не пришлось вытерпеть богу от своих защитников! В истории современного естествознания защитники бога обращаются с ним так, как обращались с Фридрихом-Вильгельмом III во время иенской кампании его генералы и чиновники. Одна армейская часть за другой складывает оружие, одна крепость за другой капитулирует перед натиском науки, пока, наконец, вся бесконечная область природы не оказывается завоеванной знанием и в ней не остается больше места для творца. Ньютон оставил ему еще «первый толчок», но запретил всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему. Патер Секки, хотя и воздаст ему всякие канонические почести, тем не менее весьма категорически выпроваживает его из солнечной системы, разрешая ему творческий акт только в отношении первоначальной туманности. И точно так же обстоит дело с богом во всех остальных областях. В биологии его последний великий Дон-Кихот, Агассис, приписывает ему даже положительную бессмыслицу: бог должен творить не только животных, существующих в действительности, но и абстрактных животных, рыбу как таковую! А под конец Тиндаль совершенно запрещает ему всякий доступ к природе и отправляет его в мир эмоций, допуская его только потому, что должен же быть кто-нибудь, кто знает обо всех этих вещах (о природе) больше, чем Джон Тиндаль!⁹³ Что за дистанция от старого бога — творца неба и земли, вседержителя, без которого ни один волос не может упасть с головы!

Эмоциональная потребность Тиндаля не доказывает ровно ничего. Кавалер де Гриё⁹⁴ имел тоже эмоциональную потребность любить Манон Леско и обладать ею, хотя она неоднократно продавала себя и его; из любви к ней он стал шулером и сутенером, и если бы Тиндаль захотел его упрекнуть за это, то он ответил бы своей «эмоциональной потребностью»!

Бог = *nescio* [не знаю]; но *ignorantia non est argumentum* * (Спиноза).

[ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ФИЛОСОФИЯ]

Т а м же, стр. 164—165

* * *

Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (кото-

* — незнание не есть аргумент. *Ред.*

рые представляют собою не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений,— то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругают философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений.

[ДИАЛЕКТИКА]

Т а м ж е, стр. 176

* * *

Рассудок и разум. Это гегелевское различие, согласно которому только диалектическое мышление разумно, имеет известный смысл. Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция*, *дедукция*, следовательно, также *абстрагирование* (родовые понятия у Дидо⁹⁵: четвероногие и двуногие), *анализ* незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, *эксперимент* (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответственного метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животного и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами. Наоборот, диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий,— возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии; и несмотря на это — колоссальные результаты уже у греков, задолго предвосхищающие исследование.

Химия, в которой преобладающей формой исследования является *анализ*, ничего не стоит без его противоположности — *синтеза*.

Т а м ж е, стр. 177

* * *

[О КЛАССИФИКАЦИИ СУЖДЕНИЙ]

Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить

и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих...

Т а м ж е, стр. 180—181

* * *

*Всеиндуктивистам*⁹⁶. Никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить себе *процесс* индукции. Это мог сделать только *анализ* этого процесса.— Индукция и дедукция связаны между собою столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собою, их взаимное дополнение друг друга.— По мнению индуктивистов индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее, казалось бы, надежнейшие результаты ежедневно опрокидываются новыми открытиями. Световые corpusculы и теплород были плодами индукции. Где они теперь? Индукция учила нас, что все позвоночные животные обладают центральной нервной системой, дифференцированной на головной и спинной мозг, и что спинной мозг заключен в хрящевых или костных позвонках — откуда заимствовано даже название этих животных. Но вот оказалось, что ланцетник — позвоночное животное с недифференцированной центрально-нервной струной и без позвонков. Индукция твердо установила, что рыбы — это такие позвоночные животные, которые всю свою жизнь дышат исключительно жабрами. И вот обнаруживаются животные, которых почти все признают за рыб, но которые обладают, наряду с жабрами, хорошо развитыми легкими, и оказывается, что каждая рыба имеет в своем воздушном пузыре потенциальное легкое. Лишь путем смелого применения учения о развитии помог Геккель индуктивистам, вполне хорошо чувствовавшим себя в этих противоречиях, выбраться из них.— Если бы индукция была действительно столь непогрешимой, то откуда взялись бы стремительно опрокидывающие друг друга перевороты в классификациях органического мира? Ведь они являются самым подлинным продуктом индукции, и тем не менее они уничтожают друг друга.

Т а м ж е, стр. 183

* * *

Причинность... Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только при-

роду, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу. Поэтому натуралистическое понимание истории — как оно встречается, например, в той или другой мере у Дрейпера и других естествоиспытателей, стоящих на той точке зрения, что только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие, — страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования. От «природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы.

Т а м ж е, стр. 199

[ФОРМЫ ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ. КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК]

* * *

Как мало Конт является автором своей, списанной им у Сен-Симона, энциклопедической иерархии естественных наук⁹⁷, видно уже из того, что она служит ему лишь ради *расположения учебного материала* и в целях *преподавания*, приводя тем самым к несуразному *enseignement intégral* [интегральному обучению], где каждая наука исчерпывается прежде, чем успели хотя бы только приступить к другой, где правильная в основе мысль математически утрируется до абсурда.

1878 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС
АНТИ-ДЮРИНГ

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 82—89

...Всю область познания мы можем, согласно издавна известному способу, разделить на три больших отдела. К первому относятся все науки о неживой природе, доступные в большей или меньшей степени математической обработке, таковы: математика, астрономия, механика, физика, химия. Если кому-нибудь доставляет удовольствие применять большие слова к весьма простым вещам, то можно сказать, что *некоторые* результаты этих наук представляют собой вечные истины, окончательные истины в последней инстанции, почему эти науки и были названы *точными*. Однако далеко еще не все результаты имеют такой характер. Когда в математику были введены переменные величины и когда их изменяемость была распространена также на бесконечно малое и бесконечно большое,— тогда и математика, вообще столь строго нравственная, совершила грехопадение: она вкусила от яблока познания, и это открыло ей путь к гигантским успехам, но вместе с тем и к заблуждениям. Кануло в вечность девственное состояние абсолютной значимости, неопровержимой доказанности всего математического; наступила эра разногласий, и мы дошли до того, что большинство людей дифференцирует и интегрирует не потому, что люди понимают, что они делают, а просто потому, что верят в это, так как до сих пор результат всегда получался правильный. Еще хуже обстоит дело в астрономии и механике, а в физике и химии находишься среди гипотез, словно в центре пчелиного роя. Да иначе оно и не может быть. В физике мы имеем дело с движением молекул, в химии — с образованием молекул из атомов, и если интерференция световых волн не вымысел, то у нас нет абсолютно никакой надежды когда-либо увидеть эти интересные вещи собственными глазами. Окончательные истины в последней инстанции становятся здесь с течением времени удивительно редкими.

Еще хуже положение дела в геологии, которая, по самой своей природе, занимается главным образом такими процессами, при которых не присутствовали не только мы, но и вообще ни один человек. Поэтому добывание окончательных истин в последней инстанции сопряжено здесь с очень большим трудом, а результаты его крайне скудны.

Ко второму классу наук принадлежат науки, изучающие живые организмы. В этой области царит такое многообразие взаимоотношений и причинных связей, что не только каждый решенный вопрос поднимает огромное множество новых вопросов, но и каждый отдельный вопрос может быть решаем в большинстве случаев только по частям, путем ряда исследований, которые часто требуют целых столетий; к тому же потребность в систематизации изучаемых связей постоянно вынуждает нас к тому, чтобы окружать окончательные истины в последней инстанции густым лесом гипотез. Какой длинный ряд промежуточных ступеней от Галена до Мальпиги был необходим, чтобы правильно установить такую простую вещь, как кровообращение у млекопитающих! Как мало знаем мы о происхождении кровяных телец и как много не хватает нам еще и теперь промежуточных звеньев, чтобы привести, например, в рациональную связь проявления какой-либо болезни с ее причинами! При этом довольно часто появляются такие открытия, как открытие клетки, которые заставляют нас подвергнуть полному пересмотру все твердо установленные до сих пор в биологии окончательные истины в последней инстанции и целые груды их отбросить раз навсегда. Поэтому, кто захочет установить здесь подлинные действительно неизменные истины, тот должен довольствоваться банальностями вроде того, что все люди должны умереть, что все самки у млекопитающих имеют молочные железы и т. д. Он не сможет даже сказать, что у высших животных пищеварение совершается желудком и кишечным каналом, а не головой, ибо для пищеварения необходима централизованная в голове нервная деятельность.

Но еще хуже обстоит дело с вечными истинами в третьей,— в исторической группе наук, изучающей, в их исторической преемственности и современном состоянии, условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д. В органической природе нам все же приходится иметь дело, по крайней мере, с последовательным рядом процессов, которые, в рамках нашего непосредственного наблюдения, в очень широких пределах повторяются довольно правильно. Виды организмов остались со времен Аристотеля в общем и целом теми же самыми. Напротив, в истории обществ, как только мы выходим за пределы первобытного состояния человечества, так называемого каменного века, повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повто-

рения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах. Таков, например, факт существования первобытной общинной собственности на землю у всех культурных народов, такова и форма ее разложения. Поэтому в области истории человечества наша наука отстала еще гораздо больше, чем в области биологии. Более того: если, в виде исключения, иногда и удается познать внутреннюю связь общественных и политических форм существования в известный исторический период, то это, по общему правилу, происходит тогда, когда эти формы уже наполовину пережили себя, когда они клонятся уже к упадку. Познание, следовательно, носит здесь по самой сути дела относительный характер, так как ограничивается выяснением связей и следствий известных общественных и государственных форм, существующих только в данное время и у данных народов и по своей природе преходящих. Поэтому, кто здесь погонится за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, вообще неизменными истинами, тот немногим проживит, — разве только банальностями и общими местами худшего сорта, вроде того, что люди в общем не могут жить не трудясь, что они до сих пор делились большей частью на господствующих и подчиненных, что Наполеон умер 5 мая 1821 г. и т. д.

Замечательно, однако, что именно в этой области мы чаще всего наталкиваемся на так называемые вечные истины, на окончательные истины в последней инстанции и т. д. Что дважды два четыре, что у птицы имеется клюв, и тому подобные вещи объявляет вечными истинами лишь тот, кто собирается из факта существования вечных истин вообще сделать вывод, что и в истории человечества существуют вечные истины, вечная мораль, вечная справедливость и т. д., которые претендуют на подобное же значение и подобную же сферу действия, как выводы и приложения математики. И тогда можно быть вполне уверенным, что этот самый друг человечества заявит нам при первом удобном случае, что все прежние фабриканты вечных истин были в большей или меньшей степени ослами и шарлатанами, что все они находились во власти заблуждений, что все они ошибались и что *их* заблуждения и *их* ошибки вполне естественны и служат доказательством того, что все истинное и правильное имеется только *у него*; у него, этого новоявленного пророка, имеется в руках в совершенно готовом виде окончательная истина в последней инстанции, вечная мораль, вечная справедливость. Все это уже бывало сотни и тысячи раз, так что приходится только удивляться, как еще встречаются люди достаточно легковверные, чтобы этому верить, когда дело идет не о других, — нет, когда дело идет о них самих. И, однако, здесь перед нами, по крайней мере, еще один такой пророк, который, как полагается, приходит в высоко моральное негодование, когда находятся люди, отрицающие возможность того, чтобы какой-либо отдельный человек **был** в состоянии открывать окончательные истины в последней

инстанции. Отрицание этого положения, одно даже сомнение в нем есть признак слабости, свидетельствует о страшной путанице, ничтожестве, развещающем скепсисе; оно хуже даже, чем простой нигилизм, дикий хаос и так далее в столь же изысканно-любезном стиле. Как это принято у всех пророков, мы не видим здесь попыток научно-критического исследования и обсуждения,— здесь г. Дюринг просто мечет громы нравственного негодования.

Мы могли бы упомянуть выше еще о науках, исследующих законы человеческого мышления, т. е. о логике и диалектике. Но и здесь с вечными истинами дело обстоит не лучше. Диалектику в собственном смысле слова г. Дюринг объявляет чистой бессмыслицей, а множество книг, которые были написаны и пишутся еще теперь по логике, служит достаточным доказательством, что и здесь окончательные истины в последней инстанции рассыпаны гораздо более редко, чем думают иные.

Однако нам отнюдь нет надобности приходить в ужас по поводу того, что ступень познания, на которой мы ныне стоим, столь же мало окончательна, как и все предшествующие. Она охватывает уже огромный материал фактов и требует очень углубленного специального изучения от каждого, кто хочет полностью освоиться с какой-либо областью знаний. При этом познание вещей по самой своей природе должно оставаться относительным для длинного ряда поколений и лишь постепенно достигать завершения, или даже должно навсегда остаться неполным и незаконченным уже вследствие недостаточности исторического материала, подобно космогонии, геологии и истории человечества. Кто же захочет применить критерий подлинной, неизменной, окончательной истины в последней инстанции к знаниям этого рода, тот докажет только собственное невежество и непонимание, если даже истинной подкладкой их не служит, как в данном случае, претензия на личную непогрешимость. Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области; мы это уже видели, и г. Дюринг знал бы это, если бы был сколько-нибудь знаком с начатками диалектики, с первыми посылками ее, трактующими как раз о недостаточности всех полярных противоположностей. Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность делается относительной (релятивной) и, следовательно, негодной для точного научного способа выражений. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области, как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной. Возьмем в качестве примера известный закон Бойля,

согласно которому объем газа при постоянной температуре обратно пропорционален производимому на него давлению. Реньо нашел, что этот закон неприменим в известных случаях. Если бы Реньо был «философом действительности», то обязан был бы заявить: закон Бойля изменчив, следовательно, он вовсе не настоящая истина, значит — он вообще не истина, значит, он — заблуждение. Но тем самым Реньо впал бы в гораздо большую ошибку, чем та, которая содержится в законе Бойля, в куче заблуждения затерялось бы найденное им зерно истины; он превратил бы, следовательно, свой первоначально верный результат в заблуждение, по сравнению с которым закон Бойля, вместе с присущей ему крупницей заблуждения, явился бы истиной. Но Реньо, как человек науки, не позволил себе подобного ребячества; он продолжал исследование и нашел, что закон Бойля вообще верен лишь приблизительно; в частности же он неприменим к газам, которые посредством давления могут быть приведены в капельно-жидкое состояние, и притом он теряет свою силу с того именно момента, когда давление приближается к точке, при которой наступает переход в жидкое состояние. Таким образом, оказалось, что закон Бойля верен только в известных пределах. Но абсолютно ли, окончательно ли верен он и в этих пределах? Ни один физик не станет утверждать этого. Он скажет, что закон действителен только в известных пределах давления и температуры и для известных газов; и он не станет отрицать возможности того, что в рамках этих узких границ придется произвести еще новые ограничения или придется вообще изменить формулировку закона *. Так, следовательно, обстоит дело с окончательными истинами в последней инстанции, например в физике. Поэтому в действительно научных трудах избегают обыкновенно таких догматически-моральных выражений, как заблуждение и истина; напротив, мы их встречаем на каждом шагу в сочинениях, вроде философии действительности, где пустое разглагольствование о том и о сем хочет навязать себя в качестве сувереннейшего результата суверенного мышления.

Но,— спросит, быть может, наивный читатель,— где же г. Дюринг прямо заявил, что содержание его философии действительности представляет собой окончательную истину и при-

* С тех пор, как я написал эти строки, мои слова, по-видимому, уже подтвердились. Согласно новейшим исследованиям Менделеева и Богуского, произведенным с помощью более точных аппаратов, было найдено, что все истинные газы обнаруживают изменяющееся отношение между давлением и объемом; у водорода коэффициент расширения оказался при всех примененных до сих пор давлениях положительным (объем уменьшался медленнее, чем увеличивалось давление); у атмосферного воздуха и у других исследованных газов была обнаружена для каждого газа нулевая точка давления, так что при меньшем давлении указанный коэффициент положителен, при большем — отрицателен. Следовательно, закон Бойля, до сих пор все еще практически пригодный, нуждается в дополнении целым рядом специальных законов. (Теперь — в 1885 г.— мы знаем, что вообще не существует никаких «истинных» газов. Все они были приведены в капельно-жидкое состояние.) (Примечание Энгельса.)

том в последней инстанции? Где? — Ну, хотя бы, например, в дифирамбе в честь своей системы (стр. 13), из которого мы привели некоторые выдержки во второй главе. Или, когда он в приведенном выше утверждении говорит: моральные истины, поскольку они познаны до своих последних оснований, могут притязать на подобное же значение, как и выводы математики. Затем, разве г. Дюринг не утверждает, что, исходя из своей истинно критической точки зрения и посредством своего исследования, проникающего до самых корней, он дошел до этих последних оснований, до основных схем, следовательно, придал моральным истинам характер окончательных истин в последней инстанции? Если же г. Дюринг не требует такого признания ни для себя, ни для своего времени; если он просто хочет только сказать, что когда-нибудь в туманном будущем могут быть установлены окончательные истины в последней инстанции; если он, следовательно, хочет сказать только более путаным образом приблизительно то же, что говорят «разъедающий скепсис» и «дикая путаница», — то в таком случае к чему весь этот шум и что, собственно, угодно г. Дюрингу?

Если мы не сдвинулись с места уже в вопросе об истине и заблуждении, то еще хуже обстоит дело с добром и злом. Эта противоположность проявляется исключительно в области морали, стало быть, в области, относящейся к истории человечества, а здесь окончательные истины в последней инстанции рассеяны еще более скупо. Представления о добре и зле так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому. — Но, возразит кто-нибудь, добро все-таки не зло и зло не добро; если смешивать добро и зло, то исчезает всякая нравственность, и каждый может делать и поступать так, как ему угодно. Таково именно мнение г. Дюринга, если освободить это мнение от оракульского наряда. Но так просто вопрос все-таки не решается. Если бы это было действительно так просто, то не было бы никаких споров о добре и зле, каждый бы знал, что есть добро и что есть зло. А между тем, как обстоит дело ныне? Какая мораль проповедуется нам теперь? Прежде всего христианско-феодалная, унаследованная от прежних религиозных времен; она, в свою очередь, распадается в основном на католическую и протестантскую, причем опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях от иезуитско-католической и ортодоксально-протестантской до шаткой просветительской морали. Рядом с ними фигурирует современно-буржуазная мораль, а рядом с последнею — пролетарская мораль будущего; таким образом, в одних только передовых странах Европы прошедшее, настоящее и будущее выдвинули три большие группы одновременно и параллельно существующих теорий морали. Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной завершенности; но, конечно, та мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих

ей долговечное существование, которая в настоящем выступает за низвержение современного строя, защищает будущее, следовательно,— мораль пролетарская.

Но если каждый из трех классов современного общества, феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат, имеет свою особую мораль, то мы можем сделать отсюда лишь тот вывод, что люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых происходят производство и обмен.

Но ведь в трех вышеуказанных теориях морали есть нечто общее им всем; быть может, именно оно и представляет по крайней мере известную долю раз навсегда установленной морали? Указанные теории морали выражают собой три различные ступени одного и того же исторического развития, значит, имеют общую историческую почву, и уже потому в них не может не быть много общего. Более того. Для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития нравственные теории должны непременно более или менее соответствовать друг другу. С того момента, как развилась частная собственность на движимые вещи, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральной заповедь: «не укради». Становится ли от этого приведенная заповедь вечной моральной заповедью? Отнюдь нет. В обществе, в котором устранены всякие мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные,— какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: не укради!

Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что мир морали также имеет свои непреходящие принципы, которые стоят выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор развивалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, когда угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных. Никто, конечно, не сомневается, что при этом в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем наблюдается прогресс. Но мы еще и теперь не вышли из рамок классовой морали. Мораль истинно человеческая, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоми-

наний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни. А теперь пусть оценят самомнение г. Дюринга, который, находясь в гуще старого классового общества, претендует, накануне социальной революции, навязать будущему бесклассовому обществу вечную, не зависящую от времени и реальных изменений мораль! Так обстоит дело, если даже предположить, что г. Дюринг понимает, хотя бы в общих чертах, строй этого будущего общества,— что нам пока еще неизвестно.

Т а м же, стр. 106—108

Невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой. Философия действительности также имеет решение этого вопроса и даже не одно, а целых два.

«На место всяких ложных теорий свободы надо поставить установленное путем опыта свойство того отношения, в котором рациональное понимание, с одной стороны, а с другой — инстинктивные побуждения *как бы* соединяются в некоторую равнодействующую силу. Основные факты этого рода динамики должны быть взяты из наблюдения и, *насколько это допустимо*, определены в общих чертах в отношении качества и величины, чтобы на их основании измерить наперед событие, еще не наступившее. Таким путем не только основательно устраняются нелепые фантазии о внутренней свободе, которые пережевывали и которыми кормились целые тысячелетия, но они заменяются также чем-то положительным, пригодным для практического устройства жизни». — Согласно этому взгляду, свобода состоит в том, что рациональное понимание тянет человека вправо, иррациональные влечения — влево, и при наличии этого параллелограмма сил действительное движение происходит по направлению диагонали. Следовательно, свобода является средней величиной между пониманием и влечением, разумом и неразумием, и степень этой свободы могла бы быть эмпирически установлена у каждого человека посредством «личного уравнивания», пользуясь астрономическим выражением. Однако, уже немногими страницами дальше г. Дюринг заявляет: «Мы основываем нравственную ответственность на свободе, которая означает, впрочем, для нас не что иное, как восприимчивость к сознательным мотивам, сообразно природному и приобретенному рассудку. Все такие мотивы действуют с непреодолимой естественной закономерностью, несмотря на то, что мы воспринимаем возможность противоположных поступков; но как раз на это неизбежное принуждение мы и рассчитываем, когда приводим в действие моральные рычаги».

Это второе определение свободы, которое совершенно бесцеремонно опрокидывает первое, является опять-таки не более как

крайней вульгаризацией гегелевского взгляда. Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости.

Для него свобода есть познание необходимости. «Слепа необходимость, лишь *поскольку она не понята*». Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделить один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения, тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимости природы (*Naturnotwendigkeiten*) господстве над нами самими и над внешней природой, она поэтому является необходимым продуктом исторического развития. Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные, но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе. На пороге истории человечества стоит открытие превращения механического движения в теплоту: добывание огня трением; в конце протекшего до сих пор периода развития стоит открытие превращения теплоты в механическое движение: паровая машина.— Но несмотря на гигантский освободительный переворот, который совершает в социальном мире паровая машина,— этот переворот еще не закончен и наполовину,— все же не подлежит сомнению, что добывание огня трением превосходит еще паровую машину по своему всемирно-историческому, освобождающему человечество действию. Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства. Паровая машина никогда не будет в состоянии вызвать такой громадный скачок в развитии человечества, хотя она и является для нас представительницей тех огромных, связанных с ней производительных сил, при помощи которых только и становится возможным осуществить общественный строй, где не будет больше никаких классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с поз-

нанными законами природы. Как молода еще вся история человечества и как смешно было бы приписывать нашим теперешним воззрениям какое-либо абсолютное значение,— это видно уже из того простого факта, что вся протекшая до сих пор история может быть охарактеризована как история периода времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту до открытия превращения теплоты в механическое движение.

Т а м же, стр. 169—170

Нет ничего легче, как раздражаться целым потоком общих фраз по поводу рабства и т. п., изливая свой высоко нравственный гнев на такие позорные явления. К сожалению, это негодование выражает лишь то, что известно всякому, а именно,— что эти античные учреждения не отвечают больше нашим современным условиям и нашим чувствам, определяемым этими условиями. Но при этом мы ровным счетом ничего не узнаем относительно того, как возникли эти порядки, почему они существовали и какую роль они сыграли в истории. И раз мы уже заговорили об этом, то должны сказать,— каким было противоречием и ересью это ни казалось,— что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния. Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и ближайший экономический прогресс их состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда. Ясно одно: пока человеческий труд был еще так мало производителен, что давал только ничтожный излишек над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение сношений, развитие государства и права, создание искусств и наук— все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также наукой и искусством. Простейшей, совершенно стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было именно рабство. При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства. Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась масса рабов, оставались теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже поедали.

Прошло почти сто лет с тех пор, как в Лейпциге появилась книга, выдержавшая к началу нашего века более 30 изданий; она распространялась в городе и в деревне властями, проповедниками и филантропами всякого рода и повсюду рекомендовалась народным школам в качестве книги для чтения. Книга эта называлась: «Друг детей» Рохова⁹⁸. Она имела целью давать наставления юным отпрыскам крестьян и ремесленников относительно их жизненного призвания, их обязанностей по отношению к начальникам, общественным и государственным, и в то же время внушать им благодетельное довольство своим земным жребием — черным хлебом и картофелем, барщиной, низкой заработной платой, отеческими розгами и тому подобными прелестями, и все это с помощью распространенного тогда просветительства. С этой целью молодежи города и деревни разъяснялось, сколь мудро устроила природа, что человек должен добывать трудом свои средства к жизни и наслаждению, и сколь счастливым, следовательно, должен чувствовать себя каждый крестьянин и ремесленник от того, что судьба дала ему возможность приправлять свою трапезу горьким трудом,— тогда как богатый обжора, вечно страдающий расстройством желудка, несварением или запором, лишь с отвращением проглатывает самые изысканные яства...

Т а м ж е, стр. 188

...Способу мышления образованных классов, унаследованному г. Дюрингом, должно, конечно, казаться чудовищным, что настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора. Хорош был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников!

Т а м ж е, стр. 245—247

В то время как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и новое машинное производство превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и пати́ска в производстве. Все быстрее и быстрее совершалось разделение общества на крупных капиталистов и немущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, мы видим изменчивую массу ремесленников и мелких торговцев, обреченных на весьма шаткое существование и представляющих самую текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на

первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным [правильным], единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня, особенно для женщин и детей; массовую деморализацию среди трудящегося населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия [из деревни в город, из земледелия в промышленность, из стабильных в ежедневно меняющиеся, необеспеченные жизненные условия]. И тут выступил в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с детски-чистым, благородным характером и в то же время прирожденный руководитель, каких немного. Роберт Оуэн усвоил учение просветителей-материалистов XVIII века о том, что человеческий характер является продуктом, с одной стороны, его природной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение всей жизни, а в особенности в период его развития. Большинство братьев Оуэна по общественному положению видели в промышленной революции только беспорядок и хаос, годные для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн же видел в промышленной революции благоприятный случай для того, чтобы осуществить свою любимую идею и тем самым внести порядок в этот хаос. В Манчестере он, как руководитель фабрики, где работало более 500 рабочих, сделал попытку, и притом успешную, применить эту идею. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Ланарке, в Шотландии, и будучи компаньоном в предприятии, действовал здесь в том же направлении, но с гораздо большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Ланарка, постепенно возросшее до 2 500 человек и состоявшее первоначально из крайне смешанных и по большей части сильно деморализованных элементов, он превратил в совершенно образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды и процессы, попечительство о бедных, надобности в благотворительности стали неизвестными явлениями. Он достиг этого единственно тем, что поставил людей в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Ланарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста; дети так хорошо проводили в них время, что родители с трудом могли уводить их домой. В то время как конкуренты Оуэна заставляли своих рабочих работать по 13—14 часов ежедневно, в Нью-Ланарке рабочий день длился не больше 10½ часов. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие, несмотря на это, продолжали получать полную плату. И при всем

том стоимость предприятия возросла более чем вдвое, и вплоть до конца оно приносило собственникам обильный доход.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. Те условия существования, которые он создал для своих рабочих, еще далеко не соответствовали в его глазах человеческому достоинству. «Люди эти были моими рабами», — говорил он; сравнительно благоприятные условия, в которые он поставил рабочих Нью-Ланарка, были далеко не достаточны для правильного всестороннего развития их характера и ума, не говоря уже о свободной жизнедеятельности. «А между тем трудящаяся часть этих 2 500 человек создавала для общества такое количество реального богатства, для производства которого всего каких-нибудь полвека тому назад потребовался бы труд 600 000 человек. Я спросил себя: куда девается разность между количеством продуктов, потребляемых 2 500 рабочих, и тем количеством, которое потребовалось бы для прежних 600 000?» Ответ был ясен. Эта разность доставалась владельцам фабрики, которые получали 5% на вложенный в предприятие капитал и еще сверх того больше 300 000 фунтов стерлингов (6 000 000 марк) прибыли. В большей еще степени, чем к Нью-Ланарку, это было применимо ко всем остальным фабрикам Англии. «Без этого нового источника богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и восстановления аристократических принципов общественного устройства. И эта новая сила была ведь делом рук трудящегося класса»*. Ему поэтому должны принадлежать и плоды ее. Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основой для общественного преобразования и должны были работать только для общего благосостояния всех в качестве их общей собственности.

Т а м же, стр. 250

Утописты, как мы видели, были утопистами потому, что они не могли быть ничем иным в эпоху, когда капиталистическое производство было еще так слабо развито. Они принуждены были конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо в самом старом обществе эти элементы еще не выступали так, чтобы быть для всех очевидными; набрасывая свой общий план нового здания, они принуждены были ограничиваться апелляцией к разуму именно потому, что не могли еще апеллировать к современной им истории...

Т а м же, стр. 266—267

...Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное

* [Из обращения под названием «The revolution in Mind and Practice» («Революция в умах и практике», *Ред.*) ко всем «красным республиканцам, коммунистам и социалистам Европы» и французскому временному правительству 1848 г., по адресованного также «королеве Виктории и ее ответственным советникам»]. (Примечание Энгельса.)

торможение производства, но также и то прямое расточение и уничтожение производительных сил и продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, это присвоение сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и умственных способностей,— эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута* *.

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями. Анархия внутри общественного производства заменится плановой, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей общественной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь

---

* Несколько цифр могут дать приблизительное представление о невероятной способности современных средств производства к расширению даже под капиталистическим гнетом. По новейшим вычислениям Гиффена общая сумма всех богатств Великобритании и Ирландии составляла круглым числом:

В 1814 г.	2200 млн.	ф. ст.	=	44 млрд.	марок
» 1865 »	6100 »	»	»	122 »	»
» 1875 »	8500 »	»	»	170 »	»

Что же касается уничтожения средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе немецких промышленников (в Берлине, 21 февраля 1878 г.) было установлено, что общие убытки одной только *германской железной промышленности* достигли во время последнего кризиса 455 млн. марок. (*Примечание Энгельса.*)

в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Т а м же, стр. 275—279

Во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства, — а современное общество является именно таким, — не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. В таком обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Сказанное относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной индустрии был наиболее могущественным, — к разделению труда. Уже первое большое разделение труда — отделение города от деревни — обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого специальным его ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития сельского населения и физического развития горожан. Если крестьянин овладевает землей, а городской ремесленник — своим ремеслом, то в такой же степени земля овладевает крестьянином, а ремесло — ремесленником. Вместе с разделением труда делится на части и сам человек. Развитию одной какой-нибудь деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет и разделение труда, достигающее своего высшего развития в мануфактуре. Мануфактура разлагает ремесло на его отдельные частичные операции, отводит каждую из них отдельному рабочему как его пожизненную профессию и приковывает его, таким образом, на всю жизнь к определенной частичной функции и к определенному орудью труда. «Мануфактура превращает рабочего в урод, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований... сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы» (*Маркс*)⁹⁹, — в автоматическое орудие, которое во многих случаях достигает своего совершенства лишь путем буквального физического и духовного уродования рабочего. При машинном производстве, в крупной индустрии рабочий перестает быть даже машиной, а низводится до роли простого придатка к ней. «Пожизненная специальность — управлять частичным орудием — превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства в часть частичной машины» (*Маркс*)¹⁰⁰. И не одни только рабочие, но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа — раб своего собственного капитала и своей собственной страсти к прибыли;

юрист поработен своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще поработены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности — даже и тогда, когда этой специальностью является просто штигелделание.

Уже утописты вполне понимали последствия разделения труда, видели калечение, с одной стороны, рабочего, а с другой стороны — самой трудовой деятельности, которая сводится к тому, что рабочий в течение всей своей жизни однообразно, механически повторяет одну и ту же операцию. И Оуэн и Фурье требовали уничтожения противоположности между городом и деревней, как первого и основного условия для уничтожения старой системы разделения труда вообще. Согласно взгляду обоих, население должно распределяться по стране группами в 1 600—3 000 человек; каждая группа занимает в центре своей территории громадный дворец и ведет общее домашнее хозяйство. И хотя Фурье говорит местами о городах, однако сами эти города состоят только из четырех или пяти таких дворцов, расположенных по соседству друг с другом. Согласно взгляду обоих, каждый член общества занимается и земледелием и промышленностью. У Фурье главную роль в промышленности играют ремесло и мануфактура, у Оуэна, напротив, — крупная промышленность, и он требует уже применения силы пара и машин также к работам домашнего хозяйства. Но оба они выдвигают требование, чтобы в земледелии и в промышленности существовало возможно большее чередование занятий для отдельного лица и чтобы, сообразно с этим, юношество подготовлялось воспитанием к возможно более всесторонней технической деятельности. По мнению обоих, человек должен всесторонне развивать свои способности путем всесторонней практической деятельности, и труд должен вновь вернуть себе утраченную вследствие его разделения привлекательность — прежде всего посредством указанного чередования занятий и соответствующей этому небольшой продолжительности «сеанса» (употребляя выражение Фурье), посвящаемого каждой отдельной работе. Оба названные утописта стоят неизмеримо выше унаследованного г. Дюрингом образа мыслей эксплуататорских классов, согласно которому противоположность между городом и деревней неустранима по самой природе вещей. Согласно этому жалкому, ограниченному образу мыслей, известное количество «сущест» должно остаться при всех условиях обреченным на то, чтобы производить *один* вид предметов: таким путем хотят увековечить существование «экономических разновидностей» людей, различающихся по своему образу жизни, — людей, испытывающих удовольствие от того, что они занимаются одним, и никаким другим,

делом, и, следовательно, так глубоко опустившихся, что они *ра-
дуются* своему собственному порабощению, своему превращению
в однобокое существо. При сопоставлении с основными мыслями,
закрывающимися даже в самых безумно смелых фантазиях «иди-
ота» Фурье, при сопоставлении даже с самыми скудными идеями
«грубого, тусклого и скудного» Оуэна, г. Дюринг, который сам
еще всецело остается рабом разделения труда, оказывается лишь
заносчивым карликом.

Овладев всеми средствами производства в целях их общест-
венно-планомерного применения, общество уничтожит существую-
щее ныне порабощение людей их собственными средствами
производства. Само собой разумеется, что общество не может
освободить себя, не освободив и каждого отдельного человека.
Старый способ производства должен быть, следовательно, низ-
вергнут до основания, в особенности же должно исчезнуть старое
разделение труда. На его место должна вступить такая организа-
ция производства, где, с одной стороны, никто не мог бы свали-
вать на другого свою долю участия в производительном труде,
этом естественном условии человеческого существования, и где,
с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы
быть средством порабощения людей, стал бы средством их осво-
бождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех
направлениях и действительно проявлять все свои способности, как
физические, так и духовные, следовательно, где производительный
труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение.

Все это в настоящее время уже отнюдь не фантазия и не благо-
честивое пожелание. При современном развитии производитель-
ных сил достаточно уже того увеличения производства, которое
будет вызвано самим фактом обобществления производительных
сил, достаточно одного устранения возникающих вследствие капи-
талистического способа производства затруднений и помех, рас-
точения продуктов и средств производства, чтобы, при всеобщем
участии в труде, рабочее время каждого было доведено до незна-
чительных, по нынешним представлениям, размеров.

Точно так же уничтожение старой системы разделения труда
отнюдь не является требованием, которое может быть осуществ-
лено лишь в ущерб производительности труда. Напротив, благода-
ря крупной промышленности, оно стало условием самого про-
изводства. «Машинное производство уничтожает необходимость
мануфактурно закреплять распределение групп рабочих между
различными машинами, прикреплять одних и тех же рабочих на-
всегда к одним и тем же функциям. Так как движение фабрики в
целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совер-
шаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов про-
цесса труда... Наконец, та быстрота, с которой человек в юноше-
ском возрасте научается работать при машине, в свою очередь
устраняет необходимость воспитывать особую категорию исклю-
чительно машинных рабочих»¹⁰¹. Но в то время как капиталисти-

ческий способ применения машин вынужден сохранять и дальше старое разделение труда с его окостенелыми частичными функциями, несмотря на то, что оно стало технически излишним, — само машинное производство восстает против этого анахронизма. Технический базис крупной индустрии революционен. «Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего... Мы видели, как это абсолютное противоречие... неистово проявляется в непрерывных гекатомбах рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь пролагает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держит про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (Маркс, «Капитал») ¹⁰².

Т а м же, стр. 301—305

После того как г. Дюринг с таким успехом искоренил религию, «человек, опирающийся только на самого себя и природу и созревший до понимания своих коллективных сил, может смело двинуться вперед по всем тем путям, которые открывает перед ним ход вещей и его собственное существо». Рассмотрим же для разнообразия тот «ход вещей», следуя которому опирающийся на самого себя человек может, под руководством г. Дюринга, смело двинуться вперед.

Первый момент в ходе вещей, благодаря которому человек становится опорой самому себе, это — его рождение. Потом, на время своего естественного несовершеннолетия, он остается на попечении «естественной воспитательницы детей», т. е. матери.

«Этот период может простираться, как в древнем римском праве, до зрелости, т. е. приблизительно до 14 лет». Только в тех случаях, когда невоспитанные мальчики старшего возраста будут недостаточно почитать авторитет матери, отцовское вмешательство, в особенности же общественные воспитательные меры должны обезвредить этот недостаток. Возмужав, ребенок поступает под «естественную опеку отца», если только таковой имеется налицо и притом «отцовство не оспаривается»; в противном случае община назначает опекуна.

Подобно тому как г. Дюринг считает вполне возможным, как мы это видели выше, заменить капиталистический способ производства общественным, не преобразуя самого производства,—точно так же он воображает, что можно оторвать современную буржуазную семью от всей ее экономической основы, не изменяя вместе с тем коренным образом формы семьи. Эта форма представляется ему в такой степени неизменной, что он даже делает «древнее римское право», хотя и в темном «облагороженном» виде, обязательным для семейных отношений на вечные времена, представляя себе семью только как «оставляющую наследство», т. е. как владеющую собственностью единицу. В этом вопросе утолисты стоят неизмеримо выше г. Дюринга. Для них, вместе с установлением свободных общественных связей и превращением частной домашней работы в общественную индустрию, непосредственно дано также обобществление воспитания юношества, а вместе с тем действительно свободные взаимоотношения членов семьи. Далее, уже Маркс установил («Капитал», стр. 515 и сл.*), что «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами»¹⁰³.

«Каждый социал-реформаторский фантазер,— говорит г. Дюринг,— естественно имеет наготове соответствующую его новой социальной жизни педагогику». С этой точки зрения сам г. Дюринг представляется «настоящим монстром» среди социал-реформаторских фантазеров. Школе будущего он уделяет по меньшей мере столько же внимания, сколько и авторскому праву, а это кое-что да значит. У него имеется окончательно выработанный план школ и университетов не только для всего «обозримого будущего», но и для переходного периода. Ограничимся, однако, лишь обзором того, что предполагается давать юношеству обоего пола в окончательном социалитете последней инстанции.

Всеобщая народная школа дает своим ученикам «все, что само по себе и принципиально может обладать привлекательностью для человека», следовательно, в особенности — «основы и главные достижения всех наук, касающихся понимания мира и жиз-

---

* Здесь и далее Энгельс ссылается на второе издание «Капитала». *Ред.*

ши». Там прежде всего будут обучать математике, притом так, что будет «полностью пройден» круг всех принципиальных понятий и приемов, начиная с простого счета и сложения и кончая интегральным исчислением. Это не значит, однако, что в этой школе действительно будут дифференцировать и интегрировать. Совсем напротив: там будут преподаваться совершенно новые элементы математики, взятой в целом,— элементы, содержащие в зародыше как обыкновенную элементарную, так и высшую математику. Хотя г. Дюринг и уверяет, что «содержание учебников» этой школы будущего «схематически уже вырисовывается в своих главных чертах перед его глазами», однако ему до сих пор не удалось, к сожалению, открыть эти «элементы математики, взятой в целом», а то, чего он не в состоянии сделать, «следует, в самом деле, ожидать только от свободных и возросших сил нового общественного строя». Но если плоды математики будущего еще слишком зелены, зато астрономия, механика и физика будущего не представят трудностей, составляя «ядро всего школьного обучения», тогда как «ботаника и зоология, которые, несмотря на все свои теории, все еще носят преимущественно описательный характер», будут служить больше «для легкой, занимательной беседы». Так говорится в «Курсе философии», стр. 417. Г-н Дюринг и до сего дня знает только преимущественно описательную ботанику и зоологию. Вся органическая морфология, охватывающая собой сравнительную анатомию, эмбриологию и палеонтологию органического мира, незнакома ему даже по названию. В то время как за его спиной возникают в области биологии почти десятками совершенно новые науки, его детское сердце все еще черпает «высоко современные образовательные элементы естественнонаучного образа мышления» из «Естественной истории для детей» Раффа и дарует эту конституцию органического мира также всему «обозримому будущему». О существовании химии он, по обыкновению, и здесь совершенно забывает.

Что касается эстетической стороны воспитания, то в этой области г. Дюринг намерен все создать заново. Вся прежняя поэзия для этого не годится. Там, где запрещена всякая религия,— там, само собой разумеется, не может быть терпима в школе обычная у прежних поэтов «мифологическая и прочая религиозная strapия». Равным образом заслуживает осуждения «поэтический мистицизм, к которому, например, был сильно склонен Гёте». Таким образом, г. Дюрингу придется самому дать нам те поэтические шедевры, которые отвечают «более высоким запросам примиренной с рассудком фантазии», и нарисовать тот подлинный идеал, который «означает завершение мира». Пусть он только не медлит. Хозяйственная коммуна сможет завоевать мир лишь в том случае, если она двинется в поход беглым шагом примиренного с рассудком alexсандрийского стиха.

Филологией подрастающего гражданина будущего не будут особенно донимать. «Мертвые языки совершенно отпадают... а

изучение живых иностранных языков останется... как нечто второстепенное». Только там, где сношения между народами выражаются в передвижениях самих народных масс, иностранные языки должны быть сделаны, в меру надобности, легко доступными каждому. Целям «действительно образовательного изучения языков» должна служить своего рода всеобщая грамматика, и притом на «материи и форме родного языка». Национальная ограниченность современного человека все еще слишком космополитична для г. Дюринга. Он хочет уничтожить и те два рычага, которые при современном строе дают хотя бы некоторую возможность стать выше ограниченной национальной точки зрения,— он хочет упразднить знание древних языков, открывающее, по крайней мере для получивших классическое образование людей различных национальностей, общий им, более широкий горизонт. Одновременно с этим он хочет упразднить также и знание новых языков, при помощи которых люди различных наций могут обняться друг с другом и знакомиться с тем, что происходит за их собственным рубежом. Зато грамматика родного языка должна стать предметом основательной зубрежки. Но ведь «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки. Таким образом, мы снова попадаем в запретную область. Но раз г. Дюринг вычеркивает из своего учебного плана всю современную историческую грамматику, то для обучения языкам у него остается только старомодная, выкошенная в стиле старой классической филологии, техническая грамматика со всей ее казуистикой и произвольностью, обусловленными отсутствием исторического фундамента. Ненависть к старой филологии доводит его до того, что самый скверный продукт ее он делает «центральным пунктом действительно образовательного изучения языков». Ясно, что мы имеем дело с филологом, никогда ничего не слышавшим об историческом языкознании, которое получило в последние 60 лет такое мощное и плодотворное развитие,— и поэтому-то г. Дюринг отыскивает «высокообразовательные элементы» языкознания не у Боппа, Гримма и Дица, а у блаженной памяти Хейзе и Беккера.

Но и после всей этой выучки молодой гражданин будущего далеко еще «не имеет опоры в самом себе». Для этого нужно заложить более глубокий фундамент при помощи «усвоения последних философских основ». «Но такое углубление... не представляет собой гигантской задачи» — с тех пор как г. Дюринг проложил в этой области широкий путь. В самом деле, «если немногие положения строгого знания, которыми может похвалиться всеобщая схематика бытия, очистить от ложных схоластических завитушек и если решиться везде признавать значение только за действительностью, удостоверенной» г. Дюрингом, то элементарная фи-

лософия станет вполне доступной и для юношества будущего. «Стоит вспомнить в высшей степени простые приемы, при помощи которых мы подняли до не известного до сих пор значения понятия бесконечности и их критику», — и тогда «нет решительно никакого основания, почему бы элементы универсального понимания пространства и времени, получившие столь простой вид благодаря современному их углублению и заострению, — почему бы эти элементы не могли перейти, наконец, в разряд подготовительных знаний... Наиболее коренные идеи» г. Дюринга «не должны играть второстепенной роли в универсальной образовательной систематике нового общества». Равное самому себе состояние материи и сосчитанная бесчисленность призваны, напротив, «не только поставить человека на ноги, но и заставить его уразуметь собственными силами, что так называемый *абсолют находится у него под ногами*».

Народная школа будущего, как видит читатель, представляет в сущности не что иное, как немного «облагороженную» прусскую гимназию. В этой школе греческий язык и латынь заменены несколько большим количеством чистой и прикладной математики, в особенности же элементами философии действительности, а преподавание немецкого языка низведено опять до блаженной памяти Беккера, другими словами — приблизительно до уровня начальной школы. Действительно, «нет решительно никакого основания», почему бы «познания» г. Дюринга, оказавшиеся после нашего рассмотрения в высшей степени школьническими во всех затронутых им областях, или, лучше сказать, почему бы то, что вообще осталось от них после предварительной основательной «чистки», не могло перейти в конце концов целиком и полностью в «разряд подготовительных знаний», поскольку познания г. Дюринга никогда и не возвышались над этим уровнем. Конечно, г. Дюринг слышал краем уха, что в социалистическом обществе труд и воспитание будут соединены и таким путем подрастающим поколениям будет обеспечено разностороннее техническое образование, как и практический фундамент для научного воспитания; он и применяет это положение на свой обычный лад к социалитету. Но так как прежде разделение труда в существенных чертах, как мы видели, благополучно сохраняется в производстве в дюринговском будущем обществе, то у этого технического школьного образования отнимается всякое позднейшее практическое применение, отнимается всякое значение для самого производства, — техническое образование преследует исключительно школьную цель: оно должно заменить собой гимнастику, о которой наш радикальный новатор и слышать не хочет. Вот почему г. Дюринг и может дать нам по этой части лишь две-три банальные фразы, вроде следующей: «юноши, как и старики, должны работать в серьезном смысле этого слова». Поистине жалкое впечатление производит это беспомощное и бессодержательное переливание из пустого в порожнее, когда сравниваешь его с тем местом «Ка-

питала» (стр. 508—515) ¹⁰⁴, где Маркс развивает положение, что «из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей».

Оставим в стороне университет будущего, где философия действительности будет служить ядром всего знания и где рядом с медицинским факультетом будет процветать также и юридический; оставим в стороне также «специальные учебные заведения», о которых мы узнаем лишь, что они предназначаются только «для двух-трех дисциплин»...

1880 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО К М. К. ГОРБУНОВОЙ-КАБЛУКОВОЙ
В БИАРРИЦ

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса
с русскими политическими деятелями,
Госполитиздат, 1951, стр. 237—
239

Лондон, 22 июля 1880 г.

Милостивая государыня!

Ваше письмо из Биаррица * после некоторых блужданий благополучно доставлено мне сюда, где я проживаю уже десять лет. Спешу дать Вам те сведения, которыми располагаю.

Я обсудил этот вопрос с моим другом Марксом, и мы оба находим, что относительно английских ремесленных школ нет лучших источников, чем имеющиеся в Вашем распоряжении официальные отчеты. Другая, неофициальная, литература по этому вопросу занимается почти исключительно прикрашиванием, а то и просто имеет целью рекламирование какого-нибудь шарлатанства. Я просмотрю отчеты школьных попечительств и министерства просвещения за последние годы, не найдется ли там чего-нибудь, что могло бы Вас интересовать, и тогда сообщу Вам об этом подробнее, если Вы будете так любезны и укажете мне, куда Вам можно адресовать письма или посылки недели через две или осенью (так как я на некоторое время уезжаю из Лондона). Ремесленное образование юношества находится здесь еще в худшем состоянии, чем в большинстве континентальных стран; то, что делается, делается обычно только для вида. Из самых отчетов Вы уже, вероятно, усмотрели, что здешние так называемые ремесленные школы никоим образом не соответствуют ремесленным школам на континенте, а представляют собой своего рода исправительные заведения, куда по судебным решениям посылают на определенное число лет беспризорных детей.

Но вот попытки американцев в этом отношении должны, пожалуй, Вас больше заинтересовать. Соединенные Штаты послали

* Письма М. К. Горбуновой-Каблуковой к Энгельсу см. стр. 352—362 настоящей хрестоматии. *Ред.*

по этому вопросу на парижскую выставку богатейший материал, который, вероятно, остался в большой библиотеке на улице Ришелье *. Подробнее об этом Вы можете узнать там же, из каталога выставки.

Затем я стараюсь узнать для Вас адрес некоего Дакоста в Париже, сын которого принимал участие в Парижской Коммуне 1871 года. Дакоста-отец работает по народному просвещению, горячо интересуется своей профессией и с величайшей готовностью окажет Вам содействие.

Дополнительные школы для взрослых рабочих здесь тоже обычно не многого стоят. Если где-либо и делается что-нибудь хорошее, то лишь благодаря исключительным обстоятельствам и отдельным лицам, т. е. это явления временные и местного характера. Систематически встречается здесь во всех этих делах только одно: шарлатанство. Наилучшие учреждения очень скоро засасывает мертвящая рутинная работа, а цель, которую они будто бы преследуют, все более и более становится предлогом для служащих получать жалованье, возможно меньше затрудняя себя работой. Это настолько обычное явление, что даже заведения, в которых обучаются дети среднего класса — буржуазии — не составляют исключения. Как раз в этой области я в последнее время снова натолкнулся на замечательные примеры.

Очень сожалею, что не могу сам уже предоставить Вам новый материал. К сожалению, в течение целого ряда лет я не имел возможности подробно следить за развитием народного образования. В противном случае я был бы очень рад, если бы мог указать Вам большее количество источников. Мы живейшим образом интересуемся всем, что содействует народному образованию, а вместе с тем, хотя бы косвенным образом, движению в такой стране, как Россия, которая находится накануне всемирно-исторического кризиса и которая создала революционную партию, обладающую неслыханной энергией и способностью к самопожертвованию.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Энгельс.

---

* — Национальная библиотека. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА К М. К. ГОРБУНОВОЙ-КАБЛУКОВОЙ В ПАРИЖ

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса
с русскими политическими деятеля-
ми, Госполитиздат, 1951, стр. 247—
248

Лондон, 5 августа 1880 г.

Я с большим интересом прочел Ваши сообщения о Вашей деятельности в Москве, а равно и о том, что Вы надеетесь с помощью председателя земской управы открыть ремесленную школу. У нас здесь есть статистические отчеты всех русских **земств** * и вообще превосходный материал об экономическом положении России. К сожалению, я не мог просмотреть их в данный момент, так как они лежат у Маркса, а он со всей семьей находится сейчас на морском курорте. Впрочем, это мало помогло бы мне ответить на Ваш вопрос, так как для этого необходимо такое знание соответствующих отраслей кустарной промышленности, характера производства в этих отраслях, производимых ими продуктов и их конкурентоспособности, которое можно получить только на месте. В общем мне кажется, что упомянутые Вами отрасли промышленности, по крайней мере большинство из них, будут еще известное время в состоянии конкурировать с крупной промышленностью. Подобные промышленные перевороты происходят чрезвычайно медленно; в Германии во многих отраслях еще и до сих пор не вполне вытеснен даже ручной ткацкий станок, между тем как в Англии он изгнан из этих отраслей уже 20—30 лет тому назад. В России это должно происходить еще более медленно. Ведь долгая зима оставляет там крестьянину столько свободного времени; и если он в течение дня хоть что-нибудь зарабатывает, он все-таки окажется в выигрыше. Конечно, эти примитивные методы производства неминуемо должны в конце концов погибнуть, и в стране с высокоразвитой промышленностью, как, например, здесь, можно было бы утверждать, что гуманнее ускорить

* Жирным шрифтом выделено слово, написанное Энгельсом по-русски. *Ред.*

этот процесс разложения, чем замедлить его. Но вполне возможно, что в России дело обстоит иначе,— тем более, что там можно определенно предвидеть огромные изменения в общем политическом положении. Мелкие и жалкие паллиативы, которые, как Вы сами убедились, принесли чрезвычайно мало пользы в Германии и в других местах, в России, может быть, помогли бы кое-где народу пережить политический кризис и сохранить свою промышленность до тех пор, пока он сам не получит возможности сказать свое слово. И вот школы, быть может, хоть до некоторой степени помогли бы ему понять, что именно ему надо будет сказать. Этому в большей или меньшей степени содействуют всякие подлинные элементы просвещения, распространяемые в народе. Техническое образование достигло бы своей цели, пожалуй, легче всего, если бы оно попыталось, с одной стороны, более рационально организовать производство, хотя бы в самых жизнеспособных и распространенных отраслях промышленности, а с другой стороны,—дало бы детям такие общие технические знания, которые облегчили бы им переход в другие отрасли промышленности. Живя вдали от всего этого, вряд ли можно сказать что-либо еще, кроме этих общих мест, но мне кажется почти несомненным, что Московская губерния еще не так скоро станет центром крупной промышленности, так как она расположена далеко от угольных районов, а дров уже и сейчас не хватает. Поэтому тот или иной вид кустарной промышленности, при всей ее изменчивости, мог бы там продержаться еще некоторое время, даже если благодаря покровительственным пошлинам получают возможности развития отдельные крупные предприятия, как, например, хлопчатобумажная промышленность Шуи и Иванова во Владимирской губернии. Но в конечном счете крестьянам можно помочь только тем, что они получают больше земли и будут ее обрабатывать коллективно.

1883 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЧЬ НА МОГИЛЕ МАРКСА

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Избр. произведения, Госполитиздат,
1955, т. II, стр. 157—159

14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навеки.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории — тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но этого мало. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось бы сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой

области, которую он исследовал,— даже в области математики,— а таких областей было немало, и ни одной из них он не занимался поверхностно.

Таков был этот муж науки. Но это в нем было далеко не главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого нельзя было даже и предвидеть,— его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и еще в последнее время за открытиями Марселя Дебре.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Борьба была его стихией. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Рейнская Газета» 1842 г., парижский «Vorgwärts» 1844 г., «Немецкая Брюссельская Газета» 1847 г., «Новая Рейнская Газета» 1848—1849 гг., «Нью-Йоркская Трибуна» 1852—1861 гг.¹⁰⁵ и сверх того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное Товарищество Рабочих,— поистине это было делом, которым мог гордиться тот, кто его создал, даже если бы он не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные и республиканские — выслали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!

1885 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА К А. БЕБЕЛЮ В ЦЮРИХ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XXVII, 1935, стр. 481—482

Лондон, 24 июля 1885 г.

У Каутского ты правильно подметил его основной недостаток. Его юношескую склонность к поспешным выводам еще более укрепил гнусный метод преподавания истории в университетах, особенно — австрийских. Там систематически приучают студентов писать исторические работы на материале, о котором они заведомо знают, что он недостаточен, но который *они должны рассматривать как достаточный*, — следовательно, писать вещи, которые сами они не могут не считать неверными, но должны их считать верными. Все это Каутский, конечно, проделывал особенно шустро. А затем жизнь литератора — писать ради гонорара, и писать много. Таким образом, у него не было ни малейшего представления о том, что значит действительно научная работа. Он уже несколько раз основательно обжегся — на истории с населением, затем на статьях о первобытном браке¹⁰⁶. Я его тогда самым дружеским тоном пробрал как следует; в этом отношении я его не щажу и беспощадно критикую с *этой* точки зрения все, что он пишет. К счастью, я могу его утешить тем, что и сам в годы юношеского сомнения поступал точно так же, и лишь у Маркса научился тому, как нужно работать. Моя критика уже приносит ему значительную пользу.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА К А. БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XXVII, 1935, стр. 496

Лондон, 28 октября 1885 г.

...В Германии с 1870 г. процветает юнкерская реакция, и все идет назад. У французов же теперь лучшие в мире школы, обязательное обучение, и, в то время как Бисмарк не может справиться с попами, во Франции они совершенно вытеснены из школ¹⁰⁷. Наша германская армия, если не считать прироста социал-демократических элементов,—еще более подлое орудие реакции, чем когда бы то ни было...

1886 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА К Ф.-А. ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XXVII, 1935, стр. 552—553

Лондон, 29 апреля 1886 г.

Относительно пуриста, который ратует против нашего стиля и нашей расстановки знаков препинания: он не знает ни немецкого, ни английского языка, иначе он не находил бы англицизмов там, где их нет. Тот немецкий язык, о котором он мечтает и который нам вколачивали в школе, с его отвратительно построенными периодами и со сказуемым, отодвинутым бесконечными придаточными на 10 верст от подлежащего, в самый хвост,— этот немецкий язык таков, что мне понадобилось тридцать лет, чтобы отучиться от него. Этот бюрократический немецкий язык школьных учителей, для которого Лессинг вообще не существует, исчезает теперь даже в Германии... Если господин пурист появится со своим школьным немецким языком в Германии, ему скажут, что он говорит по-американски. «Вы знаете, до чего мелочен немецкий ученый филистер»,— таков он, по-видимому, особенно в Америке. Немецкое построение фразы вместе с правилами расстановки знаков препинания, в том виде, как их преподавали в школах 40—50 лет тому назад, стоят лишь того, чтобы бросить их в мусорный ящик. Так с ними и поступают в Германии.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Избр. произведения, Госполитиздат,
1955, т. II, стр. 362—364

...Стремление к счастью прирождено человеку, поэтому оно должно быть основой морали. Но стремление к счастью подвергается двоякой поправке. Во-первых, со стороны естественных последствий наших поступков: за опьянением следует похмелье, за вошедшим в привычку излишеством — болезнь. Во-вторых, со стороны их общественных последствий: если мы не уважаем в других того же стремления к счастью, они оказывают сопротивление и мешают нашему стремлению к счастью. Отсюда следует, что если мы хотим удовлетворить свое стремление к счастью, мы должны научиться правильно взвешивать последствия наших поступков и кроме того уважать одинаковую правомерность того же самого стремления у других. Разумное самоограничение в отношении самих себя и любовь — вечно любовь! — в сношениях с другими — таковы, стало быть, основные правила фейербаховской морали, из которых выводятся все остальные. И ни остроумнейшие рассуждения Фейербаха, ни усиленные похвалы Штарке не в состоянии скрыть убогость и пустоту этих двух-трех положений.

Занимаясь самим собой, человек только в очень редких случаях, и далеко не с пользой для себя и для других, удовлетворяет свое стремление к счастью. Он должен иметь сношения с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей: пищу, индивида другого пола, книги, беседы, споры, деятельность, предметы потребления и обработки. Одно из двух: или фейербаховская мораль заранее предполагает, что все эти средства и предметы несомненно имеются у каждого человека, или она дает только благие, но неприменимые советы, и тогда она не стоит выеденного яйца для людей, лишенных вышеуказанных средств. И сам Фейербах прямо говорит об этом: «Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах. Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоём сердце нет пищи для морали».

Лучше ли обстоит дело с равным правом всех людей на счастье? Фейербах безусловно требует его, считает обязательным во все времена и при всяких обстоятельствах. Но с каких пор оно признано всеми? Заходила ли когда-нибудь в древности между рабами и их владельцами или в средние века между крепостными крестьянами и их баронами речь о равном праве всех людей на счастье? Не было ли стремление угнетенных классов к счастью безжалостно и «на законном основании» приносимо в жертву такому же стремлению господствующих классов? Было, но это было безнравственно; теперь же признано равноправие. Признано на словах, с тех пор как буржуазия в борьбе против феодализма и ради развития капиталистического производства вынуждена была уничтожить все сословные, т. е. личные, привилегии и ввести юридическое равноправие личности сперва в области частного, а затем постепенно и в области государственного права. Но для стремления к счастью идеальные права являются крайне недостаточной пищей. Оно питается больше всего материальными средствами, а с этой стороны капиталистическое производство заботится о том, чтобы огромное большинство равноправных лиц имело лишь самое необходимое для самой скудной жизни. Таким образом, капитализм вряд ли оказывает больше уважения равному праву большинства на счастье, чем оказывало рабство или крепостничество. Обстоит ли дело лучше с духовными средствами для удовлетворения стремления к счастью, со средствами к образованию? Разве сам «школьный учитель, победивший при Садовой»¹⁰⁸, — не мифическая личность?

Более того. По фейербаховской теории морали выходит, что фондовая биржа есть храм высшей нравственности, если только там спекулируют с умом. Если мое стремление к счастью заводит меня на биржу и если я там умею правильно взвесить последствия моих действий, так что эти действия приносят мне одни только приятности и никакого ущерба, т. е. если я постоянно выигрываю, то предписание Фейербаха исполнено. И заметьте, что при этом я вовсе не стесняю моего ближнего в его стремлении к счастью. Мой ближний так же добровольно пришел на биржу, как и я. Заключая со мной спекулятивную сделку, он совершенно так же следует своему стремлению к счастью, как я следую моему. А если он теряет свои деньги, то этим доказывается безнравственность его действия, последствия которого были им плохо взвешены. Заставляя его нести заслуженное наказание, я могу даже стать в гордую позу современного Радаманта¹⁰⁹. На бирже царствует также и любовь, поскольку она не просто сентиментальная фраза; ибо каждый удовлетворяет свое стремление к счастью при помощи другого, а именно это и нужно для любви, в этом заключается ее практическое осуществление. Следовательно, если я хорошо предусматриваю последствия своих операций, т. е. если я играю с успехом, то я строжайшим образом исполняю все требования фейербаховской морали, а вдобавок

еще и богатею. Иначе сказать, каковы бы ни были желания и намерения Фейербаха, его мораль оказывается скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества.

Т а м же, стр. 381—382

После революции 1848 г. «образованная» Германия дала отставку теории и принялась за практическую деятельность. Основанные на ручном труде мелкий промысел и мануфактура уступили место настоящей крупной промышленности. Германия снова появилась на мировом рынке. Новая малогерманская империя¹¹⁰ устранила, по крайней мере, самые вопиющие из тех препятствий, которые создавались на пути этого развития существованием множества мелких государств, остатками феодализма и бюрократией. Но по мере того как спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе храм на фондовой бирже, образованная Германия теряла тот великий интерес к теории, который составлял славу Германии в эпоху глубочайшего политического ее унижения,— интерес к чисто научному исследованию, независимо от того, будет ли полученный результат практически выгоден или нет, противоречит он полицейским предписаниям или нет. Правда, официальное немецкое естествознание стояло еще на высоте своего времени, особенно в области частных исследований. Но, по справедливому замечанию американского журнала «Science»*, решающие успехи в деле исследования великой связи между отдельными фактами и в деле обобщения их в законы достигаются теперь преимущественно в Англии, а не в Германии, как прежде. Что же касается исторических наук, до философии включительно, то здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, по в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу.

Только в среде рабочего класса продолжает теперь жить, не зачахнув, немецкий интерес к теории. И здесь уже его ничем не вытравишь. Здесь нет никаких соображений о карьере, о наживе и о милостивом покровительстве сверху. Напротив, чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих. Найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества, новое направление с самого начала обращалось преимущественно к рабочему классу и встретило с его стороны такое сочувствие, какого оно не искало и не ожидало со стороны официальной науки. Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии.

* — «Наука». *Ред.*

1888 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

РОЛЬ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XVI, ч. I, 1937, стр. 466—467

...Два хороших учреждения составляли преимущество Пруссии перед другими большими государствами: всеобщая воинская повинность и всеобщее обязательное школьное обучение¹¹¹. Она ввела их в период горькой нужды, а в лучшие дни удовлетворялась тем, что небрежным их осуществлением и сознательным искажением лишила их опасного, при известных условиях, характера. Но на бумаге они продолжали существовать, и это давало Пруссии возможность развязать в один прекрасный день дремлющую в народных массах потенциальную энергию в таких размерах, каких такое же количество населения нигде в другом месте достигнуть не могло. Буржуазия приспособилась к обоим этим учреждениям; от личной военной службы вольноопределяющимся, т. е. буржуазным сынкам, можно было около 1840 г. легко и довольно дешево избавиться за взятку, тем более, что в самой армии не очень ценили тогда офицеров ландвера, набранных из купеческих и промышленных кругов. А бесспорно существовавшее в Пруссии, благодаря обязательному школьному обучению, довольно значительное число лиц с известным запасом элементарных знаний было для буржуазии в высшей степени полезно; по мере роста крупной промышленности оно стало даже, в конце концов, недостаточно *. Жалобы на высокие налоги, которые взимаются на содержание обоих учреждений, раздавались главным образом среди мелкой буржуазии; входившая в силу крупная буржуазия рассчитала, что неприятные, правда, но неизбежные издержки будущего великодержавного положения страны с избытком окупятся возросшими прибылями.

* Еще во времена «культуркампфа» рейнские фабриканты жаловались мне, что они не могут назначать превосходных во всех отношениях рабочих на должность надсмотрщиков за отсутствием у них достаточных школьных знаний. Особенно это давало себя чувствовать, по их словам, в католических местностях. (*Примечание Энгельса.*)

1891 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

К КРИТИКЕ ПРОЕКТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ПРОГРАММЫ 1891 г.¹¹²

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XVI, ч. II, 1936, стр. 112

5) Полное отделение церкви от государства. Все религиозные общества без исключения рассматриваются государством как частные товарищества. Они лишаются всякой поддержки из публичных средств и всякого влияния на публичные школы.

(Ведь нельзя же им запретить основывать *собственные* школы на *собственные* средства и преподавать там свои глупости.)

6) Пункт о «светской школе» в таком случае отпадает, он относится к предыдущему параграфу.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА К АВГУСТУ БЕБЕЛЮ В БЕРЛИН

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XXVIII, 1940, стр. 365

Лондон, 24—26 октября 1891 г.

Для того чтобы овладеть производительными силами и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и множество таких людей. Их у нас нет, мы даже до последнего времени радовались тому, что по большей части избавлены от так называемой «образованной» публики. Теперь — другое дело. Теперь мы достаточно сильны, чтобы быть в состоянии переварить любое количество образованного сора, и я предвижу, что в ближайшие 8—10 лет к нам примкнет достаточно молодых техников, врачей, юристов и учителей, чтобы организовать управление фабрик и крупных поместий руками партийных товарищей для нужд нации. Тогда взятие власти явится совершенно нормальным и произойдет относительно гладко. Но если в результате войны мы придем к власти раньше, чем будем подготовлены, то техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только смогут; нам придется прибегать к устранению их, и нас все-таки будут обманывать. Так было *всегда* с французскими революционерами, они *вынуждены* были занимать основные должности в управлении, а второстепенные, но ответственные должности предоставляли старым реакционерам, а те мешали и все тормозили. Поэтому я надеюсь и желаю, чтобы наше великое развитие, совершающееся со спокойствием и неуклонностью естественного процесса, продолжало идти старым путем.

1893 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

МОЖЕТ ЛИ ЕВРОПА РАЗОРУЖИТЬСЯ?¹³

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. XVI, ч. II, 1936, стр. 338

Выдвигая в качестве существенного условия перехода к новой системе обучения всех юношей гимнастике и военному делу, я подчеркиваю, что предлагаемую здесь милиционную систему отнюдь не следует смешивать с какой бы то ни было из форм милиции, существующих ныне, например со швейцарской.

Т а м же, стр. 345—347

Выше я пытался показать, что двухгодичный срок службы уже сейчас можно провести для всех родов оружия, если обучать людей лишь тому, что им может пригодиться на войне, и избавить их от потери времени на всякий традиционный хлам. Но я сразу же оговорился, что на двух годах не следует успокаиваться. Нет, речь идет о том, чтобы предложение о двухгодичном сроке службы в международном масштабе явилось только первым шагом на пути к дальнейшему постепенному сокращению срока службы — скажем, сперва до 18 месяцев (два лета и одна зима), затем до одного года, а затем... Тут начинается государство будущего, начинается подлинная милиционная система, и об этом мы уже поговорим тогда, когда дело будет действительно начато.

А в том-то и вся суть, чтобы его начать. Если взглянуть, наконец, прямо в глаза той правде, что сокращение срока службы совершенно необходимо для экономического существования всех стран и для сохранения европейского мира, то ближайшим выводом будет то положение, что *центр тяжести военного обучения должен быть перенесен на воспитание молодежи.*

Когда после десятилетнего изгнания я снова вернулся на Рейн, я был приятно поражен, увидев повсюду во дворах деревенских школ параллельные брусья и турники. Это было превосходно, но дальше этого, к сожалению, дело не пошло. По добромру прусскому обычаю гимнастические приборы согласно инструкции были

заведены, но с их использованием дело никак не клеилось. Об их использовании говорилось в другой бумаге или же, скорее всего, нигде не говорилось. Неужели же мы требуем слишком многого, когда предлагаем, чтобы к этому отнеслись, наконец, серьезно? Не лучше ли преподавать вольную гимнастику и упражнения с приборами учащимся всех классов, пока их члены еще не утратили своей эластичности и гибкости, чем биться, как делают теперь, над двадцатилетними парнями, тщетно пытаюсь — в поте их лица и своего собственного — вернуть их костям, мускулам и связкам, огрубевшим от работы, прежнюю подвижность и гибкость? Любой врач скажет вам, что разделение труда калечит всякого подверженного его действию человека, развивая целый ряд одних мускулов за счет других, и что в каждой отдельной отрасли труда это проявляется различно, так что каждая работа калечит по-своему. Разве же не безумие — сначала позволить калечить людей, а потом на военной службе задним числом стараться их сделать снова прямыми и подвижными? Разве требуется особая, недосягаемая для официального кругозора степень проницательности, чтобы понять, что солдаты будут втрое лучше, если против этого калечения будут своевременно приняты меры в низшей и средней школе?

Но это только начало. Мальчики легко могут усвоить в школе правила военного построения и движения сомкнутым строем. Школьник от природы держится и ходит прямо, в особенности если он занимается гимнастикой; а как стоят в строю наши новобранцы и как трудно обучить их прямо держаться и прямо ходить, это всякий из нас наблюдал, отбывая военную службу. Передвигаться взводом и ротой можно обучить в каждой школе, и притом с легкостью, о которой в армии не имеют представления. Что для новобранца является ненавистной, зачастую непреодолимой трудностью, то для школьника — игра и развлечение. Порядок и равенство во фронтовом марше и при поворотах, — то, чего так трудно добиться от взрослых новобранцев, — школьники усвоят играючи, если только эти упражнения будут с ними проводить систематически. Если добрую часть лета затрачивать на марши и полевые занятия, то это принесет пользу как физическому и духовному развитию школьников, так и финансам военного ведомства, которое сэкономит таким образом много месяцев военной службы. Что такие военные прогулки можно отлично использовать для того, чтобы научить школьников разрешать задачи полевой службы, и что эти прогулки в высшей степени поднимают умственный уровень школьников и дают им возможность в сравнительно короткий срок усвоить специальное военное образование, — это практически доказал в своей цюрихской школе мой старый друг Бейст, сам бывший когда-то прусским офицером. При современной сложности военного дела нечего и думать о переходе к милиционной системе без военной подготовки молодежи, и как раз в этой области успешные попытки Бейста имеют огромное значение.

А теперь я позволю себе затронуть специфически прусскую струну. Для прусского государства животрепещущим является вопрос о том, куда девать отбывшего службу унтер-офицера. До сих пор его использовали в качестве жандарма, пограничника, швейцара, письмоводителя, гражданского чиновника всевозможных видов; в системе прусской бюрократии нет такой дыры, пусть даже самой жалкой, куда бы не совали унтер-офицеров, имеющих право на гражданское обеспечение. Так вот, вы выбывались из сил, что бы как-нибудь пристроить своих унтер-офицеров; вы всячески старались рассовать их по местам, для которых они не годятся, дать им работу, в которой они ничего не смыслят; не пора ли, наконец, занять их таким делом, в котором они кое-что понимают и могут кой-чего достигнуть? Пусть они станут школьными учителями, но пусть обучают не чтению, письму и счету, а гимнастике и строю, — это будет полезно и для них и для школьников. И лишь только унтер-офицер из застенка казармы и из-под ведения военного суда будет выведен на свет школьного двора и общегражданского уголовного кодекса, — тогда, бьюсь об заклад, наша бунтующая школьная молодежь научит злейшего мучителя солдат, как следует себя вести.

Т а м ж е, стр. 350

Армия состоит не только из солдат, но и из офицеров. А по этой части в России дело дрянь. Офицерство в России может вербоваться только из среды дворян и городской буржуазии; но дворянство сравнительно очень малочисленно, а городов немного; из десяти жителей самое большее один живет в городе, да и из городов этих только очень немногие заслуживают название города; число средних школ и учащихся в них чрезвычайно незначительно; где же набрать нужных для всей этой армии офицеров?

Что хорошо для одного, не годится для другого. Система всеобщей воинской повинности предполагает известный уровень экономического и умственного развития; там, где его нет, эта система приносит больше вреда, чем пользы. И именно так обстоит дело в России.

Т а м ж е, стр. 358

...Все армии необыкновенно способны учиться после *больших поражений*. Поэтому во Франции было бы легче, чем где бы то ни было, наилучшим образом использовать установленный соглашением срок службы; а так как и школа находится там в таком же состоянии революционного преобразования, как армия, то там можно будет гораздо быстрее и легче, чем где-либо, наладить и дело общей физической и специальной военной подготовки молодежи. Но это означало бы усиление военной силы Франции по отношению к Германии...

Ф. ЭНГЕЛЬС
МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ СТУДЕНТОВ-
СОЦИАЛИСТОВ

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., т. XVI, ч. II, 1936, стр. 374

Лондон, 19 декабря 1893 г.

Дорогие граждане!

Благодарю вас за ваше любезное приглашение на конгресс студентов-социалистов и бесконечно сожалею о том, что не могу им воспользоваться, так как занят важными и неотложными работами. Мне остается поэтому лишь пожелать вашему конгрессу всяческого успеха, какого он заслуживает. Пусть ваши усилия способствуют развитию среди студентов сознания, что именно из их рядов должен выйти тот пролетариат умственного труда, который призван наряду и вместе со своими братьями, работниками физического труда, сыграть значительную роль в надвигающейся революции.

Буржуазные революции прошлого требовали от университетов только адвокатов, как лучший первичный материал, из которого выходили их политические деятели; для освобождения рабочего класса нужны кроме того доктора, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, потому что дело идет о том, чтобы взять в руки управление не только политической машиной, но и всем общественным производством, и тут вместо звонких фраз понадеются солидные знания.

Братский привет.

Ф. Энгельс.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

воспитанника Трирской гимназии Карла Маркса

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. I, 1928, стр. 429—430

Родом из Трира, 17 лет от роду, евангелического исповедания, сына адвоката-стряпчего, господина юстиции советника Маркса из Трира, прожившего 5 лет в Трирской гимназии и 2 года в первом классе.

I. *Нравственное поведение* по отношению к начальству и товарищам было хорошее.

II. *Способности и прилежание*. Он обладает хорошими способностями; проявил в древних языках, в немецком и в истории весьма удовлетворительное, в математике удовлетворительное и во французском только слабое прилежание.

III. *Знания и успехи*.

1. *Языки*:

а) *В немецком* его грамматические познания, как и его сочинения, очень хороши.

б) *По-латыни* он переводит и объясняет легкие места читаемых в гимназии классиков без подготовки, бегло и уверенно; а при надлежащей подготовке или при некоторой помощи часто и более трудные места, в особенности такие, где трудность заключается не столько в особенностях языка, сколько в сущности и в общей связи идей.—Его сочинение обнаруживает, объективно говоря, богатство мыслей и глубокое понимание предмета, но часто оно излишне перегружено: в лингвистическом отношении в нем замечаются продолжительные упражнения и стремление к настоящему латинизму, хотя в нем попадаются еще грамматические ошибки. В латинском разговоре он приобрел удовлетворительную беглость.

с) *В греческом* его познания и его умение понимать читаемых в гимназии классиков почти такие же, как в латинском*.

* В первоначальной редакции: «его знания и умение понимать классиков почти такие же, как в латинском; меньшими обладает он в переводе читаемых в гимназии греческих классиков, вследствие недостаточной твердости в грамматике и меньшей уверенности, чем в латинском, хотя ему часто удается правильно объяснять более трудные места; в общем, он переводит довольно бегло».

d) *Во французском* его грамматические познания довольно хороши; он читает с некоторой помощью и трудные вещи и обладает некоторой беглостью в устном изложении *.

2. *Науки:*

a) *Религиозные познания.* Его знания христианского вероучения и нравоучения довольно ясны и обоснованны; и он до известной степени знает историю христианской церкви.

b) *Математика.* По математике у него хорошие познания.

c) *В истории и географии* он, в общем, имеет довольно удовлетворительные познания.

d) *Физика.* В физике знания у него средние.

Нижеподписавшаяся экзаменационная комиссия на основании этого, ввиду того, что он оставляет теперь гимназию, чтобы изучать юриспруденцию, постановила выдать ему свидетельство зрелости и выпускает его, питая надежды, что он оправдает возлагаемые на него, благодаря его способностям, надежды.

Трир, 24 сентября 1835 г.

Королевская Экзаменационная Комиссия.

Подписали: *Виттенбах, Лерс, Гроссман, Швендлер, Шнееман.*

Подписано: *Брюггеман*, королевский комиссар.

---

* Первоначально было: «говорит отдельные фразы».

ВЫПУСКНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО,

*выданное ученику высшего класса Фридриху Энгельсу,
родившемуся 28 ноября 1820 г. в Унтербармене,
евангелического вероисповедания*

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. II, 1928, стр. 438—439

С осени (20 октября) 1834 г. был учеником Эльберфельдской гимназии, и притом с осени (17 октября) 1836 г. учеником высшего класса этой гимназии; во время своего пребывания в старшем классе отличался *весьма хорошим* поведением, а именно обращал на себя внимание своих учителей скромностью, искренностью и сердечностью, и, при хороших способностях, обнаружил похвальное *стремление* получить как можно более обширное научное образование, а поэтому и оказал отрядные *успехи*, которые точнее схарактеризованы в нижеследующем сопоставлении отдельных учебных предметов:

I. Языки.

1. *Латинский*. Он без труда понимает произведения пройденных авторов, как прозаиков, так и поэтов, в особенности Ливия и Цицерона, Вергилия и Горация, так что он легко понимает связь целого, отчетливо вникает в ход мыслей и искусно переводит с латинского на родной язык. Не в такой степени удалось ему вполне усвоить грамматику, так что, хотя в письменных работах и обнаруживаются успехи, они все же не безупречны со стороны грамматики и слога.

2. *Греческий*. Он приобрел достаточные сведения по этимологии и по синтаксису, в особенности же научился хорошо переводить *как сочинения сравнительно легких греческих прозаиков, так и произведения Гомера и Эврипида*, и сумел хорошо понять и воспроизвести ход мыслей в одном из диалогов Платона.

3. *Немецкий*. Письменные работы, особенно за последний год, свидетельствуют об отрядных успехах в отношении общего развития; в них содержались верные, самостоятельные мысли, и в большинстве случаев они были изложены в надлежащем порядке;

изложение отличалось необходимой основательностью, и выражение мыслей заметно приближалось к правильности. Э. проявил похвальный интерес к *истории немецкой литературы* и к чтению немецких классиков.

4. *Французский*. Он хорошо переводит французских классиков. Хорошо знает грамматику.

II. Науки.

1. *Религия*. Ему хорошо известны основные учения евангелической церкви, а равно и главные моменты истории христианской церкви. И приходится признать его начитанность в Н[овом] З[авете] (в подлиннике).

2. *По истории и географии* у него имеются достаточные, отчетливые познания.

3. *По математике* Э. в общем приобрел хорошие сведения; вообще он обнаружил хорошую способность понимания и умел выражать свои мысли ясно и отчетливо. То же самое следует сказать и

4. об его познаниях по *физике*.

5. *Философская пропедевтика*. Э. с интересом и успешно принимал участие в занятиях по эмпирической психологии.

Нижеподписавшийся расстается с любимым учеником, который был особенно близок ему благодаря семейным отношениям и который старался отличаться в этом положении религиозностью, чистотою сердца, благонаравием и другими привлекательными свойствами, при воспоследовавшем в конце учебного года (15 сентября нынешнего года) переходе к промышленной деятельности, которую ему пришлось избрать как профессию вместо прежде намеренных учебных занятий, с наилучшими благословениями. Пусть господь благословит и направит его!

Д-р И.-К.-Л. Ханчке.

Эльберфельд, 25 сентября 1837 г.

ПОЛЬ ЛАФАРГ

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

Воспоминания о Марксе и Энгельсе,
Госполитиздат, 1956, стр. 61—76

Он человек был, человек во всем,
Ему подобных мне уже не встретить.
(Шекспир. «Гамлет».)

1

В первый раз увидел я Карла Маркса в феврале 1865 года. 28 сентября 1864 года в Лондоне на собрании в Сент-Мартинс Холле был основан I Интернационал. В феврале 1865 года я приехал из Парижа в Лондон, чтобы сообщить Марксу сведения об успехах, достигнутых там молодой организацией. Г-н Толен — ныне сенатор буржуазной республики — дал мне рекомендательное письмо.

Мне было тогда 24 года; всю свою жизнь я не забуду того впечатления, которое произвела на меня эта первая встреча. Маркс тогда прихварывал и работал над первым томом «Капитала», который вышел только два года спустя, в 1867 году. Он опасался, что ему не придется довести до конца свою работу, и с удовольствием принимал молодых людей. Он говорил: «Я должен подготавливать людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду».

Карл Маркс — это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновременно и в науке и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем, что его невозможно понять, не рассматривая одновременно и как ученого и как социалистического борца.

Маркс держался взгляда, что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести, и в то же время считал, что ученый, если он не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде

крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников.

«Наука совсем не эгоистическое удовольствие,— говорил Маркс,— и те счастливы, которые могут посвятить себя научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для человечества» было одним из его любимых выражений.

К коммунистическим убеждениям Маркс пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния капиталистических интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам.

Но если Маркс без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие человеческого общества, то писал он только с определенным намерением распространять результаты своих исследований и с твердым, определенным решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него блуждало в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь целью: способствовать торжеству дела рабочего класса, историческая задача которого, как только этот класс возьмет в свои руки политическое и экономическое руководство обществом,— создать коммунизм.

В своей деятельности Маркс не ограничивался страной, в которой он родился. «Я гражданин мира,— говорил он,— и действую там, где нахожусь». И действительно, во всех странах, куда забрасывали его события и политические преследования,— во Франции, Бельгии, Англии,— он принимал выдающееся участие в революционных движениях, которые там развивались.

Но не в качестве неутомимого и несравненного социалистического агитатора, а как ученый предстал он впервые предо мной в той рабочей комнате на Мейтленд-парк-род, куда со всех сторон цивилизованного мира стекались партийные товарищи для того, чтобы узнать по разным вопросам мнение мастера социалистической мысли. Это историческая комната, и надо ее знать, если хочешь понять интимную сторону духовной жизни Маркса.

Она помещалась во втором этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. У стен, по обе стороны камина и напротив окна, стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами; посреди комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине; тут

же были сигары, спички, коробки с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса.

Маркс очень много курил.

— «Капитал» не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним,— как-то сказал он мне.

Но в еще большем количестве истреблял он спички; он так часто забывал о своей трубке или о сигаре и ему так часто приходилось их зажигать, что коробки спичек опустошались с невероятной быстротой.

Маркс никому не позволял приводить в порядок, или, вернее, в беспорядок, свои книги и бумаги. Они только с виду были в беспорядке: все было, собственно говоря, на своем определенном месте, и он, не ища, немедленно брал книгу или тетрадь, которые ему были нужны. Даже во время беседы он часто останавливался, чтобы показать в книге приведенную цитату или цифру. Он был одно целое со своей рабочей комнатой, находящиеся в ней книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела.

В расстановке книг Маркс не руководствовался внешней симметрией; книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по формату, а по их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. «Они — мои рабы,— говорил он,— и должны служить мне, как я хочу». Он не обращал внимания на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; он загибал углы, покрывал поля отметками карандашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом он не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Гейне и Гёте, которых Маркс в разговоре часто цитировал, он знал наизусть. Он постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы. Ежегодно перечитывал он Эсхила в греческом оригинале; его и Шекспира он любил как двух величайших драматических гениев, которых породило человечество. Шекспира, которого он особенно любил, он изучал специально. Он знал его самых незначительных персонажей. В семье Маркса господствовал настоящий культ великого английского драматурга. Три дочери Маркса знали его наизусть. Когда после 1848 года Маркс задумал усовершенствоваться в английском языке, на котором он еще раньше умел читать, он стал собирать и приводить в систему все своеобразные шекспировские выражения; он

гнимательно изучал и часть полемических произведений Уильяма Коббета, которого он очень высоко ценил. Данте и Бёрнс были его любимейшими поэтами. Ему доставляло большое удовольствие, когда его дочери читали вслух сатиры или пели романсы шотландского поэта Бёрнса.

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназначалась для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. п. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; в том и состоял его отдых.

Маркс был такой же неутомимый труженик, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комнате: от дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу.

По временам Маркс ложился на диван и читал романы, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов. Маркс любил преимущественно романы XVIII столетия и особенно Филдинга; из позднейших писателей ему больше всего нравились Поль де Кок, Чарлз ЛEVER, Александр Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого «Пуритане» («Old Mortality») он считал образцовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приключениями и юмористическим элементом.

Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в «Дон-Кихоте» он видел эпос вымиравшего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии стали чудачествами и вызывали насмешки. Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать исследование о его крупнейшем произведении «Человеческая комедия», как только окончит свое сочинение по политической экономии. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Луи-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития.

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: «Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе».

Маркс обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через какие-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать

официальные документы, опубликование которых в силу содержащихся в них ужасных разоблачений правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними ¹¹⁴.

Наряду с поэтами и романистами у Маркса было еще замечательное средство для умственного отдыха — математика, к которой он питал особое пристрастие. Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни. Во время последней болезни жены он не мог продолжать обычных научных занятий; и в этом тяжелом состоянии он мог сколько-нибудь успокоиться, только погружаясь в математику. В это время — время душевных страданий — он написал работу по исчислению бесконечно малых величин, которая, по отзывам читавших ее специалистов, имеет большое научное значение. В высшей математике он находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме. Он считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой.

Собственная библиотека Маркса, которую он тщательно собирал за долгое время своей исследовательской работы, в течение всей своей жизни, и которая содержала более тысячи томов, была для него недостаточна, и он в течение многих лет был усердным посетителем Британского музея, книгохранилище которого он ценил очень высоко.

Даже противники Маркса вынуждены были признать его обширные и глубокие познания не только по его специальности — политической экономии, но также и по истории, философии и по литературе всех стран.

Хотя спать Маркс ложился всегда очень поздно, но между восемью и девятью часами утра всегда бывал уже на ногах, пил черный кофе, читая газеты, и шел затем в свою рабочую комнату, где и работал до двух или до трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хэмпстед-Хис ¹¹⁵, если позволяла погода; днем час или два он спал на своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи.

Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ней он часто забывал о еде. Нередко приходилось звать его к обеду по нескольку раз, пока он спускался, наконец, в столовую; и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже шел в свою комнату.

Ел он очень мало и прямо-таки страдал отсутствием аппетита; он пытался с этим бороться, употребляя в пищу острые и соленые кушанья — ветчину, копченую рыбу, икру и маринады. Желудок должен был расплачиваться за колоссальную работу мозга.

Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для Маркса высшим наслаждением. Мне приходилось часто слышать, как он повторял слова Гегеля, своего учителя философии в годы юности: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба».

Организм Маркса должен был быть очень крепким, чтобы выносить такой необычный образ жизни и такую изнуряющую умственную работу. И действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечим, с хорошо развитой грудью, он был пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиннее, чем следует, по сравнению с ногами, как это часто встречается у евреев. Если бы в молодости он много занимался гимнастикой, то стал бы очень сильным человеком. Единственное физическое упражнение, которым он занимался регулярно, была ходьба; целыми часами, беседуя и куря, он мог шагать или взбираться на холмы, не чувствуя ни малейшей усталости. Можно даже сказать, что в своем кабинете он работал на ходу; он присаживался лишь на короткие промежутки времени, чтобы записать то, что он обдумал во время ходьбы. Он очень любил беседовать расхаживая и лишь время от времени останавливался, когда беседа бывала особенно оживленной или разговор становился серьезным.

В продолжение многих лет я сопровождал его на вечерних прогулках в Хэмпстед-Хис; во время этих прогулок по лугам получил я от него свое экономическое воспитание. Может быть, даже сам того не замечая, он излагал мне, шаг за шагом, содержание всего первого тома «Капитала», по мере того как он его тогда писал.

Всякий раз, возвратившись домой, я записывал, как мог, только что услышанное; сначала мне было очень трудно следовать за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, я потерял эти драгоценные заметки. После Парижской Коммуны мои бумаги в Париже и в Бордо подверглись со стороны полиции полному разграблению.

Больше всего жалею я об утрате заметок, которые я сделал в тот вечер, когда Маркс изложил мне свою гениальную теорию развития человеческого общества с тем богатством доказательств и соображений, которое было свойственно только ему. Как будто завеса разорвалась перед моими глазами: в первый раз я ясно почувствовал логику всемирной истории и мог свести столь противоречивые по видимости явления развития общества и идей к их общим материальным причинам. Я был этим прямо-таки ошеломлен, и впечатление это сохранилось у меня в течение долгих лет.

Точно такое же действие произвело это на мадридских социалистов¹¹⁶, когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из теорий, созданных Марксом,

и, безусловно, одну из величайших теорий вообще, до каких только доходил когда-либо человеческий ум.

Мозг Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области истории и естествознания, а также философских теорий, и он превосходно умел пользоваться всей массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы. Маркса можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и неизменно получался самый обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления.

Несомненно, «Капитал» обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни «Капитал», ни какое-либо другое из его сочинений не показывает всего величия его гения и его знаний. Он был гораздо выше своих произведений.

Мне привелось работать с Марксом; я был просто писцом, которому он диктовал. Но мне при этом представлялась возможность наблюдать его манеру мыслить и писать. Работа шла у него легко и в то же время трудно: легко, потому что для любой темы немедленно же появлялась перед его духовным взором вся полнота относящихся к ней фактов и соображений; но как раз вследствие этой полноты исчерпывающее изложение его идей было трудным делом и требовало продолжительного времени...

Маркс постигал суть вещи. Он видел не только поверхность, он проникал вовнутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний проделывал, и доходил, наконец, до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир.

И Маркс хотел изобразить всю жизнь этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера и Гонкуров жалуются: как трудно точно передать то, что видишь. А ведь то, что они хотят изобразить, это только поверхность, только воспринятое ими впечатление. Их литературная работа — детская игра по сравнению с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел сказать.

Никогда он не был доволен своей работой, всегда он впоследствии делал в ней изменения и постоянно находил, что изложение не достигает той высоты, до которой доходит его мысль.

Маркс совмещал в себе оба качества, необходимые для гениального мыслителя. Он мастерски разлагал предмет на его составные части и затем восстанавливал его со всеми его деталями и различными формами развития и открывал внутреннюю их зависимость. Его доказательства не были абстракциями, как утверждали экономисты, не способные мыслить; его метод был не метод геометрии, которая, черпая свои определения из окружающего мира, при построении выводов совершенно отрешается от реальной почвы. В «Капитале» мы находим не отдельные определения, не отдельные формулы, а ряд в высшей степени тонких анализов действительности, передающих самые легкие оттенки и малейшие различия.

Маркс начинает с утверждения очевидного факта, что богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, заключается в огромной массе товаров; товар — нечто конкретное, не какая-нибудь математическая абстракция — есть, таким образом, элемент, первичная клеточка капиталистического богатства. Маркс берется за этот товар; он перевертывает его во все стороны, выворачивает даже наизнанку и раскрывает одну за другой его тайны, о существовании которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые, однако, многочисленнее и глубже, чем все таинства католической религии. Всесторонне исследовав вопрос о товаре, он рассматривает отношение одного товара к другому в обмене и затем переходит к производству товаров и к историческим условиям развития их производства. Рассматривая формы существования товара, Маркс показывает, как одна из них переходит в другую, как необходимым образом одна производит из себя другую. Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться простым измышлением самого Маркса, и, тем не менее, все это почерпнуто им лишь из действительности, все это представляет действительную диалектику товара.

Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт. Оппоненты никогда не были в состоянии изобличить Маркса в опрометчивости, указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики.

Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у него одного. Подобных цитат в «Капитале» так много, что можно было бы, пожалуй, заподозрить, не приводил ли он их намеренно, чтобы похвастать своей начитанностью.

Маркс, однако, имел в виду отнюдь не такую цель. «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам», говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую мысль или выразил ее наиболее определенно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель.

Литературная совесть Маркса была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только никогда не ссылался на факт, в котором не был вполне уверен, но даже не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно. Он не публиковал ничего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднократными переделками соответствующей формы. Ему была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, не доработанной до конца. Показывать свои рукописи, пока в них не закончено все до последней запятой, было для него чистым мучением. Так сильно было в нем это чувство, что однажды он сказал, что лучше сожжет свои рукописи, чем оставит их незаконченными.

Вряд ли читатель его произведений представляет себе все трудности, которые вытекали из его метода исследования. Так, чтобы написать в «Капитале» около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку Синих книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в них. Эти доклады он считал важнейшими и значительнейшими документами для изучения капиталистического способа производства и был такого высокого мнения о людях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим нациям Европы «найти таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора». Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловии к «Капиталу».

И этот обильный фактический материал Маркс почерпнул из тех самых Синих книг, которые многие члены обеих палат парламента, получавшие эти книги, употребляли только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу страниц, пробитых пульей, силу удара оружия. Другие члены парламента продавали Синие книги на вес, и это было самое разумное, что они могли сделать: это-то и дало возможность Марксу дешево купить их у букиниста, к которому он заходил время от времени просматривать книги и старые документы. Профессор Бизли заявил, что Маркс максимально использовал для науки Синие книги и, пожалуй, даже впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не знал, что еще до 1845 года Энгельс почерпнул из Синих книг много документов, которые он использовал в своей книге о положении рабочего класса в Англии¹¹⁷.

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или по воскресеньям вечером в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого человека и полюбить его. В эти моменты он бывал самым приятным собеседником — остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души. Всякий раз, когда кто-нибудь вставлял в разговор острое слово или ловко парирующий ответ, черные глаза Маркса под нависшими густыми бровями искрились от веселости и насмешливой иронии.

Маркс был нежным, кротким, снисходительным отцом. «Дети должны воспитывать своих родителей», бывало говорил он. Не было и тени отцовской власти в его отношении к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И, тем не менее, редкому отцу удавалось добиться большого послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с товарищем. Они называли его не отец, а «Мавр», — так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные, как смоль, волосы и бороду. А члены Союза коммунистов¹¹⁸ еще до 1848 года величали его «отец Маркс», хотя в то время ему не было еще и 30 лет...

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последние и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумажных корабликов, которые он сам для них сооружал, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят.

По воскресеньям дочери не позволяли ему работать: он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало большую прогулку за город; по дороге заходили в простую таверну выпить имбирного пива и закусить хлебом с сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца, — сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была бесподобная поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением.

Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом кото-

рой должна была служить история Гракхов. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, кого называли «рыцарем классовой борьбы», разработал бы этот трагичный и вместе величественный эпизод из истории борьбы классов древнего мира. У Маркса было множество планов, которые остались неосуществленными. Он намеревался, между прочим, написать логику и историю философии,— последняя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было ему прожить, чтобы привести в исполнение свои литературные планы — одарить мир частью тех сокровищ, которые хранились в его голове!

Жена Маркса в течение всей его жизни была ему другом в самом настоящем и полном смысле этого слова. Оба знали друг друга еще с детства и выросли вместе. Марксу было не больше 17 лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать семь лет, пока они, в 1843 году, обвенчались и с тех пор не различались уже ни разу. Жена Маркса скончалась, немного опередив мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей равенства, как жена Маркса, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Различий по общественному положению для нее не существовало. Пролетариев в будничной рабочей одежде она приглашала садиться в ее доме за ее стол с такой любезностью и предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостеприимство и радушие, и я уверен — ни один из них даже не заподозрил, что эта женщина, с ее безыскусственной, искренней сердечностью в обращениях, происходит по женской линии из рода герцогов Аргайлских, что ее брат был министром прусского короля. Она бросила все, чтобы следовать за своим Карлом, и никогда, даже в дни самой жестокой нужды, не раскаивалась в том, что сделала.

У нее был светлый, блестящий ум. Ее письма к друзьям, очевидно без всякого усилия с ее стороны, сами собой выливавшиеся из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального ума. Получить от жены Маркса письмо было праздником. Иоганн Филипп Беккер опубликовал часть ее писем. Неумолимый сатирик Гейне побаивался иронии Маркса и очень высоко ценил острый и тонкий ум его жены. Во время пребывания четы Маркс в Париже он был их постоянным гостем. Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме и критических способностях своей жены, что (как я слышал от него в 1866 г.) давал ей на прочтение все свои рукописи и придавал большую цену ее суждениям. Она же переписывала его рукописи для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раннем возрасте во время невзгод, которые пришлось испытать семье после революции 1848 года, когда они эмигрировали в Лондон и поселились там в двух маленьких комнатах на Дин-стрит, около Сохо-сквера. Из детей я знал только трех дочерей.

Когда в 1865 г. я познакомился с Марксом, младшая (Элеонора) была чудным ребенком, с замашками мальчика. Маркс уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Две другие дочери представляли собой удивительный образчик совершенных противоположностей во всех отношениях. Старшая (впоследствии жена Лонге), подобно отцу, имела смуглый здоровый цвет лица и волосы цвета воронова крыла; другая — средняя (впоследствии жена Лафарга) — походила на мать: это была румяная блондинка с пышными кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилося заходящее солнце.

К семейству Маркса, кроме вышеупомянутых, нужно причислить еще одного члена, игравшего в нем немаловажную роль — Ленхен Демут. Родом из крестьянской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к Женни Маркс в качестве прислуги задолго до ее замужества. Ленхен не оставила Женни Маркс и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семейству Маркса, что совершенно забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех их поездках и разделяла с ними их изгнание. Это был поистине добрый гений дома; она умела найти в самую трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости семья никогда не испытывала острой нужды, по крайней мере, в самом необходимом. Ленхен все умела делать: стирала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с женой Маркса. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и хозяйкой и мажордомом.

Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Женни Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала.

Привязанность Ленхен к семье Маркса была слепая: что бы кто из них ни сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказывавший осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался сердечным расположением семьи, она относилась по-матерински, с чувством покровительственной нежности. Она как бы усыновила всех их — всю семью. Ленхен пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязанность, которые она дарила семье Маркса, она перенесла затем в дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодые годы. Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи; дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был alter ego * Маркса; долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут навсегда связаны. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и,

* — вторым «я». *Ред.*

так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, принимали участие в одном и том же революционном движении и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе.

Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не разлучили их почти на целых 20 лет. После поражения революции 1848 года Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остаться в Лондоне.

Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: они почти ежедневно переписывались по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешил выбраться из Манчестера и переехал в Лондон, где поселился в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начиная с 1870 года и до самой смерти Маркса не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы один из друзей не навещал другого.

Когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством в семье Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания.

Мнением Энгельса Маркс дорожил больше, чем мнением кого бы то ни было: Энгельс был как раз тем человеком, которого Маркс считал способным быть его сотрудником. Для того чтобы убедить в чем-нибудь Энгельса, чтобы заставить его признать какую-нибудь свою идею, Маркс не жалел никаких трудов. Мне, например, привелось видеть, как он перечитывал заново целые тома, чтобы отыскать факты, которые заставили бы Энгельса переменить мнение по какому-то — теперь не припомню, какому именно — второстепенной важности вопросу из истории политической и религиозной войны альбигойцев¹¹⁹. Заставить Энгельса согласиться со своим мнением было праздником для Маркса.

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мной все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы показать мне его, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер. Маркс приходил в восторг от необыкновенной разносторонности научных познаний Энгельса. Каждая мелочь, касавшаяся друга, беспокоила его.

— Я постоянно дрожу, — говорил мне Маркс, — при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим.

Маркс был хорошим другом так же, как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких — жене, дочерях, Ленхен и Энгельсе — он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он.

ПОЛЬ ЛАФАРГ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

Воспоминания о Марксе и Энгельсе,
Госполитиздат, 1956, стр. 79—87

Я познакомился с Энгельсом в 1867 году, в год выхода в свет первого тома «Капитала».

— Теперь, когда ты стал женихом моей дочери,— сказал мне Маркс,— я должен представить тебя Энгельсу.— И мы поехали в Манчестер.

Энгельс жил со своей женой и ее племянницей, которой тогда было лет шесть или семь, в небольшом домике на окраине города. В нескольких шагах от дома начиналось уже открытое поле.

После поражения революции на континенте Энгельс, подобно Марксу, эмигрировал в Лондон, где он, как и Маркс, намеревался посвятить себя всецело политической деятельности и научным занятиям. Но Маркс и Энгельс остались без всяких средств к существованию. Нужда поэтому заставила Энгельса последовать приглашению своего отца и вернуться в Манчестер, где ему пришлось занять то же место в конторе, которое он занимал в 1843 году. Маркс в это время писал еженедельные корреспонденции для газеты «New York Daily Tribune» («Нью-йоркская трибуна») и с трудом мог удовлетворять самые насущные потребности своей семьи.

С этого времени до 1870 года Энгельс вел как бы двойную жизнь: в течение шести дней недели с 10 до 4 часов дня он выполнял свои обязанности коммерческого служащего, состоявшего главным образом в ведении на разных языках иностранной корреспонденции фирмы, а также в посещении торговой биржи. Для приема своих знакомых из коммерческого мира он имел специальную квартиру в центре города, а в маленький домик в предместье города имели доступ только его политические и научные друзья. Среди них был химик Шорлеммер, а также Самюэл Мур, который впоследствии перевел первый том «Капитала» на английский язык. Жена Энгельса, ирландка по происхождению, была горячей патриоткой и все время поддерживала связи со своими соотечест-

венниками, которых в Манчестере было тогда очень много; она постоянно была в курсе всей их заговорщической деятельности. Немало фениев ¹²⁰ находило убежище в доме Энгельса, а один из их руководителей, который предпринял попытку освободить перевозимых к месту казни фениев, только благодаря жене Энгельса смог ускользнуть от полиции. Энгельс, интересовавшийся движением фениев, собрал ряд документов по истории английского господства в Ирландии; часть этих материалов, несомненно, обработана им и должна находиться среди оставшихся после него бумаг ¹²¹.

По вечерам, освободившись от делового рабства, Энгельс возвращался в свой домик и снова становился свободным человеком. Он принимал участие не только в деловой жизни промышленников Манчестера, но и в их развлечениях: посещал их собрания, банкеты, занимался их спортом. Будучи прекрасным наездником, он имел собственную лошадь для охоты на лисиц. Он не упускал случая принять участие в такой охоте, когда, согласно старому феодальному обычаю, высшее и среднее дворянство приглашало окрестных наездников на травлю лисиц. Энгельс был в числе первых в яростной скачке за зверем, и рвы, изгороди и прочие препятствия были ему нипочем. Маркс по этому поводу сказал мне однажды:

— Я все боюсь услышать когда-нибудь, что с ним произошло несчастье...

Не знаю, были ли его буржуазные знакомые осведомлены об его другой жизни,— англичане ведь необыкновенно сдержанны и проявляют так мало любопытства по отношению к тому, что их непосредственно не касается. Во всяком случае они решительно ничего не знали о высоких умственных качествах человека, с которым находились в ежедневном общении, потому что Энгельс весьма скупно обнаруживал пред ними свои познания. Человек, которого Маркс считал одним из образованнейших людей в Европе, был для них лишь веселым собеседником, понимающим толк в хороших винах...

Энгельс всегда любил общество молодежи и неизменно был гостеприимным хозяином. Сколько лондонских социалистов, сколько проезжавших через Англию товарищей, сколько эмигрантов всех стран собиралось по воскресным дням за его братским столом! Все они покидали его дом, очарованные этими вечерами, которые он оживлял своим остроумием, своей увлекательной живостью, своей неугомонной веселостью.

* * *

Нельзя думать об Энгельсе, не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизни их настолько тесно переплелись, что составляли, так сказать, одну единую жизнь. И тем не менее каждый из них представлял собой ярко выраженную особую индивидуаль-

ность; они отличались друг от друга не только по внешнему облику, но и по характеру, по темпераменту, по манере мыслить и чувствовать.

Маркс и Энгельс впервые встретились в последних числах ноября 1842 года при посещении Энгельсом редакции «Rheinische Zeitung»¹²². Когда Маркс, после того как цензура удушила «Rheinische Zeitung», женился и переехал во Францию, Энгельс провел с ним в сентябре 1844 года несколько дней в Париже. Переписка их началась, как сообщает Энгельс в своей биографии Маркса, с совместной работы в «Deutsch-Französische Jahrbücher»¹²³, и с той поры начинается их совместная деятельность, закончившаяся лишь со смертью Маркса. В начале 1845 года министерство Гизо по настоянию прусского правительства выслало Маркса из Франции, и он переехал в Брюссель. Вскоре и Энгельс приехал туда. И когда революция 1848 года снова призвала к жизни «Rheinische Zeitung»¹²⁴, Энгельс вошел вместе с Марксом в редакцию и замещал его в руководстве газетой, когда Маркс бывал в отъезде.

Однако Энгельс не пользовался таким же авторитетом, как Маркс, в глазах своих товарищей по редакции — молодых людей, сплошь талантливых, революционно настроенных, мужественных, — несмотря на свое духовное превосходство над ними. Маркс рассказывал мне, что, вернувшись как-то из поездки в Вену, он застал в редакции раскол и распри, с которыми Энгельс никак не мог справиться. Отношения были очень обострены. Чтобы снова восстановить мир в редакции, Марксу пришлось пустить в ход всю свою дипломатию.

У Маркса был врожденный дар руководить людьми. Влиянию его подвергался всякий, кто соприкасался с ним. Энгельс один из первых признал это. Часто говорил он мне, что Маркс с самой ранней молодости imponировал всем ясностью и решительностью своего характера. Он был подлинный вождь, к которому все относились с полным доверием даже в делах, выходящих за пределы его компетенции.

Вот характерный в этом отношении факт. Вольф, которому посвящен первый том «Капитала», тяжело заболел в Манчестере, где он жил. Врачи признали его положение безнадежным. Но Энгельс и друзья его не поверили этому жестокому приговору и заявили в один голос, что следует по телеграфу вызвать Маркса и выслушать его мнение...

Энгельс и Маркс привыкли работать совместно. Энгельс, сам в высшей степени добросовестный в научной работе, тем не менее не раз выходил из себя от скрупулезности Маркса, не желавшего напечатать ни одной фразы, которой он не мог бы доказать differently различными способами.

После поражения революции 1848 года друзья вынуждены были расстаться. Один из них отправился в Манчестер, другой остался в Лондоне. Однако они не переставали мысленно жить

друг с другом: ежедневно или почти ежедневно, в продолжение двадцати лет, делились они в письмах своими впечатлениями и мыслями по поводу политических событий, а также итогами своих научных занятий. Эта переписка сохранилась до сих пор.

Как только Энгельсу удалось сбросить с себя ярмо коммерции, он покинул Манчестер и поспешил в Лондон. Там он поселился на Риджентс-парк-род, в десяти минутах ходьбы от Мейтленд-парк-род, где жил Маркс. Ежедневно, около часу дня, он отправлялся к Марксу, и, если погода благоприятствовала и у Маркса было настроение, они отправлялись вместе на луга Хэмпстеда. Если гулять почему-либо было нельзя, они час-другой беседовали в рабочем кабинете Маркса, прохаживаясь взад и вперед, один — по одной диагонали, другой — по другой.

Я вспоминаю один их спор об альбигойцах, который длился несколько дней. Маркс изучал в это время роль еврейских и христианских финансистов в период средневековья¹²⁵. В промежутках между свиданиями они, каждый в отдельности, обдумывали спорный вопрос, чтобы прийти к общему мнению. Никакая иная критика их мыслей и работ не имела для них столь важного значения, как этот их обмен мнений,— так высоко ставили они друг друга.

Маркс не переставал восторгаться универсальными познаниями Энгельса, удивительной гибкостью его ума, благодаря которой он так легко переходил от одного предмета к другому, а Энгельс, со своей стороны, восхищался могучей силой анализа и синтеза у Маркса.

— Конечно,— сказал мне однажды Энгельс,— рано или поздно механизм капиталистического способа производства был бы понят и объяснен, были бы открыты и выяснены законы его развития. Однако на это потребовалось бы много времени и работа была бы сделана несовершенно, по кусочкам. Один лишь Маркс способен был проследить все экономические категории в их диалектическом развитии, связать моменты их развития с обуславливающими их причинами и воздвигнуть целостное теоретическое здание экономической науки, отдельные части которого взаимно друг друга подкрепляют и обуславливают.

Маркса и Энгельса сближала не только совместная умственная работа, но и взаимная нежная привязанность: каждый из них всегда думал о том, чем бы порадовать друга, каждый из них гордился другим. Однажды Маркс получил письмо от своего гамбургского издателя, который сообщал ему о том, что его посетил Энгельс и что он познакомился таким образом с обаятельнейшим человеком, какого ему когда-либо приходилось встречать.

— Хотел бы я видеть человека,— воскликнул Маркс, прерывая чтение письма,— который не нашел бы Фреда столь же милым, сколь и образованным!

У них все было общим: и деньги, и знания. Когда Марксу было предложено писать корреспонденции для «New York Daily Tri-

бине»¹²⁶, он еще не вполне владел английским языком, поэтому Энгельс переводил его статьи и даже писал их, когда это было нужно. Когда же Энгельс работал над своим «Анти-Дюрингом», Маркс прервал свои занятия, чтобы написать для этой книги экономическую часть, которой Энгельс, по его собственному признанию, частично воспользовался¹²⁷.

Энгельс распространял свою дружбу на всю семью Маркса. Дочери Маркса были и его детьми, и они, в свою очередь, называли Энгельса своим вторым отцом. Дружба эта продолжалась и после смерти Маркса.

Один лишь Энгельс был в состоянии разобраться в рукописях Маркса и издать оставленное им литературное наследство. Энгельс отложил в сторону свою общую философию наук, над которой он работал свыше десятка лет и для которой подготовил обзор всех наук и их новейших успехов¹²⁸, чтобы всецело посвятить себя изданию двух последних томов «Капитала».

Энгельс любил научную работу. Его интересовали все области знания. После поражения революции в 1849 году он сел на парусное судно, чтобы перебраться из Генуи в Англию, так как путешествие из Швейцарии через Францию казалось ему не совсем безопасным. Он воспользовался этим случаем, чтобы приобрести некоторые познания в области мореплавания. На этом судне он вел дневник, в котором отмечал изменения в положении солнца, направлении ветра, состоянии моря и т. д. Этот дневник должен находиться среди его бумаг, ибо подвижной, неистовый Энгельс отличался аккуратностью старой девы: он сохранял все и все записывал старательнейшим образом.

Первыми увлечениями Энгельса были филология и военное искусство; он всегда оставался им верен и постоянно был в курсе успехов этих наук. Самые, казалось бы, незначительные детали представлялись для него ценными. Помню, как он, воспользовавшись визитом своего друга Меса, приехавшего из Испании, читал с ним вслух сборник испанских стихов, чтобы взять урок произношения.

Его знание европейских языков и даже отдельных диалектов было прямо невероятным.

Когда я после падения Коммуны встретился с членами испанского Национального совета Интернационала, они сказали мне, что меня как секретаря Генерального Совета для Испании замещает некий Анжель, который пишет на чистейшем кастильском наречии. Этот Анжель был не кто иной, как Энгельс — только фамилию его они произносили по-испански. Когда же я отправился в Лиссабон, секретарь Национального совета Португалии Франшиа сообщил мне, что он получает письма от Энгельса на безупречном португальском языке, — удивительное мастерство, в особенности если принять во внимание сходство и мелкие различия этих двух языков между собой и итальянским языком, которым Энгельс также владел в совершенстве.

У Энгельса было своего рода кокетством писать каждому, с кем он находился в переписке, на его родном языке: Лаврову он писал по-русски, французам — по-французски, полякам — по-польски и т. д. Он наслаждался литературой на местных диалектах и спешил приобрести народные издания Биньями, написанные на миланском наречии, сразу же после их выхода.

На взморье в Рамсгете владелец одного балагана, окруженный толпой мелкого лондонского люда, показывал бородатого карлика в мундире бразильского генерала. Энгельс заговорил с ним сначала на португальском, затем на испанском языке — никакого ответа. Наконец, «генерал» сам обронил какое-то словечко.

— Да этот бразилец оказывается в действительности ирландцем! — воскликнул Энгельс и обратился к нему на его родном наречии. Бедняга, услышав родную речь, заплакал от радости.

«Энгельс знает двадцати языках», сказал один из эмигрантов Коммуны, шутя по поводу свойства Энгельса слегка заикаться в моменты волнения.

Не было ни одной области знания, которая не интересовала бы Энгельса. В последние годы своей жизни он начал читать труды по акушерству, потому что жившая у него г-жа Фрейбергер готовилась в это время к медицинскому экзамену.

Маркс упрекал его в том, что он разбрасывается, хватаясь за множество предметов ради собственного удовольствия, «не думая о том, чтобы работать для человечества». Однако Энгельс, в свою очередь, упрекал его, говоря:

— Я с удовольствием сжег бы русские издания о положении сельского хозяйства, которые вот уже несколько лет не дают тебе закончить «Капитал»!

Маркс как раз в это время стал изучать русский язык. Один из его петербургских друзей — Даниельсон — прислал ему многочисленные, объемистые статистические исследования о состоянии сельского хозяйства. Русское правительство запретило публиковать эти материалы, так как они вскрывали ужасающее положение русской деревни ¹²⁹.

Любознательность Энгельса удовлетворялась вполне лишь тогда, когда он овладевал изучаемым предметом до мельчайших его деталей. Когда имеешь хоть некоторое представление о размерах и бесконечном разнообразии его познаний и принимаешь при этом во внимание его деятельную жизнь, то невольно удивляешься тому, как Энгельс, который ничуть не был похож на кабинетного ученого, мог накопить такое количество знаний. Столь же точная, как и всеобъемлющая память сочеталась у него с необычайной быстротой в работе и не менее удивительной легкостью восприятия.

Работал он быстро и легко. В его двух больших светлых рабочих комнатах, стены которых были заставлены книжными шкафами, не валялось на полу ни одного клочка бумаги, а книги, за исключением какого-нибудь десятка, лежавшего на письменном

столе, стояли все на своих местах. Помещение это походило скорее на приемную, нежели на рабочий кабинет ученого.

Столь же внимательно относился он к своей внешности: бодрый, подтянутый, он всегда выглядел так, точно готов был явиться на смотр, как в те времена, когда он служил в качестве вольноопределяющегося в прусской армии. Я не знаю никого, кто бы так подолгу носил одни и те же костюмы, причем они никогда не теряли своего фасона и выглядели, как новые. Если по отношению к самому себе он был экономным и позволял себе только такие расходы, которые считал безусловно необходимыми, то по отношению к партии и партийным товарищам, обращавшимся к нему в нужде, он проявлял безграничную щедрость.

* * *

Энгельс жил в Манчестере, когда был основан I Интернационал. Энгельс поддерживал его деньгами и сотрудничал в газете, основанной Генеральным Советом Интернационала. Когда вспыхнула франко-прусская война и Энгельс переехал в Лондон¹³⁰, он отдался работе в Интернационале с тем пылом, какой он проявлял во всем, за что бы ни брался.

Война привлекла внимание Энгельса прежде всего как военного тактика. Изо дня в день следил он за сражающимися армиями и не раз, как это видно по его статьям в «*Pall Mall Gazette*»¹³¹, предсказывал мероприятия германского генерального штаба. За два дня до Седана Энгельс предсказал окружение наполеоновской армии¹³². За эти предсказания, которые, впрочем, обратили на себя большое внимание и английской прессы, старшая дочь Маркса, Женни, дала ему прозвище «Генерал». После ниспровержения Империи у Энгельса было только одно желание и одна надежда — триумф Французской республики. У Энгельса и Маркса не было отечества. Оба они были, по выражению Маркса, гражданами всего мира.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

Воспоминания о Марксе и Энгельсе,
Госполитиздат, 1956, стр. 92—103

3

МАРКС — УЧИТЕЛЬ И ВОСПИТАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Мавр, будучи старше нас всего на 5—6 лет, чувствовал за собой по отношению к нам, «молодым», все преимущества зрелого возраста и пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня. При его колоссальной начитанности и баснословной памяти многим из нас приходилось солоно. Как он радовался всякий раз, когда, задав какому-нибудь «студенту» щекотливый вопрос, он тут же на нем доказывал всю ничтожность наших университетов и нашего академического образования.

Но он и воспитывал, воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двойном смысле, и в более узком и в более широком, что он был моим учителем. И это относилось ко всем областям. О политической экономии я уж не говорю — в папском дворце не говорят о папе. О его лекциях по политической экономии в Союзе коммунистов я скажу ниже. Старые и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля или Эсхила, в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю... испанского языка! Мигом извлек он из груди книг «Дон-Кихота» и тут же дал мне урок. Из дицевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством Мавра и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался и спотыкался. И как терпелив был он в преподавании — он, обычно такой бурно-нетерпеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку.

Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был перевести ему что-нибудь из «Дон-Кихота» или другой испанской книги до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными.

Маркс был замечательным знатоком языков — правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз — с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для «New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркской трибуны») написаны на классическом английском языке, его «Нищета философии», направленная против прудоновской «Философии нищеты», — на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, внес в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понимал существо языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему очень легко. В Лондоне он изучал еще русский язык, а во время Крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не удалось осуществить. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память, — а Маркс обладал редкой памятью, никогда ничего не упускавшей, — тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже нетрудно.

В 1850 и 1851 годах Маркс прочел курс лекций по политической экономии. Он очень неохотно пошел на это; но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он, по нашему настоянию, согласился, наконец, выступить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем, имевшим счастье их прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже развил в основных чертах свою систему, как она изложена в «Капитале».

В переполненном зале Коммунистического просветительного рабочего общества, помещавшегося в те времена еще на Уиндмилл-стрит, — в том же зале, где полтора года тому назад был принят «Коммунистический Манифест», — Маркс обнаружил замечательный талант популяризатора. Маркс был ярким противником вульгаризации, то есть фальсификации, опошления и выхолащивания науки; но никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражать свою мысль. Ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму.

Маркс преподавал методически; он произносил фразу возможно короче и затем разъяснял ее более или менее пространно, старательно избегая всех непонятных рабочим выражений. Затем он предлагал слушателям задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать и делал это с таким педагогиче-

ским искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно недоразумение.

Когда я однажды высказал удивление по поводу этого искусства, мне сказали, что Маркс читал лекции еще в Немецком рабочем обществе в Брюсселе¹³³. Во всяком случае он обладал всеми данными превосходного преподавателя.

Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы,— между прочим, и всем нам известные формулы с первых страниц «Капитала».

Чрезвычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше. В Коммунистическое просветительное общество проникли элементы, бывшие Марксу не по душе. После того как волна эмиграции спала, Общество сузилось и приняло несколько сектантский характер,— старые сторонники Вейтлинга и Кабе снова подняли голову, и Маркс отстранился от этого Общества.

Пуризм Маркса в вопросах языка и стиля доходил иной раз до педантичности. Мой верхнегессенский диалект, который от меня — или от которого я — упорно не хотел отвязаться, стоил мне бесчисленных выговоров. Я отмечаю эту мелочь только потому, что она показывает, до какой степени Маркс чувствовал себя учителем по отношению к нам, «молодежи».

Это проявлялось, конечно, и в другом виде. Он был очень требователен. Когда он замечал какой-нибудь пробел в знаниях, он бурно настаивал на его восполнении, для чего давал все нужные советы.

Оставаясь с нами наедине, он устраивал настоящие экзамены, и эти экзамены были не шуткой. Марксу нельзя было втереть очки. Если же он замечал, что все его усилия бесплодны, то и дружбе приходил конец. Мы почитали за честь быть под его «муштрой». Никогда мои свидания с ним не проходили без того, чтобы я не выучился чему-нибудь...

В те времена лишь ничтожное меньшинство даже внутри рабочего класса доросло до социализма, а среди самих социалистов социалисты в духе научной теории Маркса, в духе «Коммунистического Манифеста», были в свою очередь меньшинством. Основная масса рабочих, поскольку она вообще пробудилась для политической жизни, застряла в тумане сентиментально-демократических пожеланий и фраз, столь характерных для революционного движения 1848 года с его прологом и эпилогом. Одобрение толпы, популярность были для Маркса доказательством, что человек попал на ложный путь, и любимой его поговоркой были гордые слова Данте: «*Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!*» («Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!»).

Как часто цитировал он этот стих, которым заканчивается и его предисловие к «Капиталу»! Никто не может быть равнодушен к ударам, пинкам, укусам комаров и клопов, и как часто Маркс, на своем пути встречавший нападки со всех сторон, терзаемый за-

ботой о хлебе насущном, не понимаемый массой трудящихся, для освободительной борьбы которых он в ночной тиши оттачивал оружие, и не только не понимаемый, но подчас даже грубо отталкиваемый этой самой массой, которая бежала за пустыми фразами, лицемерными предателями или даже просто за явными врагами,— как часто он в уединении своего бедного, истинно пролетарского кабинета подбадривал себя словами великого флорентинца, черпая в них свежие силы!

И он не дал сбить себя со своего пути. В противоположность принцу из «Тысячи и одной ночи», потерявшему победу и награду за нее только потому, что он стал трусливо оглядываться, испугавшись шума и призраков вокруг себя,— Маркс шел вперед, устремив взор к сияющей впереди цели...

Он ненавидел популярность, и погоня за популярностью повергала его прямо в ярость. К красноречию он испытывал омерзение — и горе тому, кто в его присутствии отделялся фразами. Тут он был неумолим. «Фразер» было в его устах самым бранным словом, и кого он раз назвал фразером, с тем он порывал навсегда. «Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль», внушал он нам, «молодым», при каждом удобном случае и заставлял нас учиться.

К тому времени была построена великолепная читальня Британского музея с ее неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс гнал и нас.

Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, но который заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной, могучей работы великого ума.

В то время, как остальные эмигранты изо дня в день сочиняли планы мирового переворота и опьяняли себя, как гашишем, фразой: «Завтра начнется!» — мы, «серная банда», «бандиты», «подонки человечества», сидели в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие для будущих боев.

Иной раз нечего было перекусить, но это не мешало нам идти в музей; там ведь были удобные стулья, а зимой было уютно и тепло, не так, как дома,— если у кого вообще существовал дом или домашний очаг.

Маркс был строгим учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учились.

Я долгое время занимался историей английских тред-юнионов. Каждый день он меня спрашивал, много ли я успел, и в конце концов он только тогда оставил меня в покое, когда я прочел довольно длинную лекцию перед большим кругом слушателей. Он был на этой лекции. Похвал мне не пришлось от него услышать, но он меня и не раскритиковал; а так как хвалить не было в его обычае и он большей частью хвалил только из сострадания, то я скоро утешился. Когда же он вступил со мной в спор по поводу одного моего положения, я принял это за косвенную похвалу.

Маркс как учитель обладал редким качеством: он умел быть строгим, не обескураживая.

И еще одно замечательное качество было у Маркса как учителя: он принуждал нас к самокритике, не допускал, чтобы мы удовлетворялись уже достигнутым. Идиллическую созерцательность он жестоко хлестал бичом своей насмешки.

4

СТИЛЬ МАРКСА

Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона «стиль — это человек», то именно к Марксу. Стиль Маркса — это Маркс. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом добытые, ставшие ему дорогими теоретические выводы, лишь только он убеждался в их неправомерности, должен был и в своих книгах показать себя таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, неспособный к притворству и к позе, он всегда был самим собой как в своих произведениях, так и в своей жизни. Правда, при такой многосторонней, всеобъемлющей, многогранной натуре и стиль не может быть таким однородным, однообразным или даже монотонным, как у менее сложных, менее широких натур. Маркс — творец «Капитала», Маркс — автор «Восемнадцатого брюмера» и Маркс — создатель «Господина Фогга» — три различных Маркса, и все-таки при всем различии это один Маркс, в этой тройственности все-таки есть единство — единство большой личности, которая разное проявляет себя в разных областях и все же всегда остается одной и той же.

Конечно, стиль «Капитала» труден, но разве легок излагаемый в нем предмет? Стиль — не только человек, он и материал, он должен приспособляться к предмету исследования. *There is no royal road to science* — в науке нет широкой столбовой дороги, тут каждый должен напрягаться и тянуться сам, даже когда его ведет наилучший проводник. Жаловаться на трудный, с трудом усваиваемый или даже тяжеловесный стиль «Капитала» — значит только признать собственную лень и неспособность к мышлению.

Можно ли сказать, что «Восемнадцатое брюмера» непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впивающаяся в тело? Разве непонятно копье, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в самое сердце? Слова «Восемнадцатого брюмера» — стрелы и копья, его стиль клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышающих словах, то именно в «Восемнадцатом брюмера», в котором соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте. Здесь стиль становится *stilus*, то есть тем, чем он был в руках римлян — острым стальным клинком, который

пишет и колет. Стиль — кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце.

А в «Господине Фогте» этот ликующий юмор, эта напоминающая Шекспира радость от того, что найден Фальстаф¹³⁴ и в его лице — неисчерпаемый запас для целого арсенала насмешек!

Стиль Маркса — это именно сам Маркс. Его упрекали за то, что он пытался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывается Маркс.

Маркс чрезвычайно ценил ясность и точность выражения. Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса, которых он читал почти ежедневно, он считал своими учителями в области слова.

В отношении чистоты и правильности языка он был добросовестен до щепетильности. Помню, как он отчитал меня однажды, в первое время моего пребывания в Лондоне, за то, что я в одной из своих статей написал «stattgehabte Versammlung». Я попробовал было сослаться на общеупотребительность этого выражения, но тут Маркс разразился: «Жалкие немецкие гимназии, в которых нельзя научиться немецкому языку, жалкие немецкие университеты» и т. д. Я защищался, как мог, приводил в пример классиков, но никогда более не говорил «stattgehabte» или «stattgefundenе» Ereignisse, да и еще кое-кого отучил от этого...

Маркс был строгим пуристом; нередко он старательно и долго подыскивал нужное выражение. Он не терпел злоупотребления иностранными словами, и если он все-таки часто их употреблял — там, где предмет этого и не требовал, — то это следует отнести за счет его долгого пребывания за границей, главным образом в Англии... Но какое огромное количество оригинальных, подлинно немецких выражений и словообразований находим мы у Маркса, который, несмотря на то, что две трети жизни провел за границей, имеет огромные заслуги перед немецким языком и принадлежит к крупнейшим мастерам и творцам немецкой прозы!

5

МАРКС КАК ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Маркс относился к политике, как к науке. Трактирных политиканов и трактирное политиканство он смертельно ненавидел.

И действительно, можно ли представить себе что-либо более бессмысленное? История есть продукт всех действующих в людях и в природе сил и человеческого мышления, человеческих страстей, человеческих потребностей. Политика же, как теория, есть познание этих миллионов и миллиардов «ткущих на станке времени» факторов, а как практика — обусловленное этим познанием действие. Политика есть, таким образом, наука и притом прикладная...

Маркс приходил в ярость, когда говорил о пустомелях, которые несколькими шаблонными фразами объясняют все явления и, принимая свои более или менее путанные желания и представле-

ния за факты, вершат судьбы мира за ресторанными столиками, в редакциях газет или на митингах и в парламентах. К счастью, никто не обращает на них внимания. Среди таких пустомелей оказывались иногда и очень знаменитые, прославленные «великие мужи».

И тут Маркс не только критиковал, но и являл в своем лице высокий пример: в своих работах о новейшем развитии Франции и наполеоновском государственном перевороте, а также в своих корреспонденциях в «New-York Daily Tribune» он дал классические образцы произведений по политической истории.

Приведу сравнение, которое невольно приходит мне в голову. Государственный переворот Бонапарта, о котором Маркс говорит в своем произведении «Восемнадцатое брюмера», послужил также темой для одного прославленного произведения Виктора Гюго, величайшего из французских романтиков и художников слова. Но какой контраст между двумя этими произведениями и двумя авторами! Там — гиперболическая фраза и фразерская гипербола, здесь — методически подобранные факты, человек науки, хладнокровно их взвешивающий, и политик — гневный, но в гневе своем не теряющий рассудительности.

Там — поверхностная, переливчатая пена, вспышки патетической риторики, причудливые карикатуры. Здесь каждое слово — метко пущенная стрела, каждая фраза — тяжелое, подкрепленное фактами обвинение, обнаженная правда, непреборимая в своей наготе, — не негодование, а лишь констатирование, разоблачение того, что есть на самом деле. «Napoléon le Petit» («Наполеон Малый») Виктора Гюго выдержал одно за другим десять изданий и ныне забыт. «Восемнадцатое брюмера» Маркса с восхищением будут читать и через тысячи лет.

Как я уже говорил в другом месте, Маркс мог стать тем, кем он был, только в Англии. В такой экономически отсталой стране, какой еще была Германия до середины этого столетия, Маркс не мог прийти к своей критике буржуазной политической экономии и постичь капиталистический процесс производства, — точно так же как в экономически отсталой Германии не могли существовать политические учреждения экономической развитой Англии. Маркс зависел от своей среды и от условий, в которых он жил, не меньше всякого другого человека; без этой среды и этих условий он не стал бы тем, кем он был. Это он сам доказал лучше, чем кто бы то ни было.

Наблюдать такой ум, следить за тем, как он испытывает на себе действие окружающих условий и все глубже и глубже проникает в сущность общества, — уже само по себе величайшее духовное наслаждение; и я не перестаю благодарить счастливый случай, приведший меня, молодого, неопытного, любознательного юнца, к Марксу, под его влияние и руководство.

При многосторонности, — я сказал бы даже — всесторонности этого универсального ума, то есть ума, охватывающего всю все-

ленную, проникающего во все детали, ничем не пренебрегающего и ничего не считающего несущественным или незначительным,— конечно, и его руководство также должно было быть многосторонним.

Маркс был одним из первых, кто понял все значение исследований Дарвина. Еще до 1859 года, года выхода в свет «Происхождения видов», бывшего по странному совпадению также и годом опубликования «К критике политической экономии», Маркс оценил огромное значение Дарвина, который вдали от шума и сутолоки большого города, в своем тихом имении, подготавливал такую же революцию, какую сам Маркс готовил в многошумном центре мира,— с той только разницей, что там рычаг был приложен к другой точке.

Особенно в области естествознания, включая физику и химию, и в области истории Маркс следил за каждым новым явлением, отмечал каждый новый успех. Имена Молешотта, Либиха, Гексли, популярные лекции которого мы добросовестно посещали, повторялись в нашем кругу так же часто, как имена Рикардо, Адама Смита, Мак-Куллоха, а также шотландских и итальянских экономистов. Когда Дарвин, сделав выводы из своих исследований, представил их на суд общественности, мы целыми месяцами не говорили ни о чем другом, как о Дарвине и революционной силе его открытий.

Там, где требовалось признать чужие заслуги, Маркс был самым великодушным и справедливым человеком. Он был слишком велик, чтобы завидовать и ревновать, слишком велик, чтобы быть тщеславным. Но зато фальшивое величие, поддельную славу, которой щеголяют бездарность и пошлость, он ненавидел смертельно, как всякую фальшь и ложь.

Среди известных мне людей — великих, малых и средних — Маркс был одним из немногих, совершенно лишенных всякого тщеславия. Он был для этого слишком велик и слишком силен, да и, пожалуй, слишком горд. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Он, как дитя, был неспособен носить маску и притворяться. Кроме тех случаев, когда этому препятствовали соображения общественного или политического порядка, он всегда высказывал свои мысли и чувства полностью, не считаясь ни с чем. Когда же обстоятельства требовали сдержанности, он проявлял такую, чуть ли не детскую неловкость, что часто забавлял этим своих друзей.

Маркс был исключительно правдивым человеком, это была воплощенная правда. Стоило взглянуть на него, чтобы тотчас же понять, с кем имеешь дело. В «цивилизованном» обществе с его перманентным военным положением не всегда, конечно, можно говорить правду — это значило бы отдаться в руки врага или обречь себя на изгнание из общественной жизни. Но если не всегда можно говорить правду, то отсюда еще не следует, что нужно лгать. Я не всегда могу сказать то, что чувствую и думаю, но это не значит,

что я должен или обязан говорить то, чего я не чувствую и не думаю. Первое — это благородие, второе — лицемерие. Маркс никогда не лицемерил. Он был просто не способен на это, так же, как не способно на это невинное дитя. «Мое большое дитя», часто называла его жена, а лучше ее никто не знал и не понимал Маркса, даже Энгельс. И действительно, бывая в «обществе», в котором придавалось значение внешним манерам и приходилось себя сдерживать, наш Мавр в самом деле становился большим ребенком и мог смущаться и краснеть.

Актерствующие люди были ему глубоко противны. Я вспоминаю, как он, смеясь, рассказывал нам о своей первой встрече с Луи Бланом. Это было еще на Дин-стрит, в маленькой квартирке, состоявшей собственно только из двух комнат, из которых первая, приемная, служила гостиной и рабочим кабинетом, а вторая — для всего остального. Луи Блан представился Ленхен, проводившей его в первую комнату, между тем как во второй Маркс спешно переодевался; соединявшая обе комнаты дверь осталась приоткрытой, и через щель Маркс мог наблюдать забавную сценку. «Великий» историк и политик был очень маленького роста, не выше восьмилетнего мальчишки, но при этом оказался невероятным щеголем. Оглядевшись в пролетарской гостиной, он нашел в одном углу крайне примитивное зеркало, перед которым тотчас же расположился, стал в позу и, вытянувшись во весь свой карликовый рост, — он носил такие высокие каблуки, каких мне в жизни не приходилось видеть, — с удовольствием рассматривал себя в зеркале, прихорашиваясь, как влюбленный мартовский кот, и стараясь придать себе возможно более внушительный вид. Жена Маркса, также бывшая свидетельницей этой комической сценки, едва удерживалась от смеха. Переодевшись, Маркс громко кашлянул, чтобы предупредить о своем приходе, и фатоватый трибун, отступив от зеркала, приветствовал входящего изящным поклоном. Но, конечно, позами и актерством на Маркса нельзя было подействовать, и вскоре «маленький Луи», — как называли его парижские рабочие, чтобы отличать его от Луи Бонапарта, — стал вести себя настолько естественно, насколько вообще был на это способен...

6

МАРКС ЗА РАБОТОЙ

«Гений — это прилежание», сказал кто-то; если это и не совсем так, то во всяком случае в значительной степени верно.

Не может быть гения без исключительной энергии и исключительной работоспособности. Так называемый гений, которому чуждо и то и другое, — это лишь красивый мыльный пузырь или весель на будущие блага где-нибудь на луне. Но там, где налицо выходящая из ряда вон энергия и работоспособность, там и гений. Я знал многих людей, которые сами считали себя гениями и слыли

такowymi в своей среде, но которые не обладали работоспособностью, и на деле они оказывались лишь бездельниками, одаренными красноречием и талантом создавать рекламу. Все действительно крупные люди, которых мне довелось узнать, были очень прилежны и усердно трудились. Это в полной мере относится и к Марксу. Он работал необычайно много, и так как днем, в особенности в первое время его эмигрантской жизни, ему часто мешали, то он стал работать по ночам. Когда мы поздно вечером возвращались с какого-нибудь заседания или собрания, он обыкновенно садился еще за работу на несколько часов. Эти несколько часов растягивались все больше, пока, наконец, он не стал работать почти всю ночь напролет, ложась спать только утром. Его жена не раз серьезно упрекала его за это, но он, смеясь, отвечал, что это вполне соответствует его натуре...

Несмотря на свой чрезвычайно сильный организм, Маркс уже в конце пятидесятых годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Пришлось обратиться к врачу. В результате последовало категорическое запрещение работать по ночам и было предписано *much exercise*, то есть как можно больше движения, прогулки пешком и верхом. В те времена мы с Марксом много бродили по окрестностям Лондона, преимущественно в холмистой северной части. Вскоре Маркс стал поправляться; его организм был действительно как бы создан для большого напряжения.

Но едва он почувствовал себя выздоровевшим, как постепенно снова втянулся в привычку работать по ночам, пока опять не наступил кризис, принудивший его к разумному образу жизни,— однако опять лишь до тех пор, пока это повелительно требовалось его состоянием. Кризисы все усиливались, развивалась болезнь печени, появились злокачественные нарывы,— и постепенно железный организм надломился.

Я убежден — и таково же мнение лечивших его под конец врачей,— что, если бы Маркс мог решиться вести нормальную жизнь, то есть жизнь, отвечающую требованиям его организма или, скажем, соответствующую требованиям гигиены, он жил бы еще и поныне. Лишь в последние годы, когда было уже слишком поздно, он отказался от работы по ночам. Зато тем больше он стал работать днем.

Он работал постоянно, работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулки он брал с собой свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки. И его работа никогда не бывала поверхностной. Можно работать по-разному. Он работал всегда интенсивно, всегда с величайшей основательностью. Его дочь Элеонора подарила мне одну историческую таблицу, которую он набросал для себя, чтобы воспользоваться ею для какого-то второстепенного примечания. Правда, второстепенных вещей для Маркса не существовало, и эта таблица, составленная им лично для себя, выполнена с такой тщательностью, точно она предназначалась для печати.

Маркс работал с выдержкой, часто приводившей меня в изумление. Он не знал усталости. И даже тогда, когда его организм неизбежно должен был бы надломиться, он не выказывал признаков слабости.

Если судить о ценности человека по сделанной им работе,— как стоимость вещей определяется количеством вложенного в них труда,— то даже с этой точки зрения ценность Маркса так огромна, что лишь немногие среди гигантов мысли могут равняться с ним.

Чем же буржуазное общество возместило это невероятное количество труда?

Над «Капиталом» Маркс работал сорок лет — и как работал! Так, как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низкооплачиваемый поденщик в Германии получает за сорок лет работы больше денег в виде заработной платы, чем Маркс получил в виде «гонорара» за величайшее научное творение нашего века.

Наука не имеет рыночной стоимости, и можно ли требовать от буржуазного общества, чтобы оно за свой собственный смертный приговор заплатило приличную цену?..

Т а м ж е, стр. 108—111

10

МАРКС И ДЕТИ

Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который мог часами играть со своими детьми, как ребенок,— его притягивали к себе, как магнит, и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и несчастные. Сотни раз, посещая с нами квартиры бедняков, он внезапно оставлял нас, чтобы погладить по головке ребенка, сидящего в лохмотьях на пороге дома, и сунуть ему в кулачок пенни или полпенни.

К нищим он относился недоверчиво, так как в Лондоне нищество превратилось в настоящее ремесло и, вдобавок, в ремесло с золотым дном, хотя оно и приносит только медяки. Поэтому нищим и нищенкам, которым он в первое время никогда не отказывал в подаении, если только у него что-нибудь было при себе, недолго удавалось его обманывать. О тех, которые пытались обложить его данью посредством искусного демонстрирования мнимых болезней и нужды, он говорил с негодованием, считая эксплуатацию человеческого сострадания особенной низостью и ограблением бедноты. Но если у нищего или нищенки сидел на руках плачущий ребенок, то тут уж дело Маркса было бесповоротно проиграно, как бы ясно ни было написано на лице нищего все его плутовство.

Мужа, бьющего свою жену,— а в Лондоне в те времена wifebeating* было очень распространено,— он с наслаждением дал бы избить до полусмерти. Из-за своего порывистого характера он в таких случаях часто ставил нас в неловкое положение.

Однажды вечером мы ехали с ним на империале омнибуса по Хэмпстед-род. На одной из остановок, около пивной, мы заметили какую-то суматоху, отчаянный женский голос вопил: «murder! murder!» («убивают! убивают!»). Маркс с быстротой молнии соскочил с омнибуса, я за ним. Я хотел его удержать,— с таким же успехом я мог бы попытаться поймать рукой летящую пулю. Мигом очутились мы в самой гуще народа: людские волны сомкнулись позади нас. «Что случилось?» Это мы узнали очень скоро. Какая-то пьяная женщина повздорила со своим мужем, который хотел отвести ее домой, а она упиралась и вопила как одержимая. Для нашего вмешательства не было ни малейшего повода,— это мы видели. Но видели это также и поспорившие супруги, тут же заключившие мир и двинувшиеся против нас, между тем как толпа вокруг нас смыкалась все теснее и уже стала с угрожающим видом наступать на «damned foreigners» («проклятых иностранцев»). Женщина особенно яростно наускаивала на Маркса и явно покушалась на его великолепную черную бороду. Я старался унять бурю, но тщетно. Если бы на поле битвы во-время не подоспели два дюжих констебля, нам пришлось бы дорого заплатить за нашу филантропическую попытку вмешательства. Мы были рады, что выбрались целыми из толпы и снова уселись в омнибус, который и доставил нас домой. Впоследствии Маркс бывал уже несколько осторожнее при подобных происшествиях...

Нужно было видеть Маркса среди его детей, чтобы понять всю задушевность этого героя науки. В свободные минуты или на прогулках он бегал с ними, играл в самые шумные веселые игры — словом, сам становился ребенком. На Хэмпстедских холмах мы играли иногда в «кавалерию». Маркс сажал себе на плечи одну дочку, я брал другую, и начинались скачки вперегонки. Иной раз устраивались даже кавалерийские битвы: девочки резвились совсем по-мальчишески и даже не плакали, когда им слегка попадало...

Для Маркса общество детей было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался. Когда собственные его дети выросли, их место заняли внуки. Женнихен¹³⁵, вышедшая замуж в начале семидесятых годов за эмигранта Коммуны Лонге, оживила дом Маркса своими сыновьями — страшными проказниками. В особенности старший — Жан, или Джонни, был любимцем дедушки. Джонни мог делать с ним все, что хотел, и отлично знал это. Однажды, когда я гостил в Лондоне, Джонни, которого родители прислали из Парижа,— что случалось по несколько раз в год,— при-

* — битье жен. *Ред.*

шла в голову остроумная идея превратить Мавра в омнибус, на козлы которого, то есть на плечи Маркса, он и взобрался; Энгельс и я были произведены в лошадей. Когда мы как следует впряглись, началась дикая скачка,— я хотел сказать: началась езда в маленьком садике позади коттеджа Маркса на Мейтленд-парк-род. Возможно, впрочем, что это происходило и у Энгельса, близ Риджентс-парка; лондонские коттеджи так похожи друг на друга, что их очень легко перепутать, а садики тем более. Несколько квадратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского «черного снега», то есть хлопьями копоты, что невозможно отличить, где начинается гравий и кончается трава,— вот что такое лондонский «сад».

Джонни принялся нас погонять, понукая международными немецко-французско-английскими выкриками: «Go on! Plus vite! Hurrah!» * Мавр скакал так, что пот градом катился по его лицу, а когда Энгельс или я пытались перейти на более медленный аллюр, на нас тотчас же со свистом опускался бич немилосердного кучера: «You naughty horse! En avant!» ** Так продолжалось до тех пор, пока Маркс не выбился из сил. Тогда мы вступили с Джонни в переговоры, и было заключено перемирие...

---

* — «Вперед! Быстрее! Ура!» *Ред.*

** — «Эй, ленивая лошадь! Вперед!» *Ред.*

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

Воспоминания о Марксе и Энгельсе,
Госполитиздат, 1956, стр. 135—137

1

У Фридриха Энгельса был светлый и ясный ум, свободный от всякой романтической и сентиментальной окраски. Энгельс рассматривал людей и вещи не сквозь розовые или темные очки, он глядел на них светлыми и ясными глазами, взор его никогда не останавливался на поверхности, а всегда проникал до самой глубины. Этот светлый, ясный взор, это «ясновидение» в истинном, здоровом смысле слова, эта прозорливость, которой мать-природа наделяет лишь немногих, были весьма свойственны Энгельсу. Это мне бросилось в глаза уже при нашей первой встрече.

Встреча эта произошла поздним летом 1849 года на берегу глубокого Женевского озера, где мы после краха кампании за имперскую конституцию основали несколько эмигрантских колоний...

До этого мне пришлось лично познакомиться со множеством всяких «великих мужей» — вроде Руге, Гейнца, Юлиуса Фрёбеля, Струве и разных других «вождей» баденской и саксонской «революций». Но чем ближе я с ними знакомился, тем больше меркнул в моих глазах их ореол, тем мельче казались они мне.

Чем туманнее атмосфера, тем большими представляются в ней вещи и люди. Но Фридрих Энгельс обладал таким свойством, что перед его ясным взором туман рассеивался, и люди и вещи выглядели именно такими, каковы они были в действительности. Эта острота взгляда и ей соответствующая и из нее проистекающая резкость суждения вначале были мне не совсем по душе и даже несколько коробили меня. Правда, и у меня сложилось не лучшее впечатление о «героях» кампании за имперскую конституцию, чем у Энгельса. Но мне вначале казалось, что он недооценивает это движение, на которое все-таки было затрачено много ценных сил и самоотверженного воодушевления.

Впрочем, остаток «южнонемецкого прекраснотвория», которое, — хоть я и не уроженец южной Германии, — было мне тогда

еще присуще и от которого я избавился лишь позже, в Англии, не помешал нам сходиться, хоть и не всегда сразу, на общем мнении о людях и вещах. И я вскоре убедился, что Энгельс, чью книгу о положении рабочего класса в Англии я уже давно знал и чьи богатые и обширные познания изумили меня при личном общении, всегда имел твердые и определенные основания для своих суждений.

Я смотрел на него снизу вверх: он уже совершил большие дела и был на пять лет старше меня, а в этом возрасте пять лет — целое столетие.

Мне сразу же бросилось в глаза, что Энгельс — прекрасный знаток военного дела. Из бесед с ним я узнал, что статьи в «*Neue Rheinische Zeitung*» («*Новой рейнской газете*») о революционной войне в Венгрии, которые всеми приписывались кому-либо из крупных командиров венгерской армии, потому что содержание их неизменно подтверждалось, были на самом деле написаны Энгельсом. При этом, как он мне сам со смехом рассказывал, у него не было абсолютно никакого другого материала, кроме того, которым располагали и все остальные газеты и который почти исключительно исходил от австрийского правительства. А оно врало немилосердно. Оно всегда «одерживало победы» в Венгрии — совсем как теперь испанское правительство на Кубе¹³⁶. И вот тут-то Энгельсу пошел впрок его талант ясновидца. Он не обращал внимания на фразы. У него в голове уже были рентгеновские лучи, которые, как известно, не обладают свойством преломления и никогда не дают искаженного изображения. С их помощью он проходил мимо несущественных для установления истины моментов, не позволяя ввести себя в заблуждение никакими дымовыми завесами, не верил никаким фантастическим картинам и останавливался взглядом лишь на прочной основе — на фактах. Как бы громко ни трубили австрийские мюнхгаузены, они все же не могли скрыть некоторых фактов — названий местностей, где происходили столкновения и где находились войска к началу и к исходу сражения, времени боев, передвижений войск и т. д. И из этих мелких костей и косточек наш Фридрих с его светлым, ясным взором составлял, подобно Кювье, действительную картину событий. Пользуясь хорошей картой театра военных действий, он умел с математической точностью заключить из дат и названий местностей, что «победоносные» австрийцы все далее продвигаются назад, а «побежденные» венгры «отступают» вперед; и все это до такой степени точно совпадало с действительностью, что на следующий день после того, как австрийская армия на бумаге в решительной битве победила и разгромила венгров, она была изгнана из Венгрии в состоянии полного разложения...

Впрочем, Энгельс был как бы создан военным: ясный взгляд, умение быстро ориентироваться и взвесить даже мельчайшие обстоятельства, быстрота решений и невозмутимое хладнокровие. Позже он написал ряд превосходных военных произведений и за-

воевал, — разумеется, инкогнито, — признание со стороны профессиональных военных первого ранга, которые и понятия не имели, что анонимный автор брошюр носит одно из наиболее «подозрительных» бунтарских имен...

В Лондоне мы шутливо называли его «Генералом». Если бы при его жизни еще раз произошла революция, то у нас был бы в лице Энгельса свой Карно — организатор армий и побед, военный мыслитель.

Т а м ж е, стр. 144—146

4

После краткого совместного пребывания в Швейцарии я встретил Энгельса в следующем году в Лондоне, куда он первоначально направился. С тех пор я постоянно поддерживал с ним связь.

Правда, он еще в 1850 году уехал из Лондона, где я жил, в Манчестер, в контору своего отца, который, как и некоторые другие рейнские фабриканты, имел филиал в Англии. Однако Энгельс часто навещал нас в Лондоне и нередко жил там подолгу; и почти ежедневно он писал Марксу, который регулярно сообщал содержание этих писем, если они не были строго личными, нам, то есть наиболее доверенным участникам менявшегося в своем составе «кружка Маркса».

Конечно, я не был так близок с Энгельсом, как с Марксом, в доме которого бывал почти ежедневно в течение двенадцати лет подряд и считался как бы членом его семьи. После смерти Маркса я сошелся с Энгельсом ближе.

Теперь перед Энгельсом встала двойная задача — заменить Маркса и выполнить его завещание.

Энгельс, который до тех пор, по его собственному выражению, играл вторую скрипку, доказал теперь, что он может быть и первой скрипкой.

Энергия Энгельса, большую часть которой он в течение двух десятилетий вынужден был тратить на контору, теперь целиком была отдана выполнению этой его двойной задачи. Энгельс завершил, насколько это было возможно, работу над «Капиталом», развил поразительную творческую деятельность в научной области и, благодаря своей необычайной работоспособности, находил еще время для обширной международной переписки. А письма Энгельса зачастую были научными статьями, политико-экономическим руководством.

Энгельс помогал всюду, где в нем нуждались, всегда побуждая всех к действию. Советуя, требуя, предупреждая, он, оставаясь почти до последних дней активным борцом, участвовал в битвах великого международного рабочего движения. Это движение осуществляло тот самый лозунг, который Энгельс вместе со своим другом Марксом еще в начале 1848 года, почуяв свежий ветер февральской революции, бросил рабочим:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Пролетарии действительно соединились. И никакая сила в мире не сможет преградить дорогу объединенному мировому пролетариату.

5

28 ноября 1890 года мы в Лондоне праздновали 70-летие Энгельса. Он был бодр, полон юмора и воинственен, как во времена своей жизнерадостной, горячей юности. А когда, почти три года спустя, в зале «Конкордия», он обратился к берлинским рабочим¹³⁷ со словами:

— Товарищи, я убежден, что вы и впредь будете выполнять свой долг! — то среди тысяч людей, с воодушевлением его слушавших, с благодарностью и любовью глядевших на него, не было ни одного, который не спрашивал бы себя удивленно:

— Неужели этому юноше стукнуло семьдесят три года?

С тех пор не прошло и двух лет, как — 6 августа 1895 года, — вернувшись с большого праздника профессиональных союзов в Бремене, я нашел на своем столе в редакции газеты «Vorwärts» («Вперед») горестную телеграмму:

«Генерал тихо скончался вчера в 10.30 вечера. С полудня без сознания. Просьба сообщить Солдату и Зингеру».

Под «Солдатом» подразумевался я.

Уже с весны мы, то есть три человека в Германии¹³⁸, знали, что у «Генерала» неизлечимая болезнь — рак горла. И хотя удар не был внезапным, все же он был ужасным и беспощадным.

Итак, не стало титана мысли, который заложил вместе с Марксом основы научного социализма и учил пролетариат тактике социализма; который уже в двадцать четыре года дал нам классическую работу «Положение рабочего класса в Англии»; соавтор «Манифеста Коммунистической партии»; второе «я» Карла Маркса, которому он помогал организовать Международное Товарищество Рабочих; автор «Анти-Дюринга», этой кристально-ясной, понятной каждому мыслящему человеку научной энциклопедии; автор «Происхождения семьи» и многих других работ, сочинений, статей; друг, советчик, вождь и борец — итак, его не стало.

Но дух его живет всюду, где живут и борются сознательные рабочие.

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА

ПИСЬМА К Ф. ЭНГЕЛЬСУ

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса
с русскими политическими деятелями,
Госполитиздат, 1951, стр. 235—237

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН

Биарриц, июль 1880 г.

Милостивый государь!

Прежде всего я должна объяснить Вам, почему я решила обратиться именно к Вам, да к тому же с просьбой. Я русская, получила, как у нас говорят, хорошее воспитание, т. е. говорю на многих языках, и вначале жизнь моя шла так, как обычно идет жизнь женщин среднего класса, т. е. я вышла замуж, составила себе подходящую партию и т. д. Не хочу докучать Вам семейными делами, а скажу только коротко, что вот уже 7 лет как все пошло по-иному. Я живу в Москве и даю уроки; я отказалась от хорошего места, которое имела в институте благородных девиц, и даю уроки в самых обыкновенных ремесленных школах для девочек; эти школы, однако, поставлены у нас совсем иначе, чем учреждения под тем же названием за границей. Все это время я занимаюсь вопросом о ремесленных школах, вопросом, который все глубже и глубже уводит меня в область политической экономии. Три раза я обеспечила себе возможность съездить за границу; каждый раз я использовала эти поездки для того, чтобы поступить ученицей в женские ремесленные школы в Гамбурге, Берлине, Дрездене, Мюнхене, Париже; в некоторых школах я оставалась до 4 месяцев, другие учреждения я только посетила. И всюду я нашла мало удовлетворительного. Но это не относится к делу. Я все больше углублялась в вопросы образования рабочего класса и собиралась использовать настоящие каникулы для путешествия в Англию, чтобы почитать в Лондонской библиотеке * и

---

* — Британский музей. *Ред.*

посетить Mechanics' Institutions¹³⁹ в Манчестере, Ливерпуле и т. п. Я заработала уже необходимые для этого деньги, но заболела и должна была, вместо поездки в Англию, отправиться в Биарриц, откуда я Вам и пишу. Моя поездка откладывается теперь, по крайней мере, на год, если вообще здоровье позволит мне по-прежнему много работать. Но я чрезвычайно хотела выяснить, как обстоит теперь в Англии дело с воспитанием детей рабочего класса и какие меры принимаются для дополнительного обучения взрослых рабочих. В Англии у меня совсем нет знакомых, а Вас, милостивый государь, я знаю по Вашим произведениям, которые мне удалось достать: «Положение рабочего класса [в Англии]», «Жилищный вопрос», «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом». Не видя другой возможности, я решила попытаться обратиться к Вам, — ведь самое худшее, что может случиться, это то, что Вы мне не ответите. Пожалуйста, извините меня, что я говорю так прямо, но, может быть, Вы поможете мне, назвав книги, которые я могла бы достать. Как обстояло дело с воспитанием детей раньше, мне известно из Вашего произведения, — о чем я уже упоминала, — затем из «Капитала» Маркса и из Синих книг — «Отчеты уполномоченных по обследованию состояния народного образования в Англии» — 1861 год. Я достала также последние «Отчеты исправительных ремесленных заведений» и маленькую брошюру о Mechanics' Institutions. Не могли бы Вы указать мне еще какие-либо источники? В Москве у нас нет библиотек, где можно было бы найти подобные книги, и мне приходится выписывать все самой. Я охотно трачу деньги на такие книги, но, во-первых, у меня даже нет каталога, по которому я могла бы их выбрать, и, кроме того, при моих ограниченных средствах жалко покупать негодные вещи, как со мной уже так часто случалось, когда я выписывала немецкие и французские произведения по этому вопросу. Мне уже удалось добиться некоторых, хотя и очень незначительных результатов в практической жизни, но я боюсь утомить Вас. Иногда очень, очень хочется услышать мнение человека, который смотрит на дело, как Вы, но я никого не знаю, а своим собственным познаниям я еще недостаточно доверяю, чтобы составить себе ясное, определенное суждение. Мне не раз приходилось встречаться с людьми противоположных взглядов, но с их точкой зрения я не могла согласиться, и поэтому я так сильно ощущаю недостаток знаний и недостаток указаний. Свой народ я знаю хорошо, до шестнадцати лет я росла в деревне, и теперь мне приятней всего иметь дело с детьми из народа.

Я, конечно, очень хорошо сознаю, милостивый государь, насколько смело с моей стороны так писать Вам, но не сердитесь на меня, прошу Вас. Только мысль, что иного выхода у меня нет, и горячее желание учиться дальше и составить себе ясный взгляд на вещи, — только надежда добиться в таком случае чего-нибудь — не для себя, потому что я уже не молода, — толкнули

меня на этот шаг. Извините меня и, если это Вас не слишком затруднит, ответьте мне, хотя бы совсем коротко.

Будьте уверены в моем самом искреннем почтении и уважении и примите мою глубочайшую благодарность за те знания и то наслаждение, которые я почерпнула из Ваших произведений.

С глубочайшим почтением

М. Горбунова.

Мой адрес: Франция, Биарриц.
До востребования.
Г-же М. Горбуновой.

Т а м ж е, стр. 239—246

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН

Биарриц, 25 июля 1880 г.

Милостивый государь!

Приношу Вам свою искреннейшую и глубокую благодарность за Ваше письмо. Не нахожу слов, чтобы выразить, как я тронута тем, что Вы не только вообще ответили мне и с такой готовностью хотите мне помочь, но что Вы отнеслись к этому делу так серьезно, что сочли нужным переговорить о нем с господином Марком, которого мы глубоко уважаем. Как часто в течение этих семи лет я задавалась вопросом: что может сделать отдельный человек, лишенный средств, не имеющий никакого влияния на общественные дела, да еще без основательных знаний, что может сделать он при существующих обстоятельствах для того, чтобы пробудить в народе сознание, чтобы внести свою лепту на общее благо? Мне временами становилось бесконечно грустно от того, что мои силы так ограничены, что я могу дать так мало по сравнению с тем, что требуется. Меня часто охватывало отчаяние от сознания ничтожности того, что я делала, и меня поддерживала только мысль, что лучше дать мало, чем ничего, а я даю все в меру своих сил и способностей. Подумайте, как должна была при таких обстоятельствах подействовать на меня предупредительность, подобная Вашей и именно с Вашей стороны. Еще раз от глубины души благодарю Вас и с радостью воспользуюсь Вашими советами. Я попрошу Вас еще только передать господину Марксу, что его произведение «Капитал» широко распространено в России и не только среди ученых, но, главным образом, среди тех, кто проявляет какой-либо интерес к социальным наукам и к положению народа; «Капитал» много читается учителями и учительницами, т. е. теми из них, которые серьезно относятся к своей профессии. Но чем больше читается «Капитал», чем больше усваивают читатели и молодежь его основные положения, тем худшей славой пользуется эта книга у наших прокуроров и судебных следователей; за последнее время произошло несколько очень комич-

ных случаев во время судебных заседаний. Для нас эта книга является дорогим и уважаемым учителем.

В прошлый раз я забыла сообщить Вам, милостивый государь, что у меня есть еще отдельные парламентские акты о начальном обучении от 1870, 1873 и 1876 гг., а затем «Отчет комиссии Совета по вопросам образования за 1878—1879 гг.» и расписание и программа лекций института Уотта и школы прикладного искусства. Все эти вещи я получила незадолго до моего отъезда и, следовательно, не успела их еще прочесть.

В Биаррице я пробуду до шестого августа, проеду отсюда на неделю в Париж, а затем вернусь обратно в Москву. Мой московский адрес следующий: Москва, Большая Молчановка, дом Топова. Я буду Вам очень благодарна за каждое сообщение, за каждое указание, которое Вы мне сделаете. О школьном деле в Америке я читала мало,— знаю только произведения Гиппо и затем книгу Штудница об условиях жизни рабочих в Северной Америке,— поэтому я очень признательна Вам за сообщение о том, где я могу найти более подробные сведения.

Разрешите мне, милостивый государь, сообщить Вам подробнее о цели моих исследований. Так как они могут привести к практическим результатам, а потому интересны не только для меня лично, то мне очень хотелось бы подвергнуть некоторые взгляды Вашей критике и услышать Ваше мнение по этим вопросам. Если бы это было иначе, я бы, конечно, не осмелилась злоупотреблять Вашим временем. Я не буду рассказывать Вам о своих прежних, неудачных попытках, упомяну только, что до весны этого года моя работа ограничивалась уроками. Все мои стремления были направлены к тому, чтобы хорошо обучать своих учениц, не заниматься муштрой, а развивать их умственные способности, дать им действительные знания и сделать из них лучших работниц в широком смысле этого слова. Я могла бы привести не один пример в качестве доказательства, что мои старания не остались бесплодными. Все мое свободное время я посвящала изучению вопроса о профессиональном образовании. И вот, весной прошлого года один из членов Педагогической секции Союза распространения технических знаний читал публичный доклад о женских ремесленных школах. Я пошла на него и не могла не удивиться количеству красивых фраз, поверхностным знаниям оратора и бессодержательности доклада. Прения по докладу были еще замечательнее. Под конец я не выдержала и, несмотря на свою робость и целобовь к публичным выступлениям, обратилась в перерыве к председателю с просьбой разрешить мне выступить в прениях; слово мне было дано, так как некоторые члены знали, что я преподаю во многих ремесленных школах. В результате моего выступления дальнейшие прения были отложены на осень, так как оказалось, что большинство присутствующих совершенно не знакомы с обсуждавшимися вопросами. К осени я подготовила два доклада: первый — о профессиональном образовании вообще,

второй — о женских ремесленных школах, и прочла их в октябре и ноябре прошлого года. Между тем члены Комитета, председатель и некоторые из членов до такой степени запутались в личных раздорах, что доклады совсем не обсуждались, и Комитет сложил с себя свои полномочия. Что будет дальше с Союзом, я не знаю. Все же доклады обратили на себя внимание и возбудили интерес нескольких земских гласных. Они обратились к Союзу с просьбой создать комитет и выработать программу для взрослых и сельских школ рисования для наших крестьян, которые в качестве подсобной работы занимаются кустарным промыслом. Однако, как уже сказано, до этого дело не дошло, так как Союз был занят своими ссорами. Один из гласных добился ассигнования Земской управой тысячи рублей ежегодно для женского учительского семинария, где учительницы должны были обучаться прикладному рисованию и рукоделию. Не думайте только, милостивый государь, что я придаю этому особое значение, я по собственному опыту слишком хорошо знаю, как справедливы Ваши слова, что успех дела зависит в большинстве случаев от личностей исполнителей. Я хотела только показать Вам, что по крайней мере первый толчок был дан. Вскоре после этого я получила приглашение принять участие в заседании, на котором должен был обсуждаться устав одного вновь образуемого союза. Союз, говорилось в письменном приглашении, ставит себе целью устройство мастерских для беспризорных, бездомных детей. Союз организует некий князь Хилков. Так как я сама воспитывалась в семье, принадлежащей к высшей аристократии, и позднее очень близко познакомилась с этой средой, то я испытываю настоящую ненависть к этому классу, ко всей его филантропической деятельности и вообще к подобным союзам; но я подумала, что было бы неправильно отказываться идти туда и, может быть, из личных соображений упустить случай что-то сделать. Я пошла. С трудом я достала себе проект устава; производило впечатление, что это уже совсем организовавшееся общество, да к тому же замкнутое, собирающееся лишь для виду, чтобы формально утвердить ранее принятые решения. Уже в первом параграфе говорилось, что союз ставит своей целью организацию мастерской, где бездомные дети будут обучаться для начала вязанью чулок на машине. Дети таким образом должны будут сами зарабатывать себе на содержание; одна часть заработка будет употребляться на покрытие расходов по их содержанию, другая — возместит расходы на покупку машин и т. д., а из третьей части будет образован фонд для учреждения новых мастерских. Позднее, когда фондовый капитал возрастет, детей станут обучать также чтению, письму и закону божию (арифметика не предусматривается). В мастерскую принимаются дети от 6 до 14 лет. Остальное я опускаю, все было в том же духе. Первым моим побуждением было тотчас же уйти с собрания. Я была возмущена поведением этих людей, которые не постеснялись образовать союз, чтобы под покровом христианской

любви организовать подобную фабрику в миниатюре. Но тем временем собрание было открыто, князь единогласно и при общем одобрении избран в председатели, а устав зачитан, под дружные аплодисменты собравшихся. Я не выдержала и попросила разрешения задать несколько вопросов, что было встречено с большим удивлением. Из ответов на эти вопросы выяснилось следующее: князь уже организовал в виде опыта вышеописанную фабрику в миниатюре, куда были устроены 11 детей от 6 до 10 лет. В течение двух недель, не больше, они обучаются работе; они работают 6, 8, 10 часов в день, но, мол, совсем не устают; пока что они не учатся. Они много зарабатывают, и результаты очень хорошие: они едят досыта, спят в комнатах, а не на улице, их моральное состояние улучшается, поскольку они приучаются к работе.— Слышать все это и молчать я не могла. Не буду повторять Вам, милостивый государь, всего, что я говорила, но Вы сами можете представить себе это, если учтете, что я не только прочла Ваши произведения и «Капитал» г. Маркса, но и усвоила, по мере своего разума, их основные принципы; к тому же я действительно всем сердцем люблю народ и уважаю его права. На меня посыпались нападки, но не напрасно я так много перечитала и передумала: на все возражения против моих взглядов я смогла привести мнение авторитетов. Под конец я добилась того, что мне предложили иначе редактировать параграф, который определял цель общества. После этого должны были быть собраны подписи, т. е. произведено голосование, чтобы решить, какая редакция принимается. Так и сделали. Князь настоял на том, чтобы при голосовании участники его подписывали свои фамилии друг за другом, и представьте себе, все же голоса разделились точно пополам, и только перевес голоса князя, как председателя, решил дело в пользу его проекта. Но остальные уже не могли отступить и вышли из союза. С тех пор о нем ничего не слышно, хотя фабрика продолжает существовать.

Я бы не стала писать Вам об этом, если бы дело этим ограничилось. Упомяну только о главных последствиях. Среди этого общества находился председатель Московского уездного земства, и этот господин сделал мне следующее предложение: в шестидесяти годах в Москве образовался союз, целью которого являлось содействие народному образованию; этот союз не собирался уже в течение шести лет, отчасти потому, что время было неподходящее для успешного выполнения его задач, отчасти по другим причинам. Но у этого союза имеется капитал в 10 000 рублей, который лежит неиспользованным. Председатель предложил мне основательно разработать некоторые вопросы профессионального образования, и тогда он созвет комитет для избрания меня в члены. Вслед за этим я должна буду прочесть один или несколько докладов по упомянутым вопросам, после чего будет создан комитет, который обсудит, какого рода школы желательно открыть в Московской губернии, где вследствие малоплодородности земли

очень развиты кустарные промыслы. Деньги на это есть и, без сомнения, можно достать еще. В Москве уже несколько лет существует Земское статистическое бюро, которое представило очень подробные исследования о характере землевладения, о положении крестьян и вообще обо всех условиях жизни сельского населения; бюро продолжает работать и сейчас. Большая часть его работ уже издана¹⁴⁰. Так как этому господину было известно, что я по мере своих сил знакомлюсь со всем, что относится к этой области, то он решил, что при моем участии может быть сделано что-нибудь полезное для народа.

Этот человек принадлежит в земстве к оппозиционной партии и, как я не раз слышала, очень много сделал для открытия школ в уезде. Я лично знаю его очень мало. Эти господа настаивали сперва, чтобы я как можно скорее согласилась на их предложение, но мне не хватает необходимой для этого уверенности в себе, и я сказала им, что до осени текущего года я не смогу ничего работать. Теоретическая сторона задания — обзор того, что сделано в этом отношении в других странах, какие результаты достигнуты, необходимость профессионального образования — все это вопросы, ответить на которые в нужной мере мне не так уж очень трудно. Труднее другой вопрос, который мне не поставили, но на который я хочу дать себе ответ прежде, чем вообще приступлю к работе. Это вопрос о том, как согласовать требования нового времени, требования крупной промышленности с нашими деревенскими условиями, с кустарным производством. Крестьянин работает у себя в избе, работает с очень примитивными инструментами и может существовать только потому, что, кроме этой работы, имеет еще землю. Но земля не может его прокормить, надел, который он получает от общины, слишком незначителен, земля в большинстве случаев требует удобрения, а скота недостаточно, подати слишком велики; короче говоря, он должен иметь побочный заработок. Он берется за ремесло. В Московской губернии мы имеем щеточников, шапочников (из поярка), игрушечных мастеров, столяров, горшечников и других кустарей, менее многочисленных, чем названные. У меня нет при себе таблицы, а то я могла бы приблизительно указать, какой процент работает самостоятельно, какой — на других предпринимателей-крестьян и какой процент — в качестве наемных рабочих у крестьян. Как же разрешить эту задачу? Как избежать того, чтобы, содействуя ремесленному обучению в таких промышленных отраслях, которые более всего приспособлены для крупного производства, не содействовать в то же время неизбежно развитию фабричного производства с его полностью оторванными от земли рабочими? Все хваленые средства: школы для взрослых, обучение прикладному рисованию, передвижные выставки, кредитные учреждения, различные объединения для закупки сырья, склады готовой продукции и т. д., — все эти средства, по моим наблюдениям в Германии, приносят мало пользы. Кустарные промыслы, вернее те,

кто ими занимается, находятся всюду в жалком состоянии. Что делать? Идти по проторенному пути и пробовать все, что уже испробовано, обращая главное внимание на развитие, на образование народа с тем, чтобы в будущем он сам искал себе и находил выход? Или же существуют другие пути, которых я не вижу и которые до сих пор никто не мог мне указать? Мне говорят — вот деньги; но я боюсь, что эти деньги, добытые трудом бедняков, будут неправильно использованы, будут использованы на опыты, в которые я сама не верю. Видите ли, эта мысль мучает меня, я хотела бы внести ясность в этот вопрос.

Милостивый государь, у меня не хватает даже мужества перечитать свое письмо. Мне кажется, что в него попало столько лишнего и что оно только отнимет у Вас время. Но я прошу Вас в интересах дела быть ко мне снисходительным.

С глубочайшим почтением и уважением.

М. Горбунова.

Р. С. Вы окажете мне большую услугу, если сообщите адрес г. Дакоста. Мне очень важно услышать правильное мнение о некоторых школах, в частности о школе на улице Турнефор, где делались опыты соединения первоначального обучения с псевдоремесленным обучением. Во время моего пребывания в Париже в 1877 г. мне, несмотря на рекомендательные письма, очень много не удалось сделать. На особые трудности я натолкнулась, когда захотела поближе познакомиться с крупным производством готового платья и белья. Я хотела поступить работницей, чтобы лично убедиться, как велико разделение труда, применение машин и т. д., но несмотря на все мои старания, мне это не удалось. А чтобы поближе познакомиться с постановкой обучения в ремесленной школе, мне пришлось поступить туда ученицей.

Позвольте упомянуть еще об одном обстоятельстве. У нас существует партия, придерживающаяся того взгляда, что в нашей стране не трудно было бы перевести кустарное производство на рельсы крупной промышленности, с той только разницей, что крестьяне (по условиям нашего климата) будут использованы для фабричной работы только в свободное от сельскохозяйственных работ время, т. е. 5—8 месяцев в году, в зависимости от местоположения деревни, при этом во главе предприятия будет стоять не фабрикант, а ассоциация самих крестьян. Не говоря уже о том, как трудно было бы осуществить такую искусственную меру, с точки зрения наших условий, я думаю, что и в другом отношении эта попытка не удалась бы, поскольку участвующие в производстве рабочие превратились бы просто в работодателей. Фабриканты — выходцы из рабочей среды — у нас наихудшие. Они не только больше прижимают и эксплуатируют рабочих, но и оборудуют свои фабрики хуже других, так, что эти фабрики во всех отношениях являются самыми плохими. Общеизвестен факт, что

прежние артели — группы рабочих, которые совместно искали и подражались на работу в качестве плотников, каменщиков и т. п., — приняли теперь не только в городе, но и в деревне совершенно другой вид. В большинстве случаев артель состоит теперь из так называемого подрядчика, который самостоятельно берет подряд, а затем собирает рабочих, чтобы его выполнить, платит им заработную плату и не думает вовсе делить с ними всю полученную сумму. Многие указывают на существующую у нас общину; здесь не место разбирать этот вопрос, но снова укажу только на одно обстоятельство: определенно известно, что в последние годы, если какая-нибудь *община* покупает землю, то эта земля не рассматривается, как общинное владение, а распределяется, за редкими исключениями, между отдельными членами общины в соответствии с внесенными ими деньгами. Можно ли при таких условиях надеяться, что, в случае получения кредита, крестьяне, занимающиеся кустарным промыслом, который неизбежно должен перейти в крупное производство, создадут ассоциацию на равных правах, а не образуют кооперативное товарищество, как показывает большинство примеров, или превращается в фабрику с несколькими, а не с одним хозяином во главе, или распадается, как только члены его разбогатеют, и переходит к другому, единичному владельцу. Я сомневаюсь, чтобы в этом отношении *теперь* дело могло бы обстоять у нас иначе.

Если бы я захотела сообщить Вам все сомнения, которые возникают, как только приступаешь к практическому осуществлению какого-либо мероприятия, то я бы никогда не кончила, а я боюсь, что и так уже слишком долго злоупотребляла Вашим терпением. Если Вы мне позволите, милостивый государь, обращаться к Вам за разрешением наиболее трудных вопросов, то я буду Вам бесконечно благодарна. Я потому так стремлюсь познакомиться с постановкой этого дела в других странах, что ищу там себе отправных пунктов.

С искренним уважением

М. Горбунова.

Т а м ж е, стр. 250

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН

Москва, август — сентябрь 1880 г.

Милостивый государь!

Предполагая, что мое письмо не застанет Вас в Лондоне, так как Вы сообщили мне о своем намерении предпринять небольшое путешествие, я воздержалась на некоторое время от ответа Вам. Примите мою глубокую благодарность за рекомендацию, которую Вы дали мне к господину Дакоста, а также за подробный разбор поднятого мною вопроса. Я очень прошу Вас передать мою

глубокую благодарность также господину Марксу за его посредничество.

Теперь, когда я услышала Ваше мнение, я приступаю с большей уверенностью к делу; я также пришла к выводу, что школы и ремесленные школы — это пока почти единственное, где можно с пользой приложить наши слабые силы. Если Вас это интересует, я охотно буду сообщать Вам в дальнейшем о мерах, принятых земством, и о достигнутых результатах. Вчера мне сделали предложение обследовать на месте по поручению земства некоторые женские отрасли кустарных промыслов в Московской губернии и доложить о тех мерах, которые принимаются для развития подобных промыслов за границей. Я боюсь, что у меня еще слишком мало знаний в этой области и, с Вашего разрешения, обращаюсь к Вам с просьбой указать мне некоторые источники. Так, например, в некоторых местностях у нас развита кружевная промышленность. У меня есть отчет о кружевной промышленности, составленный для Венской выставки, затем я лично посетила школу кружевниц, объединенную с венской художественно-ремесленной школой, и сделала себе несколько заметок о ней; я была также в школе Австрийского министерства торговли и др. Но, может быть, Вы могли бы указать мне еще несколько книг по этому вопросу. Простите, милостивый государь, что затрудняю Вас подобными просьбами. Я руководствуюсь только желанием быть по возможности полезной, хотя и подвергаясь при этом опасности показаться Вам назойливой.

Примите уверения в моем глубочайшем почтении и уважении.

М. Горбунова.

Т а м ж е, стр. 252—253

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН

Москва, 23 декабря 1880 г.

Милостивый государь!

Через одного из моих друзей, г. Каблукова, Вы получите отдельный оттиск статьи, помещенной в только что появившемся VI томе 2 выпуска «Сборника статистических сведений по Московской губернии». С октября я работаю в Статистическом бюро и по поручению последнего занимаюсь изучением женских кустарных промыслов. Эта статья — мой первый опыт¹⁴¹. Мне поручили не только исследовать вопрос, но и ждут, что я внесу предложения о том, как добиться подъема и развития кустарного производства. Именно поэтому для меня в высшей степени важно получить Ваш отзыв о моей работе, о пробелах и ошибках в ней, чтобы я могла избежать их в позднейших работах. Не ради себя осмеливаюсь я обратиться с этой просьбой к Вам и к господину Марксу, которому господин Каблуков также передаст экземпляр

статьи, я прошу Вас об этом от имени нашего женского населения, для пользы которого что-то должно быть сделано. Поэтому, милостивый государь, убедительно прошу Вас, не считайте меня назойливой за то, что я докучаю Вам подобной просьбой. Ваше заверение, что Вас живейшим образом интересуется распространение народного образования и развитие народного движения придает мне смелость обратиться с этой просьбой к Вам и к г. Марксу, ибо мнение Ваше и г. Маркса для меня выше мнений всех других людей. Надеюсь, Вы мне верите, что я делаю это не из личных побуждений.

Теперь я позволю себе несколько замечаний по поводу самого издания: реклама составлялась совершенно без моего ведома; она содержит даже явную и *преднамеренную* ложь, так как я уже давно ушла из Института. Я пробовала протестовать, но это ни к чему не привело и мне был предоставлен выбор — или отказаться от работы, или согласиться. В статье было сделано несколько совершенно нелепых изменений. Укажу только один случай: я дословно привела отдельные места из Ваших и г. Маркса произведений, с указанием заглавия произведения и страницы. Из этих цитат были вычеркнуты целые предложения, ссылки на заглавие даны по-немецки, а указания страниц совсем опущены. Все это было сделано *намеренно*, ибо, как сказано, книга не на очень хорошем счету и у нашего земства. Статья кишит опечатками, и рисунки сделаны не только плохо, но в некоторых случаях просто искажены.

Очень прошу Вас передать мой почтительный привет г. Марксу и простить мне мою назойливость, так как намерения у меня хорошие.

С величайшим уважением

М. Горбунова.

**ПРИМЕЧАНИЯ
И УКАЗАТЕЛИ**

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Настоящая работа представляет собой сочинение, написанное Марксом на выпускном экзамене в Трирской гимназии.
Приводим отзыв на это сочинение учителя Виттенбаха: «Довольно хорошо. Работа отличается богатством мыслей и хорошим систематическим изложением. Но вообще автор и здесь впадает в свойственную ему ошибку — в постоянные поиски изысканных образных выражений. Поэтому в изложении во многих подчеркнутых местах недостает необходимой ясности и определенности, часто точности, как в отдельных выражениях, так и в целых периодах».—41.
- ² Вупперталь — часть Рейнской провинции, получившая название от впадающей в Рейн реки Вуппер. В эту часть входил ряд городов, которые описывает Энгельс: Эльберфельд, Бармен и др. В Бармене Энгельс посещал городскую школу, в Эльберфельде учился в гимназии, которую оставил в 1837 г., не окончив последнего класса.—46.
- ³ Пиелизм — религиозное учение о предпочтении внутреннего благочестия церковным правилам — получил широкое распространение в Германии в XVIII веке, представлял собой сначала одну из форм буржуазно-демократического движения, но в XIX веке стал уже полностью реакционным.—46.
- ⁴ Немецкий педагог Фридрих Нёссельт (1781—1850) был автором занимательных учебников по истории, географии и немецкой литературе.—47.
- ⁵ Ректорские школы — так назывались в Рейнской провинции и Вестфалии начальные пятиклассные школы.—49.
- ⁶ Так называется французский гражданский свод законов, выработанный в период консульства Наполеона I и законченный в 1804 г. Этот кодекс, проводивший буржуазно-индивидуалистические начала, был введен и в захваченной Наполеоном Рейнской области.—50.
- ⁷ «Молодая Германия» — литературная группа, возникшая в 30-х годах XIX века в Германии и находившаяся под влиянием Гейне и Берне. Отражая в своих художественных и публицистических произведениях оппозиционные настроения мелкой буржуазии, писатели «Молодой Германии» (Гуцков, Винбарг, Мундт и др.) выступали в защиту свободы совести и печати. Взгляды младогерманцев отличались идейной незрелостью и политической неопределенностью; вскоре большинство из них выродилось в заурядных буржуазных либералов.—50.
- ⁸ Речь идет о книге Е. М. Арндт «Erinnerungen aus dem äußern Leben». Leipzig, 1840 (Э. М. Арндт. «Воспоминания о пережитых событиях». Лейпциг, 1840).—51.
- ⁹ Речь идет, по-видимому, о школах, основанных в Германии Базедовым и его последователями во второй половине XVIII века под влиянием педагогических идей Руссо и называвшихся филантропинами. Однако учебно-воспитательная работа этих заведений сильно отличалась по своему направлению от прогрессивных идей Руссо. Филантропины представляли собой типично сословную школу, в которой воспитывались привилегированные сословия, а дети низших сословий привлекались в качестве слуг.—51.
- ¹⁰ Шестой рейнский ландтаг заседал с 23 мая до 25 июля 1841 г. в Дюссельдорфе. Дебаты о свободе печати развернулись при обсуждении вопроса о публикации протоколов ландтага (это право впервые было предоставлено ландтагу королев-

ским указом от 30 апреля 1841 г.), а также в связи с петициями ряда городов о свободе печати.

Приведенные в тексте отрывки находятся в связи с критикой реакционной «Прусской государственной газеты», которая, по ироническому выражению Маркса, обнаружила по обсуждавшимся вопросам «детски-чувственную точку зрения». — 52.

¹¹ Т. е. предложения некоторых ораторов под разными предлогами ограничить свободу печати. — 53.

¹² «Kölnische Zeitung» («Кельнская газета») — немецкая ежедневная газета, выходившая в Кельне с 1802 г. В 30-х и начале 40-х годов XIX века выступала в защиту католической церкви против господствовавшего в Пруссии протестантизма. — 54.

¹³ Речь идет об авторе передовицы в № 179 «Kölnische Zeitung», реакционном публицисте и редакторе этой газеты Гермесе. — 54.

¹⁴ Виги и тори — политические партии в Англии: первая — либеральная, объединявшая в то время главным образом буржуазные слои населения, вторая — консервативная, состоявшая преимущественно из аристократии, крупного дворянства. — 56.

¹⁵ Диссентеры или диссиденты — так называли в Англии представителей религиозных сект, отступавших от догматов господствующей англиканской церкви. — 56.

¹⁶ Чартизм — революционное движение английского пролетариата в 30-х, 40-х и начале 50-х годов XIX века, представлявшее собой «первое широкое действительно массовое, политически оформленное пролетарски-революционное движение» (Ленин). — 56.

¹⁷ Лига против хлебных законов была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев — лендлордов. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако именно к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм).

Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. — 57.

¹⁸ J. J. Rousseau. «Du Contract social; ou Principes du droit politique». Amsterdam, 1762 (Ж.-Ж. Руссо. «Об общественном договоре; или Принципы политического права». Амстердам, 1762).

«Système de la Nature, ou Des Loix du Monde Physique et du Monde Moral». Par M. Mirabaud, Secrétaire Perpétuel et l'un des Quarante de l'Académie Française. Londres, 1770 («Система природы, или О законах мира физического и мира духовного». Сочинение г-на Мирабо, неперменного секретаря и одного из сорока членов Французской Академии. Лондон, 1770). Действительным автором книги был французский материалист П. А. Гольбах, поставивший на своей книге, в целях конспирации, фамилию умершего в 1760 г. секретаря Французской Академии Ж. Б. Мирабо. — 57.

¹⁹ Речь идет об отмене в 1828 г. акта о присяге, согласно которому занимать государственные должности могли лишь лица, принадлежавшие к англиканской церкви. — 60.

²⁰ «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» — первое совместное произведение К. Маркса и Ф. Энгельса.

«Святое семейство» — шуточное прозвище братьев Бауэров и их последователей, группировавшихся вокруг «Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщей литературной газеты»). Выступая против Бауэров и других младогегельянцев (или левогегельянцев), Маркс и Энгельс подвергают вместе с тем критике и идеалистическую философию самого Гегеля. — 67.

²¹ «Essai sur l'origine des connaissances humaines». Первое издание книги Кондильяка вышло анонимно в Амстердаме в 1746 г. — 67.

- ²³ Helvétius. «De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation» (Гельветий. «О человеке, о его умственных способностях и его воспитании»). Впервые эта работа была издана после смерти автора в Гааге в 1773 г. при содействии русского посла в Голландии Д. А. Голицына.—67.
- ²⁴ Речь идет о французских материалах XVIII века.—67.
- ²⁵ Речь идет о коммуне Гармони-Холл, основанной Р. Оуэном в Англии в 1839 г.—69.
- ²⁶ Специальный закон об упорядочении строительства в Лондоне (Metropolitan Buildings Act) был принят английским парламентом в 1844 г.—74.
- ²⁷ Закон 1802 г. ограничивал рабочее время детей-учеников 12 часами и запрещал использовать их на ночной работе.
- Этот закон распространялся только на хлопчатобумажную и шерстяную промышленность; он не предусматривал контроля со стороны фабричной инспекции и фактически не соблюдался фабрикантами.—83.
- ²⁷ Речь идет о комиссии, созданной английским парламентом в 1833 г. для обследования условий труда детей на фабриках.—85.
- ²⁸ Закон 1819 г. запрещал на хлопчатобумажных прядильных и ткацких фабриках работу детей до 9 лет, а также ночную работу детей и подростков до 16 лет; для тех и других рабочий день был ограничен 12 часами, не считая перерывов для еды; так как эти перерывы устраивались фабрикантами произвольно, то рабочий день фактически растягивался до 14 часов и больше.
- Закон 1825 г. устанавливал, что перерывы для еды не должны в общей сложности превышать $1\frac{1}{2}$ часов в день, с тем чтобы рабочий день в целом не превышал $13\frac{1}{2}$ часов. Как и закон 1819 г., закон 1825 г. не предусматривал контроля со стороны фабричной инспекции и не соблюдался фабрикантами.—87.
- ²⁹ «The Fleet papers» («Флитские записки») — еженедельник в виде писем-памфлетов, который Остлер, находившийся во Флитской долговой тюрьме, выпускал в 1841—1844 гг.—91.
- ³⁰ Речь идет о железодельном округе Стаффордшир.—95.
- ³¹ Mechanics' Institutions — вечерние школы, в которых рабочим преподавались некоторые общеобразовательные и технические предметы; впервые такие школы появились в Англии в 1823 г. (в Глазго) и в 1824 г. (в Лондоне). В начале 40-х годов XIX века их насчитывалось более двухсот, главным образом в фабричных городах Ланкашира и Йоркшира. Буржуазия использовала эти школы для подготовки необходимых промышленности квалифицированных рабочих и для подчинения этих рабочих своему влиянию.—96.
- ³² D. F. Strauß. «Das Leben Jesu», Bd. 1—2, Tübingen, 1835—1836 (Д. Ф. Штраус. «Жизнь Иисуса», тт. 1—2, Тюбинген, 1835—1836).
- Р. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement» (П. Ж. Прудон. «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти»).—97.
- ³³ Энгельс имеет в виду Силезское восстание ткачей в июне 1844 г.— одно из первых крупных массовых выступлений рабочих в Германии, а также восстание чешских рабочих в Богемии в июне 1844 г.—101.
- ³⁴ Речь идет о книге Штирнера «Единственный и его собственность», которую Маркс и Энгельс критикуют в своем произведении «Немецкая идеология», вскрывая мелкобуржуазную реакционную идеологию немецкого анархиста. Приведенные отрывки из «Немецкой идеологии» относятся к критике идеалистических рассуждений Штирнера о взаимоотношении обстоятельств, наследственности и развития.—108.
- ³⁵ G. W. F. Hegel. «Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Heidelberg, 1817 (Г. В. Ф. Гегель. «Энциклопедия философских наук в сжатом очерке». Гейдельберг, 1817). Это произведение состоит из трех частей: 1) логика, 2) философия природы, 3) философия духа.—109.
- ³⁶ G. W. F. Hegel. «Vorlesungen über die Naturphilosophie»; Werke, Bd. VII, Berlin, 1842 (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по философии природы»; Сочинения, т. VII, Берлин, 1842).—109.
- ³⁷ Jacques le bonhomme (Жак-простак) — презрительное прозвище, которым дворяне называли крестьян во Франции.—111.
- ³⁸ G. Browning. «The Domestic and Financial Condition of Great Britain; Preceded

- by a Brief Sketch of Her Foreign Policy; and of the Statistics and Politics of France, Russia, Austria, and Prussia». London, 1834 (Дж. Браунинг. «Внутреннее и финансовое положение Великобритании; с предшествующим кратким очерком ее внешней политики, а также статистики и политики Франции, России, Австрии и Пруссии». Лондон, 1834).—111.
- ⁹⁰ Моабит — район в северо-западной части Берлина. Кёпеник — район в юго-восточной части Берлина. Гамбургские ворота — городские ворота на северной окраине Берлина.—114.
- ⁴⁰ Имеются в виду социалисты-утописты (в частности, Фурье и его последователи), сторонники утопического плана преобразования общества путем реформ, посредством так называемой «организации труда», которую они противопоставляли анархии производства при капитализме.—115.
- ⁴¹ Слова в кавычках взяты Марксом из книги Штирнера «Единственный и его собственность», слова в скобках — вставки Маркса.—117
- ⁴² Речь идет о книге Карла Грюна «Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien. Briefe und Studien». Darmstadt, 1845 («Социальное движение во Франции и Бельгии. Письма и исследования»). Дармштадт, 1845), в которой в частности критикуется трактовка любви у Фурье.—124.
- ⁴³ Работа Ф. Энгельса «Принципы коммунизма» представляет собой проект программы Союза коммунистов. Вопрос о составлении программы в форме катехизиса (в виде вопросов и ответов) обсуждался еще до первого конгресса, на котором Союз справедливых был реорганизован и переименован в Союз коммунистов (июнь 1847 г.). При написании «Манифеста Коммунистической партии» основоположники марксизма использовали ряд положений, выдвинутых в «Принципах коммунизма».—128.
- ⁴⁴ Первым является предложение о системе сберегательных касс.—132.
- ⁴⁵ Партия «National» объединяла умеренных, буржуазных республиканцев во главе с Арманом Маррастом, опиравшихся на промышленную буржуазию и связанную с ней часть либеральной интеллигенции; приверженцы этой партии в 40-х годах группировались вокруг газеты «Le National» («Национальная газета»), которая выходила в Париже с 1830 по 1851 г.—139.
- ⁴⁶ Партия «Réforme» объединяла мелкобуржуазных демократов-республиканцев во главе с Ледрю-Ролленом; к ней примыкали мелкобуржуазные социалисты во главе с Луи Бланом. Сторонники этой партии группировались вокруг газеты «La Réforme» («Реформа»), издававшейся в Париже с 1843 по 1850 г.—139.
- ⁴⁷ По имени прусского государственного деятеля Флотвеля, обер-президента Познани в 1830—1841 гг.—140.
- ⁴⁸ Речь идет о правительстве Луи Бонапарта во Франции; 1 ноября 1849 г. министерство во главе с Барро указом Луи Бонапарта было отставлено и заменено новым составом во главе с генералом Опулем. Эта смена была одним из моментов усиления реакции после революции 1848 года во Франции.—141.
- ⁴⁹ Закон против школьных учителей был издан в январе 1850 г. На основании этого закона школьные учителя могли быть произвольно смещаемы префектами и подвергаемы дисциплинарным взысканиям.—141.
- ⁵⁰ Чтобы оказать давление на избирателей при дополнительных выборах в Законодательное собрание, которые должны были состояться 10 марта 1850 г., правительство разделило территорию Франции на пять крупных военных округов, в результате чего Париж и примыкающие департаменты оказались в окружении остальных четырех округов, во главе которых были поставлены самые отъявленные реакционеры. Подчеркивая сходство между неограниченной властью этих реакционных генералов и деспотической властью турецких пашей, республиканская пресса прозвала эти округа пашалыками.—141.
- ⁵¹ Закон о народном образовании, принятый Национальным собранием 16 марта 1850 г., отдавал дело народного образования всецело в руки духовенства, иезуитов.—141.
- ⁵² Проект закона о «полюбовных соглашениях» между кредиторами и должниками, ставшими банкротами вследствие вызванного революцией застоя в делах, предусматривал отсрочку в уплате долга за умеренные проценты.—142.
- ⁵³ Речь идет о провокационных действиях правительства перед дополнительными выборами в Законодательное собрание. Правительство преследовало цель выз-

- вать в Париже мятеж, объявить осадное положение и таким образом распоряжаться выборами.— 142.
- ⁵⁴ Революционное выступление народных масс 15 мая 1848 г., в котором главную роль играли парижские рабочие во главе с Бланки и др., проходило под лозунгом дальнейшего углубления революции и поддержки революционного движения в Италии, Германии и Польше. Ворвавшись в зал заседаний Учредительного собрания демонстранты потребовали выполнения обещания о предоставлении рабочим хлеба и работы и о создании министерства труда; они сделали попытку разогнать Учредительное собрание и создать новое временное правительство. Народное выступление 15 мая было подавлено, его вожди арестованы.—142.
- ⁵⁵ F. Vidal. «De la répartition des richesses». Paris, 1846.—142.
- ⁵⁶ Карно, будучи министром народного просвещения, внес в Учредительное собрание законопроект о реформе народного образования, в котором предусматривалось светское обязательное обучение, широкое развитие библиотеки.—142.
- ⁵⁷ Речь идет о Германии второй половины XV и начала XVI в.— периода разложения средневекового феодального общества, подъема в развитии промышленности и торговли в городах и важнейших изобретений: пороха, книгопечатания.—143.
- ⁵⁸ Речь идет о Германии 40-х годов XIX века накануне революции 1848 г.—145.
- ⁵⁹ Речь идет об Австрии 40-х годов XIX века.—146.
- ⁶⁰ См. примечание 51.—147.
- ⁶¹ Речь идет о коалиционном министерстве Англии во главе с Абердином в 1852—1855 гг.—148.
- ⁶² Слова в кавычках взяты из статьи английского буржуазного органа «Экономист» 1853 г. Статья озаглавлена «Золотые возможности и как они были использованы».—150.
- ⁶³ «Народная газета» («Peoples paper») — еженедельная газета, орган чартистов; издавалась в Лондоне (1852—1858) под редакцией Эрнеста Джонса, который пользовался поддержкой и указаниями Маркса.—153.
- ⁶⁴ Речь идет о полугодовых отчетах фабричных инспекторов Англии, Шотландии и Ирландии по 31 октября 1858 г.—160.
- ⁶⁵ Речь идет об избирательном законопроекте, внесенном в английский парламент Дизраэли в 1859 г.—161.
- ⁶⁶ Эта инструкция была принята в качестве резолюции на Женевском конгрессе I Интернационала, состоявшемся 3—8 сентября 1866 г.—167.
- ⁶⁷ В официальном органе Коммуны, ежедневной газете «Journal officiel de la République Française» («Официальная газета Французской Республики») от 20 марта 1871 г.—203.
- ⁶⁸ Маркс имеет в виду «Национальные имущества» Французской буржуазной революции 1789—1793 гг.—204.
- ⁶⁹ 18 апреля Коммуна опубликовала декрет об отсрочке на три года платежей по долговым обязательствам.—207.
- ⁷⁰ Речь идет о запрещении студенческих сходок, отмене выборного начала в студенческих организациях, об отказе выдавать свидетельства о материальной обеспеченности для освобождения от платы за обучение и оставлять в университет студентов, не сдавших экзаменов.—214.
- ⁷¹ «Молодая Россия — прокламация 1862 г., выражавшая программу социальных преобразований в России, и пути ее осуществления после революционного переворота, в котором главное участие должна принять революционная интеллигентная молодежь.—215.
- ⁷² Готская программа — программа германской социал-демократии, принятая на съезде в Готе (22—27 мая 1875 г.), на котором состоялось объединение двух существовавших в то время немецких рабочих организаций — Социал-демократической рабочей партии и Всеобщего германского рабочего союза — в единую Социалистическую рабочую партию Германии.—216.
- ⁷³ «Культуркамф» («борьба за культуру») — борьба, которую Бисмарк вел в 70-х годах прошлого века против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма.—217.

⁷⁴ В 1832 г. буржуазия одержала победу над землевладельческой аристократией в борьбе за избирательную реформу. Эта реформа, которой добилась буржуазия на плечах рабочего класса, компромиссная, мало изменявшая прежнюю систему выборов, не давшая политических прав рабочему, все же нанесла удар исключительному господству лордов и расчистила путь буржуазии к власти.—223.

⁷⁵ См. прим. 17.—224.

⁷⁶ Имеется в виду образование нового правительства в 1868 г., в которое вошли эти представители банковских и промышленных кругов (Брайт, Форстер и др.). Форстер был министром просвещения. От имени правительства в 1870 г. он провел в парламенте закон о всеобщем обучении.

Следует отметить мотивы проведения этого закона, высказанные Форстером: «От немедленной организации начального образования зависит наше промышленное благополучие... Если большинство наших рабочих останется и впредь необученным, то мы скоро погибнем в международной конкурентной борьбе. От этой же немедленной организации школ зависит также гладкое функционирование нашей конституции... Наконец, от немедленной организации образования зависит и наша национальная мощь».—224.

⁷⁷ «Армия спасения» — религиозно-филантропическая организация, основанная в Англии Уильямом Бутсом в 1865 г. «Армия спасения» занимается религиозной проповедью и благотворительностью среди бедняков. Помощь беднякам обязательно сопровождается участием в молитвах, пением гимнов и слушанием проповедей. «Армия спасения» является орудием в руках буржуазии для отвлечения рабочих масс от классово-политической борьбы.—225.

⁷⁸ Александрийский период развития науки относится ко времени от III века до н. э. по VII век н. э. и получил свое название от египетского города Александрии (на побережье Средиземного моря), являвшегося одним из крупнейших центров международных хозяйственных сношений того времени. В Александрийский период получил большое развитие ряд наук: математика (Эвклид и Архимед), география, астрономия, анатомия, физиология и др.—226.

⁷⁹ Реформация в Германии в начале XVI в. началась как религиозно-национальное движение, направленное против господства римской церкви. Это была своего рода буржуазная революция, так как широкие народные массы, принимавшие участие в движении (прежде всего крестьянство, а также буржуазия), выступали против феодализма. Движение не завершилось победой народа. Германия осталась раздробленной на множество (около 300) отдельных самостоятельных государств. Поэтому-то Энгельс и говорит о национальном несчастье Германии.

Ренессанс — эпоха Возрождения, общественно-политическое и культурное движение, начавшееся в Италии в XIV в. Отражало интересы развивающейся буржуазии, направлено против католическо-церковного миросозерцания и схоластической науки средневековья. Ознаменовалось великими открытиями и изобретениями, интересом к искусству и литературе древней Греции и Рима.

Чинквеченто — буквально: пятисотые годы. В истории итальянской культуры (науки, искусства, литературы) — название XVI века.—233.

⁸⁰ Крестьянская война в Германии происходила в 1524—1525 гг.—233.

⁸¹ Orbis terrarum — так назывался у древних римлян мир, земля; дословно — круг земель.—234.

⁸² Господствовавшая в химии XVII—XVIII веков теория, согласно которой процесс горения обуславливается наличием в телах особого невесомого вещества — флогистона. Исследования Ломоносова и Лавуазье доказали несостоятельность этой теории. Положительная роль теории флогистона в дальнейшем развитии химии состояла в том, что она впервые позволила рассматривать различные химические процессы с одной общей точки зрения и собрала большой фактический материал, используя который, химия освободилась от алхимий, а сама теория флогистона была опровергнута.—236.

⁸³ Ланцетник (амфиокс) — небольшое (около 5 см в длину) рыбообразное животное, представляющее переходную форму от беспозвоночных к позвоночным.

Чешуйчатник (лепидосирен) — животное, принадлежащее к отряду легочных, или двоякодышащих, рыб, у которых имеются и легкие и жабры.—238.

⁸⁴ Цератоды (рогозуб) — двоякодышащая рыба.

Археоптерикс — вымершее животное, являющееся древнейшим представителем класса птиц и имеющее в то же время некоторые черты пресмыкающихся.—238.

⁸⁵ Энгельс имеет в виду экономический кризис 1873—1874 гг.—252.

⁸⁶ Здесь рукопись обрывается.—252.

⁸⁷ Энгельс имеет в виду одиннадцатый лист своих заметок. Он воспроизводится ниже.—255.

⁸⁸ Фраза осталась незаконченной.— 257.

⁸⁹ Т. е. французских материалистов XVIII века.—258.

⁹⁰ Фраза, заключенная в угловые скобки, вычеркнута Энгельсом. Ее пришлось восстановить в русском тексте, потому что без нее непонятно начало следующей фразы.—261.

⁹¹ На этом месте рукопись обрывается.—261.

⁹² «Sire, je n'avais pas besoin de cette hypothèse» («Государь, я не нуждался в такой гипотезе») — слова Лапласа, сказанные в ответ на вопрос Наполеона, почему он не упоминает о боге в своей небесной механике.—261.

⁹³ Энгельс имеет в виду вступительную речь английского физика Джона Тиндаля на заседании Британской научной ассоциации в Бельфасте 19 августа 1874 г. В своей речи Тиндаль отрицает вмешательство бога в развитие природы, но признает его существование в силу «эмоциональной потребности» человека.—262.

⁹¹ Герой романа Превод-д'Экзиля (1697—1763) — «История кавалера де-Гриё и Манон Леско».— 262.

⁹⁵ Т. е. у собаки. Дидо — кличка собаки.—263.

⁹⁶ В оригинале: «Den All-Induktionisten», т. е. людям, считающим индукцию единственным правильным методом.—264.

⁹⁷ Конт, будучи одно время последователем Сен-Симона, заимствовал у последнего закон трех стадий развития человечества — от теологии через метафизику к позитивной науке. Конт также заимствовал у Сен-Симона свою классификацию наук, состоящую из следующего иерархического ряда по степени их увеличивающейся сложности: 1) математика, 2) астрономия, 3) физика, 4) химия, 5) физиология, 6) социальная физика (социология). Как известно, Сен-Симон стремился обособить науку о вселенной и науку о человечестве единым законом тяготения и от физики через физиологию шел к построению социологии (см. «Новая энциклопедия», «Записка о всеобщем тяготении», «Записка относительно науки о человеке»).

Энгельс имеет в виду, очевидно, то обстоятельство, что Конт считал свою классификацию определяющим условием составления плана вполне «рационального научного воспитания».—265.

⁹⁸ Фридрих Эберхард Рохов — богатый саксонский помещик, занимавшийся организацией начального образования в своих поместьях. При поддержке правительства короля Фридриха II Рохов организовал несколько сельских школ и издал ряд учебников, одним из которых и была хрестоматия «Друг детей».— 276.

⁹⁹ См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 368.—280.

¹⁰⁰ См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 427.—280.

¹⁰¹ См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 426—427.—282.

¹⁰² См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 492—493.—283.

¹⁰³ См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 495.—284.

¹⁰⁴ См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 489—494.—288.

¹⁰⁵ «Rheinische Zeitung» («Рейнская газета») выходила в Кёльне с 1 января 1842 г. по 31 марта 1843 г.; редактором ее с 15 октября 1842 г. по 17 марта 1843 г. был Маркс. Под его влиянием газета стала принимать все более определенное революционно-демократическое направление. В газете был помещен ряд статей и корреспонденций Маркса и Энгельса.

«Vorwärts» («Вперед») — выходившая в Париже в 1844 г. на немецком языке радикальная газета немецких социалистов-эмигрантов, одним из сотрудников которой был Маркс.

«Deutsche-Brüsseler Zeitung» («Немецкая Брюссельская газета»), основанная немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 г. по февраль 1848 г. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс стали постоянными со-

трудниками газеты, под их влиянием газета превратилась в боевой орган коммунистической и демократической пропаганды.

«Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета») выходила в Кёльне в 1848—1849 гг., главным редактором газеты был Маркс.

«New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркская Трибуна») — прогрессивная американская газета, в которой в 1851—1862 гг. было опубликовано большое число статей Маркса и Энгельса.—294.

¹⁰⁶Речь идет о книге Каутского «Влияние роста населения на прогресс общества» (1880) и о статьях «Возникновение брака и семьи». Критику Энгельсом этих работ Каутского см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, 1935, стр. 107, 280, 290.—295.

¹⁰⁷Речь идет о школьных реформах во Франции, проведенных правительством республиканской буржуазии в 1879—1882 гг. В 1879 г. по инициативе министра народного просвещения Ферри палатой были приняты два закона о реорганизации управления высшими учебными заведениями, цель которых сводилась к ликвидации влияния католического духовенства в университетах. Закон запрещал преподавать и руководить общественными и частными школами всем лицам, принадлежащим к духовным конгрегациям. В 1882 г. палата приняла закон о начальном образовании, по которому вводилось обязательное бесплатное и «нейтральное» (свободное от религии) обучение. По этому закону каждая община должна была иметь школу, содержащуюся на местные и государственные средства. Религиозно-церковные предметы были удалены из школ.—296.

¹⁰⁸Хотя и выражение немецкой буржуазной публицистики после победы пруссаков при Садовой (в австро-прусской войне 1866 г.), согласно смыслу которого победа Пруссии была обусловлена якобы преимуществами прусской системы народного образования.—299.

¹⁰⁹Радамант, согласно греческому мифу, был за свою справедливость назначен судьей в аду.—299.

¹¹⁰Термин, обозначающий германскую империю (без Австрии), возникшую в 1871 г. под гегемонией Пруссии.—300.

¹¹¹Речь идет о реформах, проведенных в Пруссии в первой четверти XIX века: а) введение всеобщей воинской повинности в 1813 г., б) введение обязательного школьного обучения в 1819 г.

Пруссия проводила эти реформы в «период горькой нужды», пишет Энгельс, подразумевая положение Пруссии после разгрома ее Наполеоном в 1806 г. Поражение Пруссии в наполеоновских войнах, перестройка армии, ряд реформ, проведенных в 1809—1813 гг., — крестьянская, городская и др. — все это выдвигало на передний план и вопросы народного образования.

В 1808 г. в составе министерства внутренних дел был образован отдел, ведающий народным образованием; во главе этого отдела был известный ученый Вильгельм Гумбольдт. В 1817 г. было учреждено министерство духовных дел и образования, первый министр которого Альтенштейн в 1819 г. издал закон об обязательном обучении детей от 7 до 14 лет.—301.

¹¹²Приведенный отрывок взят из критики проекта программы германской Социал-демократической партии, принятой на Эрфуртском съезде в 1891 г.

Приводим соответствующие пункты принятой съездом Эрфуртской программы:

«6. Провозглашение религии частным делом. Отмена всяких расходов из общественных средств на церковные и религиозные цели. (Церковные и религиозные общины должны быть рассматриваемы как частные союзы, которые устраивают свои дела вполне самостоятельно.)

7. Светский характер школы. Обязательное посещение общественных народных школ. Бесплатность обучения, учебных пособий и снабжения пищей в общественных народных школах, а также в высших учебных заведениях для тех учеников и учениц, которые по своим способностям будут признаны годными для получения высшего образования».

Из сравнения замечаний Энгельса и пунктов программы видно, что социал-демократы учли далеко не все замечания Энгельса, отбросив, например, четкое положение о полном отделении церкви от государства.—302.

¹¹³В статьях, объединенных одним заглавием «*Может ли Европа разоружиться?*», Энгельс ставит вопрос о постепенной отмене постоянных армий и преобразовании их «в милицию на основе всеобщего вооружения народа». В предисловии к этим статьям Энгельс пишет, что исходит из следующей предпосылки: «система постоянных армий во всей Европе доведена до такой крайней степени, что либо она бременем военных расходов экономически разорит народы, либо же она выродится во всеобщую истребительную войну, если только постоянные армии не будут своевременно преобразованы в милицию на основе всеобщего вооружения народа».

Мероприятиями такого преобразования армий Энгельс считал всеобщее понижение срока военной службы до двух лет и обучение в школах гимнастике и военному делу. Из статей Энгельса в настоящей книге приведены места, относящиеся к этому второму мероприятию. Проведение указанных мер Энгельс ставит в связь с общим культурным уровнем данной страны, в частности с состоянием школьного образования молодежи.—304.

¹¹⁴Маркс глубоко изучал историю аграрных отношений в России, положение рабочих и крестьян, а также внешнюю политику царской России.—319.

¹¹⁵Хэмпстед-Хис — предместье Лондона, место воскресного отдыха лондонцев.—319.

¹¹⁶После поражения Парижской Коммуны Лафарг эмигрировал из Франции в Испанию, где вел по поручению Маркса и Генерального Совета I Интернационала борьбу против анархистов-бакунистов.—320.

¹¹⁷См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 2, стр. 231—517.—323.

¹¹⁸Союз коммунистов — первая коммунистическая организация пролетариата, созданная Марксом и Энгельсом и существовавшая с 1847 до 1852 г.—324.

¹¹⁹Альбигойские войны велись с 1209 по 1229 г. феодалами Северной Франции совместно с папой против «еретиков» Южной Франции, получивших название альбигойцев по названию южнофранцузского города Альби. Движение альбигойцев было своеобразной формой оппозиции горожан и мелкого рыцарства против католической церкви и феодального государства.—327.

¹²⁰Фенин — ирландские мелкобуржуазные революционеры 50—70-х годов XIX века, борющиеся за национальную независимость Ирландии.—329.

¹²¹Незаконченная рукопись Энгельса «История Ирландии» и часть подготовительных материалов к ней, опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948, стр. 59—263.—329.

¹²²См. прим. 105.—330.

¹²³«Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник») — журнал, издававшийся в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 г. В нем были опубликованы работы Маркса и Энгельса, знаменующие их окончательный переход к материализму и коммунизму.—330.

¹²⁴Имеется в виду «*Neue Rheinische Zeitung*» («Новая Рейнская газета»).—330.

¹²⁵Работая над «Капиталом», Маркс критически изучал произведения всех, даже малоизвестных, авторов книг и памфлетов по экономическим вопросам, включая произведения экономистов древности и средневековья.—331.

¹²⁶См. прим. 105.—332.

¹²⁷Маркс написал для «*Анти-Дюринга*» X главу раздела «*Политическая экономия*». При первой публикации работы в газете «*Vorwärts*» («Вперед») Энгельсу пришлось несколько сократить эту главу. Но при третьем издании «*Анти-Дюринга*» в 1894 г. Энгельс пополнил ее по рукописи Маркса.—332.

¹²⁸Незаконченная рукопись Энгельса «*Диалектика природы*» была впервые опубликована Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1925 г. на немецком и русском языках.—332.

¹²⁹По всей вероятности Лафарг имеет в виду многочисленные «Труды податной комиссии», напечатанные для нужд служебного пользования в ограниченном количестве экземпляров. Записи Маркса, сделанные на основе изучения «Трудов податной комиссии» (первая половина рукописей), вошли в «Архив Маркса и Энгельса», т. XIII, 1955.—333.

¹³⁰В сентябре 1870 г.—334.

- ¹³¹«The Pall Mall Gazette» — английская газета, издавалась в Лондоне с 1865 г. Статьи Энгельса о франко-прусской войне печатались в газете с июля 1870 г. по март 1871 г. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, 1940, стр. 11—90, 101—242, 246—277.)— 334.
- ¹³²В битве при Седане 1 сентября 1870 г. французская армия вместе с Наполеоном III была окружена и 2 сентября капитулировала.— 334.
- ¹³³Немецкое рабочее общество в Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в августе 1847 г. с целью политического просвещения рабочих и пропаганды идей научного коммунизма. Лекции, прочитанные Марксом в этом обществе, были опубликованы в апреле 1849 г. в «Neue Rheinische Zeitung» под названием «Наемный труд и капитал».— 337.
- ¹³⁴Персонаж в пьесах Шекспира «Король Генрих IV» и «Виндзорские кумушки».— 340.
- ¹³⁵Старшая дочь Маркса — Женни.— 346.
- ¹³⁶Речь идет о безуспешных попытках испанского правительства подавить общенародное восстание, вспыхнувшее в 1895 г. на о. Куба, который был в то время колонией Испании.— 349.
- ¹³⁷Энгельс произнес речь на социал-демократическом собрании в Берлине 22 сентября 1893 г. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, 1936, стр. 372—373.)— 351.
- ¹³⁸В. Либкнехт, А. Бебель и П. Зингер.— 351.
- ¹³⁹См. прим. 31.— 353.
- ¹⁴⁰Сборники статистических сведений по Московской губернии. Москва, 1878—1879.— 358.
- ¹⁴¹Горбунова М. К., Кружевной промысел. «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. VI, вып. II, Москва, 1880.— 361.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Агассис (Agassiz)*, Луи Жан Рудольф (1807—1873) — швейцарский зоолог, географ и геолог. Противник дарвинизма.— 257, 262.
- Алисон (Alison)*, Арчибалд (1792—1867) — английский историк и экономист тори.— 79.
- Араго (Arago)*, Доминик Франсуа (1786—1853) — известный французский астроном, физик и математик; буржуазный политический деятель.—116.
- Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий мыслитель, исследователь диалектики, ученый-энциклопедист, колебавшийся между материализмом и идеализмом.— 225, 267, 335.
- Аркрайт (Arkwright)*, Ричард (1732—1792) — изобретатель прядильной машины.— 126, 190.
- Арндт (Arndt)*, Эрнст Мориц (1769—1860) — немецкий писатель, историк и филолог, активный участник освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства; не был свободен от элементов национализма; сторонник конституционной монархии; в 1848 г. депутат Франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру.— 51.
- Архимед из Сиракуз* (ок. 287—212 до н. э.)— знаменитый математик и механик древности.— 253.

Б

- Баббедж (Babbage)*, Чарлз (1792—1871) — английский математик, механик и экономист, изобретатель счетной машины.— 172, 173.
- Базедов (Basedow)*, Иоганн Бернгард (1723—1790) — известный немецкий педагог XVIII в., профессор философии, последователь Руссо в Германии, автор многих педагогических сочинений, организатор филантропии — «школа человеколюбия и добрых нравов».— 190.
- Байрон (Byron)*, Джордж (1788—1824) — выдающийся английский поэт; представитель революционного романтизма.— 97.
- Бакленд (Buckland)*, Уильям (1784—1856) — английский геолог.— 220.
- Бальзак (Balzac)*, Оноре де (1799—1850) — великий французский писатель, представитель критического реализма.— 318.
- Бардсли (Bardsley)*, Сэмюэл Арджент (1764—1851) — врач городской больницы в Манчестере.— 81.
- Бауэр (Bauer)*, Бруно (1809—1882) — левый гегельянец, автор работ по истории раннего христианства.— 67, 121.
- Бebel (Bebel)*, Август (1840—1913) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии; по профессии рабочий-токарь; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 219, 295, 296, 303, 351.
- Бейерман (Beiermann)*, Мориц — прусский чиновник, в 1848 г. обер-президент Познани.— 140.
- Бейст (Beust)*, Фридрих (1817—1899) — прусский офицер, вышедший в отставку из-за политических убеждений, в 1848 г. член комитета Кельнского Рабо-

чего союза, один из редакторов «Neue Kölnische Zeitung» (сентябрь 1848—февраль 1849), в октябре 1848 г. делегат второго демократического конгресса в Берлине от Кёльнского Рабочего союза, где отстаивал программу, почти целиком совпадающую с «Требованиями Коммунистической партии в Германии»; в 1849 г. участник баденско-пфальцского восстания; после революции эмигрировал в Швейцарию, где занимался педагогической деятельностью.— 305.

Беккер (Becker), Иоганн Филипп (1809—1886) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848—1849 гг., член I Интернационала, организатор немецких секций Интернационала в Швейцарии, редактор журнала «Vorboten» (1866—1871); по профессии рабочий-шесточник; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 325.

Беккер (Becker), Карл Фердинанд (1775—1849) — немецкий филолог.— 286, 287.

Беллерс (Bellers), Джон (1654—1725) — английский буржуазный экономист и педагог, большое значение придавал общественному воспитанию; его идеи трудового воспитания были впоследствии развиты Р. Оуэном.— 190.

Бельц (Beltz) — учитель в Эльберфельде, один из соавторов латинской грамматики.— 49.

Бентам (Bentham), Иеремия (1748—1832) — английский буржуазный социолог, теоретик утилитаризма.— 97.

Бёрнс (Burns) — член комиссии по обследованию детского труда.— 94.

Бёрнс (Burns), Лиззи (ум. в 1878 г.) — ирландская работница, участница ирландского национально-освободительного движения, вторая жена Энгельса.— 328—329.

Бёрнс (Burns), Мери Эллен — племянница жены Энгельса.— 328.

Бёрнс (Burns), Роберт (1759—1796) — великий шотландский поэт, демократ.— 318.

Бессель (Bessel), Фридрих Вильгельм (1784—1846) — известный немецкий астроном.— 116.

Бизли (Beesly), Эдуард Спенсер (1831—1915) — английский историк и политический деятель, мелкобуржуазный радикал, позитивист; принимал активное участие в демократическом движении 60-х годов.— 323.

Биньями (Bignami), Энрико (1846—1921) — итальянский публицист, участник национально-освободительной борьбы в Италии под руководством Гарибальди, член I Интернационала, редактор социалистической газеты «La Plebe».— 333.

Бисмарк (Bismarck), Отто (1815—1898) — прусский государственный деятель, с 1862 г. министр-президент, с 1871 г. канцлер Германской империи.— 203, 219, 296.

Блан (Blanc), Луи (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист и историк, деятель революции 1848—1849 гг., стоявший на позициях соглашательства с буржуазией.— 142, 343.

Бланки (Blanqui), Луи Огюст (1805—1881) — выдающийся французский революционер, коммунист-утопист, участник революций 1830 и 1848—1849 гг., был заочно избран членом Парижской Коммуны.— 142.

Богуский (Bogusky), Юзеф Ежи (1853—1933) — польский физик и химик.— 270.

Бойль (Boyle), Роберт (1627—1691) — английский физик и химик.— 253, 269—270.

Болинброк (Bolingbroke), Генри Сент-Джон (1678—1751) — английский политический деятель, консерватор; в философии — материалист-деист.— 223.

Bonn (Ворп), Франц (1791—1867) — немецкий филолог, основатель сравнительного языкознания.— 286.

Брайт (Bright), Джон (1811—1889) — английский фабрикант, буржуазный политический деятель, фритредер, один из основателей Лиги против хлебных законов; с конца 60-х годов один из лидеров партии либералов; занимал ряд министерских постов в либеральных кабинетах.— 224.

Браунинг (Browning), Дж.— английский статистик.— 111

Бруно (Bruno), Джордано (1548—1600) — итальянский философ эпохи Возрождения, боровшийся против религии. Был сожжен инквизицией на костре.— 235, 256.

- Брюггеман (Brüggemann)**, Теодор (1796—1863) — королевский комиссар в Трире.— 312.
- Брюс (Bruce)** — член комиссии по обследованию горной промышленности.— 197.
- Буало (Boileau)**, Этьен (1200—1270) — королевский наместник в Париже, автор «Книги ремесел» — сборника уставов парижских цехов.—188.
- Бэкер (Baker)**, Роберт — фабричный инспектор.— 171.
- Бэкон (Bacon)**, Фрэнсис (1561—1626) — английский философ-материалист, политический деятель и историк.— 220, 226.
- Бэллард (Ballard)**, Эдвард — английский врач, изучавший условия работы и обучения детей.— 184.
- Бэр (Baer)**, Карл Эрнст (Карл Максимович Бэр) (1792—1876) — выдающийся деятель русской науки, основатель современной сравнительной эмбриологии, географ-исследователь России.— 239, 257.
- Бюффон (Buffon)**, Жорж Луи (1707—1788) — выдающийся французский естествоиспытатель.— 339.

В

- Валлах (Wallach)**— прусский чиновник, регирунгспрезидент Бромберга (Быдгощ).— 140.
- Вейтлинг (Weitling)**, Вильгельм (1808—1871) — видный деятель рабочего движения в Германии в период его зарождения, один из теоретиков утопического уравнительного коммунизма; по профессии портной.— 337.
- Вёлер (Wöhler)**, Фридрих (1800—1882) — немецкий химик.—260.
- Веллингтон (Wellington)**, Артур, герцог (1769—1852) — английский полководец, реакционный государственный деятель, тори, премьер-министр (1828—1830).— 77.
- Вергилий (Публий Вергилий Марон)** (70—19 до н. э.) — выдающийся римский поэт.— 117, 313.
- Верне (Verne)**, Орас (1789—1863) — французский художник-баталист.—116.
- Вестфален (Westphalen)**, Фердинанд фон (1799—1876) — прусский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел (1850—1858); сводный брат Женни Маркс.— 325.
- Виганд (Wigand)**, Отто (1795—1870) — немецкий издатель и книготорговец, владелец фирмы в Лейпциге, издававшей произведения радикальных писателей.— 119.
- Видал (Vidal)**, Франсуа (1814—1872) — французский мелкобуржуазный экономист, социалист, сторонник Луи Блана.— 142.
- Виктория** (1819—1901) — английская королева (1837—1901).— 77, 163, 278.
- Виттенбах (Wittenbach)**, Иоганн Гуго (1767—1848) — гимназический учитель Маркса.— 312.
- Вольтер (Voltaire)**, Франсуа Мари (1694—1778) — французский философ-деист, писатель-сатирик, историк, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII в., боролся против абсолютизма и католицизма.— 47, 57.
- Вольф (Wolff)**, Вильгельм (1809—1864) — немецкий пролетарский революционер, по профессии учитель, сын силезского крепостного крестьянина; участник студенческого движения, в 1834—1839 гг. находился в заключении в прусских казематах, в 1846—1847 гг. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, с марта 1848 г. член Центрального комитета Союза коммунистов, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», друг и соратник Маркса и Энгельса.— 317, 330.
- Вольф (Wolff)**, Каспар Фридрих (1733—1794) — выдающийся биолог, родом из Германии, переехавший в 1766 г. в Россию и до конца жизни работавший в России в качестве члена Петербургской Академии наук.— 238.

Г

- Гален, Клавдий** (ок. 131—200) — крупнейший римский врач, анатом, физиолог и философ.— 267.
- Галилей (Galilei)**, Галилео (1564—1642) — итальянский физик и астроном, один из основателей точного естествознания нового времени.— 253, 257.

- Гамильтон (Hamilton), Уильям* (1788—1853) — английский философ и психолог, редактор лекций по политической экономии, написанных Д. Стюартом.— 174.
- Гарвей (Harvey), Уильям* (1578—1657) — английский врач, положивший основание современной физиологии открытием кровообращения.— 253.
- Гарнье (Garnier), Жермен, граф* (1754—1821) — французский экономист, переводчик и комментатор А. Смита.— 176, 177.
- Гвидо Аретинский (Guido Aretino, или d'Arezzo)* (990—1050) — итальянский монах, изобретатель основ современной нотной системы в музыке.— 255.
- Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — крупнейший немецкий философ — объективный идеалист, наиболее всесторонне разработал идеалистическую диалектику.— 109, 169, 177, 225, 228—229, 231, 238, 274, 317, 320.
- Гейне (Heine), Генрих* (1797—1856) — великий немецкий революционный поэт.— 50, 317, 325.
- Гейнцен (Heinzen), Карл* (1809—1880) — немецкий публицист, мелкобуржуазный республиканец.— 348.
- Геккель (Haeckel), Эрнст* (1834—1919) — немецкий биолог.— 264.
- Гексли (Huxley), Томас Генри* (1825—1895) — английский ученый-естествоиспытатель, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения.— 206, 342.
- Гельвеций (Helvetius), Клод Адриан* (1715—1771) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии.— 67, 97.
- Генгестенберг (Gengstenberg), Эрнст Вильгельм* (1802—1869) — немецкий теолог, профессор Берлинского университета, с 1827 г. издатель «Евангелической церковной газеты».— 159.
- Генрих VII* (1457—1509) — английский король (1485—1509).— 222.
- Генрих VIII* (1491—1547) — английский король (1509—1547).— 222.
- Гераклит* (ок. 535—475 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основоположников диалектики, стихийный материалист.— 225.
- Гермес (Hermes), Карл Генрих* (1800—1855) — немецкий реакционный публицист, в 1842 г. один из редакторов «Kölnische Zeitung»; тайный агент прусского правительства.— 54.
- Гершель (Herschel), Джон* (1792—1871) — известный английский астроном.— 116.
- Гесс (Heß), Мозес* (1812—1875) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей «истинного социализма».— 62, 112.
- Гёте (Goethe), Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — великий немецкий писатель и мыслитель.— 48, 285, 317, 340.
- Гизо (Gizot), Франсуа Пьер Гийом* (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, с 1840 г. до февральской революции 1848 г. фактически руководил внутренней и внешней политикой, выражал интересы крупной финансовой буржуазии.— 161, 330.
- Гиппо (Hippo)* — американский исследователь буржуазной педагогики, писавший о школьном деле в Америке.— 355.
- Гиффен (Giffen), Роберт* (1837—1910) — английский буржуазный экономист и статистик, один из основателей Королевского экономического общества.— 279.
- Гоббс (Hobbes), Томас* (1588—1679) — английский философ-материалист.— 220, 223.
- Гоголь, Николай Васильевич* (1809—1852) — великий русский писатель.— 318.
- Годвин (Godwin), Уильям* (1756—1836) — английский мелкобуржуазный писатель и публицист, рационалист, один из родоначальников анархизма.— 97.
- Гольбах (Holbach), Поль Анри* (1723—1789) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии.— 97.
- Гомер* — полулегендарный древнегреческий эпический поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи».— 313.
- Гонкур (Goncourt), братья* — Жюль (1830—1870) и Эдмон (1822—1896) — французские буржуазные писатели-натуралисты.— 321.
- Гораций (Квинт Гораций Флакк)* (65—8 до н. э.) — выдающийся римский поэт.— 313.

- Горбунова-Каблукова*, Минна Карловна (1840—1931)— земский статистик и публицистка народнического направления.— 289, 291, 352—362.
- Гракс, Гай (Гай Семпроний Гракс)* (153—121 до н. э.) — народный трибун (123—122 до н. э.) в древнем Риме, боролся за проведение аграрных законов в интересах крестьянства; брат Т. Гракха.— 325.
- Гракс, Тиберий (Тиберий Семпроний Гракс)* (163—133 до н. э.) — народный трибун (133 до н. э.) в древнем Риме, боролся за проведение аграрных законов в интересах крестьянства.— 325.
- Грейнджер (Grainger)*, Ричард Дугард (1801—1865)— английский врач и физиолог, член комиссии по обследованию детского труда в 1841 г.— 76, 93, 94.
- Грехем (Graham)*, Джеймс Роберт Джордж (1792—1861) — английский государственный деятель, умеренный тори; в 1841—1846 гг. министр внутренних дел в торийском кабинете Пилля.— 56, 91.
- Гримм (Grimm)*, братья—Вильгельм (1786—1859) и Якоб (1785—1863)—немецкие филологи, примыкавшие к романтикам, известные авторы обработок немецкого сказочного фольклора и средневекового эпоса. Якоб — умеренный либерал, в 1848 г. депутат Франкфуртского Национального собрания — принадлежал к центру.— 286, 336.
- Гров (Grove)*, Уильям Роберт (1811—1896) — английский физик и адвокат.—257.
- Гроссман (Grossmann)* — гимназический учитель Маркса.— 312.
- Грюн (Grün)*, Карл (1817—1887) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей «истинного социализма».— 124.
- Гумбольдт (Humboldt)*, Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель.— 257.
- Гуцков (Gutzkov)*, Карл (1811—1878) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия»; в 1838—1842 гг. редактор журнала «Telegraph für Deutschland».—50.
- Гюго (Hugo)*, Виктор (1802—1885) — великий французский писатель.— 341.

Д

- Дакоста (D'Acosta)*, Евгений — профессор математики в Париже, отец Гастона и Шарля Дакоста, участников Парижской Коммуны — 290, 359, 360.
- Даниельсон, Николай Францевич (1844—1918)* — русский литератор и экономист, один из идеологов народничества в 80—90-х годах; в течение ряда лет переписывался с Марксом и Энгельсом, перевел I, II и III томы «Капитала» Маркса на русский язык (I том совместно с Г. Лопатиным).—333.
- Данкомб (Duncombe)*, Томас Слингсби (1796—1861) — английский политический деятель, буржуазный радикал, в 40-х годах участвовал в чартистском движении.— 56.
- Данте Алигьери (Dante Alighieri)* (1265—1321) — великий итальянский поэт.— 318, 337, 339, 340.
- Дарвин (Darwin)*, Чарлз (1809—1882) — великий английский естествоиспытатель, основоположник учения о происхождении и развитии видов растений и животных.— 228, 239, 240, 241, 242, 247, 257, 259, 293, 318, 342.
- Декарт (Descartes)*, Рене (1596—1650) — французский философ и математик, в философии — дуалист, в физике — механистический материалист.— 225, 235.
- Демут (Demuth)*, Елена (Ленхен) (1823—1890) — домашняя работница и верный друг семьи Маркса.— 326, 327, 343.
- Депре (Deprez)*, Марсель (1843—1918) — французский инженер, известный своими работами по электричеству.— 294.
- Дефлот (De Flotte)*, Поль (1817—1860)—последователь Фурье, участник движения 15 мая и июньского восстания в 1848 г. в Париже, депутат Законодательного собрания (1851).—142.
- Джоуль (Joule)*, Джеймс (1818—1889) — английский физик.— 259.
- Дидро (Diderot)*, Дени (1713—1784) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии, просветитель, глава энциклопедистов.— 97, 225.

- Дизраэли (Disraeli)*, Бенджамин, лорд Биконсфильд (1804—1881) — английский политический деятель и писатель, лидер консервативной партии.— 81, 161—162.
- Дистервег (Diesterweg)*, Адольф (1790—1866) — немецкий прогрессивный педагог, последователь швейцарского педагога-демократа Песталоцци.— 48.
- Диц (Diez)*, Фридрих (1794—1876) — немецкий ученый, основатель романской филологии.— 286, 335.
- Дрейпер (Draper)*, Джон Уильям (1811—1882) — американский физиолог, химик и историк.— 265.
- Дюма (Dumas)*, Александр (отец) (1803—1870) — известный французский писатель-романист.— 318.
- Дюрер (Dürer)*, Альбрехт (1471—1528) — немецкий художник.— 234.
- Дюринг (Dühring)*, Евгений (1833—1921) — немецкий вульгарный материалист-позитивист, эклектик, идеолог реакционного мелкобуржуазного социализма, враг марксизма.— 266, 269—273, 276, 281—282, 283—287, 351, 353.

3

- Зенф (Senff)*, Эмиль — прусский судебный чиновник в Познани, в 1848 г. депутат Франкфуртского Национального собрания.— 140.
- Зингер (Singer)*, Пауль (1844—1911) — деятель немецкого рабочего движения, один из руководителей социал-демократической партии Германии, проявивший себя как видный практик-организатор.— 351.
- Зорге (Sorge)*, Фридрих Адольф (1828—1906) — немецкий коммунист, видный деятель американского и международного рабочего движения, один из активных членов I Интернационала; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 297.

И

- Иосиф II* (1741—1790) — император так называемой Священной Римской империи германской нации (1765—1790).— 146.

К

- Кабе (Cabet)*, Этьенн (1788—1856) — французский публицист, видный представитель мирного, утопического коммунизма, автор книги «Путешествие в Икарию».— 337.
- Каблюков*, Николай Алексеевич (1849—1919) — русский экономист и статистик, профессор Московского университета, представитель либерального народничества.— 361.
- Кальвин (Calvin)*, Жан (1509—1564) — основатель швейцарского, французского и голландского протестантизма.— 235.
- Кант (Kant)*, Иммануил (1724—1804) — выдающийся немецкий философ, родоначальник немецкого идеализма конца XVIII—начала XIX века.— 228, 237, 238, 257.
- Карл Великий* (742—814) — король франков с 768 г.; император с 800 г.— 255.
- Карлейль (Carlyle)*, Томас (1795—1881) — английский писатель, историк, философ-идеалист, проповедовавший культ героев; выражая взгляды, близкие к феодальному социализму 40-х годов, критиковал английскую буржуазию с позиций реакционного романтизма, примыкал к партии тори; после 1848 г. законченный реакционер, открытый враг рабочего движения.— 59.
- Карл-Теодор* (1724—1799) — курфюрст пфальцский и баварский.— 47.
- Карно (Carnot)*, Лазар Ипполит (1801—1888) — французский публицист и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в 1848 г. министр просвещения временного правительства, депутат Учредительного собрания.— 142.
- Карно (Carnot)*, Лазар Никола (1753—1823) — французский математик, политический и военный деятель, буржуазный республиканец; в период французской буржуазной революции конца XVIII века примыкал к якобинцам, в 1794 г. участвовал в контрреволюционном перевороте 9 термидора.— 142, 350.

- Каутский (Kautsky)**, Карл (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, идеолог центризма, позже ренегат, ярый враг Советского Союза.— 295.
- Кемпбелл (Campbell)** — помощник фабричного инспектора в Шотландии в 1858 г.— 160.
- Кеплер (Kepler)**, Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном.— 235, 257.
- Кёстер (Kester)** — учитель в Бармене, автор очерка поэтики.— 48.
- Кинкейд (Kincaid)**, Джон (1787—1862) — английский офицер; до 1831 г. на военной службе, с 1850 г. инспектор фабрик и тюрем в Шотландии.— 160, 179, 180.
- Клаузен (Klausen)** — учитель в Эльберфельде, автор научно-методической работы «Пиндар-лирик».— 49.
- Коббет (Cobbett)**, Уильям (1762—1835) — английский политический деятель и публицист, видный представитель мелкобуржуазного радикализма, боролся за демократизацию английского политического строя — 318.
- Кобден (Cobden)**, Ричард (1804—1865) — английский фабрикант, буржуазный политический деятель, фритредер, один из основателей Лиги против хлебных законов.— 150, 224.
- Кок (Kock)**, Поль де (ок. 1794—1871) — французский писатель-романист.— 49, 318.
- Колумб (Columbus)**, Христофор (ок. 1446—1506) — родом из Генуи, знаменитый мореплаватель, открывший в 1492 г. Америку.— 250.
- Кольдинг (Colding)**, Людвиг Август (1815—1888) — датский физик и инженер.— 259.
- Кондильяк (Condillac)**, Этьенн Бонно (1715—1780) — французский философ-деист, сенсуалист, последователь Локка.— 67.
- Конт (Comte)**, Огюст (1798—1857) — французский философ-позитивист. — 265.
- Коперник (Copernicus)**, Николай (1473—1543) — великий польский астроном, основоположник гелиоцентрической системы планетных движений.— 235, 237, 256.
- Корбон (Corbon)**, Клод Антим (1808—1891) — французский политический деятель и публицист.— 189.
- Крузе (Kruise)** — учитель в Эльберфельде, автор брошюры об английском производстве.— 48.
- Кювье (Cuvier)**, Жорж (1769—1832) — крупный французский естествоиспытатель, зоолог и палеонтолог.— 254, 257, 318, 349.

Л

- Лавров**, Петр Лаврович (1823—1900) — русский социолог и публицист, один из идеологов народничества, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны.— 333.
- Лайель (Lyell)**, Чарлз (1797—1875) — английский геолог, основатель учения о развитии в области геологии.— 257.
- Ламарк (Lamarck)**, Жан Батист (1744—1829) — французский естествоиспытатель, эволюционист, предшественник Дарвина.— 239, 257.
- Лаплас (Laplace)**, Пьер Симон (1749—1827) — французский математик и астроном.— 228, 237, 257, 261.
- Лафарг (Lafargue)**, Поль (1842—1911) — выдающийся пропагандист марксизма во Франции, один из основателей французской рабочей партии, видный деятель международного рабочего движения; друг и ученик Маркса и Энгельса.— 315—317, 320—321, 325—327, 328—334.
- Левер (Lever)**, Чарлз (1806—1872) — ирландский писатель реалистического направления.— 318.
- Лейбниц (Leibniz)**, Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ, объективный идеалист; математик и физик.— 235.
- Лемонте (Lemontey)**, Пьер Эдуард (1762—1826) — французский историк, экономист и политический деятель, в период французской буржуазной революции конца XVIII века примыкал к правому, контрреволюционному крылу Законодательного собрания.— 126, 176.

- Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci)* (1452—1519) — великий итальянский художник, ученый-энциклопедист и инженер эпохи Возрождения.— 115, 234.
- Лерс (Loers)*, Витус (ум. в 1862 г.) — гимназический учитель Маркса.— 312.
- Лессинг (Lessing)*, Готхольд Эфраим (1729—1781) — великий немецкий писатель, критик и философ, один из видных просветителей XVIII века.— 297, 340.
- Либих (Liebig)*, Юстус (1803—1873) — немецкий химик, основатель агрохимии.— 178, 342.
- Либкнехт (Liebknecht)*, Вильгельм («Солдат») (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 335—347, 348—351.
- Ливий*, Тит (ок. 59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор «Анналов».— 313.
- Линней (Linne)*, Карл (1707—1778) — шведский естествоиспытатель, автор первой систематической классификации растений и животных.— 229, 235, 236.
- Локк (Locke)*, Джон (1632—1704) — выдающийся английский философ, сенсуалист; буржуазный экономист.— 67, 220, 226.
- Лонге (Longe)*, Жан (Джонни) (1876—1938) — внук Маркса, сын Женни Маркс, впоследствии один из реформистских лидеров Французской социалистической партии и II Интернационала.— 346—347.
- Лонге (Longuet)*, Шарль (1833—1903) — французский социалист, прудонист, по профессии журналист; член Генерального Совета I Интернационала и Парижской Коммуны; муж Женни Маркс.— 326, 346.
- Лондж (Longe)*, Френсис — член парламентской комиссии по вопросам фабричного законодательства (1866).— 186.
- Луи Бонапарт* — см. Наполеон III.
- Луи Филипп* (1773—1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830—1848).— 139, 318.
- Лютер (Luther)*, Мартин (1483—1546) — деятель реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии.— 234, 256.

М

- Майер (Mayer)*, Юлиус Роберт (1814—1878) — немецкий естествоиспытатель.— 259.
- Макиавелли (Machiavelli)*, Никколо (1469—1527) — итальянский политический деятель и писатель.— 234.
- Макинтош (Macintosh)* — член фабричной комиссии 1833 г.— 89.
- Мак-Куллох (Mac Culloch)*, Джон Рамси (1789—1864) — английский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии.— 342.
- Максвелл (Maxwell)*, Клерк (1831—1879) — английский физик, один из авторов классической теории электричества и магнетизма.— 253.
- Мальпиги (Malpighi)*, Марчелло (1628—1694) — итальянский естествоиспытатель, основатель анатомии растений и гистологии.— 267.
- Мальтус (Malthus)*, Томас Роберт (1766—1834) — английский священник, экономист, идеолог обуржуазившейся землевладельческой аристократии, апологет капитализма, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения.— 150.
- Мантелл (Mantell)*, Гидеон (1790—1852) — английский геолог.— 220.
- Маркс (Marx)*, Генриетта (1787—1863) — мать К. Маркса.— 324.
- Маркс (Marx)*, Генрих (1782—1838) — отец К. Маркса; адвокат, затем советник юстиции в Трире.— 311, 324.
- Маркс (Marx)*, Женни, урожденная фон Вестфален (1814—1881) — жена Карла Маркса, его верный друг и помощник.— 317, 324—327, 343, 344.
- Маркс (Marx)*, Женни (1844—1883) — старшая дочь Маркса, с 1872 г. жена Ш. Лонге.— 317—318, 324—327, 332, 334, 346.
- Маркс (Marx)*, Карл (1818—1883).— 169, 176, 200, 232, 284, 288, 289—291, 293—294, 295, 311—312, 315—327, 328—334, 335—347, 350, 351, 353, 354, 357, 361—362.
- Маркс (Marx)*, Лаура (1845—1911) — деятельница французского рабочего движе-

ния, вторая дочь Маркса, с 1868 г. жена П. Лафарга.—317—318, 324—327, 328, 332.

Маркс-Эвелинг (Marx-Aveling), Элеонора (Тусси) (1855—1898) — деятельница английского и международного рабочего движения; младшая дочь Маркса, с 1884 г. жена Э. Эвелинга.—317—318, 324—327, 332, 344.

Марраст (Marrast), Арман (1801—1852) — французский публицист и политический деятель, один из лидеров умеренных буржуазных республиканцев, редактор газеты «National»; в 1848 г. член временного правительства и мэра Парижа.—139.

Марризм (Marryat), Фредерик (1792—1848) — английский писатель, моряк, автор приключенческих романов.—49.

Медлер (Mädler), Иоганн Генрих (1794—1874) — немецкий астроном.—238.

Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий русский химик, открывший периодический закон химических элементов.—270.

Менений, Агриппа (ум. в 493 г. до н. э.) — римский патриций.—174.

Меса-и-Леопарт (Mesa y Leopart), Хосе (1840—1904) — деятель испанского рабочего движения, один из руководителей Испанской федерации I Интернационала и организатор Испанской социалистической рабочей партии; по профессии рабочий-печатник; сторонник Маркса и Энгельса.—332.

Меттерних (Metternich), Клеменс, князь (1773—1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, реакционер; министр иностранных дел (1809—1821) и канцлер (1821—1848), один из организаторов «Священного союза».—145.

Молешиотт (Moleschott), Якоб (1822—1898) — физиолог, родом из Голландии, представитель вулгарного материализма.—342.

Монталамбер (Montalembert), Марк Ренэ (1714—1800) — французский военный инженер.—234.

Монталамбер (Montalembert), Шарль, граф де (1810—1870) — французский политический деятель, оратор и писатель, вождь католической партии, член Национального и Законодательного собраний.—185.

Мундт (Mundt), Теодор (1808—1861) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия»; позже профессор литературы и истории в Бреславле и Берлине.—50.

Мур (Moore), Самюэл (1830—1912) — английский юрист, член I Интернационала, перевел на английский язык I том «Капитала» (вместе с Эвелингом) и «Манифест Коммунистической партии»; друг Маркса и Энгельса.—328.

Н

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815).—50, 77, 268, 278.

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873)—принц, племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1851), французский император (1852—1870).—147, 318, 341, 343.

Нельсон (Nelson), Горацио (1758—1805) — английский адмирал, крупнейший флотоводец.—77.

Непер (Neper), Джон (1550—1617) — шотландский математик.—235.

Нестрой (Nestroy), Иоганн (1802—1862) — австрийский драматург, автор популярных водевилей и фарсов.—49.

Ньютон (Newton), Исаак (1642—1727) — великий английский математик и физик, открывший закон всемирного тяготения и сформулировавший основные законы классической механики.—228, 229, 235, 237, 257, 262.

О

Окен (Oken), Лоренц (1779—1851) — немецкий естествоиспытатель и натурфилософ.—239.

Опуйль (Hautpoul), Альфонс Анри (1789—1865) — французский генерал, военный министр в президентство Луи Бонапарта.—141.

Остлер (Oastler), Ричард (1789—1861) — английский политический деятель, при-

мыкал к партии тори, в борьбе против фритредерской буржуазии выступал за законодательное ограничение рабочего дня.— 91.

Оуэн (Owen), Роберт (1771—1858) — великий английский социалист-утопист.— 87, 102, 171, 186, 215, 220, 277—278, 281—282, 288.

П

Павлов, Платон Васильевич (1823—1895) — историк и общественный деятель, профессор; в 1862 г. был подвергнут высылке в административном порядке.— 215.

Паганини (Paganini), Никколо (1784—1840) — великий итальянский скрипач и композитор.— 242.

Паркинсон (Parkinson), Ричард (1797—1858) — английский священник, буржуазный филантроп.— 81—82.

Пауэр (Power) — член парламентской комиссии по обследованию законодательства о бедных в 1832—1834 гг.— 83.

Персивал (Percival), Томас (1740—1804) — английский врач, буржуазный филантроп.— 83.

Пиль (Peel), Роберт (1750—1830) — крупный английский хлопчатобумажный фабрикант, член парламента, тори.— 83, 87.

Пиль (Peel), Роберт (1788—1850) — английский государственный деятель, умеренный тори, премьер-министр (1841—1846), при поддержке либералов провел отмену хлебных законов (1846).— 83.

Пиндар (518 или 522 — ок. 442 до н. э.) — древнегреческий поэт, автор лирических произведений разных видов.— 49.

Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист; идеолог рабовладельческой аристократии.— 313.

Поло (Polo), Марко (1254—1324) — знаменитый итальянский путешественник, первый из европейских исследователей внутренней Азии.— 255.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма.— 97, 117, 125—127.

Птолемей, Клавдий (ок. 150 н. э.) — древнегреческий астроном, математик и географ; создатель учения о геоцентрической системе мира.— 235.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — великий русский поэт.— 318.

Пэйн (Paine), Томас (1737—1809) — английский радикальный публицист, республиканец, участник войны за независимость США и французской буржуазной революции конца XVIII века.— 58.

Р

Райх (Reich), Эдуард (1836—1919) — доктор медицины.— 177.

Рамадзини (Ramadzini), Бернардино (1633—1714) — профессор практической медицины в Падуе, основоположник профессиональной гигиены.— 177.

Рассел (Russell), Джон (1792—1878) — английский государственный деятель, лидер вигов, премьер-министр (1846—1852 и 1865—1866).— 148—149, 161.

Рафаэль Санти (Raffaello Santi) (1483—1520) — крупнейший итальянский художник-реалист эпохи Возрождения.— 115, 242.

Рафф (Raff), Георг Христиан (1748—1788) — немецкий педагог и писатель для юношества.— 285.

Редгрейв (Redgrave), Александр — фабричный инспектор в Англии.— 163—165, 181.

Реньо (Regnault), Анри Виктор (1810—1878) — французский физик и химик, автор выдающихся работ по органической химии.— 270.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772—1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.— 342.

Робертон (Roberton), Джон (1797—1876) — английский врач.— 73.

Роон (Roop), Альбрехт Теодор Эмиль (1803—1879) — прусский фельдмаршал, военный министр (1859—1873).— 166.

Рохоя (Rochow), Фридрих Эберхард (1734—1805) — немецкий педагог, автор пошлых нравственно-назидательных книг для юношества.— 276.

Руге (Ruge), Арнольд (1802—1880) — немецкий публицист, младогегельянец; буржуазный радикал, в 1848 г. депутат Франкфуртского Национального соб-

рания, принадлежал к левому крылу; после 1866 г. национал-либерал.— 55, 348.

Руссо (Rousseau), Жан-Жак (1712—1778) — выдающийся французский просветитель, демократ, идеолог мелкой буржуазии.— 57, 225.

С

Садлер (Sadler), Майкл Томас (1780—1835) — английский политический деятель, буржуазный филантроп, примыкал к партии торн.— 88, 91.

Саймонс (Symons), Джелингер Куксон (1809—1860) — английский либеральный публицист, член комиссии по обследованию детского труда в 1841 г.— 77, 79.

Сандерс (Saunders), Роберт Джон — английский фабричный инспектор в 40-х годах XIX века.— 90.

Секки (Secchi), Анджело (1818—1878) — итальянский астроном, иезуит.— 262.

Сениор (Senior), Нессау Уильям (1790—1864), — английский вульгарный экономист, апологет капитализма.— 185, 186, 194.

Сен-Симон (Saint-Simon), Анри (1760—1825) — великий французский социалист-утопист.— 229, 238, 265.

Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra), Мигель (1547—1616) — великий испанский писатель-реалист.— 117, 318, 340.

Сервет (Servet), Мигель (1511—1553) — испанский врач, сделавший важные открытия в области кровообращения. Был сожжен Кальвином на костре за свободомыслие.— 235, 256.

Скотт (Scott), Вальтер (1771—1832) — выдающийся английский писатель, по происхождению шотландец, создатель жанра исторического романа.— 318.

Скривен (Scriven) — член парламентской комиссии по обследованию детского труда.— 96.

Смит (Smith), Адам (1723—1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.— 175—176, 342.

Спиноза (Spinoza), Барух (Бенедикт) (1632—1677) — великий философ-материалист.— 225, 237, 262.

Струве (Struve), Густав (1805—1870) — немецкий мелкобуржуазный демократ, по профессии журналист; один из руководителей баденских восстаний 1848 г. и баденско-пфальцского восстания 1849 г.; после поражения революции эмигрировал из Германии; участник гражданской войны в США на стороне северян.— 348.

Стюарт (Stewart) — член фабричной комиссии 1833 г.— 85.

Стюарт (Stewart), Дугалд (1753—1828) — английский экономист и философ.— 174, 188.

Сэй (Say), Жан Батист (1767—1832) — известный французский экономист, основатель так называемой «вульгарной» школы политической экономии.— 176.

Т

Тафнелл (Tufnell), Томас Джалиф (1819—1885) — английский врач, автор работ по медицине и социальной гигиене, член парламентских комиссий по социальным вопросам.— 83.

Тацит (Публий Корнелий Тацит) (ок. 55 — ок. 120) — известный римский историк.— 339.

Тессендорф (Tessendorf), Герман (1831—1895) — прусский юнкер, с 1873 г. прокурор Берлинского суда, организатор преследований социал-демократов.— 219.

Тиндаль (Tyndall), Джон (1820—1893) — английский физик (экспериментатор и популяризатор).— 262.

Тициан Вечеллио (Tiziano Vecellio) (1477—1576) — выдающийся итальянский художник-реалист эпохи Возрождения, крупнейший представитель венецианской школы живописи.— 115.

Толен (Tolain), Анри Луи (1828—1897) — французский деятель рабочего движения, правый прудонист, член I Интернационала, в 1871 г. был исключен из Интернационала как ренегат и враг Парижской Коммуны; позднее сенатор.— 315.

- Томпсон (Thompson)**, Уильям (ок. 1785—1833) — английский экономист, рикардianский социалист.— 175.
- Томсон (Thomson)**, Уильям (с 1892 г. лорд Кельвин) (1824—1907) — английский физик.— 245.
- Торвальдсен (Thorvaldsen)**, Бертель (1768—1844) — знаменитый датский скульптор.— 242.
- Торичелли (Torricelli)**, Эванжелиста (1608—1647) — итальянский физик и математик.— 236, 253.
- Тромлиц (Tromlitz)**, Август — литературный псевдоним Вицлебена (Witzleben), Августа (1773—1839) — немецкий буржуазный писатель, автор ряда легких романов и новелл на исторические темы.— 49.
- Трумен (Truman)** — врач поликлиники для бедных в Ноттингеме.— 181.
- Турнейзен (Thurneysen)**, Эдуард (1824—1890) — швейцарский юрист и политический деятель.— 201.
- Тьер (Thiers)**, Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк и политический деятель, палач Парижской Коммуны.— 203, 207.
- Тэкетт (Tuckett)**, Джон Дебел (ум. в 1864 г.) — английский философ и экономист.— 175.

У

- Уайатт (Wyatt)**, Джон (1700—1766) — изобретатель прядильной машины.— 126.
- Уайт (White)**, Дж. Е.— член парламентской комиссии по вопросам фабричного законодательства (1865).— 181, 184.
- Уатт (Watt)**, Джеймс (1736—1819) — английский физик, инженер-изобретатель, один из творцов современной паровой машины.— 190.
- Уотс (Watts)**, Джон (1818—1887) — английский социалист-утопист, последователь Оуэна; впоследствии буржуазный либерал.— 57.
- Уркхарт (Urquhart)**, Давид (1805—1877) — английский политический деятель, дипломат и публицист, член парламента (1847—1852); сторонник союза против России.— 177.
- Уэйд (Wade)**, Джон (1788—1875) — английский публицист, экономист и историк.— 73.

Ф

- Фейербах (Feuerbach)**, Людвиг (1804—1872) — немецкий крупнейший философ-материалист домарксовского периода.— 66, 102, 258, 261, 298—300.
- Фергюсон (Ferguson)**, Адам (1723—1816) — шотландский историк и философ-моралист.— 175, 176.
- Филдинг (Fielding)**, Генри (1707—1754) — английский писатель-реалист, видный представитель буржуазного Просвещения в Англии.— 318.
- Флобер (Flaubert)**, Гюстав (1821—1880) — выдающийся французский писатель-реалист.— 321.
- Флотвель (Flottwell)**, Эдуард Генрих (1786—1865) — один из представителей прусской дворянской бюрократии; министр финансов (1844—1846), обер-президент Познани, затем Вестфалии; в 1848 г. депутат Франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому крылу.— 140.
- Фогт (Vogt)**, Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, вульгарный материалист, буржуазный демократ, платный агент Наполеона III, разоблаченный Марксом.— 339, 340.
- Фонтене (Fonteret)**, Антуан Луи — французский врач.— 177.
- Форстер (Forster)**, Уильям (1818—1886) — английский фабрикант, либерал, с 1861 г. член парламента.— 223, 224.
- Фрöбель (Fröbel)**, Юлиус (1805—1893) — немецкий публицист и издатель прогрессивной литературы; мелкобуржуазный радикал, участник революции 1848—1849 гг., впоследствии либерал.— 348.
- Фрейбергер (Freyberger)**, Луиза — австрийская социалистка, первая жена Карла Каутского; с 1890 г. секретарь Энгельса.— 333.
- Фрейлиграт (Freiligrath)**, Фердинанд (1810—1876) — немецкий поэт, в начале своей деятельности романтик, затем революционный поэт, в 1848—1849 гг.

один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», член Союза коммунистов; в 50-х годах отошел от революционной борьбы.— 48.

Фридрих-Вильгельм III (1770—1840)— прусский король (1797—1840).— 262.

Фридрих Вильгельм IV (1795—1861)— прусский король (1840—1861).— 159.

Фултон (Fulton), Роберт (1765—1815)— американский изобретатель, в 1807 г. сконструировал первый пароход; в 1814—1815 гг. построил первое военное паровое судно.— 190.

Фурье (Fourier), Шарль (1772—1837)— великий французский социалист-утопист.— 124, 281—282.

Х

Ханчке (Hantschke), Иоганн Карл (1796—1856)— профессор, временный директор Эльберфельдской гимназии, в которой учился Энгельс.— 49, 314.

Хейзе (Heuse), Иоганн Христиан Август (1764—1829)— немецкий педагог и филолог.— 286.

Хилков, М. И. (1834—1909)— князь, занимался филантропической деятельностью.— 356, 357.

Хобхауз (Hobhouse), Джон Кам (1786—1869)— английский политический деятель, либерал.— 87, 90.

Хокинс (Hawkins), Фрэнсис Биссет (1796—1894)— английский врач и публицист; член комиссии по обследованию фабричного труда в 1833 г.— 73, 88.

Хорн (Horne), Ричард Генри (1803—1884)— английский писатель, член комиссии по обследованию детского труда в 1841 г.— 76—77, 95.

Хорнер (Horner), Леонард (1785—1864)— английский геолог, занимался вопросами народного образования; с 1833 г. до конца 50-х годов — фабричный инспектор.— 90, 179, 180.

Ц

Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (106—43 до н. э.)— выдающийся римский оратор и государственный деятель, философ-эклектик.— 313.

Ч

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889)— великий русский революционный демократ, один из выдающихся предшественников русской социал-демократии.— 214.

Ш

Шванн (Schwann), Теодор (1810—1882)— немецкий зоолог.— 259.

Швандлер (Schwendler), Генрих (1792—1847)— член экзаменационной комиссии Трирской гимназии.— 312.

Шекспир (Shakespeare), Уильям (1564—1616)— великий английский поэт и драматург.— 189, 315, 317, 340.

Шелли (Shelley), Перси Биши (1792—1822)— выдающийся английский поэт, представитель революционного романтизма, атеист.— 58, 97.

Шефтсбери (Shaftesbury), Антони Эшли Купер (1671—1713)— английский философ-деист, последователь Локка.— 223.

Шифлин (Schifflin), Филипп — учитель в Бармене, автор «Руководства к изучению французского языка».— 47.

Шлейден (Schleiden), Маттиас Якоб (1804—1881)— немецкий ботаник.— 259.

Шнегман (Schneemann), Иоганн Гергард (1794—1864)— гимназический учитель Маркса.— 312.

Шорлеммер (Schorlemmer), Карл (1834—1891)— крупный немецкий химик, профессор в Манчестере; коммунист; друг Маркса и Энгельса.— 328.

Шталь (Stall), Фридрих Юлий (1802—1861)— прусский реакционер, юрист, с 1849 г. член прусского ландтага, глава феодально-консервативной партии.— 159.

Штарке (Starcke), Карл Николай (1858—1926)— датский философ и социолог.— 261, 298.

- Штибер* (*Stieber*), Вильгельм (1818—1882) — начальник прусской политической полиции, организатор кёльнского процесса коммунистов.— 219.
- Штирнер* (*Stirner*), Макс (литературный псевдоним Каспара Шмидта) (1806—1856) — немецкий философ, младогегельянец, один из идеологов буржуазного индивидуализма и анархизма.— 108—124.
- Шторх* (*Storch*), Генри Фридрих (1766—1835) — немецкий экономист, написал ряд работ по экономике и статистике России.— 174.
- Штраус* (*Strauß*), Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий философ и публицист, один из видных левогегельянцев; после 1866 г. национал-либерал.— 61, 97.
- Штудниц* (*Schudnitz*) — американский буржуазный экономист, писавший об условиях жизни рабочих в Северной Америке.— 355.

Щ

- Щедрин* — литературный псевдоним Салтыкова, Михаила Евграфовича (1826—1889) — великий русский писатель-сатирик, революционный демократ.— 318.

Э

- Эвих* (*Ewich*), Иоганн Якоб — учитель в Бармене, сторонник нёссельтовской системы преподавания, автор многих педагогических работ.— 47.
- Эвклид* (начало III века до н. э.) — древнегреческий математик.— 235.
- Эврипид* (480—406 до н. э.) — древнегреческий драматург.— 313.
- Эйххоф* (*Eichhoff*) — учитель в Эльберфельде, один из соавторов латинской грамматики.— 49.
- Элленборо* (*Ellenborough*), Эдуард Лоо (1750—1818) — английский юрист, торн, министр юстиции (1802—1816).— 161.
- Энгельс* (*Engels*), Фридрих (1796—1860) — отец Ф. Энгельса.— 328, 350.
- Энгельс* (*Engels*), Фридрих (1820—1895).— 55, 97, 99, 178, 220—221, 223, 237, 270, 289, 291, 295, 301, 304, 307, 313—314, 317, 323, 326—327, 328—334, 346, 348—351, 352—362.
- Энке* (*Encke*), Иоганн Франц (1791—1865) — известный немецкий астроном.— 116.
- Эсхил* (525—456 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий драматург, автор классических трагедий.— 317, 335.
- Эшли* (*Ashley*), Антони (с 1851 г. граф Шефтсбери) (1801—1885) — английский политический деятель, торн.— 91, 181.

Ю

- Ювенал* (*Децим Юний Ювенал*) (середина I века— после 127 г.) — знаменитый римский поэт-сатирик.— 339.
- Юр* (*Ure*), Эндью (1778—1857) — английский химик, вульгарный экономист, фритредер.— 79, 86—87, 89, 90, 126, 171, 173, 178.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авторитет — 210—213.

Анатомия — 221, 226, 236, 238, 253, 257, 258, 259, 285

Английский язык — 76, 224, 297, 317, 318, 332, 336

Астрономия — 97, 116, 221, 228, 235, 236, 252, 253, 255, 257, 262, 266, 269, 285

Атеизм — 42, 48, 58, 60, 79, 82, 98, 221, 222—223

Биология — 236, 238, 257, 258, 262, 267, 268, 285

Ботаника — 236, 238, 253, 254, 285

Буржуазия

Буржуазия и пролетариат — две разные нации — 81, 97, 139

Фабричное и школьное законодательство буржуазии — 56, 75, 83—85, 87, 88—90, 91—92, 132, 140, 141—142, 147, 148—149, 156—158, 160, 163—165, 171—172, 178—181, 182, 185, 190, 191, 192—196

Саботаж буржуазии в выполнении фабричных законов—74—75, 84—96, 156—158, 160, 178—184, 196—199

Буржуазия и аристократия в Англии — 59—61, 78, 81, 82—83, 84—86, 90, 97, 220—225

Буржуазия и религия — 220—221, 222—223, 234, 261

Шовинизм буржуазии — 203—204, 224

Буржуазия и народное образование — 56—57, 74—79, 96, 132, 148—149, 150, 160, 178—181, 197—200, 301

Цель буржуазии в воспитании трудящихся — 74, 96, 132, 222

Образование и духовные интересы буржуазии — 49—50, 59, 97, 209, 280—281

Военное обучение — 154—155, 166, 185, 304—306

Возрождение — 115, 221, 233—235, 253, 256

Воспитание

Общественные отношения и воспитание, классовый характер воспитания — 77—79, 129—130, 134—135

Необходимость общественного воспитания детей и борьба пролетариата за его осуществление — 56—57, 76, 87—88, 91, 96, 128, 134—135, 137—138, 167—168

Роль государства в воспитании — 54, 176, 216—217

Роль воспитания в общественной жизни — 54, 168

Воспитание семейное — 71—72, 72—74, 83. См. также *Семья*

Воспитание и религия — 54, 75—78, 82, 96, 146, 147, 206, 208.

См. также *Религия*

Воспитание нравственное — 69, 78—79, 94, 95, 132. См. также *Мораль*.

Воспитание физическое — 51, 53, 69, 154—155, 166, 168, 304—306

Воспитание трудовое — См. *Труд*

Воспитание у Р. Оуэна — 69, 87, 186, 277—278, 281—282, 288

Ш. Фурье о воспитании — 124, 281—282

Взгляды Дюринга на воспитание и их критика — 283—288

Зародыши воспитания будущего в фабричной системе — 186, 288

Воспитание и труд при социализме — См. *Труд*

Воспитание и научные знания — 54

См. также *Образование и обучение, Школа*

География — 236, 238, 253, 257, 312, 314

Геология — 97, 220, 236, 241, 254, 257, 258, 267, 269

Геометрия — 235, 322

Гимназия и реальное училище — 47—49, 287, 311—312, 313—314, 340

Гимнастика — 53, 166, 185—186, 287, 304—306, 320

Город — 79—81, 83—84, 103—106, 130, 143, 201, 277, 280, 281, 306

Государство — 54, 103, 212—213, 216—217, 247, 304

Готская программа — 216—218

Грамматика — 49, 286, 297, 311—312, 313—314, 335, 336

Детский труд

Труд детей на фабриках и его влияние на физическое и духовное развитие детей — 83—87, 92—94, 95, 97—98, 151, 156—158, 163—165, 181—187, 193—194, 197—199, 277

Труд детей и семья — 83, 93, 95, 132. См. также *Семья*

Труд детей и их обучение — 46, 69, 76—77, 95, 126, 163—165, 167—168, 171, 181—186, 218, 356—357. См. также *Труд*

Система ученичества — 83, 126, 178

Фабричное законодательство о детском труде и отношении к нему буржуазии — 75, 84—92, 132, 156—158, 160, 163—165, 171—172, 178—181, 182, 186, 191—193, 197—199. См. также *Буржуазия*

Моральный облик детей, работающих на фабриках — 92—96, 97—98, 178, 184—185, 187, 194

Комиссии по обследованию условий детского труда и обучения детей — 75, 76—77, 78, 83, 85, 86, 88—89, 90, 92—93, 94, 95, 96, 97, 156, 160, 163—165, 178—194, 323

Реакционный характер взглядов о запрещении детского труда вообще — 218
Борьба пролетариата за ограничение детского труда и связь его с обучением — 128, 138, 167—168, 218

Диалектика — 169, 225—232, 263, 269—270, 319, 322, 331

Дисциплина — 126, 174, 210—213

Древние языки — 48, 49, 69, 254, 285—286, 287, 311, 313, 335, 336

Естествознание — 65—66, 96, 188, 221, 225—232, 235—237, 238—241, 250, 252—262, 264—265, 300, 321, 342

Зоология — 118, 236, 238, 253, 285

Идеализм — 102, 108—109, 119—121, 169, 225, 228—229, 230—231, 247—248, 258, 260—261, 273—274. См. также *Философия*

Иностранные языки — 47, 199—200, 223—224, 285—286, 312, 314, 317, 318, 332—333, 335—336, 340

Инспектирование — 75, 89—90, 217. См. также *Детский труд*

Интернационализм — 203—204. См. также *Пролетариат*

Искусство — 63, 65, 115—117, 209, 233—234, 247, 256, 267, 275, 293

История — 47, 65—66, 107, 116, 230—232, 240, 254, 265, 267—268, 269, 274—275, 293, 312, 314, 316, 319, 320, 321, 340

Классы, классовая борьба — 106—108, 121, 123, 129, 130, 134—138, 141, 145, 230—232, 251—252, 278—279. См. также *Пролетариат, Революция*

Клетка (в биологии) — 227, 238, 239, 248, 254, 257, 259, 267

Книгопечатание — 143, 253, 254

Коммунизм и социализм — 57, 68, 96, 99—100, 108, 111, 116, 123—124, 128—131, 136—138, 215, 256, 316, 337. См. также *Революция*

Коммунистическое воспитание — См. *Воспитание, Образование и обучение, Труд, Школа*

Литература — 49, 59, 61, 65, 97, 116, 146, 233—234, 254, 285, 295, 314, 317—318, 319, 321, 324

Личность

Личность и класс — 106—107, 117, 122—124, 138

Личность при капитализме — 62, 103—105, 106—107, 115—116, 129

Личность при коммунизме — 62, 116, 123—124, 129—130, 138

Логика — 230, 262, 263, 269, 325, 338

Мальтузианство — 150

Маркс

Маркс — ученый, революционер, человек — 232, 293—294, 315—323, 340—345

Маркс — учитель и воспитатель революционеров — 315—316, 335—339

Стиль Маркса — 339—340

Маркс и дети — 324—326, 327, 345—347

Маркс и Энгельс — 326—327, 329—332

Маркс и Дарвин — 293, 318, 342

Маркс и русский язык — 318—319, 333, 336

Математика — 48, 77, 235, 252, 253, 257, 266, 268, 271, 285, 287, 294, 312, 314, 319, 322

Материализм

Античный материализм — 225—226, 233, 237, 260, 263

Домарковский материализм — 57, 67—68, 97, 102, 220, 222—223, 225—227, 231, 234—235, 237, 258—262, 277, 298—300

Диалектический и исторический материализм — 62—66, 68, 107—108, 111, 113—115, 120—124, 169, 225—232, 239—241, 244—246, 250—252, 259, 265, 274—275, 293—294. См. также *Философия*

Метафизика — 225—232

Метод научный

Индукция и дедукция — 263—264

Анализ и синтез — 263—264

Сравнительный метод — 238, 257

Метод диалектический и метафизический — 225—232

Метод изложения и метод исследования — 169, 263—264

Отличие диалектического метода Маркса от метода Гегеля — 169

Механика — 125, 188—189, 221, 235, 236, 253, 255, 257, 258, 266, 285

Мозг человека — 240, 244, 246, 247, 260, 261

Мораль

Классовый характер морали — 78, 271—273, 298—300

Моральный облик ремесленника до промышленного переворота — 70—72

Мораль буржуазная — 67, 78—79, 96—97, 109—110, 132, 225, 271—273, 276, 298—300

Мораль пролетарская — 68, 79, 81—82, 290

Мораль и религия — См. *Религия*

Морфология — 254, 257, 285

Мышление и сознание

Мышление идеалистическое — 111—113, 169, 260—261, 270

Способы и законы мышления — 63, 111—115, 225—231, 247, 262, 263, 264, 265, 269

Мышление ребенка — 52

Мышление и язык — 66, 244—245

Сознание — 107—108, 113, 136, 137, 168, 231, 262

Наследственность — 59, 116—119, 242

Наука

Наука и духовенство — См. *Религия*

Наука в эпоху Возрождения — 221, 233—235, 253

Наука и буржуазия — 129, 139, 175, 178, 205, 206, 209, 221, 301

Наука и невежество — одно из противоречий капитализма — 153, 178, 209

Историческое развитие наук о природе — 65—66, 221, 223, 225—232, 233—237, 238—241, 247, 252—262, 264

Наука и производство, связь науки с практической деятельностью людей — 65—66, 102, 129, 153, 240—241, 252—255, 301, 315—316

Три великих открытия в естествознании — 258—261

Классификация наук — 265, 266—269

Наука и «вечные истины» — 266—271

«В науке нет широкой столбовой дороги» — 169, 339

Политика как наука — 340—341

Наука и пролетариат — 202—203, 205, 206, 300, 307

Национализм — 203—204

Немецкий язык — 234, 287, 297, 311, 313—314, 318, 336, 337, 340

Образование и обучение

Образование в средние века — 143—144, 254, 255

Роль дворянства и духовенства в образовании — См. *Религия*

Отношение буржуазии к народному образованию — См. *Буржуазия*

Законы буржуазии о народном образовании — См. *Буржуазия*

Классовый смысл буржуазных реформ образования — 132, 149, 302

Образование — имущественный признак — 47, 161, 214—215

Образование и избирательные льготы — 161—162

Образование у мелкобуржуазных экономистов — 132

Право на образование — 99, 217—218

Всеобщее обязательное обучение — 56, 75, 89, 99, 101, 216, 301

Парижская Коммуна и народное образование — 202—203, 205, 206, 208

Требования пролетариата в области образования — 75—76, 99, 101, 128, 138, 152, 167—168, 216—218, 302

Обучение и труд при социализме — См. *Труд*

Образование и наука — 54, 199—200

Составные части образования — 168

Образование умственное — 47, 69, 97—98, 132, 168, 187, 305, 308, 355

Обучение политехническое — 132, 168, 190, 217, 287, 292

Обучение ремесленное — см. *Ремесленное обучение*

Светское образование — 47, 76, 302

Обучение интегральное О. Конта — 265

Палеонтология — 236, 238, 254, 257, 258, 285

Парижская Коммуна — 202—208

Печать — 54, 59—60, 145, 146, 159, 207, 215

Политехническое обучение — См. *Образование и обучение*

Политическая экономия

Политическая экономия буржуазии — 96, 230, 240, 251—252, 293, 341

Политическая экономия пролетариата — 77, 103—107, 107—108, 128—130, 230—232, 240, 251, 293—294, 316, 318, 319, 320—321, 322, 331, 335, 336, 337

Преступность — 94, 99, 187

Природа органическая и неорганическая — 225—231, 233—237, 238—241, 257, 258—261, 285

Происхождение человека — 239, 241—252

Пролетариат

Революционность пролетариата — 60, 77—79, 80, 101, 107—108, 111, 137, 202, 206—207

Просветительная деятельность и духовные интересы пролетариата — 57—58, 96—97

Интернациональный характер рабочего движения — 135—136, 203—204, 351

Пролетариат и религия — 58, 77—78, 82. См. также *Религия*

Грамотность пролетариата, его образование — 75—77, 97, 101, 187, 193—194, 199

Борьба пролетариата за воспитание детей — 56—57, 75—76, 87—88, 91, 99, 101, 128, 134—135, 138, 152, 167—168, 216—218

Промышленная революция — 70, 72, 125, 209, 276—277

Профессия

Размышления юноши при выборе профессии — 41—45

Призвание к профессии — 42, 43, 44, 276

Выбор профессии — 41, 42—44, 115—116, 276

Закрепощение человека профессией в капиталистическом обществе — 64, 103, 129, 174, 186—187, 189, 276, 280—283

Просвещение — См. *Образование и обучение*, *Школа*

Психология — 52, 64—65

Развитие человека

Материалисты XVIII века в факторах развития людей — 67—68

- Социалисты-утописты о всестороннем развитии человека при социализме — 186, 281—282
- Идеалистический и марксистский взгляды на развитие человека — 64—66, 108—109, 111—124, 279—280
- Развитие людей и общественные отношения — 62—63, 64—65, 66, 67—68, 77—79, 115—124, 129—130, 135, 244—245
- Обстоятельства, наследственность и воспитание в развитии людей — 67—68, 102, 116—119, 234, 341
- Частная собственность и развитие человека — 62, 64, 123, 124
- Труд при мануфактуре и развитие рабочего — 172—178, 280
- Крупная промышленность и развитие рабочего — 79—81, 126, 129—130, 186—187, 189—190
- Разделение труда в классовом обществе и его влияние на развитие людей — 103, 115—116, 123, 126, 129, 174—177, 186—190, 280—283
- Роль труда в развитии человека — 170, 186
- Развитие людей при социализме — 66, 116, 123—124, 128—130, 276, 278—280
- Роль революционной деятельности в развитии людей — 102, 107—108, 111, 138
- Разделение труда* — См. *Труд*
- Рассудок и разум* — 52, 263, 265, 278
- Революция*
- Буржуазная революция — 107, 136, 171, 207, 215, 220, 223, 234, 235—254, 256, 258, 276, 307
- Пролетарская революция — 107—108, 124, 137, 138, 206—208, 211, 303, 307
- Религия*
- Возникновение и развитие религии — 45, 65, 136, 220, 221, 234, 247
- Религия и буржуазия — См. *Буржуазия*
- Пиетизм — 46, 48
- Религия и наука — 143—144, 205, 206, 221, 234—235, 237—238, 250, 254, 256—257, 261—262, 267
- Религия и школа — 46—47, 48, 56, 75—77, 91, 100, 141—142, 143—144, 146, 147, 202, 205, 207, 208, 217, 225, 296, 302
- Религия как предмет преподавания — 46—47, 57, 69, 76—77, 148, 285, 312, 314
- Связь морального воспитания с религией — 78, 95—96, 98, 225, 271. См. также *Воспитание*
- Отделение церкви от государства — 205, 206, 217, 302
- Ремесленное обучение*
- Ремесленное обучение в средние века — 187
- Ремесленное обучение в Англии — 83, 96, 126, 177—178, 182, 185, 187, 190, 289—290
- Ремесленное обучение в России — 291, 352, 355—357, 358
- Ремесленное обучение в США — 289—290
- Ремесленное обучение в Пруссии — 48, 352, 358—359
- Рука*
- Рука у обезьяны и человека — 239—240, 241—244
- Рука человека — продукт труда — 241—244
- Рука и развитие мозга человека — 239—240, 243—244
- Свобода*
- Свобода и необходимость — 120—121, 273—275, 279—280
- Свобода и подчинение — 210—213
- Семья*
- Семья ремесленника — 70—72
- Семья буржуазная — 109—110, 124, 131, 134—135
- Разложение семьи при капитализме — 72—74, 83, 98, 110—111, 124, 134—135, 191—192, 277
- Родители и дети — 83, 93, 95, 118, 131, 132, 135, 145—146, 184, 191, 195, 283—284
- Семейное воспитание — См. *Воспитание*

- Крупная промышленность — экономическая основа высшей формы семьи — 191—192, 284
- Семья при коммунизме — 130—131
- Социализм утопический* — 69, 102, 171, 220, 230—231, 277—278, 281—282, 284
- Специалисты*
- Подготовка специалистов — 170, 214—215, 303, 307
  - Специалисты буржуазные — 139, 202, 220, 260—261
  - Задачи и роль специалистов в социалистической революции — 303, 307.
  - См. также *Университет*
- Теория познания* — 266—271, 274—275, 340
- Техника и изобретения* — 70, 96, 125—126, 153, 189, 190, 253, 254—256
- Труд*
- Определение труда — 170
  - Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека — 241—252
  - Отличие труда человека от деятельности животного — 170, 239—241, 245—249, 258
  - Труд при мануфактуре — 103—105, 125—126, 172—178. См. также *Развитие человека*
  - Труд при капитализме — 105—106, 125—127, 276—277. См. также *Детский труд*, *Развитие человека*
  - Труд умственный и физический — 103, 176, 276
  - Труд на дому — 181—185, 191—193
  - Всеобщее право на труд — 138
  - Внимание и воля в труде — 170
  - Разделение труда — 103, 105, 106—107, 115—116, 119, 122, 123, 125—127, 129—130, 132, 143, 172—178, 186—190, 200, 276, 280—283, 287, 305
  - Соединение труда и воспитания — 69, 128, 138, 167—168, 171, 185—186, 190, 218, 287, 288, 358, 359. См. также *Детский труд*
  - Труд в коммунистическом обществе — 116, 130, 276
- Университет* — 139, 145, 146, 148, 159, 202, 214—215, 219, 221, 255, 261, 262—263, 284, 288, 295, 307, 335, 340
- Учитель* — 47—49, 75, 89, 90, 94, 95, 98, 110, 114, 140, 141, 147, 160, 179—180, 185, 186, 202, 208, 219, 228, 297, 303, 306, 335, 354, 356
- Физика* — 221, 236, 253, 257, 258, 266, 269—270, 285, 312, 314, 342
- Физиология* — 221, 227, 236, 238, 253, 254, 257, 259
- Филология* — 285—286, 332, 335—336, 340
- Философия* — 64, 97, 102, 143, 222, 225, 226, 228—230, 235, 237, 262—263, 265, 267, 270, 285, 286—287, 300, 314, 319, 321, 325, 332
- Французский язык* — 47, 223—224, 312, 314, 318, 336
- Химия* — 235, 236, 253, 257, 258, 260, 261, 263, 266, 285, 342
- Чартизм* — 56—57, 96, 224—225
- Школа*
- Школа и государство — 54, 145, 216—217
  - Место школы в бюджете буржуазного государства — 75, 140, 148—149
  - Школа и религия — 46—47, 48, 56, 75—76, 91, 146, 296, 302, 312, 314.
  - См. также *Религия*
  - Церковные школы — 46—47, 75—76
  - Национальное угнетение в школе — 140
  - Сословная школа — 51, 219
  - Школа и военное обучение — 166, 299, 301, 304—306
  - Народные школы — 46—47, 49, 75, 145, 201, 216, 276, 284
  - Частные школы — 49, 160, 179—181
  - Школа фабричных районов Англии — 74—77, 94—96, 160, 178—181, 185, 199
  - Воскресные и вечерние школы — 58, 75, 76—77, 95, 96, 98, 145, 198, 290
  - Школа в России — 219, 306
  - Школа во Франции — 141—142, 202, 206, 296, 306
  - Школа в Познани — 140
  - Школа в Пруссии — 46—49, 166, 216—217, 287, 301, 340
  - Школа в Америке — 216—217

Учебники школьные — 47, 48, 49, 276, 285

Школа будущего по Дюрингу — 283—288

Школа при социализме — 285—288.

См. также *Образование и обучение, Ремесленное обучение*

Эволюция — теория развития в биологии — 239, 259

Эксперимент — 253, 263

Электричество — 259, 294

Эмбриология — 238, 257, 258, 259, 285

Энгельс

Энгельс как революционер — 334, 350—351

Энгельс и Маркс — 326—327, 329—332

Энгельс как знаток военной науки и искусства — 332, 334, 349—350

Разносторонняя образованность Энгельса — 327, 329, 331, 332—334

Эстетическое воспитание — 285

Язык

Язык и мышление — 66, 244—245

Развитие человеческой речи — 239, 243—245

Историческое развитие языка — 119, 336

Языкознание историческое — 286

Язык в школе

Родной язык в школе — 286, 287, 311, 313—314

Языки иностранные в школе — 47, 285—286, 312, 314

Языки древние в школе — 49, 69, 285—286, 287, 311, 313

Язык немецкий школьный — 297

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	3
<i>П. Н. Груздев.</i> Маркс и Энгельс о воспитании и образовании	5
К. Маркс и Ф. Энгельс	
1835 г.	
<i>К. Маркс.</i> Размышления юноши при выборе профессии	41
1839 г.	
<i>Ф. Энгельс.</i> Письма из Вупперталя	46
1840 г.	
<i>Ф. Энгельс.</i> Эрнст Мориц Арндт	51
1842 г.	
<i>К. Маркс.</i> Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания	52
<i>К. Маркс.</i> Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung»	54
<i>Ф. Энгельс.</i> Из письма к А. Руге	55
1843 г.	
<i>Ф. Энгельс.</i> Письма из Лондона	56
1844 г.	
<i>Ф. Энгельс.</i> Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее». Лондон, 1843	59
<i>К. Маркс.</i> Экономическо-философские рукописи 1844 года	62
<i>К. Маркс и Ф. Энгельс.</i> Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании	67
<i>Ф. Энгельс.</i> Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний	69
1844—1845 гг.	
<i>Ф. Энгельс.</i> Положение рабочего класса в Англии	70
1845 г.	
<i>Ф. Энгельс.</i> Быстрые успехи коммунизма в Германии	99
<i>Ф. Энгельс.</i> Эльберфельдские речи	101
<i>К. Маркс.</i> Тезисы о Фейербахе	102
1845—1846 гг.	
<i>К. Маркс и Ф. Энгельс.</i> Немецкая идеология	103
1847 г.	
<i>К. Маркс.</i> Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона	125
<i>Ф. Энгельс.</i> Принципы коммунизма	128
<i>К. Маркс.</i> Заработная плата	132

1847—1848 гг.

К. Маркс и *Ф. Энгельс*. Манифест Коммунистической партии 134

1848 г.

К. Маркс. Июньская революция 139

Ф. Энгельс. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте 140

1850 г.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. 141

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии 143

1851 г.

Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии 145

1852 г.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта 147

1853 г.

К. Маркс и *Ф. Энгельс*. Достижения министерства 148

К. Маркс и *Ф. Энгельс*. Англия. — Рабочий вопрос 150

К. Маркс и *Ф. Энгельс*. Англия. — Прозветание. — Рабочий вопрос . . . 151

1856 г.

К. Маркс. Речь на юбилее «Народной газеты» 153

1857 г.

Ф. Энгельс. Армия 154

1858 г.

К. Маркс. Важные британские документы 156

1859 г.

К. Маркс. Положение в Пруссии 159

К. Маркс. Состояние британской фабричной промышленности 160

К. Маркс. Новый британский законопроект о парламентской реформе . . 161

К. Маркс. Состояние британской фабричной промышленности 163

1865 г.

Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия . . . 166

1866 г.

К. Маркс. Инструкция делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам 167

1867 г.

К. Маркс. Капитал 169

Предисловие к французскому изданию . . . . . —

Послесловие ко второму изданию . . . . . —

Капитал, т. I . . . . . —

Капитал, т. III 199

1869 г.

К. Маркс. Отчет Генерального Совета четвертому ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих 201

1871 г.

К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» 202

К. Маркс. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» 205

К. Маркс. Гражданская война во Франции 206

1872—1873 гг.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу 209

Ф. Энгельс. Об авторитете 210

1873 г.

<i>К. Маркс</i> и <i>Ф. Энгельс</i> . Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих	214
---	-----

1875 г.

<i>К. Маркс</i> . Критика Готской программы	216
<i>Ф. Энгельс</i> . Из письма к А. Бебелю в Лейпциг	219

1877—1880 гг.

<i>Ф. Энгельс</i> . Развитие социализма от утопии к науке	220
Введение к английскому изданию	—
Развитие социализма от утопии к науке	225

1873—1886 гг.

<i>Ф. Энгельс</i> . Диалектика природы	233
--	-----

1878 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . Анти-Дюринг	266
---	-----

1880 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . Письмо к М. К. Горбуновой-Каблуковой в Биарриц	289
<i>Ф. Энгельс</i> . Из письма к М. К. Горбуновой-Каблуковой в Париж	291

1883 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . Речь на могиле Маркса	293
---	-----

1885 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . Из письма к А. Бебелю в Цюрих	295
<i>Ф. Энгельс</i> . Из письма к А. Бебелю в Лейпциг	296

1886 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . Из письма к Ф.-А. Зорге в Хобокен	297
<i>Ф. Энгельс</i> . Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии	298

1888 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . Роль насилия в истории	301
--	-----

1891 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.	302
<i>Ф. Энгельс</i> . Из письма к Августу Бебелю в Берлин	303

1893 г.

<i>Ф. Энгельс</i> . Может ли Европа разоружиться?	304
<i>Ф. Энгельс</i> . Международному конгрессу студентов-социалистов	307

Приложения

Аттестат зрелости воспитанника Трирской гимназии Карла Маркса	311
Выпускное свидетельство, выданное ученику высшего класса Фридриху Энгельсу	313
<i>Поль Лафарг</i> . Воспоминания о Марксе	315
<i>Поль Лафарг</i> . Воспоминания об Энгельсе	328
<i>Вильгельм Либкнехт</i> . Воспоминания о Марксе	335
<i>Вильгельм Либкнехт</i> . Воспоминания об Энгельсе	348
<i>М. К. Горбунова-Каблукова</i> . Письма к Ф. Энгельсу:	352

Примечания и указатели

Примечания	365
Указатель имен	375
Предметный указатель	389

МАРКС И ЭНГЕЛЬС
О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Редакторы М. Л. Белова
и А. Е. Коротеева

Переплет художника Л. Г. Ларского

Худож. редактор А. И. Мищенко
Техн. редактор Р. Я. Соколова
Корректоры Л. С. Квиль, Р. Д. Рыжова

Сдано в набор 12/VI 1957 г.
Подписано к печати 12/XI 1957 г.
Формат 60×92¹/₁₆ бум. л. 12,5+0,12 вкл.
Печ. л. 25+0,25 вкл. Уч.-изд. л. 24,33
Тираж 50 000 экз. Зак. 578.

Изд-во АПН РСФСР,
Москва, Погодинская ул., 8.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова,
Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28.
Цена 7 руб. 20 коп.

